МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КОГНИТИВНЫЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материалы Международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2012 г.

Том 1

Уфа
2012

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2

Издание осуществлено при финансовой поддержке Национального фонда подготовки кадров, грант № 14.B37.21.1000

Редакционная коллегия:
доктор филол.наук, проф. **Ф.Г. Фаткуллина** *(отв. редактор)*
доктор филол.наук, проф. **Н.П. Пешкова** *(зам.отв. редактора)*
доктор филол.наук, проф. **А.Р. Мухтаруллина**
доктор филол.наук, проф. **Л.А. Калимуллина**
канд.филол.наук, доцент **Р.А. Салахов**
канд.филол.наук **Б.В. Орехов**
технические секретари: **А.Р. Ахметзянова**
Р.М. Гайбадуллин
И.Р. Саитбатталов

Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2012., Том 1., г.Уфа / отв.ред. Ф.Г.Фаткуллина. - Уфа, 2012. – 348 с.

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2

© Коллектив авторов, 2012 г.

УДК 378’02

DR. PARIKSHAT SINGH MANHAS
University of Jammu, J&K, India

Brand Building through Quality Service in Higher Education: A Case study of Tourism and Hospitality Education in India

I. Introduction and Rationale of the study

With the time advent, academic activities and research collaborations are increased on the global level. According to Altbach & Knight (2007), the international activities of universities dramatically expanded in volume, scope and complexity during the past two decades. These activities range from traditional study-abroad programs to upgrading the international perspectives and skills of students, enhancing foreign language programs and providing cross-cultural understanding.

There is increasing demand not only for hospitality-related businesses themselves but also for services providing education and training to meet the demands of the tourism industry for human resources (United Nations World Tourism Organization, 2010). Furthermore, the study by Kuo, Chang & Lai (2011) focused on the point that the overall development of the industry with its multiplicity of structures, the hospitality and tourism industry needs to provide relevant higher education programmes.

This is further suggested by the studies of Bosselman (1996) and Wilson et al. (1997) that the growth in tourism programs has created high expectations within the tourism and travel industry that higher-quality educational programme will emerge to match the industry’s structural changes and increases in consumer demand. It has also brought about an increase in the quality of teaching in tourism majors. Thus, as suggested by Horng et al. (2009), the need to evaluate HTLPs (hospitality, tourism and leisure related programmes) accurately has become ever more important.

Therefore, Kuo, Chang & Lai (2011) concluded that HTLPs should design to meet the expectations and requirements of the tourism industry and it should include the highest level of quality to train specialist personnel. Hence, improving service quality and increasing customer satisfaction are the main focus in HTLPs.

The term “Quality” in an educational context as explained by Tan & Kek (2004) should depends on whether the education provided meets students’ actual needs and expectations. Henceforth, Heck & Johnsrud (2000) studied that in these terms, higher education is facing pressure globally to improve the quality of the educational services provided. Consumers value most of those service providers who can provide the highest level of quality. This is true in both profit and non-profit service industries.

The significance of the term “Service Quality” and its related dimensions has already proved the subject of interest for many service marketers as well as

researchers. However, only a few studies (e.g. Dabholkar, Shepherd & Thorpe, 2000; Gounaris et al., 2003) have focused attention on the antecedents to service quality in the context of commercial service sectors.

"Service Quality" research in higher education sector is new, at least, compared to that of commercial sector. The current literature on service quality in higher education context attempted to measure functional performances of educational services in Indian Context. A review of several research studies, since 1960s to the present scenario were showed that the dimensions of service quality in higher education context varied widely (Abdullah 2005, 2006a, 2006b, 2006c; Angell, Heffernan & Megicks 2008; Gatfield, Barker & Graham 1999; Joseph & Joseph 1997; Kwan & Ng, 1999; Li & Kaye, 1998; LeBlanc & Nguyen, 1997; Rojas-Me´ndez et al. 2009; Sultan & Wong, 2010; Stodnick & Rogers, 2008; Smith, Smith & Clarke, 2007). Moreover, close listening to students is necessary in order to understand their views and to achieve the educational success that brings competitive advantage in tourism education. Thus, the present study was identified the critical educational elements of HTLPs and then boost student satisfaction by making targeted improvements.

II. Objectives of the Study

The main objective of the research study was to identify and analyze the antecedents of service quality that relevant in context of tourism and hospitality education according to the Indian scenario.

III. Review of Literature

The review of literature has been divided into the main keywords studied in this paper as explained below:

i. Service Quality

The term "Service Quality" was well explained by Dyson et al., (1996) and according to them the service quality is so called the better and standardized output delivered by a service.

The several definitions were given by the researchers which majorly focused on described the various traits involved in service quality and service delivery. The service quality, basically, linked with the expectations of the customers as concluded by Parasuraman, Zeithaml & Berry (1985). Furthermore, Sasser, Olsen & Wyckoff (1978) given the broad justifications of the concept of service quality and Gronroos (1991) focused on three dimensions viz. technical, functional and company image related to service quality. While the other researchers described several dimensions which impact the delivery and maintenance of service quality during service encounters vis-à-vis with the customers (Lehtinen, 1982; Johnson et al., 1990; Dabholkar, 2000).

There were various tools used to measure and analyzed the service quality and delivery but majorly two instruments SERVQUAL (Parasuraman, Zeithaml & Berry, 1990) and SERVPREF (Cronin & Taylor, 1992, 1994) were effectively contributed in knowing the actual impact of service quality.

ii. Service Quality in Higher Education

The role and contribution of Service Quality even in Higher Education has shown its impact especially from the last two decades. Some researches focused on dimensions of service quality in higher education context which varies widely across country, institution and culture (Abdullah 2005, 2006a, 2006b, 2006c; Angell, Heffernan & Megicks, 2008; Gatfield, Barker & Graham, 1999; Joseph & Joseph, 1997; Kwan & Ng, 1999; Li & Kaye, 1998; LeBlanc & Nguyen, 1997; Rojas-Me´ndez et al., 2009; Sultan & Wong, 2010; Stodnick & Rogers, 2008; Smith, Smith & Clarke, 2007) while Gounaris et al. (2003) and Kangis & Passa (1997) concluded that customers' perception of service quality are affected by several factors like communications from salespeople, social referrals, various types of information collected & credence consumers develop towards a service organization. While one study majorly focused on service quality in higher education like Gatfield et al. (1999) developed 26 attributes comes under four aspects / dimensions viz. Academic Instructions, Campus Life, Recognition and Guidance.

Moreover, Hill (1995) focused on student's expectations because student as a primary customer of higher education services should focus on expectations from the academic institutions. Even, Waugh (2002) also viewing student as customer created some tensions in universities by making universities seem to be too aligned with businesses.

According to Jain et al. (2011) that in a pursuit of excellence, it is increasingly important to identify customer values and demands and therefore, service quality has been identified as one such demand. And their study concluded that service quality in a higher education consists of two primary dimensions like program quality which includes curriculum, industry interaction, input quality, academic facilities and quality of life which includes non-academic processes, support facilities, campus and interaction quality.

iii. Indian scenario of Service Quality in Higher Education

Approximately from the last two decades the scenario of higher education in India is completely shifted to positive side. The one most prominent factor is the enrollment for higher education and hence it becomes one of the largest systems of its kind in the world.

The literature review of the studies on Indian higher education presented the actual scenario. Like Krishnan (2011) highlighted that the Indian higher education system has been grappling with several problems like funds crunch, equity, reorientation of programmes, ethics, value associated to delivering education, teaching learning process, assessment and accreditation of institutions, academic standards of the students, quality of research, innovativeness and creativity. Such factors directly or indirectly affect the student's academic productivity in the educational institutions.

While Chakka & Kulkarni (2010) stress on improvement of teaching quality and learning processes through total quality management and propose a new

concept of 'teacher-accreditation', which may be more important over the other accreditations. Moreover, Sahney et al. (2006) attempted to find the students perspective of quality on select educational institutions.

Also Pandi et al. (2009) focuses on integrated management practices in educational institutions and institutions effectiveness through student's perceptions of quality. Altbach (2005) argues that there are a small number of high quality institutions, departments and centres that can form the basis of quality sector in higher education.

Kaul (2006) argues that India should have a proactive demand based policy for private higher education including foreign universities and institutes desirous of setting institutes in India or having joint ventures combined with a regulatory mechanism so that the interests and the welfare of the students are not compromised.

In such one example related to the improvement of higher education, Mishra (2011) reports that in the Indian state of Bihar, for increasing the gross enrolment ratio in higher education from the existing 12.4% to at least 20% and also enhancing the quality of higher education to attract talented boys and girls, the state government has been contemplating to create centers of excellence in different parts of the state.

IV. Result and Discussion

The major gap was identified through extensive literature review in terms of students' expectations from administration set-up rather teaching quality. The several researches on service quality in higher education emphasized academic more than administration, concentrating on effective course delivery mechanisms and the quality of courses and teaching (Athiyaman, 1997; Bourner, 1998; Cheng & Tam, 1997; McElwee & Redman, 1993; Palihawadana, 1996; Soutar & McNeil, 1996; Varey, 1993; Yorke, 1992).

The administration services of educational institutions are also important like the academic activities. According to Anderson (1995) and Salem (1969), there are many reasons for focusing the administrative service quality in a university which is the first exposure of the student to the university is through the admission and registrar's services so providing high quality service to students contributes to the positive assessment of the university. Moreover, compared with the academic units, the administrative departments of the university, such as the registration office, financial office or library, are more likely to be a replication of the bureaucratic units of governmental or public institutions. Therefore, Spencer (1991) focused on the fact that during registration in the Western universities, they has rapidly adopted the banking touch-tone telephone systems while the universities in developing countries attempt to struggle with bureaucracies and inefficient infrastructure, hence, registration remains tied to a traditional manual process.

The review of literature also finds a research gap to examine the antece-

dents of service quality in higher education context. There is a need to give preference to service quality in higher education which emphasized on academic more than administration, concentrating on effective course delivery mechanisms and the quality of courses and teaching.

V. Items and Dimensions of Higher Education

Based on the review of literature and discussion with the industry experts, following framework was designed as shown in Table 1:

Table 1: Dimensions with their respective Items

Dimension I: Academic Instructions	Subjective Knowledge of the Faculty
	Personality Development Classes
	Placement Services
	Practical Exposure
Dimension II: Administration Services	Behaviour of the Staff
	Timely availability of the information
Dimension III: Learning Atmosphere	Library Resources
	Availability of technological tools
	Classroom interactions
	Level of organizing Seminars and Workshops
Dimension IV: Campus Life	Extra-curriculum activities
Dimension V: Recognition & Guidance	Guidance Cell
	Recognition of the Campuses / Courses

VI. Summary

More than hundred research papers and its related literature were thoroughly studied and interviewed the experts and academician for identified the elements that are valid in Indian scenario. The major benefit of this regress process was to identify the prospective research gaps in higher education in terms of quality services, as mentioned in the section of Indian scenario of service quality in higher education. In the study, secondary data was analyzed and based on that the probable antecedents were identified and then these were tested according to Indian scenario. These dimensions will help and guide the next phase of the study when these will be empirically tested and hence more generalized suggestion will be framed for future references.

VII. Conclusion

Based on the interview and qualitative study, the impact of various dimen-

sions especially in the context of educational institutions contributes in creating, setting and monitoring the all important practices of service quality. In the present time, where the hunt for excellence is on, the overall role of maintaining the service quality can easily bring the competitive benefits for the educational institutions.

Moreover, the service quality has positively contributes in marketing arena while in the educational institutions and especially those where the professional courses of tourism and hospitality are running; this study will presents a new paradigm. As proved time and again, the professional courses having relevance in industrial perspective, therefore, to maintain and upgrade the latest techniques are must, first to attract the talent and then trained them according to industry requirements.

For that purpose, every activity and key areas should be given utmost importance right from academic coursework to administration services, from library resources to pleasant campus life. The recognition of the universities, educational institutions and the courses runs in it is as important to attract the talent as the other key-areas of academic and administration services. Hence, the qualified faculty is as important as providing the quality in the services during the tenure of various professional courses.

Therefore, there is a need to analyze the present practices and then modified accordingly to provide the desired service quality to the students who are studying the professional courses in the educational institutions.

VIII. Limitations and Areas for Future Study

Now, the present study is in first stage while the next stage of the study will empirically test the dimension and antecedents of service quality in the education sector especially in the tourism and hospitality sector.

Moreover, like every research study, the present study was also has some limitations. First such limitation was time constraint because of the less time for data collection. The future researchers might perform this study in by increasing the sample size.

The major benefit from that process to collect and analyze the information or responses from the students related to service quality in various phases of their course. Accordingly, the educational institutions will plan to re-define the practices of service quality in their respective educational institutions. The next constraint is limited financial resources which resulted to limit the study within Jammu City. Future researchers can take the above mentioned points in their study.

References

1. Abdullah, F. (2005). HEdPERF versus SERVPERF: The quest for ideal measuring instrument of service quality in higher education sector. Quality Assurance in Education, 13(4), 305-328.
2. Abdullah, F. (2006a). Measuring service quality in higher education: HEdPERF versus SERVPERF. Marketing Intelligence and Planning, 24(1), 31-47.

3. Abdullah, F. (2006b). Measuring service quality in higher education: three instruments compared. International Journal of Research and Method in Education, 29(1), 71-89.
4. Abdullah, F. (2006c). The development of HEdPERF: a new measuring instrument of service quality for the higher education sector. International Journal of Consumer Studies, 30(6), 569-581.
5. Altbach, P. G. (2005). Higher education in India. Retrieved on September 31, 2012 from http://www.hinduonnet.com/2005/04/12/stories/2005041204141000.htm
6. Altbach, Philip G. & Knight, Jane. (2007). The Internationalization of Higher Education: Motivations and Realities. Journal of studies in international education, 11(3/4), 290-305. DOI: 10.1177/1028315307303542
7. Anderson, E. A. (1995). Measuring service quality at a university health clinic. International Journal of Health Care Quality Assurance, 8(2), 32-37.
8. Angell, R. J., Heffernan, T. W. & Megicks, P. (2008). Service quality in postgraduate education. Quality Assurance in Education, 16(3), 236-254.
9. Athiyaman, A. (1997). Linking student satisfaction and service quality perceptions: the case of university education. European Journal of Marketing, 31(7), 528-540.
10. Bosselman, R. H. (1996). Current perceptions of hospitality accreditation. FIU Hospitality Review, Fall, 77-84.
11. Bourner, T. (1998). More knowledge, new knowledge: the impact on education and training. Education and Training, 40(1), 11-14.
12. Chakka,R., & Kulkarni, G. T. (2010). Total Quality Management in Pedagogy: An Update. Indian Journal of Pharm. Educ. Res., 44(4), Oct - Dec, 2010.
13. Cheng, Y. C. & Tam, W. M. (1997). Multi-models of quality in education. Quality Assurance in Education, 5(1), 22-32.
14. Cronin, J. J. Jr. & Taylor, S. A. (1992). Measuring service quality: a reexami-nation and extension. Journal of Marketing, 56(July), 55-68.
15. Cronin, J. J. Jr. & Taylor, S. A. (1994). SERVPERF versus SERVQUAL: reconciling performance-based and perceptions - minus expectations measurement of service quality. Journal of Marketing, 58(July), 125-31.
16. Dabholkar, P. A., Shepherd, C. D. & Thorpe, D. I. (2000). A comprehensive framework for service quality: an investigation of critical conceptual and measurement issues through a longitudinal study. Journal of Retailing, 76(2), 139-173.
17. Dyson, P., Farr, A. & Hollis, N.S. (1996). Understanding, measuring, and using brand equity.Journal of Advertising Research, 36(6), 9-21.
18. Gatfield, T., Barker, M. & Graham, P. (1999). Measuring student quality variables and the implications for management practices in higher education institutions: an Australian and international student perspective. Journal of Higher Education Policy and Management, 21(2), 239-252.
19. Gounaris, S., Stathakopoulos, V. & Athanassopoulos, A. D. (2003). Antece-

dents to perceived service quality: an exploratory study in the banking industry. International Journal of Bank Marketing, 21(4), 168-190.
20. Gronroos, C. (1991). Strategic Management and Marketing in the Service Sector. Student litteratur Chartwell-Bratt, Sweden.
21. Heck, R. H. & Johnsrud, L. K. (2000). Administrative effectiveness in higher education: Improving assessment procedures. Res. Higher Education, 41(6): 663-685.
22. Hill, F. M. (1995). Managing service quality in higher education: the role of the student as primary consumer. Quality assurance in Education, 3(3), 10-21.
23. Horng, J. S., Teng, C. C. & Baum, T. (2009). Evaluating the quality of undergraduate hospitality, tourism and leisure programmes. Journal of Hospitality, Leisure, Sport and Tourism Education, 8(1), 37-54.
24. Jain, Rajani., Sinha, Gautam. & Sahney, Sangeeta. (2011). Conceptualizing service quality in higher education. Asian Journal on Quality, 12(3), 296-314. DOI: 10.1108/15982681111187128
25. Johnson, R., Silvestro, R., Fitzgerald, L. & Voss, C. (1990). Developing the determinants of service quality. Lehtinen, U., Lehtinen, J.R., Two approaches to service quality dimensions. The Service Industries Journal, 11(July, 1991), 287-303.
26. Joseph, M. & Joseph, B. (1997). Service quality in education: a student perspective. Quality Assurance in Education, 5(1), 15-19.
27. Kangis, P. & Passa, V. (1997). Awareness of service charges and its influence on customer expectations and perceptions of quality in banking. Journal of Services Marketing, 11(2), 105-117.
28. Krishnan, Archana. (2011). Quality in higher education: Road to competitiveness for Indian business schools. Opinion, 1(1), 9-15.
29. Kuo, Nien-Te., Chang, Kuo-Chien. & Lai, Chia-Hui. (2011). Identifying critical service quality attributes for higher education in hospitality and tourism: Applications of the Kano model and importance-performance analysis (IPA). African Journal of Business Management, 5(30), 12016-12024. DOI: 10.5897/AJBM11.1078
30. Kwan, P. Y. K. & Ng, P. W. K. (1999). Quality indicators in higher education: Comparing Hong Kong and China's students. Managerial Auditing Journal, 14, 20-27.
31. LeBlanc, G. & Nguyen, N. (1997). Searching for excellence in business education: An exploratory study of customer impressions of service quality. International Journal of Educational Management, 11(2), 72-79.
32. Lehtinen, G. a. L., O. (1982). Service quality: a study of quality dimensions in Helsinki. Lewis, B.R. (1993). Service Quality measurement. Marketing Intelligence and Planning, 11(4), 4-12.
33. Li, R. Y. & Kaye, M. (1998). A case study for comparing two service quality measurement approaches in the context of teaching in higher education. Quality in

Higher Education, 4(2), 103-113.
34. McElwee, G. & Redman, T. (1993). Upward appraisal in practice: an illustrative example using the QUALED scale. Education and Training, 35(2) December, 27-31. Ministry of University Affairs (MUA) of Thailand Annual report (2002).
35. Mishra,B.K.(2011),Move to turn 50 colleges into centres of excellence. Retrieved on September 30, 2012 from http://timesofindia.indiatimes.com/city/patna/Move-to-turn-50-colleges-into-centres-of-excellence/articleshow/8625867.cms
36. Palihawadana, D. (1996). Modeling student evaluation in marketing education, Proceedings of the 1996 Annual Marketing Education Group Conference.
37. Pandi, P., Rao, U. S. & Jeyatilagar, D. (2009). A Study on Integrated Total Quality Management Practices in Technical Institutions - Students' Perspective. International Journal of Educational Administration, 1(1), 17-30.
38. Parasuraman, A., Zeithaml, V. & Berry, L. L. (1990). Delivering Quality Service: Balancing Customer Perceptions and Expectations. The Free Press, New York.
39. Parasuraman, A., Zeithaml, V. A. & Berry, L. L. (1985). A conceptual model of service quality and its implications for future research. Journal of Marketing, 49(Autumn), 41-50.
40. Rojas-Me´ndez, JI., Vasquez-Parraga, A. Z., Kara, A. & Cerda-Urrutia, A. (2009). Determinants of student loyalty in higher education: A tested relationship approach in Latin America. Latin American Business Review, 10, 21-39.
41. Sahney, S., Banwet D. K. & Karunes, S. (2006). An integrated framework for quality in education: Application of quality function deployment,interpretive structured modelling and path analysis. Total qulity management, 17(2), 265-285.
42. Salem, E. (1969). The Lebanese administration, in cultural resources in Lebanon, Crossroads to Culture, Librairie Du Liban, Beirut.
43. Kaul, Sanat. (2006). Higher education in India: seizing the opportunity. Retrieved on September 30, 2012 from http://www.icrier.org/pdf/WP_179.pdf
44. Sasser, W. E., Olsen, R. P. & Wyckoff, D. D. (1978). Management of Service Operations, Allyn & Bacon, Boston, MA.
45. Smith, G., Smith, A. & Clarke, A. (2007). Evaluating service quality in universities: a service department perspective. Quality Assurance in Education, 15(3), 334-351.
46. Soutar, G, & McNeil, M. (1996). Measuring service quality in a tertiary institution. Journal of Education Administration, 34(1), 72-82.
47. Spencer, R. (1991). After the registration revolution. College and University, 66(4), 209-212.
48. Stodnick, M. & Rogers, P. (2008). Using SERVQUAL to measure the quality of the classroom experience. Decision Sciences Journal of Innovative Education, 6(1), 115-133.
49. Sultan, P. & Wong, H. (2010). Performance-based service quality model: an

empirical study on Japanese universities. Quality Assurance in Education, 18(2), 126-143.
50. Tan, K. C. & Kek, S. W. (2004). Service quality in higher education using an enhanced SERVQUAL approach. Quality Higher Education, 10(1): 17-24.
51. United Nation World Tourism Organization (UNWTO). (2010). TedQual. Certification System-Executive Introduction. Retrieved on Mar. 3, 2012, from http://world-tourism.org
52. Varey, R. (1993). The course for higher education. Managing Service Quality, 45-49.
53. Waugh, R. F. (2002). Academic staff perceptions of administrative quality at universities. Journal of Educational Administration, 40(2), 172-188.
54. Wilson, K., Lizzio, A. & Ramsden, P. (1997). The development, validation and application of the Course Experience Questionnaire. Studies Higher Education, 22, 33–53.
55. Yorke, M. (1992). Quality in higher education: a conceptualisation and some observations on the implementation of a sectoral quality system. Journal for Higher Education, 16(2).

© DR. PARIKSHAT SINGH MANHAS., 2012

УДК 808.2

Абдиргазиева А.Б., Унгарбаева Г.И.
г.Актобе (Казахстан)

Роль паремиологических средств в формировании толерантной личности

В последние годы в современном мире наблюдается повышенный интерес к проблеме толерантности, и это не случайно. Ослабление воспитательной мощи в образовании и семье, национальные розни в обществе, дефицит милосердия и гуманности, жестокость и агрессивность в межличностных отношениях – к сожаленью, все это еще не полный перечень факторов, которые отрицательно могут сказываться на воспитании молодежи.

На территории Республики Казахстан более 130 национальностей, которые считают ее своей родиной, живут в мире и согласии, трудятся во благо Отчизны. И этот факт, на наш взгляд, во многом заслуга казахского народа, имеющего толерантное сознание. Не случайно казахи, исторически отличавшиеся исключительной доброжелательностью, гостеприимством, сердечностью в годы советской власти приняли на своей родной земле тех, кого настигла злая судьба в лице тоталитарного режима. Из всех постсоветских государств именно Казахстан, хотя и не избежал эмиграционных процессов, сохранил общий характер дружелюбия и активного сотрудничества много-

численных этносов. Более того, в республике появился новый опыт осуществления культуры согласия и межкультурной коммуникации - Ассамблея народов Казахстана. Этот опыт получил высокую оценку со стороны других постсоветских государств и может стать моделью межэтнического согласия и сосуществования этносов. Об этом постоянно в своих выступлениях отмечает наш президент Н.А.Назарбаев: «Я бы хотел особо отметить толерантность и терпение казахстанцев, их радушие и приветливость. Это отмечают почти все иностранцы. Я благодарен своим согражданам за то, что они с пониманием и терпением переносят тяготы переходного периода, и считаю, что эти качества — серьезный залог нашего успеха, консолидации общества, привлечения иностранных инвестиций и вовлечения международного сообщества в решение наших проблем» [2, с.14].

Социально-экономические изменения, происходящие в обществе, меняют цели и задачи системы образования, предъявляют новые требования к студентам высших и средних учебных заведений. Одной из задач образования в Казахстане является воспитание поликультурной личности, умеющей уважать, быть доброжелательной и терпимой к другим народам, населяющим республику. Сегодня мы все больше понимаем, что толерантность есть реальное противодействие угрозам мира и стабильности, которые могут возникнуть на этнической или религиозной почве. В настоящее время в Казахстане, как и во многих странах, существенное внимание уделяется проблеме коммуникативной толерантности.

Необходимость формирования толерантности возникает с самых первых дней обучения, поскольку студенты, поступившие на учебу, приходят из разных микросоциумов, с разным жизненным опытом. Начиная с первого курса, важно обучать студентов критически относиться к своим взглядам, принимать представителей других национальностей как значимых и ценных и быть толерантными к ним. Это способствует развитию сотрудничества и гармонизации отношений в студенческой группе, что в итоге делает процесс обучения более плодотворным. Подготовка студентов к межкультурному общению предполагает формирование целого ряда качеств личности, в том числе толерантности. Содержание воспитания этих качеств личности активно разрабатывается современными учеными. Например, Е.И. Пассов считает основным содержанием воспитания следующие аспекты:

- воспитание иммунитета к национализму, шовинизму и т.п.;
- воспитание чувства патриотизма, желания достойно представлять свою страну, готовности защитить ее;
- воспитание понимания исторической роли народа в международной жизни, уважения и доброго отношения к стране и ее народу, к его истории и традициям и т.д.;
- воспитание убежденности в преимуществах общечеловеческих ценностей;

- воспитание правильного отношения к ценностям истинным и мнимым [3].

С целью осмысления толерантности в процессе речевого взаимодействия, исследователь И.И.Просвиркина создает периодизацию пластов толерантной речевой коммуникации и выделяет несколько этапов, первый из которых связан с произведениями устного народного творчества. Понятие «толерантная речевая коммуникация» представляется в ее работе как «речевая форма взаимодействия людей, которая учитывает убеждения адресата, выражает культурные ценности адресата, не допускает никаких видов «речевой агрессии» [4]. Рассматривая проблему толерантной речевой коммуникации, автор приходит к выводу, что обучение толерантной речевой коммуникации непосредственно связано с обучением различным видам речевой деятельности.

Тема толерантности в изучении языка актуальна во все времена. К сожалению, довольно часто наблюдается недостаточность или отсутствие толерантной речевой коммуникации в молодежной среде. Поэтому мы считаем, что на занятиях русского языка необходимо использовать различные паремиологические средства, способствующие формированию у студентов толерантного речевого общения. Отражение вопросов толерантности находим во многих жанрах устного народного творчества. Вопросы толерантности не надуманы казахским народом – они неотъемлемая часть жизни общества.

Анализируя казахские пословицы и поговорки, слова-назидания, включающие в себя гуманность и милосердие, доброжелательность и гостеприимство, открытость и миролюбие, невозможно обойти тему толерантности, так как толерантность есть органически присущий казахской философии этический принцип, ее важнейшая и характерная особенность:

Еңбекшыққанжерден - төзім де шығады // Где труд, там и терпенье

Жүзіне шыдаған, жүз біріне де шыдайды // Терпевший до ста, вытерпит и сто первый

Төзімді тілегіне жетеді // Терперливый дождется счастья
Татулық – табылмасбақыт // Дружба – богатство бесценное

Сабыр түбі сары алтын // За терпением – золото

Особое толерантное поведение, основанное на терпении, согласии, «гибкости», прививается казахской девушке, женщине. За устойчивость семьи, за отношения в семье отвечала во многом женщина. Пословица «у хорошей жены муж плохим не бывает» распространяется и на казахские семьи. За неблагополучие в семье, в отношениях между супругами вся ответственность лежала на женщине. И если брак разрушался, то считалось, что именно женщина не сумела выстроить отношения. Более того, за успешностью мужчины всегда видели женщину, жену:

Қыз тәрбиелейотырып, ұлтты тәрбиелейміз // Воспитывая дочь,

воспитываем нацию

Жақсы әйел жаман еркекті хан қылады // Хорошая женщина плохого мужчину сделает ханом

Қыздың қырық жаны бар // У девушки сорок душ

Одним из признанных методов воспитания в казахских паремиологических средствах является намёк. К примеру, желая безобидно воздействовать на нового члена семьи, говорят:

Қызым, саған айтам, келінім, сен тыңда // Тебе говорю, дочка, а ты слушай, невестка

Пайғамбар да күйеуін сыйлаған // И пророк зятя уважал

Общий основополагающий принцип взаимоотношений как внутри казахской семьи, так, в целом, во взаимоотношениях между людьми – это принцип «үлкен-кіші» / «старший-младший». Можно сказать, это у казахов основа воспитания человека. С уважением надо относиться к любому старшему человеку, а тот, в свою очередь, вправе рассчитывать на уважение младшего. Соблюдение приличий как старшими по возрасту, так и младшими, всегда считалось и считается высшей этикой. Примеров национальной этики поведения взрослых перед младшими и наоборот, мужчин перед женщинами, женщин перед мужчинами в паремии казахского народа великое множество:

Туғаныңменсыйыспасаң, кеңдүниегесыймассың // Кто с родней в мире не живет, в просторном мире места не найдет

Ағайынбірдеараз, бірде тату // Родичи и ссорятся, и мирятся, но никогда не расходятся

Ағайының бай болса, асағаның май болар // Если родня богатая, маслом будешь закусывать

Әулие де қасындағысынқолдайды // И святой радеет о ближнем

Принцип гостеприимства входит в моральный кодекс любого народа, но далеко не у всех он стоит на первом месте. В казахской традиции гостеприимство занимает одну из верхних строк, тогда как у европейских народов оно выражено весьма слабо. И потому любой европеец, побывавший в прошлые века в казахской степи, обращал на этот обычай особое внимание и выражал свое искреннее восхищение этой чертой национального характера, которая как нельзя лучше говорит о стремлении людей любить себе подобных. Следует заметить, что обычай гостеприимства является одним из самых устойчивых обычаев – в Казахстане он сохранился до настоящего времени:

Би болмасаң да, битүсетінүй бол // Можешь не быть бием, но надо быть тем, кто может их принимать

Сыйлықонақбосағадаотырмайды // Порог не место для гостя почётного

Қонағыңныңалғысы алтыннан қымбат // Благодарность гостя до-

роже золотого подарка

Үй–ішітолғанжансың, бір–біріңемейманжансың // Сколько в доме людей, столько друг для друга гостей

Огромные возможности в воспитании студентов в духе диалога культур, гуманизации межкультурных отношений содержатся в паремиологических единицах казахского народа, во все времена отличавшегося исключительной доброжелательностью, гостеприимством, толерантностью.

Литература

1. Казахские пословицы и поговорки – Алматы: Алматыкітап, 2007.
2. Назарбаев Н.А. Стратегия независимости/Алматы, Атамура, 2003.
3. Пассов Е.И. Концепция высшего профессионального педагогического образования на примере иноязычного образования / Е.И. Пассов. – Липецк. – 1998.
4. Просвиркина И.И. Лингводидактический аспект толерантной речевой коммуникации: монография/ И.И. Просвиркина. - Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006.

© Абдиргазиева А.Б., Унгарбаева Г.И., 2012

УДК 81’ 35

Авакян А.А.
г.Уфа (Россия)

Содержание и смысл в модели понимания текста

Понимание речи представляет собой процесс извлечения смысла. Подобная трактовка природы понимания как процесса извлечения смысла требует обоснования понятия «смысл» и установления его соотношения с понятием «содержание». Смысл обычно понимается как все то, что возникает в сознании в результате понимания текста. Широкий, экстралингвистический характер этого явления обусловливает разнообразные формы выражения, в том числе и невербальные. Он возникает в процессе восприятия и понимания текста, в форме некоего ментального образования, которое не поддается эксплицированию иначе, как через различные проявления (слова, схемы, соотнесение с системой знаний).

Экспериментальные исследования доказали, что понимание не заканчивается на уровне обработки вербального содержания, поскольку «знание даже в своем внутреннем ментальном существовании – это все же не сам смысл» [7, с.36]. Непосредственный результат понимания текста возбуждает различные связи и отношения, привлекаются компоненты прагматического, эмоционального, познавательного и субъективного характера. Отсюда можно сделать вывод о несовпадении понятий «смысл» и «содержание» [5, 7].

По выражению Л.В. Кушниной, «текст есть форма существования смысла» [4, с.25]. Мы читаем текст не ради самого чтения. Воспринимая линейно построенный текст, мы замечаем не слова, а мысль, которая содержится в нем. Разграничивая понятия «смысл» и «содержание», она соотносит содержание с эксплицитным компонентом высказывания, а смысл – с его имплицитными компонентами. При этом она замечает, что граница между этими понятиями прозрачна и неуловима.

Согласно исследованиям А.И. Новикова, в основе формирования содержания и смысла лежат разные механизмы. В контексте психолингвистического исследования мы придерживаемся представления о механизмах формирования содержания и смысла как о взаимодействии результатов восприятия и понимания и их влияния на образование смысла. «Механизм смысла в наиболее общем виде можно представить как такое ментальное устройство, которое преобразует линейную последовательность каких-либо единиц в иерархическую структуру других единиц. Применительно к тексту можно считать, что смысл – это то, что позволяет осуществлять преобразование «алгебры» изложения некоторого содержания в «геометрию» представления этого содержания [8, с.176].

Проблему механизмов смыслообразования А.И. Новиков связывает с проблемой изучения механизмов доминантности: «доминантность – это всеобъемлющий принцип, свойство смысла, объединяющее все его виды и проявления» [8, с.159]. В более ранней работе А.И. Новиков описывает принцип «работы» доминантности: «Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переконструирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство» [6]. Таким образом, доминанта, возникая в сознании, определяет характер смыслового образования. Как считает А.И. Новиков, «нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой код, который мы непосредственно не наблюдаем, но осознается как таковой всеми» [7, с.31]. В основе доминантности лежит принцип заместительности, т.е. некоторое ментальное образование одного уровня презентирует (замещает) элементы другого уровня. В качестве таких доминант выступают концепты, образ, эмоция, смысловые вехи, ключевые или опорные слова, которые выделяются в тексте как наиболее важные, существенные компоненты текста.

Еще один механизм, описанный А.И. Новиковым, механизм компрессионного сжатия содержания при понимании. Он связан с тем, что содержание текста формируется в сознании не в виде компонентов естественного языка, а совершенно иным образом. В результате понимания текста осуществляется перевод последнего на свой внутренний язык, где переводимая информация представляется особым способом. Содержание текста при этом сжимается до относительно небольших размеров, образуя компактный информационный сгусток, который в любое время может быть развернут в об-

ратную сторону. Подобный сгусток информации (в качестве него может, например, выступать тема текста), именуемый "носителем смысла", который "является выразителем некоторого общего смысла, объединяет в себе все, что относится к нему на смысловой основе" [3, с.47]. Такую способность свертывания и развертывания содержания в процессе восприятия текста, выступающую критерием целостности текста, А.И. Новиков характеризует как еще одно фундаментальное свойство текста, а именно его компрессивность.

Согласно Н.И. Жинкину, во внутренней речи «текст сжимается в концепт (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка. Концепт хранится в долговременной памяти и может быть восстановлен в словах, не совпадающих буквально с воспринятыми, но таких, в которых интегрирован тот же смысл, который содержался в лексическом интервале полученного высказывания» [2, с.84]. Иными словами, сохраняется принцип эквивалентных замен, подразумевающий нахождение субъективных эквивалентных соответствий между воспринимаемым в данный период и тем, что уже имеется в памяти реципиента.

Таким образом, можно говорить о концептуальном восприятии текста в его смысловой целостности. «При этом в процессе понимания текста осуществляется компрессия его содержания, ведущая к укрупнению, объединению текстовых фрагментов в смысловые блоки на основе общих семантических доминант, которые затем (при восприятии) предстают в наборе ключевых слов» [1, с.109].

Итак, проблема смысла неразрывно связана с проблемой понимания. Следовательно, неразработанность проблемы понимания влечет за собой неразработанность теории смысла, что проявляется в существовании большого числа разных, подчас противоречивых определений этого сложного явления. Содержание и смысл не являются синонимичными понятиями, однако они находятся в «союзнических отношениях» друг с другом. Соотношение содержания и смысла текста строится как соотношение виртуального и актуального полей в ментальном пространстве реципиента. В процессе понимания содержание служит базой для формирования смыслового комплекса, при этом активизируются механизмы доминантности и компрессии.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. – М.: Академический проект, 2004. – 464 с.
2. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982. - 273с.
3. Клеменцова Н.Н. Текст: смысловая структура и структура понимания. // Проблемы семантики и прагматики. – Калининград, 1996. – С. 45-49.
4. Кушнина Л.В., Мышкина Н. Л., Беляева И. В., Гейхман Л. К., Перчаткина Н. Путь к творчеству и профессионализму в чтении Н. Издательство: АСТ, Восток-Запад, 2006.- 288 с.
5. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М., 1983. – 213 с.

6. Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. – М., 1999а. – С.68-82
7. Новиков А.И. Смысл как особый способ членения мира в сознании// Языковое Сознание и образ мира. – М.: Институт языкознания РАН; 2000 – С. 33-38.
8. Новиков А.И., Зотова А.К. Смысловая составляющая проекции текста: опыт экспериментального исследования // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. – М.: Институт языкознания РАН, 2001. – С. 234-247.
© Авакян А.А., 2012

УДК 378.02

Адилханова М.Т.
г.Актобе (Казахстан)

КӘСІПТІК ОҚУ ОРЫНДАРЫНДА ҚАЗАҚ ТІЛІН ОҚЫТУДЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Қазіргі жағдайда қоғамның білім деңгейі мен интеллектуалдық әлеуеті ұлттық байлықтың маңызды құрамы ретіндегі сипатқа ие болды, ал адамның білімділігі, кәсіби икемділігі, шығармашылыққа талпынысы және қалыптан тыс жағдайларда әрекет ете білуі Қазақстан Республикасының өрлеуіне негіз және тұрақты дамуы мен қауіпсіздігін қамтамасыз етуге шарт бола алады.

Білім беру – қоғам мүшелерінің адамгершілік, мәдени және дене дамуы мен кәсіби біліктілігінің жоғары деңгейіне қол жеткізуді мақсат ететін үздіксіз тәрбие мен оқыту үдерісі.

Техникалық және кәсіптік білім беру орта білім берудің қоғамдық-пайдалы кәсіптік қызметтің негізгі бағыттары бойынша білікті техникалық және қызмет көрсету еңбегі мамандарын даярлауға бағытталған құрамдық бөлігі болып табылады.

Кәсіптік білім беруде қазір оқыту принципінің екі түрі қолданылып жүр: жалпы дидактикалық және арнайы оқыту. Кәсіптік оқу орындарында, оқу үрдісінде қолданылып жүрген жалпы дидактикалық принциптер:

·оқытудың ғылымилығы мен қолжетімдігі;

·оқытудың көрнекілігі және ғылыми–техниалық ойлаудың дамуы;

·кәсіптік оқыту педагогтың басшылық рөліндегі оқушылардың саналы шығармашылық әрекеті;

·оқытудың жүйелілігі мен бірізділігі;

·оқушылардың жеке тұлғалық ерекшеліктерін есепке алу;

·теорияның ғылыммен, практикамен және өндіріспен байланысы;

·білім, білік және дағдының берік орнығуы

Кәсіптік білім беруде оқытудың мына түрлері қолданылады.

1. Теориялық оқыту: түрлі типтегі сабақтар, дәріс-слайд, зертханалық–саламандық жұмыстар, теориялық және практикалық, семинарлар, экскурсиялар, оқу конференциялары, үй тапсырмалары.

2. Іс-тәжірибелер, жұмыс орны, диплом алдындағы іс-тәжірибе т.б.

3. Қосымша сабақтар: факультативті сабақтар, консультациялар, үйірме жұмыстары т.б.

4. Оқушылардың білім, білік және дағдыларын тексеру: коллеквиумдер, сынақтар, емтихандар, қорытынды конференциялар, біліктілік байқау жұмыстары.

Кәсіптік білім беруде сабақ берудің мына түрлері қалыптасқан:

- Теориялық оқыту сабағы;
- Практикалық оқыту сабағы.

Теориялық оқыту сабағы оқушыларға болашақ кәсіби–еңбек қызметін жүзеге асыруда ғылыми – теориялық білім мен парасатты білік, дағдылық қабілеттіліктерін жетілдіруге арналған оқу үрдісі. Оқуды ұйымдастыру жағдайында басшылыққа алатын міндет жеке тұлғаның білім алуы, дамуы, кәсіби қалыптасуы, ұлттық және азаматтық құндылықтарды қабылдап, ғылым мен техника жетістіктерінің негіздерін игеруді қалыптастырып, қажет жағдайда оларды қолдана алуды көздейді. Оған оқуды ұйымдастыру тәсілдерін (жеке, жұптық, топтық, ұжымдық) және оқыту әдістерін (ынталандыру, ұйымдастыру, бақылау) байланыстыру, оқытуды оңтайландыру, түрлендіру, интерактивтендіру, мақсатқа лайықтандыру жатады.

Қазақ тілін оқыту барысында оқытушы студенттердің пікір айту, ауызша сауатты сөйлеу, жазу, қоғамның өзге өкілдерімен дұрыс қарым-қатынас жасау, яғни әрбір адамға керекті коммуникативті дағдыларды қалыптастыруы керек. Техникалық оқу орындарында қазақ тілін студенттерге меңгертудегі өзекті мәселелелердің бірі – мамандық бойынша тілді меңгеруін жетілдіру. Оның алдыңғы қатарлы маман болуы өз елінің тілін жоғары деңгейде білуімен де терең сабақтасады. Соңғы жылдары әдіскер-ғалымдар қазақ тілін қарым-қатынас құралы ретінде меңгертумен қатар, студенттердің кәсіптік мамандығын ескере отырып игертудің тиімді жақтарын қарастыруда.

Тілді мамандыққа қатысты оқытудың ұтымды жақтары:

- тіл үйренушілер қазақ тілін кәсіби қатынас құралы ретінде қолдана алады;
- кәсібіне байланысты жинаған сөздік қорды жұмыс орнында пайдаланып, өз мамандығына қатысты ой-пікірлерін нақты, анық жеткізу дағдысы қалыптасады;
- қазақ тілінің танымдық қызметінің маңызы арта түседі;
- қазақ халқының рухани және тарихи-мәдени байлығын тіл арқылы таныту негізінде тіл үйренушілер Қазақстан тарихымен, мәдениетімен,

әдебиетімен, халықтың салт-дәстүрімен танысып, білімдерін молайтады;

- күнделікті қызмет бабында ресми-іскери сөйлесуге тән тұлғаларды меңгеріп, мамандыққа қатысты іскағаздарды жазуды үйренеді;
- болашақ маманның тұлға ретінде қалыптасуына, өсуіне және дамуына, өз мамандығын саналы сезінуіне мүмкіндік туады.

Осы тұрғыдан мамандыққа сай қазақ тілін сапалы оқыту – қазіргі уақыт сұранысынан туындап отырған өзекті мәселелердің бірі болып табылады.

Қазіргі таңда тілді мамандықпен байланыстыра оқыту жайында әртүрлі тақырыпта ғылыми зерттеу жұмыстары жүргізіліп, оқу орындарында қазақ тілін мамандыққа қатысты оқытудың әртүрлі жолдары мен технологиялары тәжірибеге енгізілген. Әдіскер ғалымдар Ф.Оразбаева, С.Рахметова, Т.Әбдікәрімова, Қ.Қадашева, К.Жақсылықова, Р.Шаханова, Ж.Балтабаева, Н.Оразахынова, Ә.Әлметова, А.Сәтбекованың және т.б., тілді мамандыққа байланысты үйретудің маңыздылығы және оның кәсіптік қатысымда атқаратын қызметі, тілдік қатынас, мәтін теориясы, тіл дамыту және оқыту технологиялары туралы жасаған ғылыми тұжырымдары мен бүгінгі күн талабына сәйкес даярланған еңбектерінің мазмұны мен мақсаты тіл үйренушінің мамандығына, қажеттіліктеріне, сұраныстарына орай, қазақша кәсіби сөйлеуді дамытуға, оларға болашақ қызметіне қатысты қолданылатын терминдерді меңгертіп, кәсіби сөйлеуін қалыптастыруға бағытталған.

Қазақ тілін мамандыққа сәйкестендіріп қатысымдық тұрғыдан оқыту әдістемесіне байланысты ғылыми зерттеулерге тоқталатын болсақ, Б.Ш. Мешімбаеваның “Гуманитарлық бөлім студенттерін қазақша пікірлесім (диалог) арқылы сөйлеуге үйрету әдістемесі” ғылыми еңбегінде жоғары оқу орындарының гуманитарлық бөлім студенттерін пікірлесім арқылы қазақша сөйлеу тіліне үйрету әдістемесінің ғылыми негізі жасалды. Автор мамандыққа бағытталған пікірлесім арқылы сөйлесуді меңгертуде қолданылатын ұтымды әдіс-тәсілдерді анықтады, пікірлесімге қатысты қазақша сөйлеу тіліне үйретуде төмендегідей 3 кезеңді қамтуды ұсынды:

1.оқу процесіндегі пікірлесім;

2.шығармашылық пікірлесім;

3.шығармашылыққа бағытталған пікірлесім құрастыру.

Зерттеу жұмысында сөйлесімді басқа ұлт өкілдеріне пікірлесім арқылы үйретуде тілдік жағдай тұңғыш рет тәжірибеде қолданылып, оның ұтымдылығы ғылыми негізде бірінші рет дәлелденді және пікірлесімнің жаттығулары екі үлкен топқа жіктеліп қарастырылды. Олар:

1.дайындық жаттығулар;

2.қатысымдық жаттығулар .

Сондай-ақ Қ. Қадашева “Жаңаша жаңғыртып оқытудың ғылыми әдістемелік негіздері: өзгетілді дәрісханалардағы қазақ тілі” докторлық дис-

сертациясында мамандық тіліне бейімдеп оқытуда жаңаша жаңғыртып оқыту әдістемесінің әдіс-тәсілдерін ұтымды пайдалануға болатындығын, тіл үйренушілердің өз саласында тілді қолдану қызметінде лексикалық минимумды анықтау қатысымдық қажеттілікті қамтамасыз ететін ерекшелік екендігін көрсетті. Зерттеу жұмысында заңгер мамандығына бейімдеп оқытуда автордың өз тәжірибесінен алынған үлгілері толық баяндалып, кәсіби бағыттағы материалдың негізінде пікірлесімдік қарым-қатынасты қалыптастыруға жаттығулардың әсері зор екені айтылады. Сонымен қатар өзгетілді дәрісханалардағы үйренушілерге мамандығы бойынша тілдік база жасау мәселесіне тоқтала отырып, оның мақсаттарын ашып көрсетеді.

Қазақ тілін мамандыққа сай оқытудың басты ерекшеліктерін анықтауда, тиімді әдістемесін ұсынуда әдіскер-ғалым, педагогика ғылымдарының докторы, профессор Ф.Ш. Оразбаеваның бүгінгі күнде үлкен бір ғылыми-әдістемелік мектебі қалыптасқан. Ғалым теориялық және әдістемелік тұрғыдан тілдік қатынастың негізін қалаған еңбегінде сөйлесім әрекетінің түрлерін – оқылым, жазылым, тыңдалым, айтылым, тілдесім деп бөліп қарастырады.

Әдіскер-ғалым Ф.Оразбаеваның пайымдауынша: «Қазақ тілін үйретуде қатысымдық әдісті пайдаланудың ең тиімді жолы – оның тіке байланысқа негізделіп, адам мен адамның тікелей қарым-қатынасы арқылы тілді үйретуді жүзеге асыруында». Бұл – қазақ тілін студенттерге оқытып үйретудің өн бойы оларды ауызша (тыңдалым, айтылым) және жазбаша (оқылым, жазылым) қатынасқа тарту, яғни осы тілде бір-бірімен еркін тілдесу дағдысын қалыптастырып дамытуға құрылуы қажеттігін көрсетеді. Ф.Ш. Оразбаеваның қатысымдық тұрғыдан оқыту технологиясы – қазіргі білім беру үдерісінде ең жиі қолданыста жүрген технология. Әдіскер тілдік қатынасқа байланысты іске асатын сөйлесім әрекетінің бес түрін ғылыми айналымға енгізді. Аталған технология тіке байланыс, адамның жеке қабілетін ескеру, сөйлеуге үйретуде жүргізілетін жұмыс түрлерін айқындау, сатылап даму, динамикалық өзгеру, өзектілік ұстанымдарын басшылыққа алып, қатысымдық әдіс арқылы тілді меңгертуді мақсат етеді.Қатысымдық әдіс сөйлесім әрекетінің барлық түрін жүзеге асыруға мүмкіндік тудырды. Қатысымдық әдіске негізделген тапсырмалар жұптық, топтық, ұжымдық формада іске асырылды. Қатысымдық жаттығулар мен тілдік жағдаяттар студенттерді тілдік қатынаста өз ойын нақты, дәлелді, жүйелі, еркін түрде жеткізуді үйретуге және ой-өрісі мен тілдік қабілетін дамытуға бағытталды. Тілдік және қатысымдық тұлғалар ойлау жүйесінің нәтижесінде дұрыс қолданылып, тілдегі сөйлесім әрекеті арқылы жүзеге асады. Сондықтан тілді үйрету барысында әрбір студенттің жеке қабілетін, саналығы еске алынып, жан-дүниесі ескеріледі. Қазіргі таңда әлемдік тәжірибеде екінші тілді меңгерту қатысымдық тұлғалардың: сөздің, сөз тіркестерінің, сөйлемнің, мәтіннің үйренуші тілін дамытудағы орны анық белгіленген.

Қазақ тілін педагогикалық оқу орындарында оқыту үдерісінде ұстанылатын басты стратегия – студенттің қазақша кәсіби лексикасын қалыптастырып, дамыту арқылы мамандыққа даярлау. Бұл үдерістің екі жағы бар: бірі – студенттің тілін дамыту; екіншісі – сол тілді тез әрі сапалы игерту.

Кәсіптік оқу орындарының студенттерінің кәсіби тілде қазақша сөйлеу дағдысын қалыптастыру мамандыққа қатысты лексиканы меңгертумен қатар қазақ тіл білімінің лингвистикалық ереже қағидаларын және жалпы дидактиканың теориялық тұжырымдары мен басты ұстанымдарын жете игерумен тікелей байланысты. Кәсіби тілді үйретуде алдымен нақтылы оқыту кезеңінде қолданылатын оқыту мазмұнының, мақсаты мен міндетінің, топ құрамының, оқыту әдістері мен құралдарының ерекшелігін ескеру қажет.

ПАЙДАНЫЛҒАН ӘДЕБИЕТТЕР

1. Мешимбаева Б. Гуманитарлық бөлім студенттерін қазақша пікірлесім (диалог) арқылы сөйлеуге үйрету әдістемесі: Пед.ғыл.канд. … дисс. – Алматы , 1999. –163 б.
2. Қадашева Қ. Жаңаша жаңғыртып оқытудың ғылыми әдістемелік негіздері: өзгетілді дәрісханалардағы қазақ тілі: Пед. ғыл. док. … дисс. – Алматы, 2001. – 301 б
3. Оразбаева Ф.Ш. Тілдік қатынас. Оқулық. – Алматы: Сөздік- Словарь, 2005. – 272 б.
4. Оразбаева Ф. Тіл әлемі. Мақалалар зерттеулер. Алматы: Ан арыс, 2009.

© Адилханова М.Т., 2012

УДК 81'42

Адясова Л.Е.
г. Нижний Новгород (Россия)

Прецедентный феномен «распад СССР» в медийном дискурсе

В языковой картине мира этноса особое место занимают прецедентные феномены. Это могут быть единичные феномены (события, личности, географические объекты), тексты (лозунги, высказывания известных личностей) и целые миры (исторические и воображаемые, художественные) [6, с.10].

В настоящее время одним из самых активных источников формирования прецедентных феноменов в дискурсивной практике общества становится сфера политического дискурса: особой востребованностью отличаются так называемые *советизмы*. При этом концепт *Советский Союз* в свою очередь выступает сложным объединением различных прецедентных собы-

тий, личностей, текстов. Его можно назвать прецедентным историческим миром, безусловно, не без мифологической составляющей. Но стоит подчеркнуть, что в этом многомерном сгустке смысла особое значение имеет его «предел» - феномен распада СССР. Это доказывают результаты анализа языковой объективации концепта в медийном дискурсе, где модель прекращения существования СССР отличается показательной экспрессивностью и воспроизводимостью.

В ходе исследования материалов СМИ 2000-2008гг. выпуска, представленных в Национальном корпусе русского языка, было отмечено, что модель прекращения существования крайне частотна. Рассмотрение синтагматических и парадигматических отношений лексических единиц – наименований изучаемого концепта – дало нам возможность установить, что феномен распада СССР, в первую очередь, связан с активно реализующимся в массмедийном дискурсе витальным кодом. Так как СССР может рождаться и жить (*рождался, жив, жил и будет жить*), то, следовательно, он может болеть и умереть. В газетных текстах государство персонифицируется, оно концептуализируется как живой организм, при этом здоровье этого организма подорвано (ср. *СССР хронически болел чиновным зудом, был в коме, он истощен, ослабший Советский Союз, подкосило СССР*). В итоге некая болезнь приводит к летальному исходу, становится причиной деструкции. Другой причиной «смерти» может быть названо самоубийство, «наркомания» (*залез в долговую петлю, подсел на нефтяную иглу*) или пучина проблем (*захлебнувшийся в национальных и территориальных проблемах*). «Смерть» могут спровоцировать и некие субъекты: «*Андропов привел СССР к краю экономической бездны*» или «*США загнали Советский Союз в экономическую яму*».

Но всё же стоит отметить, что в основном СССР сам становится каузатором своего прекращения существования. Он *умер, сдох, кончился, ушел в небытие, унес в историю и свой суверенитет, он приказал долго жить, почил в бозе* и др. Наряду с персонификацией в онтологических метафорах, нами были отмечены случаи ориентационной метафоры, говорящие о негативном восприятии концепта (низ – плохо, верх – хорошо): так СССР не просто прекратил существование, он *упал, грохнулся величественно* (мы допускаем существование некой метонимической связи с «железным занавесом»). Сюда же можно отнести пример «*Советский Союз пополз из-под ног*». Если примеры с падением говорят об ослабленном состоянии СССР, его упадке сил и поражении (ср. в медийном дискурсе есть образ России, поднимающейся с колен), то ситуация в контексте «*пополз из-под ног*» сложнее: языковое сознание начинает воспринимать субъект ненадежным, опасным (это подтверждают результаты эксперимента с применением методики семантического дифференциала).

Особыми случаями являются общеизвестные клише «развалился»,

«распался», так как они ориентированы непосредственно на ядро исследуемого концепта. Наименование Советский Союз, включая в свой состав лексему «Союз», предполагает высвечивание сем «тесное единение», «связь». Иначе говоря, в названии закреплена схема единения, соборности, которая в русской картине мира оценивается положительно. Эти конституирующие семы определяют также распространенность доместической метафоры: СССР – один большой дом, объединяющий народы, это семья, братство. При этом можно отметить высокую оценку этического потенциала такого феномена (как показывают результаты проведенных нами ассоциативных экспериментов на русской и чешской аудитории). СССР – один большой *дом*, который *стоял на идеологическом фундаменте*, который строили вожди и народ. Но вот *он затрещал по швам* и *рухнул под своей критической массой* и *лежал в руинах*. Таким образом, прекращение существования представляется как нарушившаяся связь: *СССР разрушился, лежал в руинах, разруха, затрещал по швам, разбился на 15 частей, развалился на куски, разгородился.* Именно акцентуация прекращения этого единства, разрыва органической связи заставляет негативно воспринимать и весь комплекс, т.е. как некрепкий, ненадежный.

Для описания прекращения существования СССР наиболее часто выступают глаголы «*рухнуть*», «*развалиться*», «*распасться*». Будучи интеллектуально-оценочными, данные глаголы в значение ‘исчезновение’, ‘прекращение существования’ (заметим, что во всех трех случаях это не первое значение) привносят, помимо устойчивой отсылки к первому значению, имплицитную негативную оценку. Объективируется модель нарушившейся связи, а также ориентационная (низ – плохо, верх – хорошо) и доместическая метафоры.

Появление глагола «*разгородиться*» также закономерно, при этом его употребление порождает еще и пространственную метафору. Советский Союз уже не единая территория. «Дружба» и единение народов закончились – появились «заборы», границы.

Наиболее экспрессивной и, соответственно, наиболее потенциально манипулятивной в синонимическом ряду глаголов прекращения существования становится лексема «*развалиться*», которая к тому же входит в состав распространенного клише «*Советский Союз развалился*». Первое значение: ‘распасться, рассыпаться на куски, части; разрушиться’ – в сознании носителей языка сопрягается с пространственными и доместическими метафорами. Единый дом распался на куски. Второе значение: ‘прийти в полное расстройство, упадок; прекратить существование’ «довершает картину». По данным эксперимента с применением методики семантического шкалирования, в данном контексте субъект начинает восприниматься носителями как пассивный, слабый, опасный. Фактически в пределах одного этого клише, которое стало наиболее употребительным, реализуется несколько приемов

речевого манипулирования сознанием – разрушение образа и переакцентуация (глагол «*развалиться*» предполагает, что деструктивное действие совершил сам субъект, т.е. категория возвратности позволяет скрыть непосредственного каузатора развала.

Если рассматривать отдельно объектные отношения, то можно выделить глаголы со значением волевого воздействия: *его погубила программа «Взгляд», Запад «загнал» в экономическую яму, не смогли удержать от распада;* физического воздействия: *испытать прочность, это разрушило Советский Союз, сумели посадить на кол, поставят на колени, развалили, стремились разбить,* глаголы прекращения посессивности: *мы потеряли Советский Союз, лишили нас СССР, мы профукали*.

В целом глаголы модели прекращения существования почти все указывают на результат или процесс, так же ретушируя субъект (прием переакцентуации), особенно этому способствует употребление возвратных и страдательных конструкций (*был обречен, смят и уничтожен*), а также неопределенно-личных (*развалили, устранили*).

Деструкция, как правило, реализуется в сфере экономики – *обанкротить, подсадить на нефтяную иглу, создание милитаризованной машины истощило СССР.*

При этом «предел» (или «кончина») Советского Союза реализуется в вариативной глагольной модели прекращения существования, которая отличается экспрессией и доминантой негативной оценки (*кончился, подох, сумели посадить на кол, слила элита, Горбачев преступно развалил, Ельцин устранил, разрушили три мужика, системная коррупция съела Советский Союз, подкосило Советский Союз*).

В заключение отметим, что в целом в российском медийном дискурсе прецедентный феномен распада СССР концептуализируется в метафорах смерти (*умер, почил в бозе, скончался, залез в петлю*), потери (*потерял нас*), пути (*Запад «загнал» в экономическую яму, Андропов привел к краю экономической бездны*), в доместической (*развалился, разрушился, рухнул*) и морбиальной метафорах (*был в коме, подкосило, ослабший, болел чиновным зудом*) и др. При этом субъект часто неагентивен или, напротив, является каузатором собственной деструкции. Советский Союз нередко становится пациенсом действия, агенс которого ретушировал, обобщен. Для достижения подобного эффекта широко используются неопределенно-личные, возвратные и страдательные конструкции. Кроме вариативности, модель прекращения существования отличается также высокой экспрессивностью и негативной оценкой, выражаемой нередко имплицитно.

Распад СССР – это важная веха в истории современного мира, и, безусловно, восприятие данного феномена напрямую зависит от эпохи, оно не определено раз и навсегда. При этом параллельно со сменой ориентиров в обществе будут меняться и модели концептуальной метафоризации, в кото-

рых представляется то или иное историческое событие.

Литература

1. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
2. Копнина, Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие / Г.А. Копнина. – 2-е издание. М.: Флинта, 2008. – 176 с.
3. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. - М., 2004.
4. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие / Т.Б. Радбиль. – 2-е изд, стереотип. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 328с.
5. Рудакова, А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / Под. ред. И.А. Стернина. - Воронеж, 2002.
6. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г.Г. Слышкин. - Волгоград, 2004.
7. Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. - М., 1990.
8. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. - М., 2006.

© Адясова Л.Е., 2012

УДК 800

Акаева Э.В.
г. Омск (Россия)

Речевое поведение врача-исследователя в ситуации медицинской конференции

Эффективная коммуникация очень важна для успеха в современной медицине, так как решение многих медицинских задач строится на непосредственном взаимодействии специалистов в рамках различных ситуаций. Всемирная интеграция и вовлечение все возрастающего числа коммуникантов в процесс делового общения стимулируют активный всесторонний исследовательский интерес к коммуникации в деловом сообществе, что позволяет говорить об универсальности деловой речи так же, как и деловых отношений. [3, с.5] Профессиональная коммуникация в современном деловом сообществе стала объектом довольно пристального внимания ученых лишь в последние десятилетия, перестав носить сугубо ритуально-производственный характер. Несмотря на огромный исследовательский интерес к особенностям профессиональной коммуникации, целостная когнитивная теория продуцирования и понимания дискурса в отдельных социальных институтах (в частности, медицине) не разработана. Требуют специального исследования вопросы соотношения различных когнитивных моделей и лингвистических репрезентаций, а также стратегий речевой деятельности

в процессе дискурсивного взаимодействия.

В процессе общения люди не просто обмениваются мыслями, но постоянно убеждают друг друга в правоте своих взглядов. Речевое воздействие на людей происходит посредством убеждения. Убеждение как способ речевого воздействия обращено к рациональной сфере слушателя. Отличительными особенностями убеждения являются доказательность и логичность, наличие обобщенных положений наряду с фактами и примерами. Убеждение понимается как успешное интеллектуальное воздействие на сознание человека. [1, с.300-305] С такой точки зрения аргументация является комплексом языковых средств, используемых для влияния на поведение людей (то есть фактором, влияющим на принятие того или иного решения), а также особым типом дискурса.

Коммуникативная задача аргументативного дискурса состоит в обосновании взглядов и представлений, убеждении (разубеждении) партнера по коммуникации в истине, либо в прагматической приемлемости определенных высказываний. Глобальная цель аргументативного дискурса – преодоление расхождения во мнениях при помощи правильно выбранных стратегий и тактик аргументации. Во многом успешность акта аргументации зависит от адекватно выстроенной структуры аргументативного дискурса. В процессе аргументации с целью сообщить и проанализировать аудитории известную говорящему информацию используются диктальная и модальная стратегии.

Среди способов их реализации в качестве основных представляется целесообразным выделение следующих тактик: информирование, комментирование, разъяснение, иллюстрирование, саморепрезентация и оценивание.

Диктальная и модальная стратегии находят свое выражение в различном использовании коммуникативных ходов, являющихся одними из наиболее явных показателей коммуникативных намерений говорящего.

Диктальная стратегия представлена тактиками информирования, комментирования, разъяснения и иллюстрирования**.**

В целом, в информационных жанрах доминирует речевой акт представления информации, в пределах которого мы выделяем такие коммуникативные ходы, как сообщение, объяснение, описание, дополнение, уточнение, обобщение, суждение, прямое оценивание, вывод, предположение (пресуппозиция), импликация, представление, стилистические тропы и некоторые другие. [2, с.15-17]

Главенствующую роль в чисто информационных жанрах занимает коммуникативный ход сообщения:

Наша страна занимает более умеренную позицию;

Мы – сульфомочевинная страна;

Инсулинотерапией пройден огромный путь.

Кроме этого, в подобных тематических блоках встречаются коммуникативные ходы разъяснения:

Происходит неогенез, репликация, то есть генетически запрограмированный апоптоз (отмирание клеток) будет отсрочен;

Очень скоро будет инсулин плюс лираглутид: исследования уже закончены;

В данной статье рассматриваются принципы реализации выделенных тактик с позиции прагматики (теории речевого акта и коммуникативного хода). Именно они являются одними из самых явных показателей преобладания той или иной тактики в дискурсе.

Из приведенных примеров видно, что речь говорящего насыщена коммуникативными ходами, реализующими, прежде всего, тактику информирования. Вместе с тем широко используются ходы, реализующие задачу описания картины происходящего, насыщения ее деталями и подробностями.

Несмотря на то, что в ситуации медицинской конференции преобладающим является коммуникативный ход «сообщение», мы обнаруживаем примеры других ходов, направленных на выражение авторского отношения.

Так, в аналитических и информационно-аналитических жанрах возможно выделить следующие коммуникативные ходы:

Объяснение:

Инсулина много производят не из-за заботы о людях, а так как это гарантированные бюджетные деньги;

Прямая оценка:

Реалия такова: 80 % пациентов хронически декомпенсированы;

Единицы проводят адекватный самоконтроль в домашних условиях;

Эпидемиология сахарного диабет второго типа неутешительна: эксперты прогнозируют 438 миллионов пациентов в мире (считайте, что будет 500).

Предположение:

Иллюстрирование + комментирование:

Фармацевтическая промышленность идет правильно: меняются способы доставки инсулина;

Вопрос-именование темы:

Чья это доза ответственности, дорогие эндокринологи // Базального инсулина;

Вопрос-рассуждение:

Пациент вопрошает// Кому верить?

Какой толк от мартышкиной процедуры?

Важно отметить, что такой текст изобилует оценочными прилагательными (в совокупности с другими речевыми ходами), а также прямыми оценочными суждениями.

Научная конференция характеризуется сдержанностью в проявлении

эмоциональных оттенков и авторском самовыражении. Тем не менее, самые важные с точки зрения ученого факты получают более полное описание, освещаются с разных сторон.

1. Прямая оценка явления через экспрессивную лексику и фразеологию:

Эффективность *Виктозы с различных точек зрения;*

Эффект снижения артериального давления сопоставим с гипотензивными препаратами – ***положительный*** *побочный эфеект;*

Чудовищное *исследование: на месте тех, кто его проводил я бы похоронила его в архивах и постеснялась приводить;*

С блеском *доказана эффективность и безопасность в реальной практике Российской Федерации;*

Исследование ***поражает*** *масштабами****;***

2. Оценка при помощи средств экспрессивного усиления:

Только на Лантусе достигли нужного эффекта;

Ручка Солостар – ручка первого выбора;

3. Субъективно-оценочные конструкции:

Я наблюдал, что у большинства людей челюсти не смыкаются в течении дня;

Базальный инсулин не может иметь пики.

4. Вводно-модальные конструкции

Нужно индивидуализировать цели;

Нужно двигаться наперекор мнениям;

Важно, чтобы пациент узнал о диагнозе не от соседей по палате.

5. Метафора, ирония, аппликация:

Инсулин – он и в Африке инсулин;

Инсулинорезистентность – резистентность больного и врача к инсулину;

Печень- основное депо гликогена;

Диванно-кресельный образ жизни.

Таким образом, речевое поведение врача-исследователя в ситуации медицинской конференции строится по принципам, соответствующим диктальной м модальной стратегиям, поскольку основная цель говорящего – информирование либо обсуждение актуальных социальных вопросов.

Литература

1. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – М., Гнозис, 2007. – 407 с.
2. Фирстова Л.А. Дискурсивные стратегии и тактики в рамках телепублицистического дискурса: Автореф.дис…канд. фил. наук. – Саратов, 2008.
3. Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса.: Автореферат. дис… докт. фил. наук. – Краснодар, 2007.

© Акаева Э.В., 2012

УДК 821.161.1

Алборова К.Е.
г. Владикавказ (Россия)

Эмоционально-экспрессивные средства коммуникации в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева

«Царь-рыба» Виктора Петровича Астафьева – это нравственно-философское повествование в рассказах об ответственности человека за все живое вокруг, о трудном и мучительном стремлении его к миру и гармонии в природе и в собственной душе. Книга состоит из двух частей, которые в свою очередь делятся на отдельные рассказы: в первой части семь рассказов, во второй – пять. Рассмотрим подробнее систему образов анализируемого произведения.

Действие каждого из рассказов происходит в Сибири. Главные герои, а точнее – антигерои, – это браконьеры, которые безжалостно уничтожают природу, убивают животных и истребляют рыбу. Образ автора объединяет рассказы, и на протяжении всей книги мы видим, с какой болью он описывает отношения между человеком и природой. И немалую роль в этих описаниях играют эпитеты и сравнения. На них мы и обратим особое внимание.

В словаре-справочнике лингвистических терминов Д.Э. Розенталя эпитет (от *греч.* epitheton - приложение) – это художественное, образное определение, вид тропа. При расширительном толковании эпитетом называют не только прилагательное, определяющее существительное, но и существительное-приложение, а также наречие, метафорически определяющее глагол. [4, с.537]

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой эпитет – это разновидность определения, отличающаяся от обычного экспрессивностью, переносным (тропическим) характером. [2, с.523]

Г.Л. Абрамович характеризует эпитет как «художественное определение, отмечающее существенную, для определенного контекста, черту в изображаемом явлении». Он также отмечает, что в отличие от логического определения эпитет не содержит в себе разделительного значения. «В то время как логическое определение отделяет признак одного предмета от признаков других, эпитет, как и другие изобразительно-выразительные средства языка, вызывает в нашем сознании целостное представление об изображаемом предмете, рассматриваемом писателем в том или ином аспекте.» [1, с.150]. В.П. Москвин утверждает, что «если убрать из текста все эпитеты, то он перестанет быть художественным текстом». [3, с.28]

В книге В.П. Астафьева «Царь-рыба» эпитет играет важную роль для передачи состояния природы, для описания животных, рыб, людей и, главным образом, передается отношение к происходящему самого автора. Осо-

бое внимание обратим на тот факт, что источником тропов, в том числе и эпитетов, является сама изображаемая действительность.

Для того чтобы показать разные функции, выполняемые эпитетом в рассказах, мы более подробно рассмотрим их. В каждом анализируемом рассказе эпитет помогает живо представить себе предмет, почувствовать отношение автора к нему. Именно эпитет является тем средством, с помощью которого создается образность, экспрессивность и оценочность. Этим также определяется его высокая информативная значимость в рассказах.

В первом рассказе под названием «Бойе» повествование ведется о собаке Бойе, имя которой переводится как «друг». Автор проводит параллель между человеком и собакой: *Из породы северных лаек, белый, но с серыми, точно золой припачканными передними лапами, с серенькой же полоской вдоль лба, Бойе не корыстен с виду. Вся красота его и ум были в глазах, пестроватых, мудро-спокойных, что-то постоянно вопрошающих. Но о том, какие умные глаза бывают у собак и особенно у лаек, говорить не стоит, о том все сказано. Повторю лишь северное поверье: собака, прежде чем стать собакой, побыла человеком, само собою, хорошим.* В этом предложении слова ***северный*** и ***белый*** являются логическими определениями, т.е. несут в себе разделительное значение. А далее автор уже использует эпитеты ***пестроватых, мудро-спокойных, что-то постоянно вопрошающих.***

Но помимо этого автор особое внимание обращает на его ум. И не зря происходит сравнение собаки с человеком. На протяжении всего повествования автор не раз использует прием сравнения людей и животных. Он как бы показывает связь между всеми живыми существами и просит человечество не губить природу.

Особую роль играют эпитеты в описаниях состояния тундры и трех охотников. Коля, Архип и старшой «держали курс на Таймыр – промышлять песца» (*с.27) Погода стояла* ветреная, *холодная, все вокруг прозрачно до хруста, накроха в яме не закисала.* Вначале у охотников «настроение боевое и даже шаловливое». Но постепенно тундра начинает давить на них, «держится песец, как и всякая живая тварь, там, где еда. Не только проходной, но и местный песец откочует – голодной смерти кому охота?» Когда поняли, что охоты не будет, собрались уходить. «***Разъедающая*** ржавчина отчуждения коснулась парней, начала свою ***медленную разрушительную*** работу». Далее автор использует устойчивые эпитеты, такие как *смутная тревога (с.31), чувство смертельной опасности (с.31), безвыходное положение (с.38), лютая зима (с.38), кромешная тьма (с.37).*

Браконьеры уничтожают огромное количество рыбы, причем ее большая часть непригодна для еды. Например, ставя самоловы, они вытаскивают двадцать рыб. И только семь из них живые. Следовательно, тринадцать они выбрасывают за борт и Командору абсолютно все равно, что кто-то может словить мертвую рыбу, съесть ее и умереть. Та же самая картина

наблюдается, когда Аким и автор из тридцати двух стерлядей достают только девять живых. И сколько жалости и обиды мы видим в словах автора. *«С горьким вздохом сожаления Аким отбросил дохлых рыб в нос лодки. Мне так хотелось описать рыбу,* ***бьющуюся на крючке, слепо бунтующую, борющуюся за себя,*** *воспеть азарт лова,* **вековечную радость** *добытчика. Нечего было воспевать, угнетало* ***чувство вины****, как будто при мне истязали младенца или отымали в платочек завязанные копейки у старушки» (с.149)*

И не случайно автор сравнивает рыбу с младенцем и со старушкой, ведь это самые слабые проявления человеческой сущности. Он указывает нам на беззащитность и немощность рыбы перед браконьерами, в то время как они безжалостно их истребляют. *«Когда Аким тащил рыбину через плечо, вдруг с треском оторвался клапан жабры – осетрина, скомканный, прелый, упал на камни, полезли из него пузырем кишки».* Обидно автору за рыбу, за такое жестокое обращение с ней. Не в силах смотреть на происходящее, он просит Акима снять ловушки.

Главное действующее лицо, главный герой рассказа «Царь-рыба» – житель поселка Чуш Зиновий Игнатьич. Его лодка, в отличие от других жителей поселка, ***чистенькая, сверкающая голубой и белой*** краской, мотор не трещит, не верещит, поет свою песню ***довольным, звенящим*** голоском – флейта, ***сладкозвучный*** музыкальный инструмент, да и только!» Эпитеты характеризуют его отношение к вещам, то есть в сравнении с ним остальные жители Чуши проигрывают. Далее идет сравнение хозяина и лодки: «*И хозяин под стать своей лодке:* ***прибранный, рыбьей слизью не измотанный, мазутом не пахнущий.*** *Если летом, идет в бежевой рубахе, в багажнике у него фартук прорезиненный и рукавицы верхонки».* Роль эпитетов важна также и в описании его человеческих качеств: он вежливый, никогда никого не обидит и не унизит, всегда придет на помощь. Но, несмотря ни на что, Игнатьич является таким же браконьером, как и остальные чушанцы. И вот судьба сталкивает его с Царь-рыбой в один из осенних вечеров. Для того чтобы показать отношение к браконьеру, автор использует немало эпитетов как в описании природы, так и Царь-рыбы. Он употребляет эпитеты, характеризующие холодное состояние окружающей среды: *студеный осенний* морок, *брюхатые* тучи, *морлый* воздух, *жидкий* свет. В этих эпитетах чувствуется тяжесть, какое-то давление действительности на человека. Хотя и промерз Игнатьич до костей, не оставил свое дело, жадность берет верх: на самолове крупная рыбина! Именно в этот момент автор с иронией характеризует жизнь браконьеров: *Незавидная, рисковая доля браконьера: возьми рыбу да при этом больше смерти бойся рыбнадзора – подкрадется во тьме, сцапает – сраму наберешься, убытку не сочтешь, сопротивляться станешь – тюрьма тебе. На родной реке татем живешь и до того выдрессировался, что ровно бы еще какой, неведомый, дополнительный орган в чело-*

веке получился – вот ведет он рыбу, болтаясь на самоловном конце, и весь в эту работу ушел, азартом захвачен, устремления его – взять рыбу, и только!» Несмотря на опасность быть застигнутым за уловом, он продолжает следить за рыбой: *«А она, **живая, здоровенная**, может изловчиться и уйти.»* В этом предложении чувствуется сила и мощь рыбы благодаря эпитетам *живая* (как символ жизни) и *здоровенная* (как символ силы). В описании кораблика автор использует эпитеты, которые также показывают отношение рыбака к происходящему: *«Следом **грустный** кораблик неспешно волокся, музыка на нем играла **однотонная, протяжная**, **на вой метели похожая**, и под эту музыку на верхней, слабо освещенной палубе умирали три парочки, плотно сцепившись пред кончиной и уронив друг дружке бессильные головы на плечи».* А рыбина тем временем напоминала о себе: «*По всем повадкам рыбы, по грузному, этому слепому давлению во тьме глубин угадывался на самолове осетр, большой, но уже умаянный».* Какой-то страх возникает у рыбака, почему-то именно в этот момент она кажется ему зловещей!!! невозможно представить себе это описание без эпитетов. Автор использует цепь прилагательных, которые производят эмоциональное, экспрессивное воздействие на читателя. Цепочка из эпитетов также используется в следующих предложениях: *Попалось в пасти две лисы, пустобрюхих, костлявых, в худошерстной шкуре. (с.36). Подступала пора диких, вольных ветров и обвальных метелей(с.37). В белой тишине тундры, тенистой, зеркально-шевелящейся от сияния, охватывает блажь, являются видения. (с. 42).*

Светлый образ автора в произведении раскрывается при помощи описания его эмоций, чувств, отношения ко всей природе.

Итак, в данной статье мы, придерживаясь широкого понимания эпитета, рассмотрели эпитеты, которые выражены не только прилагательными, но и наречиями, деепричастиями и существительными. Например:

аршинного чая-лабазника (с.309)
конфеты - горошек (с. 343)
каша - размазня (с.271)
галстук-бабочка (с.334)

Таким образом, эпитет помогает живо представить себе предмет, почувствовать отношение автора к нему. Именно эпитет является тем средством, с помощью которого создается образность, эмоциональность, экспрессивность и оценочность. Этим также определяется его высокая информативная значимость в рассказах. Источником тропов, в том числе и эпитетов, является сама изображаемая действительность. Увеличение эмоциональности, экспрессивности в предложении может достигаться путем употребления нескольких прилагательных, иногда это целый «букет» прилагательных, которые производят эмоциональное и экспрессивное воздействие на читателя.

Литература
1. Абрамович Г.Л. Введение в литературоведение. – М.: Просвещение, 1979. – 352с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608с.
3. Москвин В.П. Эпитет в художественной речи. //Русская речь. –2001. – №4. – С. 28-32.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2007. – 405с.
6. Чернец Л.В. Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 2004. – 680с.

© Алборова К.Е., 2012

УДК 800

Алькенова С. Н.
г. Горно-Алтайск (Россия)

Сопоставление подражательных лексем английского и казахского языков с точки зрения графотактики и фонотактики

Настоящая работа посвящена сопоставительному анализу подражательных лексем английского и казахского языков с точки зрения графотактики и фонотактики. Ниже приводятся статистические показатели относительно дистрибуции букв, слоговой структуры подражательных лексем в пределах моей базы данных.

Вопрос о звукоизобразительности слова затрагивали В. фон Гумбольдт, Ш. Балли, Р.О. Якобсон, Н.И. Ашмарин, М. Граммон [3, с.7]. В тюркологии впервые как самостоятельная часть речи звукоподражания рассматриваются Л. Н. Харитоновым на материале якутского языка, затем в трудах казахских языковедов А.И. Исхакова, К.Ш. Хусаинова. Также звукоподражания получили отражение в работах Г.Е. Корнилова. Излагая теорию имитативов, Г.Е. Корнилов отмечает: «Подражание-имитатив – это художественно-музыкальный образ предмета или явления действительности, создаваемый с целью вызвать те или иные ассоциации или психофизиологические реакции со стороны ближнего» [4, с.54].

По мнению ученого С.В.Воронина, «звукоизобразительное слово – это слово, изобразительное в своей основе, по своему происхождению» [2, с.22].

Основная цель исследования — сопоставление подражательных лексем английского и казахского языков с точки зрения графотактики и фонотактики. При проведении исследования сопоставлялись **319** подражательных

лексем казахского языка и **370** подражательных лексем английского. База данных обоих языков включает все типы звукоподражательных слов: звуки живой и неживой природы, звуки, издаваемые предметами и людьми.

Графотактическое и фонотактическое исследования включают:

1. выявление частотности букв в подражательных лексемах;
2. деление на простые и составные (сложные) подражательные лексемы;
3. соотношение гласных и согласных букв с точки зрения их начальной позиции в слове;
4. слоговая структура подражательных лексем обоих языков;
5. выявление часто встречающихся характеристик согласных звуков в начальной позиции в подражательных лексемах обоих языков.

1. В настоящей статье отражены результаты частотных букв подражательных лексем. С помощью метода вычисления предлагаются следующие подсчеты: в казахском: **а** – 29 лексем (азан-қазан, арс, азар-азар,), **ә** - 4 (әу-әу, әттең, әпчү, әтпүш), **б** – 20 (бұрқ-бұрқ, бырқ-бырқ, былқ-былқ, былдыр-былдыр, бүлк, бақ-бақ, баж-баж), **в** – 0, **г** – 6 (гу-гу, гүр-гүр, гүіл, гүмп, гүрс), **ғ** – 0, **д** – 23 (дүт-дүт, дыр-дыр, дір, дүңк, дабыл-дұбыр, дүрс, ду), **е** – 0, **ё** – 0, **ж** – 12 (жалп, жалт, жарқырау, жан-жұқ, жылт-жылт, жарқ-жұрқ), **з** – 9 (зық, залп, зыт, зу-зу, зыңылдау, зіркілдеу), **и** – 2 (иah, ио-ио), **й** – 0, **к** - 16 (күрк, күрс, кітір, күтір, кукареку, күмп, көк-көк), **қ** – 30 (қалт-құлт, қап, қоңырау,қарқ, қытыр-қытыр, қорс-қорс, құрқ-құрқ, қыт-қыт, қақ-қақ, қур-қур, қаз-қаз, қыж, қаңғыр-күңгір), **л** – 3 (ла-ла-ла, лып-лып), **м** – 9 (маңырау, мияулау, маңқ-маңқ, мә-ә, мө-ө, мырс, мыңқ), **н** – 0, **ң** – 0, **о** – 4 (ойбай, о), **ө** - 3 (өксу, өкіру), **п** – 8 (пырыл, прр, парс, пырт, пыл-ғұпыл, пырылдау, пысқыру), **р** – 0, **с** – 35 (сарт-сұрт, сықыр, сылдыр, сылқ-сылқ, сытыр, сатыр-сұтыр, селк-селк, сыбдыр, сық, су, сылп, сап), **т** – 38 (тра-ра-ра, тырқ-тырқ, тітір, тысыр, тыпыр, тырс, тықыл, тық-тық, тоқ, торс, тасыр-тұсыр, тақ), **у** – 5 (у(h)-у, у-уу, у-шу, у), **ұ** – 0, **ү** – 5 (үру, үркү, ү, үбір-дүбір), **ф** – 0, **х** – 0, **h** – 1 (hы), **ц** – 0, **ч** – 1 (чыр-чыр), **ш** – 41 (шақ-шұқ, шалп, шаңқ, шатыр-шұтыр, шарт, шу, шықыр, шылдыр, шылқ, шымыр, шырт, шытын, шолп, шиқ-шиқ, шылпыл, шұқу, шор, шап, шүлдір), **щ** – 0, **ъ** – 0, **ы** – 11 (ызғу, ызың, ырылдау, ысу, ы-ы, ым-м, ы(h)м), **і** – 0, **ь** – 0, **э** – 1 (э), **ю** – 0, **я** – 3 (япырай). В английском: **a** – 0, **b** – 28 (bubble (n/v/adj), bump (n), bark (n/v), babble (v), beep (n), boom (n/v), burr (n), buzz (n/v), burl (v)), **c** – 64 (clang (n/v), clap (n/v), crack (n/v), coo (n/v), crow (n/v), croak (n/v), chuck (n), crunch (n), chirr (n/v), caw (n/v), cockadoodle-do (n/v), cock (n/v)), **d** – 19 (dash (n/v), dribble (n/v), drip (n/v), din (n), drum (n), drop (n/v), drizzle (n/v)), **e** – 0, **f** – 20 (fissle (v), fizzle (n/v), flash (n/v), flush (n/v), finch (n), flick (v)), **g** – 18 (gurgle (n/v), gurl (n), gush (n/v), gobble (v), gnash (n), gabble (n)), **h** – 19 (hiss (n/v), howl (n/v), hee-haw (n), hoot (n/v), hoo (n/v), honk (n/v)), **I** – 0, **j** – 4 (jabber (v), jingle (n), joker (n), jester (n)), **k** – 6 (knock (n/v), kooka (n), kooka-burra (n), killdee (n), kea (n)), **l** – 4 (lull (n), lapping (n), lash (n)), **m** – 9 (mew (n/v), miaow (n), moo (n/v),

mumble (n/v), murmur (n/v)), **n** – 1 (neigh (n/v)), **o** – 1 (oink (n)), **p** – 30 (pewit (n), prattle (n/v), pit a pat (adv), pitter-patter (n/v), plop (n/v), pee-pee (n), peep (n/v), purl (n/v), pip (v), purr (n/v)), **q** – 6 (quake (n), quack (n/v), quitter (v)), **r** – 14 (rustle (n/v), roar (n/v), rumble (n/v), rook (n), row (n/v)), **s** – 68 (sizzle (n/v), sneeze (n/v), screech (n/v), spink (n), shrill (n/v/adv), slosh (v), splash (n/v), sputter (n/v), swash (n/v), squeal (v), strike (v) shriek (n/v), seethe (v)), **t** – 22 (tap (n/v), thunder (n/v), trickle (n/v), twirl (n/v), trill (n/v), tick (n/v), tu-whit (n/v), tweet (n/v)), **u** – 1 (uproar (adv)), **v** – 1 (veery (n)), **w** – 26 (water (n), whistle (n/v), whizz (n/v), wind (n/v), woof (n/v), whip-poor-will (n), whit (n), wail (n/v)), **x** – 0, **y** – 7 (yowl (n/v), yip (v), yelp (v), yell (v)), **z** – 1 (zip).

Из выше перечисленного следует, что если в казахском языке наиболее частотными буквами, с которых начинается большинство подражательных лексем являются **ш, т, с, қ, а**, где лидирует буква **ш**, то в английском – **s, c, p, b, w, t**, где превалирует **s**.

2. Что касается деления подражательных лексем на простые и составные (сложные), можно выявить следующие результаты:

1. количество простых лексем в казахском – **171** (арс, су, сылп, күрк, күрс, кітір, күтір, кукареку, бүлк, зық, залп, зыт, гүіл, гүмп, гүрс, дір, дүңк, қыж, тап, тақ, дүрс, ду, жалп, жалт, ррр, парс, пырт); в английском – **353** (rustle (n/v), rumble (n/v), hoo (n/v), hoop (n), screech (n/v), shrill (n/v/adv), bark (n/v), babble (v), beep (n), drib (v), dribble (n/v), drip (n/v), din (n));

2. количество составных лексем в казахском – **148** (быт-шыт, сарт-сұрт, сылқ-сылқ, тық-тық, маңқ-маңқ, қорс-қорс, құрқ-құрқ, қыт-қыт, қаңқ-қаңқ, көк-көк, шиқ-шиқ, қақ-қақ, бақ-бақ, тарр-тарр, тізірт-тізірт, чыр-чыр, шақ-шұқ, азар-азар, былқ-былқ, дабыл-дүбыр, дау-дабыра, жан-жұқ, жылт-жылт, қытыр-қытыр, лып-лып, сақ-сақ, сатыр-сұтыр, шақ-шұқ, шатыр-шұтыр, тырқ-тырқ, салдыр-гүлдір, қаңғыр-күңгір, пыл-ғұпыл, дар-дар, ио-ио, дүт-дүт, гүр-гүр, бұрқ-бұрқ); в английском - **16** (cockadoodle-do (n/v), chiff-chaff (n/v), chuck-will's-widow (n), hee-haw (n), kooka-burra (n), poor-will (n), pit-a-pat (adv), pitter-patter (n/v),pee-pee (n),tu-whit (n/v)).

Отсюда следует, что английский язык изобилует простыми подражательными лексемами, а казахский – составными.

3. Соотношение гласных и согласных с точки зрения их начальной позиции в слове также выявляется методом вычисления: количество подражательных лексем английского языка с гласными в начальной позиции - **9** лексем: oink (n), uproar (adv), yowl (n/v), yip (v), yelp (v), yell (v), с согласными в начальной позиции - **360** лексем: bubble (n/v/adj), bump (n), clap (n/v), dash (n/v), drib (v), fissle (v), hoo (n/v), jabber (v), jingle (n), kooka (n), mew (n/v), miaow (n), moo (n/v), pit a pat (adv), quack (n/v), rustle (n/v), sizzle (n/v), sneeze (n/v), tap (n/v), thunder (n/v), veery (n), whistle (n/v), wind (n/v), woof (n/v), zip, количество подражательных лексем казахского языка с гласными в начальной позиции - **67** лексем: арс, азар-азар, ап, әпчү, әтпүш. иah, ио-ио, өксу,

өкіру, у(h)-у, у-уу, у-шу, у, үру, үрку, ү, үбір-дүбір, ызғу, ызың, ырылдау, ысу, ы-ы, ым-м, ы(h)м; с согласными в начальной позиции - **252** лексем: бұрқ-бұрқ, бырқ-бырқ, былқ-былқ, былдыр-былдыр, гу-гу, гүр-гүр, гүіл, гүмп, гүрс, дүт-дүт, дар-дар, дыр-дыр, дір, дүңк, дүрс, ду, жалп, жалт, зық, залп, зыт, зу-зу, күрк, кітір, күтір, кукареку, қалт-құлт, қап, қарқ, қытыр-қытыр, қорс-қорс, құрқ-құрқ, ла-ла-ла, лып-лып, маңқ-маңқ, мә-ә, мө-ө, мырс, мыңқ, пырыл, ррр, парс, пырт, сарт-сұрт, сықыр, сылдыр, тра-ра-ра, тырқ-тырқ, тітір, тырс, hы, чыр-чыр, шақ-шұқ, шалп, шатыр-шұтыр;

Отсюда следует, что в обоих языках большинство подражательных лексем начинаются с согласных, их количество в разы превышает количество лексем с гласными в начальной позиции. Это доказывает, что именно согласные придают подражательным словам звучность, живучесть и выразительность.

4. Слоговая структура подражательных лексем английского и казахского языков:

В подражательных лексемах английского языка преобладают следующие типы слога: CVC (**91 -** beep, chit, hoot, peep, pip, zip, tap, din), CCVC (**79 –** clap, cluck, flap, quack, trill, tweet, crow), CCVCC (**31 –** spink, plump, clonk, clang, crunch); в подражательных лексемах казахского языка - CVCCVC (**37 –** гур-гур, дар-дар, чыр-чыр, гүрсіл, быт-шыт, баж-баж, қақ-қақ, дүңкіл, сылдыр, тық-тық, қур-қур), CVCC (**36 –** борт, шырт, парс, тырс, сыңқ, жалп, қарқ, мыңқ, гүмп, күрс, пырт), CVCVC (**20 –** шытыр, сытыр, тітір, пырыл, сықыр, тысыр, сықыр, қытыр, дүбір).

5. Что касается характеристики согласных звуков в начальной позиции в подражательных лексемах, можно отметить следующие: в простых подражательных лексемах английского языка преобладают согласные звуки – глухие (t, p, k, h, s, f (**216**)), взрывные (k, p, b, d, g (**123**)), звонкие (z, r, m, d, b, l, n, g (**102**)), зубные (t, d, s (**111**)), велярные (w, h, k, g (**99**)); в простых подражательных лексемах казахского языка – согласные звуки – глухие (p, h, s, t, k (**140**)), звонкие (d, z, d, m, g, l (**92**)), взрывные (k, b, d, g (**66**)), зубные (d, s, t (**65**)). В составных подражательных лексемах английского языка – согласные звуки – глухие (k, p (**10**)), велярные (k, w (**5**)), зубные (d, t (**4**)); в составных подражательных лексемах казахского языка – согласные звуки – звонкие (b, z, m, d, g (**40**)), зубные (g, d, s, z, l, t (**33**)), взрывные (k, d, b, g, p (**27**)).

Таким образом, подражательные лексемы английского и казахского языков обладают рядом схожих и отличающих их друг от друга свойств, что делает возможным и интересным исследование, основывающееся на выделении и сравнении этих черт у обоих языков.

Литература

1. Бектайұлы Қ. Сөздік – Словарь. Алмата: Издательство «Казахстанский проект развития государственного языка», - 697 с.
2. Воронин С.В. "Основы фоносемантики", Л., 1982.

3. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? - М.: Наука, 1965.- 183 с.
4. Корнилов Г. Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары, 1984.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл.ред. Ярцева В.Н. М.: Сов. Энциклопедия, 1990
6. Туйлемисов М. Казахско-русский, русско-казахский словарь для учащихся и студентов. – Алмата: Издательство «Аруна», 2002. – 416 с.

© Алькенова С.Н., 2012

УДК 811.161.1

Андрианова К.В.
г. Уфа (Россия)

Стратегии и тактики вербального и невербального воздействия в передаче М. Шевченко «В контексте» 27 июня 2012 г.

Речь каждого из нас имеет цель. Достижению цели коммуникатора служат стратегии и тактики (методы и приемы) воздействия на конкретного оппонента (Коммуниканта 1), а также на аудиторию (К2). Информационные стратегии как общий план действий (в нашем случае – речевого поведения или воздействия) на длительный период времени особенно наглядно проявляются в жанрах аналитической тележурналистики – комментарии, обозрении, беседе, дискуссии, ток-шоу, пресс-конференции и корреспонденции.

Речевые стратегии выявляются на основе анализа хода диалогового взаимодействия на протяжении всего разговора [2, с.29] и подразделяются по принципу организации общения на кооперативные и некооперативные. В первом варианте сообщают определенную информацию либо ищут ответы на ситуативные вопросы (спор в данном случае будет представлен как обмен мнениями, в котором все участники одинаково активны; данные стратегии используют не только просьбу, совет, убеждение, увещевания, но также требование, приказ, рекомендацию).

Ко второму типу стратегий относятся диалоги, нарушающие правила речевого общения, построенные на конфликтах, угрозах, сарказме, лукавстве, откровенной лжи или уклонении от ответа – то есть, по принципам коммуникативного саботажа [1, с.185].

Так или иначе, разговорная речь предполагает не только передачу информации, но и постоянное привлечение внимания собеседника. Поэтому коммуникатор стремится выразить свои мысли в яркой, выразительной форме, используя экспрессию, различные эпитеты и метафоры. Стихийность разговорной речи предполагает импровизацию даже при заявленной ранее теме, а позиция по конкретной проблеме определяет стратегии и тактики

воздействия на К1 и К2.

Рассмотрим наиболее выразительные эпизоды манипулятивного влияния в передаче М. Шевченко «В контексте» от 27 июня 2012 года и непосредственно начало программы.

Первое слово ведущего – «война» – не просто лейтмотив очередного выпуска, но и ключ-закрепление, порождающий нужные ассоциации. Тремя предложениями, следующими за «ключом», Шевченко дает общее представление о ситуации на Ближнем Востоке (Иран и Израиль; Сирия и Турция; новый президент Египта), которые нанизываются на тему по спирали, направляя восприятие по заданному пути. Затем, в последних «вступительных» фразах Максима Леонардовича уже проскальзывает осторожный намек на подноготную происходящего: «Складывается ощущение, что за всеми этими событиями стоят не только интересы государств региона, но и интересы мировых политических сил. И эти интересы могут привести нас к Третьей мировой войне». Можно предположить, что в данном случае «телепролог» Шевченко представляет собой своеобразную подстройку, где «война» работает как условный раздражитель – отрицательный якорь, вызывающий неприятное переживание [3], в данном случае – безотчетное чувство опасности, страха или даже паники. При этом следует учесть, что «устный абзац» ведущего с этого слова и начинается, и заканчивается, выстраивая кольцевую композицию – то есть, действительно закрепляя якорь речевого воздействия в подсознании (тихо и бегло сказанный риторический вопрос «Возможно ли такое?» учитывать не будем).

Далее Шевченко представляет гостей июньской студии: вице-президента International Crisis Group Алена Делетро, лидера Международного гиперсионистского движения «Беад Арцейну» («За родину!») раввина Аврома Шмулевича, председателя Исламского комитета России Гейдара Джемаля, главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Федора Лукьянова и политолога, президента международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» Сергея Кургиняна (последний выйдет на связь по телемосту из Тель-Авива). Передача «В контексте» выходит в эфир без аудитории в студии, процесс общения строится из коммуникативных актов ее непосредственных участников (К1 – Делетро, К2 – Шмулевич, К3 – Джемаль, К4 – Лукьянов) и ведущего (Ш). Длительность представленного выпуска – 48:07.

Основной стратегией передачи является стратегия убеждения. Для нее характерно введение тезиса с использованием так называемых глаголов мнения.

К4: Мне кажется, что психологическая война - это естественная и нормальная часть международной поэтики.

К5: Я считаю, что такая война высоковероятна, но политика – это сфера действий людей [молчание]. <…> Я считаю, что налицо и некоторые

возможности диалога. <…> Я уверен в этом.

К1: Я чувствую, что нету такого мирового правительства.

К2: Я думаю, что ядерное оружие ничего не способно сдерживать.

Зачастую в подобном дискурсе появляются количественные наречия.

К4: Ядерное оружие – я абсолютно в этом уверен – щас является мощнейшим фактором стабилизации и некоторого отрезвления даже тех элит, которые новые и которые только приходят.

К3: Она [Россия] абсолютно правильно делает, потому что поддержать Иран – это просто поддержать себя.

К5: Да, Россия это делает, безусловно, правильно.

Тем не менее, подобные высказывания из утверждения зачастую превращаются в категорическое заявление, требование, приказ.

К4: Россия должна Асада «покрывать» (если грубо говорить), но при этом толкать его в определенном направлении, чтобы он понял реальность.

К1: Я, например, считаю, что Россия в феврале, в этом году должна была показать себя как великой дипломатической и политической державой именно в Сирии. Она не сделала это.

Коммуникативная удача заключается в осуществлении речевого замысла адресанта и убеждении адресата, а также его нужной эмоциональной реакции. Однако в данной передаче постоянно применяются ремарки-перебивки, ироничные улыбки, смех, проглатывание слов, ускорение темпа дискуссии в конце предложений, речевые повторы или перескоки, которые намеренно мешают коммуникации, пересекаясь с коммуникативным саботажем.

К3: Речь идет о том, что мировое правительство озабочено сворачиванием национальных суверенитетов…

К2: Какое мировое правительство?

К3 (продолжает): …ликвидацией центров силы…

Ш: Какое мировое правительство – вас спрашивают?

К2: …всем скажите…

В свою очередь, манипулятивные приемы, на первый взгляд, не нарушающие коммуникацию, представлены в программе достаточно широко. Рассмотрим вкратце несколько таких приемов, подкрепленных примерами.

Применение коннотации, эмоциональной семантической оценки

К2: Россия вообще не способна играть никакой роли на Ближнем Востоке, она не способна решить даже свои собственные проблемы. У вас идет партизанская война на Кавказе, и вы хотите вмешаться в гражданскую войну в Сирии.

Или (с попыткой задабривания):

К1: Я, например, считаю, что Россия в феврале, в этом году должна была показать себя как великой дипломатической и политической державой именно в Сирии. Она не сделала это.

Ш: То есть, показать – это значит, отдать Сирию на съедение блоку НАТО.

Языковая игра на отвлечение от генеральной темы

К3 (о мировом правительстве): Есть интересы ООНовской бюрократии, есть ЕС. ЕС уже практически покончило с суверенитетами в Европе…

К2 (поднимает руку): Есть мнение, что оно покончило с собой…

Абстрактный ответ

Ш: Правильно мы вас понимаем?

К5: Не совсем, хотя, почти.

Искажение информации

К1: Президент Ирана два раза публично заявил, что у него цель – уничтожать другой член… [неразборчиво] геноцид…

К3 (перебивание): Об уничтожении Израиля. Во-первых, уже признано, что это не так…

К1 (продолжает говорить): Ни у кого, ни у кого, ни у кого другого нет, не было такого заявления, что мы будем уничтожать другую страну [неразборчиво].

К3: Не так давно, не помню его имени, какой-то министр Израиля признал, что на самом деле это совершенно неправильный перевод <…> Он говорил совершенно конкретно о ликвидации политического режима. В том же плане, в каком был ликвидирован режим СССР. Мы же не исчезли с карты, мы существуем, – только мы больше не СССР.

Ложная аргументация (вариация старинного приема «Так хочет Бог» времен Крестовых походов)

К2: Есть какие-то глобальные процессы, которые мы, может быть, не можем понять, и не можем понять, кто же за ними стоит… я думаю, за ними стоит просто вот Бог. Какие-то экономические, социальные законы, которые мы не понимаем.

Приписывание оппоненту тезиса и его мнимое опровержение (в данном примере – попытка не удалась)

К3: По ряду пунктов я, извините, не могу согласиться с Сергеем Ервандовичем. С самого главного тезиса начиная, что политику делают люди. Конечно, политику делает Бог…

К2: …руками людей.

К3: …руками людей, но они, так сказать, играют по сценарию, который не они писали.

В середине передачи – возвращение к тезису:

Ш: Авром, вы видите процессы как модернистские, так и контрмодернистские, если б все-таки я попросил бы вас прокомментировать тезис Сергея Кургиняна?

К2: Гейдар сказал, что миром управляет Бог. Потом поправился и сказал, что миром управляет какая-то мировая бюрократия. Я все-таки счи-

таю…

К3: Э… вы сказали, что миром управляет Бог через людей. Я это принял, сказав, что они работают по сценарию.

Использование тропов и стилистических фигур

Ш: Вот это все-таки уже стало как история про волка, которого, помните – мальчик звал: «Волк, волк!», – волка все нету. А когда волк на самом деле пришел, то на помощь мальчику никто так и не явился. Или это реальность?

К4: Ну, тут волков очень много, и мальчиков много, ничё непонятно, все всё что-то кричат <…>.

К5: Сейчас на границе между Сирией и Израилем летают только мухи.

Уход от вопроса («рыба»)

Ш: Стоят ли, как бы внутренние, некие такие скрытые мировые силы за стравливанием Ирана и Израиля, Египта и Саудовской Аравии, Сирии и Турции, например? Или все это какие-то объективные процессы?

К1: Нет, конечно, стоят…

Ш: Что это за силы?

К1: Разные силы. Разные региональные силы с интересами… например, пока что мы слышали об интересах Ирана в Сирии… (Заговаривает о Турции, по спирали нанизывая и повторяя уже известную информацию. И начинает рассказывать о «новом факторе» – проявлении в истории арабских народов (ссылаясь на речь К4) и диктатуры). И мы видим… играются новые карты по новым правилам, которые для всех именно новы… (Коммуникант говорит уже о президенте Египта и внутреннем кризисе в США).

Уход от вопроса через трюизм и абстракцию

Ш: Авром, скажите… вот этот постоянный обмен угрозами между Ираном и Израилем – это что: дипломатический шантаж, попытка манипуляций или, на самом деле… э… возможность реальной большой войны?

К2: Во-первых, война на Ближнем Востоке уже идет. Она идет с переменным успехом уже 4000 лет. И сегодня, и вчера, и позавчера мирные города Израиля подвергаются… ракетному обстрелу со стороны Газы. Ракеты эти во многом финансируются и сделаны Ираном. Э… То есть, просто сейчас идет Ирано-израильская война. Мир предпочитает не замечать этого. Когда убивают евреев, мир почему-то молчит. Но… война идет. Э… и… а… такая война… такие удары… не может продолжатся долго, иначе… должна... быть… выписаться что-то более…

Обличение (с повтором слова для увеличения эффекта)

К1: Я чувствую, что нету такого мирового правительства. Есть некоторые организации, которые имеют…

К3: Вы, кстати, сам представитель, представитель именно этой грибницы…

В отдельных случаях коммуниканты сами допускают ошибки, проговариваясь или неправильно применяя те или иные слова.

К1: …там [в Сирии] есть возможность создать гражданскую войну.

К2: Израиль рассматривает Россию... как опасного соседа, которого, к сожалению, невозможно никуда деть.

Таким образом, в передаче от 27 июня 2012 года активно использовались стратегии убеждения, утверждения, предложения и совета, просьбы и требования; практически не применялись угрозы и предупреждения. В свою очередь, тактики (методы и приемы) вербального и невербального воздействия в передаче были разнообразны и выглядели достаточно аккуратно, и заметные манипулятивные неудачи имели немного места. Коммуниканты использовали ремарки-перебивки, мнимое спокойствие голоса (усыпление слушателя), смешки, ироничные улыбки, дергание рук, акценты в словах, ускорение темпа дискуссии, проглатывание слов, речевые повторы или перескоки, поправки, повторы (закрепления) тезисов, анонимный авторитет, абстрактные рассуждения, подмену темы (уход от вопроса) и технику матрешки («рыба» в НЛП – развитие темы по смежности и ассоциациям), стереотипизацию (трюизмы в целом), два вида вопросов-капканов (вымогательство и альтернатива), риторические вопросы, выявление противоречий, преуменьшение значения аргумента, метод «да, но», метод исторических параллелей, спираль ответов и стилистические тропы и фигуры (в частности, метафоры, эпитеты, гиперболы, градацию, аллегории и сравнения).

Литература

1. Андреева (Скобликова) В. Ю. Психолингвистический аспект коммуникативного саботажа Андреева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 92. – С. 185-186.
2. Виноградов С. И., Платонова О. В. и др. Культура русской речи. М., 1999.
3. Любимов А. Ресурсы НЛП [Электронный ресурс]: библиотека НЛП и эриксоновского гипноза. URL: http://nlpr.ru/node/249 (дата обращения: 1 ноября 2012).
4. Первый канал [офиц. сайт]. URL: http://www.1tv.ru/sprojects/si=5851 (дата обращения: 21 сентября 2012).

© Андрианова К.В, 2012 г.

УДК 81’42

Андронникова П.В.
г. Елабуга (Россия, Татарстан)

Антиномия *чудик – античудик* в рассказах В.М. Шукшина: семантико-функциональный аспект

С появлением первых рассказов В.Шукшина в литературной критике вошло в обиход понятие «шукшинский герой» как номинация нового типа персонажа. Его реализацией становится антиномия *чудик – античудик*, которая, в свою очередь, представляет собой основу и суть концептосферы «деревенских» рассказов автора («Чудик», «Срезал», «Микроскоп», «Упорный», «Степка», «Леля Селезнева с факультета журналистики», др.). Программным и ключевым в этом смысле является один из перечисленных рассказов В.Шукшина – «Чудик», где концентрация данной лексемы самая высокая: на 8 страницах она встречается 57 раз.

Нам представилось целесообразным вскрыть и описать внутреннюю форму этой номинации по данным разных лексикографических источников. Если обратиться к современным толковым словарям, то можно обнаружить немногочисленные попытки объективации дефиниций моносеманта *чудик*. Так, в словаре В.С. Елистратова вслед за самим автором понятийная составляющая определяется как «странный, несуразный человек, чудак» [2, с.56]. В словаре С.И. Ожегова его семантический план вскрывается посредством деривационного способа, отсылки с пометой «прост.» «то же, что чудак» [3, с.771]. В словаре Д.Н. Ушакова производящее *чудак* трактуется как «странный, чудной человек» [4, с.1191]. В толковом словаре В.И. Даля подобного рода информация отсутствует. На наш взгляд, это закономерно и обусловлено тем, что *чудик* – понятие нашего времени, причем имеющее ярко выраженную разговорно-бытовую окрашенность, актуализированное и возведенное в ранг ментального конструкта в шукшинском дискурсе.

Несомненно, *чудик* представляет собой дериват слова *чудо*, которое ведет свою родословную ещё с общеславянского периода и включает следующие семемы: *чудо* ср. всякое явленье, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы; *чу́дище,* ср. чудовище зап. сказочное животное, страшилище небывалого вида, многоголовый змий и пр. урод, тело необычайного построенья [1, с. 612-614]. Из приведённых толкований становится очевидно, что в общеславянский период представление русского народа о *чуде* определялось в полярных направлениях: с одной стороны, что-либо радостное, светлое, чудесное; с другой – чудовищное, зловещее, страшное.

План содержания лексемы *античудик* вскрыть не составляет труда: достаточно выделить в структуре слова приставку *анти-* (греч. *anti-*), обо-

значающую противоположность или враждебность ч.-либо (соответствует рус. *противо-*), т.е. буквально *«противочудик», «нечудик».*

Таким образом, антиномичность категорий *чудик* и *античудик* заложена уже в их словарных дефинициях, что логично определяет ядерную часть концептосферы автора (антиномию *чудик – античудик*), модель которой будет рассмотрена в форме бинарной оппозиции.

Доминирующими средствами ее языковой реализации выступают единицы лексического уровня. Одной из первых рассматриваемых нами лексических парадигм становятся способы номинации героев. Герои в тексте «деревенской» прозы именуются при помощи собственных имен существительных типа *Васека, Минька, Спирька, Бронислав Пупков* и т.д.: *«Его звали – Васека*» [5, с.19] и нарицательными именами существительными по роду их профессиональной деятельности, характерному признаку и др. типа *кузнец, милиционер, председатель, жена, интеллигентный товарищ* и т.д.: *«Интеллигентный товарищ отвернулся к окну и больше не разговаривал»* [5, с.138].

Данные способы номинации не случайны. При наименовании чудика Шукшин употребляет следующие формы: 1) имена с суффиксом *-к-* со значением субъективной оценки: *Митька, Степка, Ванька, Пашка, Минька* и др.; 2) усечённые формы: *«Звали его Василий Егорыч Князев* [5, с.143]. Таким образом, автор характеризует персонажа как «своего», человека из народа, близкого и понятного читателю. Тогда как при номинации категории-оппозита имя вообще отсутствует: *председатель*, *товарищ*, *жена*, др. В.Шукшин отразил только должностные и социальные характеристики персонажа, тем самым оценивая своего персонажа как человека бездушного, лишенного внутренней наполненности и чувств. Сам античудик дает следующую оценку чудику*: «А по лицу не скажешь, что дурак»*; *«ненормальные какие-то»*; *«любит всех, как дура»* [5, с.84]. Таким образом, имена полифункциональны и реализуют в дискурсе рассказов, наряду с номинативной, оценочную, характерологическую, прагматическую функции. Более того, автор посредством имени индивидуализировал чудика, резко проведя границу между двумя преобладающими в тексте типами героев его «деревенской» прозы.

Уделяя внимание в данном исследовании также речи персонажей, отметим, что речь чудика незамысловата, самобытна, народна. Поскольку коммуникативная среда города и деревни существенно различается, городской житель (античудик) не понимает его изначально: *«У нас в соседней деревне один дурак тоже…Схватил головешку – и за матерью. Пьяный. Она бежит от него и кричит: «Руки, – кричит, руки-то не обожги, сынок!»… «Сами придумали? – строго спросил интеллигентный товарищ, глядя на Чудика поверх очков»* [5, с.137]. Данный способ актуализации антиномии еще раз доказывает близость любимого героя В.Шукшина читате-

лю, его естественность и искренность.

Репрезентация оппозиции *чудик – античудик* осуществляется в рассказах В.Шукшина за счет грамматических конструкций, объективирующих действие героя типа «наречие + глагол». К примеру, в пределах сравнительно небольшого контекста рассказа «Сапожки» встречается достаточно большое количество примеров, репрезентирующих концепт-оппозицию *чудик – античудик*: *«долго любовался»*; *«смотрели безнадежно»*; *«спросил весело»*; *«сказал поспешно»*; *«слегка растерялся»*; *«было хорошо»* – характеризуют образ действий и поступков чудика; *«презрительно посмотрела»*; *«посмотрели с недоумением»*; *«немного позубатились»* – определяют признаки и характеристику действий античудика. В данном случае грамматическая доминанта передает эмоциональность, экспрессию, точность авторских характеристик.

На синтаксическом уровне в «деревенской» шукшинской прозе наблюдается преобладание в тексте экспрессивных синтаксических конструкций, репрезентирующих антиномию *чудик – античудик,* в частности таковыми являются вставные конструкции, сравнения, прямая и несобственно-прямая речь, простые предложения, с помощью которых автор дает первоначальную характеристику своему герою: *Спирьке Расторгуеву – тридцать шестой, а на вид – двадцать пять, не больше* [5, с.35], *«Его звали – Васека»* [5, с.19]. Как правило, подобный способ актуализации смыслокомплекса *чудик* встречается в самом начале рассказа, что подчеркивает его концептуальную значимость. В ходе развития сюжета выдвигаются другие средства, которые направлены на раскрытие наиболее значимых признаков концепта-оппозиции.

Итак, семантический план, системные отношения антиномии *чудик – античудик*, средства актуализации исследуемой основы и их функции, реализованные на информативно-смысловом и прагматическом уровнях текста, позволяют нам представить двуядерное семантическое поле как концептуальную основу шукшинских рассказов в целом. Ядерную, или когнитивно-пропозициональную часть будет составлять собственно лексическая антиномия *чудик – античудик,* формирующая вокруг себя семантические поля, выдвигающие в порядке значимости отдельные репрезентированные единицы. Приядерную зону концептуального ядра *чудик* составляют лексические репрезентации когнитивно-пропозициональной структуры: способы номинации и обращения типа *Мотька, Спирька, Василий Егорыч Князев*, а также узуальные синонимы и дериваты типа *гаврик, куролесник, оригинал, чудак, чудачина, чудачок*. Приядерную зону концептуального ядра *античудик* составляют такие единицы, как способы номинации «по функции/ признаку» типа *сосед, читатель, интеллигентный товарищ, продавец*, а также узуальные синонимы типа *враг, враждебный, противоположный*. Самый большой пласт поля составляют эмоционально-оценочные смыслы, возникающие, как

правило, за счет синтагматики единиц. Они и актуализируют область периферии. Во-первых, это качественные прилагательные как интенсификаторы ключевого понятия, они наполняют его положительными и отрицательными характеристиками и образуют в совокупности своей эмотивное пространство дискурса в целом. В зоне периферии концепта *чудик* сосредоточены номинации, формирующие образ концепта, типа *обаятельный, умные, ясные* (глаза); концепта *античудик – большой, толстый, потные* (руки). Сюда же включаются единицы коннотативной, оценочной лексики типа *ненормальный, с приветом*, данные самими персонажами о чудиках. Во-вторых, глаголы и зависимые от них наречия с семантикой образа действия: так, чудик *радостно воскликнул, тихо вздохнул, горько шептал* и т.п.; античудик *закричал шепеляво; спросила зло, нервно* и т.д. В-третьих, разнообразные вербальные средства типа восклицаний, умолчаний, передающие эмоции и внутреннее состояние шукшинских персонажей: *«Это ж был человек!»* [5, с.2], а также диалоги, чрезмерно эмоциональные высказывания, простые предложения, др.

Обобщая вышесказанное, в качестве основных приведем следующие положения: во-первых, антиномия *чудик – античудик* в структуре концептуального пространства «деревенской» прозы В.Шукшина приобретает доминантный характер и составляет ядро концептосферы автора; во-вторых, любой смысл, реализованный практически на всех уровнях языкового воплощения одного концепта, будет также реализован в этой же области концепта-оппозита. Однако исследуемая антиномия не означает упрощения картины мира, не означает сведения всей сложности бытия к двум смысловым полюсам. В структуре исследуемой концептосферы мы выделили область пересечения полей – родовую общеславянскую основу лексемы *чудо*, выражающей общий структурный признак концепта-оппозита.

Итак, в индивидуально-авторской концептосфере В.Шукшина доминирует противоречивое начало, выявляющее антиномию и неоднозначность концептов *чудик* и *античудик,* что свидетельствует об универсальности авторского мышления

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка: в 4-х т. – Т. 4. – М.: Гос. изд-во национальных и иностранных словарей, 1955. – 684 с.
2. Елистратов В.С. Словарь языка Василия Шукшина. – М.: Азбуковник, Рус. словари, 2001. – 431 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
4. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Принт, 2007. – 1239 с.
5. Шукшин В.М. Рассказы. Повести. – М.: Дрофа, 2003. – 464 с.

© Андронникова П.В., 2012

УДК 811.161.1

Анохина С.З.
г.Уфа (Россия)

Категория объекта в когнитивном освещении

Когнитивный подход оказывается сегодня ключом к решению тех вопросов, исследования которых ранее без всякого обращения к анализу познавательных процессов оставались бесплодными. Иногда говорят не о когнитивном подходе, а о когнитивной науке, которая в «Новой философской энциклопедии» определяется как «комплекс наук, изучающих сознание и высшие мыслительные процессы на основе применения теоретико-информационных моделей» [1, с.264].

Понятие когниции включает не только утонченные занятия человеческого духа (такие как знание, сознание, разум, мышление, представление, творчество, разработка планов и стратегий, размышление, символизация, логический вывод, решение проблем, делание наглядным, классифицирование, соотнесение, фантазирование и мечты [2, с.2]), но и процессы более земные, такие как организация моторики, восприятие, мысленные образы, воспоминание, внимание и узнавание [Bühler, цит. по: 3, с.14-15].

В последние десятилетия когнитивные исследования настолько расширили свое проблемное поле, что сейчас следует говорить именно о когнитивном подходе: имеются в виду исследования самых разных предметностей, в том числе и решение традиционных для определенной науки проблем, но методами, учитывающими когнитивные аспекты, в которые включаются процессы восприятия, мышления, познания.

Однако чаще языковая деятельность рассматривается как один из модусов «когниции», составляющий вершину айсберга, в основании которого лежат когнитивные способности, не являющиеся чисто лингвистическими, но дающие предпосылки для последних. К таким способностям относятся: построение образов и логический вывод на их основе, получение новых знаний, исходя из имеющихся сведений, составление и реализация планов [Richelle, цит. по: 3, с.27].

Когнитивная наука, под эгидой которой возникла когнитивная лингвистика, все больше дробится не только на разные школы, но и на разные когнитивные науки – когнитивную психологию, нейронауки, антропологию и т.п. [4, с.8].

В рамках когнитивной лингвистики оказывается правомерным рассматривать языковые структуры сквозь призму общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой, и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов. Физическая природа мыслящего существа и способ его функцио-

нирования в среде обитания имеет большое значение для изучения человеческого мышления.

Проблема анализа объектов осложняется тем, что их «облик» принимают в языке категории, далекие от субстанционального содержания. Это определяется изменением объектных значений от конкретного к абстрактному и сопровождается переосмыслением значения глагола, связанного с переходом в иную функциональную сферу (вплоть до полной десемантизации). В результате указанных процессов происходит существенная модификация содержательного плана объекта по линии его функционального развития от конкретного предмета, на который направлено действие, до любой субстанции, включаемой в сферу действия. В результате действия, интерпретирующего фактор языка, в анализируемой сфере наблюдаются также глаголы более сложные, чем объект сущности. Например, пропозитивные (увидеть драку) и квалификативные (принять с восторгом). Их проявление характерно для сферы состояния, причины, цели, каузации (любить за доброту, обвинить в черствости, поехать за покупками). Вследствие перечисленных процессов категории объекта в высшей степени свойственна языковая идиоматичность.

Понятие объекта и состав категории объекта считались и до сих пор считаются вопросом дискуссионным. В лингвистике взгляды на категорию объекта менялись вместе с тем, как новые теории приходили на смену прежним и как одна парадигма научного знания сменяла другую. Объекты в языкознании рассматривались представителями разных лингвистических школ с различных позиций. Основным недостатком практически всех подходов к изучению категории объекта являлось то, что сам объект, будучи категорией многоаспектной, рассматривался с какой-либо одной позиции. Так в рамках традиционной лингвистики объект изучали в основном с лексико-семантической точки зрения самого предмета. В различных категориальных ситуациях рассматривались семантические группы глаголов и связанные с ними типы объекта.

При рассмотрении зрительного восприятия и его объекта в рамках когнитивной лингвистики целесообразно использовать метод прототипа, который заключается в том, чтобы выявить прототипические, ядерные элементы категории объекта. Когнитивная лингвистика и, в частности, теория прототипов позволяют по-новому подойти к решению данной проблемы.

Следует выделить прототипические объекты, при помощи которых мы получаем информацию об окружающем мире. В первую очередь, в качестве прототипических объектов выступают объемные объекты, такие как небо, часто описывается какое оно – голубое, облачное или звездное; море, океан – необъятные, безмятежные, бушующие; поля, чернеющие вдали; лес, дремучий; хвойный, возвышающийся перед глазами; дорога – каменистая, проселочная, которая извивается и т.п. Объекты данного типа в большинст-

ве своем являются протяженными. Точечные объекты являются неотъемлемой частью объемных, протяженных объектов, на их фоне выделяются точечные объекты: в небе самолет, птица; по дороге идет человек.

В процессе общения объектом зрительного восприятия становится человек. Одушевленные объекты, представленные существительными, отражают родственные отношения (мать, отец, дети), возраст (старик, ребенок), профессию (учитель, артист, водитель, доктор) и просто участника акта коммуникации (собеседник). При этом глаза, лицо собеседника становятся прототипическими объектами, в данной ситуации они являются фокусом в процессе зрительного восприятия.

Окно также является прототипическим объектом, окно похоже на глаза. Так же, как и при помощи глаз, человек смотрит на мир через окна. Окно осмысляется то как преграда, то как исходный пункт движения взгляда. Окно нужно для того, чтобы видеть не только то, что рядом, в закрытом помещении, но и то, что находится вне помещения. К прототипическим объектам следует отнести и часы. При помощи часов человек узнает информацию о времени, которая является также жизненно необходимой. Без часов жизнь уже кажется немыслимой, это предмет, на который человек смотрит ежедневно.

Таким образом, использование когнитивного подхода к изучению зрительного восприятия предполагает анализ объектов зрительной перцепции. Такой анализ выявляет потенциал данных объектов при осмыслении различных фрагментов действительности.

Литература

1. Меркулов И.П. Когнитивная наука // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т.2. М., 2001. С. 26.
2. Flavell J.H. Cognitive development. Englewood-Cliffs: Prentice Hall, 1977. С.2.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. № 4. С.17-33.
4. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. В. 1. С.8.

© Анохина С.З., 2012

УДК 801

Арендарь О. А.
г. Уфа (Россия)

Категории языка в коммуникативном аспекте

Коммуникативный процесс представляет собой, с одной стороны, выражение мыслей с помощью языка, т.е. порождение высказываний, а с другой стороны- понимание того, что говорят другие, т.е. понимание их мыслей, выраженных в языковой форме. Для этого необходимы знания как языкового (знание грамматики, лексической семантики, типов речевого использования), так и внеязыкового (знание контекста, ситуации, фоновые знания о типах событий: состояния, действия, процессы и т.п.) свойства. Все эти знания составляют общую базу данных, которые лежат в основе функционирования языка и связаны с общими процессами понимания, хранения и передачи информации, тем самым определяя необходимость учитывать отношения между языковыми объектами и психическими процессами, участвующими в производстве этих объектов и их понимании.

Философским и психологическим обоснованием единства всех аспектов языка и его взаимосвязей служит понятие категории как основной формы и организующего принципа процессов мышления и познания. В основе этого понятия лежит общая для разных сторон деятельности человеческого сознания способность к типизации явлений (абстрагирующая функция). Будучи одинаково свойственной мышлению, психике и языку, эта функция связывает в единую цепь процессы перевода неязыковой информации в слова, а также обратные процессы декодирования слов на основе устойчивых связей связей между событиями и выражающими их понятиями, между понятиями и выражающими их словами, т.е. между категориями событий и языковыми категориями.

Языковые категории отражают в наиболее обобщенной (концептуальной) форме как языковую, так и внеязыковую информацию и обеспечивают тем самым связь между реальным миром говорящего и миром языка. Они создают концептуальную, понятийную основу говорения и понимания общего (предмет, признак, действие и т.п.) и частного (число, время, падеж, синтаксическая функция и т.д.) характера. Чтобы передать какую-либо мысль на данном языке, говорящему необходимо соотнести ее содержание с той или иной категорией и тем самым выбрать соответствующие языковые средства ее выражения: конкретное слово (существительное, прилагательное или глагол) в определенной грамматической форме и синтаксической функции (подлежащее, сказуемое, определение и т.д.)

Таким образом, обучение иностранному языку как универсальному средству общения предполагает знание языка как функциональной системы,

и, следовательно, знание принципов и механизмов формирования этих знаний в высказывании для выражения определенных смыслов.

Литература

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики.- Москва: Прогресс, 1992.

© Арендарь О.А., 2012

УДК 811. 111 – 25

Архипова Е.В., Кузнецова Е.В.
г. Мозырь (Беларусь)

Особенности речевого акта запрещения и средства его выражения в английском языке

Речевой акт запрещения представляет собой негативный акт, целью которого является выражение одним из коммуникантов негативной реакции на действие собеседника (вербальное или невербальное). Интенция адресанта связана с намерением добиться того, чтобы определенное действие адресата прекратилось или видоизменилось, при этом статус запрещающего позволяет ему оказываться воздействие на партнера по коммуникации.

Корпус языковых ресурсов, выражающих речевой акт запрещения, представляет собой специфические языковые средства, которые позволяют коммуниканту правильно идентифицировать тип речевого акта и верно на него реагировать. Поскольку запрещение представляет собой коммуникативно опасный речевой акт, то в тех случаях, когда одному из коммуникантов приходится оказывать воздействие на собеседника, для снижения его негативного эффекта используется целая система различных стратегий. В таких ситуациях предпочтительным является косвенное выражение запрещения, поскольку, употребляя прямые средства, например, императив, говорящий изначально ставит себя выше своего собеседника, смещая его на более низкую статусную позицию.

Таким образом, речевой акт запрещения может быть выражен прямыми и косвенными средствами. К первым относятся *императивные конструкции do not/ let + экспликация нежелательного действия*: Do not take it away!, Don't let the dog worry the sheep.

Косвенный способ оформления речевого акта запрещения представлен следующими средствами:

1. *Реплики-просьбы*: Would you stop that noise, please? Would you kindly stop smoking, please?
2. *Реплики, включающие модальные глаголы*.

Общевопросительные предложения с модальным глаголом must выполняют коммуникативную функцию вежливого побуждения к прекраще-

нию действия, выполняемого адресатом: Must you make so much noise? (Stop making so much noise).

Если have to сигнализирует о том, что обязательство накладывается извне, в силу действия внешних факторов, то must означает, что обязательство накладывается самим говорящим: You must stop smoking. (I want you to); You have to stop smoking. (The doctors say so).

В официальном стиле may not употребляется в значении не разрешается: Borrowers may not (are not permitted to) take out of the library more than two books at a time.

3. *Герундиальные обороты*: You know, smoking is not allowed here.

Таким образом, речевой акт запрещения является коммуникативно опасным и представляет собой совмещение значений запрещения и побуждения, при котором адресант не разрешает совершить или требует прекратить какое-либо действие.

© Архипова Е.В., Кузнецова Е.В., 2012

УДК 811. 111'276.6:355

Архипова Е.В., Русецкая И.В., Титовец М.Н.
г. Мозырь (Беларусь)

О некоторых особенностях английского военного жаргона

Военный жаргон является неотъемлемой частью военной лексики, которая включает в себя не только слова и сочетания, обозначающие понятия, непосредственно связанные с вооруженными силами, и научно-технические термины (*track* гусеница танка [2]), но и словарные единицы, которые употребляются в военной среде, не обозначая собственно военных понятий (*behavior report* письмо домой [2]). Таким образом, военную лексику в английском языке можно разделить на военную терминологию и эмоционально окрашенные элементы, которые в большинстве случаев являются стилистическими синонимами военных терминов.

Военный жаргон – это набор упрощенных слов и словосочетаний для обозначения лиц, действий и понятий, часто используемых военнослужащими в случае отсутствия уставных терминов или вместо них, а также используемых ритуально, как бы подчеркивая общность военной профессии, принадлежность к солдатскому братству.

При рассмотрении характерных черт английского военного жаргона становится очевидной возможность деления его на две составляющие с точки зрения функционирования. Первая часть употребляется довольно широко и входит в просторечную лексику английского языка (*leatherneck* морской пехотинец; *GI* солдат [1]). Вторая же имеет узкую сферу употребления, ог-

раниченную преимущественно вооруженными силами США и Англии (*loot* лейтенант; *slick* невооруженный вертолет [1]). Этой лексике присущи характерные особенности: использование узкоспециальной военной терминологии (*bird barn* авианосец [2]); использование сокращений (*veg* (vegetable) морская мина [2]); специфическая эмоциональная окраска с преобладанием отрицательной, грубо фамильярной и насмешливо-иронической (*life-insurance, overcoat, umbrella* парашют [3]).

Экспрессивно-оценочная функция военных жаргонизмов связана со стремлением дать общеизвестным понятиям характеристику, выражающуюся в объективно-оценочном отношении к тем или иным фрагментам действительности (the army travels on its belly – армия передвигается на своем брюхе; to see the whites of the eyes – быть очень близко к противнику).

В национальном языке военный жаргон складывается поэтапно, отражая лингвокультурную ситуацию, характерную для конкретного периода времени. Следует отметить также, что военная лексика национально специфична, т.к. в ней отражаются особенности менталитета отдельного этноса.

Таким образом, военный жаргон представляет собой совокупность языковых средств обслуживающих военно-профессиональную и военно-бытовую сферу.

Литература

1. Richard A Spears. NTC's Dictionary of American Slang and colloquial expressions. – L., 1989. – 388 p.
2. Richard Bowyer. Dictionary of military terms. Third edition. – London: A&C Black Publishers Ltd., 2007. – 289 p.
3. H. Wentworth, S. B. Flexner. Dictionary of American Slang. – N.-Y.: Crowell, 1975. – 279 p.

© Архипова Е.В., Русецкая И.В., Титовец М.Н., 2012

УДК 378.02

Афанасьева Г.А.
г.Уфа (Россия)

К вопросу об использовании фоновых знаний в обучении иностранному языку

Непременным условием общения является не только владение общим языком, но и наличие определенных знаний, накопленных до акта общения. Каждый из участников речевого акта должен обладать определенным опытом как лингвистическим (знанием языка), так и нелингвистическим (знание об окружающем мире). Для общения необходима, во-первых, общность язы-

ка, во-вторых, участники акта общения должны иметь определенную речевую ситуацию, т.е. конкретные условия данного акта общения, в-третьих, участники акта общения должны иметь определенную общность социальной культуры.

Общность социальной истории находит свое отражение прежде всего в знаниях об окружающем мире. Эти знания, присутствующие в сознании участников коммуникативного акта, получили название фоновых (калька с английского – background knowledge). По определению О.С. Ахмановой, фоновые знания – это «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения». Фоновые знания в широкой трактовке - это практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения.

Основным объектом лингво-страноведения являются знания, которыми располагают только члены определенной этнической и языковой общности. Эти знания связаны с национальной культурой. Эти фоновые знания, свойственные членам определенной языковой общности и отсутствующие у иностранцев, получили название страноведческих.

Страноведческие фоновые знания и составляют предмет лингвострановедения, т.е. такого обучения иностранному языку, когда одновременно с обучением языку ведется обучение элементам культуры народа-носителя этого языка, когда в процессе обучения язык выступает не просто как набор формальных средств, а как часть культуры, когда плану содержания уделяется не меньше внимания, чем плану выражения.

Владение страноведческими фоновыми знаниями позволяет участникам коммуникации добиваться полного взаимопонимания. Поэтому обучение страноведческим фоновым знаниям должно стать неотъемлемой частью обучения иностранным языкам. Оно не менее важно, чем обучение языковым средствам.

Изучающий иностранный язык и культуру народа-носителя этого языка должен овладеть суммой знаний, которыми обладает, например, средний англичанин или американец. К тому же, страноведческие фоновые знания необходимо получить во много раз быстрее, чем это происходит в естественных условиях. Возможно ли это? Сторонники лингвострановедческого подхода к изучению иностранного языка считают, что это осуществимо, если распределить фоновые знания по этапам обучения и организовать работу над ними параллельно с изучением языкового материала.

© Афанасьева Г.А., 2012

УДК 378.02

Ахмедова Г.Х.
г.Уфа (Россия)

Построение процесса обучения чтению научной литературы

Чтение есть комплексный процесс, компонентом которого является восприятие языковых средств данного языка, основывающееся на узнавании. Необходимым компонентом узнавания является процесс сопоставления воспринимаемых единиц текста с эталонными образцами, хранимыми в долговременной памяти.

Для того чтобы мог осуществляться процесс чтения, в памяти читающего должны быть заложены не только эталонные образы слов и морфем, но и эталонные образы соответствующих синтаксических структур, фрагментов текста и, наконец, эталонные образы самих текстов.

Обучать пониманию научных текстов целесообразно на материале самих текстов, а не отдельных предложений. Восприятие грамматической структуры предложения есть важный компонент процесса чтения, а восприятие грамматической структуры целого текста есть нечто более сложное, чем простая сумма восприятий отдельных предложений, составляющих общий текст. Отдельные упражнения целесообразно использовать ограниченно на начальной стадии формирования навыков распознавания отдельных грамматических явлений текста, а затем сразу же отрабатывать навыки и умения распознавания языковых средств данного текста.

Из 140 часов, отводимых на обучение, примерно 40 часов достаточно для обучения распознаванию и пониманию наиболее сложных структур, характерных для стиля научной прозы, что обеспечивает быстрый переход к самостоятельному чтению. На начальном этапе основной целью является выработка навыков и умений распознавания и понимания наиболее трудных грамматических конструкций, специфических для стиля научной речи. Начинается обучение с синтаксиса, привлекаются схемы, таблицы.

Основным источником информации и главным действующим лицом является преподаватель.

Материал излагается в виде инструкций, в которых явления всегда рассматриваются в двух планах: в плане распознавания по формальным признакам и в плане семантизации. Упражнения используются только на первых стадиях формирования навыков и умений, имеют иллюстративный, алгоритмический характер. Обучаемые в этот период получают тот основной курс практической грамматики научной речи, который отличается от всех предыдущих курсов, так как в нем отражаются стилистико-грамматические черты языка научной литературы. Примерно с четвертого занятия начинается самостоятельное домашнее чтение литературы по специальности. Навыки

устной речи как текстовые еще не развиваются. Основные виды контроля: опрос инструкций по распознаванию и пониманию отдельных явлений на материале текстов по специальности, перевод письменный и устный и самое главное- контроль навыков распознавания и понимания конкретных отрывков из текстов.

Следующий этап включает в себя повторение и систематизацию грамматического материала для целей чтения и для развития навыков и умения вести беседу на ограниченном материале.

Таким образом, совершенствуются навыки, заложенные на первом этапе обучения, и получают начало развития навыки устной речи: вопросно-ответная отработка текстов и устное реферирование и перевод научных текстов.

Видное место занимают словообразование и упражнение по рассмотрению потенциального словаря учащихся.

Преподаватель задает на самостоятельное повторение или изучение целые комплексы тем, которые систематизируются на последующих занятиях.

Широко используются грамматические таблицы и схемы. Главным действующим лицом этого этапа становится сам учащийся, преподаватель лишь управляет самостоятельной работой по повторению усвоенного в вузе, но уже забытого материала. Подробно рассматриваются лишь те явления, которые специфичны только для стиля научной речи. Виды контроля: опрос правил по грамматике, умений задавать вопросы и отвечать на них, умений переводить сложные и производные слова, термины и слова, отсутствующие в словарях.

Задачи следующего этапа: совершенствование навыков и умений вести беседу по прочитанным текстам и специально отобранным разговорным темам, а также развитие и совершенствование навыков устного реферирования и пересказа научных текстов. На этом этапе уже нет ни введения нового грамматического материла, в плане распознавания в научных текстах, ни повторения целых комплексных тем. Все внимание уделяется совершенствованию ранее приобретенных навыков и их контролю. Главные действующие лица на этом этапе - обучающий и обучаемый в равной мере.

Основные виды контроля: контроль умения вести беседу по разговорным темам и пересказа содержания прочитанных текстов.

Преимущество такого построения курса в том, что, во-первых, в течении всего периода обучения можно практиковать домашнее чтение, так как учащиеся сразу же знакомятся с особенностями стиля научной речи; во-вторых, чтение способствует повторению лексического материала, а при правильно организованном закреплении и контроле это дает прочную базу для дальнейшего расширения; в-третьих, беседы по разговорным темам, устное реферирование и пересказ научных текстов опираются на уже прой-

денный или повторенный материал, чем уменьшается опасность больших искажений в речи из-за незнания порядка слов в предложении, уменьшается далее количество морфологических ошибок, а к концу обучения они почти полностью исчезают в речи учащихся.

© Ахмедова Г.Х., 2012

УДК 81’1

Ахметжанова Р.Н.
г. Уфа (Россия)

Риторический дискурс в системе подготовки современного специалиста

Умение общаться с людьми – это товар, и я заплачу
за такое умение больше, чем за что-либо другое на свете.
Дж. Рокфеллер

Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие [2]. Не случайно Т. ван Дейк обращает особое внимание на то, что дискурс отражает иерархию знаний, которая необходима при его порождении и восприятии. А.К. Жолковский определяет дискурс как «воплощенные в речи мироощущение и жизненную позицию» [5].

Анализ дискурса и разные подходы к его пониманию уже представлены в исследовательских работах [9; 6], однако научная дискуссия продолжается, например, на страницах электронного журнала «Современный дискурс-анализ» с 2009 по 2012 гг. [www.discourseanalysis.org]

Теоретическое осмысление понятия «дискурс» позволяет решить ряд практических задач, возникающих в учебно-воспитательном процессе. Так, например, исследуя процесс формирования дискурсивных умений студентов педагогических вузов, М.В. Горбунова (на основе анализа зарубежной и отечественной литературы в рамках диссертационного исследования) интерпретирует понятие «дискурс» как «сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов, выступающих условием порождения и восприятия высказывания речевой личностью» [3].

Современное понимание риторики многозначно:

во-первых, это искусство подготовки и произношения речи на заданную тему перед аудиторией;

во-вторых, это искусство управления человеческим поведением по-

средством устного или письменного слова;

в-третьих, это наука, изучающая тексты (дискурсы), целью которых является убеждение слушателя посредством специальной словесной организации.

Первые два определения сложились исторически и связаны с противопоставлением устного и письменного дискурсов в античной и христианской традициях. Если в античности приоритет отдавался устному высказыванию (красноречию), то в христианской цивилизации «статус» устной речи стал значительно ниже письменной. Современная риторика исходит из того, что соотношение устных и письменных высказываний меняется в зависимости от ситуации и намерений говорящего. Агональная (состязательная) коммуникация в виде слов и высказываний – необходимое звено в подготовке менеджеров, так как это один из основных каналов информационного обмена между менеджером и подчинённым. Способность чётко, уверенно, ярко и убедительно излагать свои мысли – это искусство, которым должен овладеть каждый студент, менеджер, преподаватель и др. [12]. Риторика направлена на освоение навыков, которые позволяют легче добиваться своих целей, будь то карьерный рост, уважение, улучшение коммуникации, уверенность в себе. В результате изучения курса можно овладеть основными коммуникационными компетенциями:

- убеждения и разубеждения;
- правилами построения дискурса (высказывания);
- умениями встраиваться в риторический тезаурус (понятийный словарь) аудитории;
- умениями при ведении дискуссии определять мотивы, движущие высказываниями других участников обсуждения;
- правилами изобретения речи, в которой высказывания будут представлять собою «серию потрясений» (коммуникативных событий);
- способностями выбирать средства защиты от недобросовестных коммуникантов.

Коммуникативная компетентность включает риторический компонент и предполагает владение навыками общения в определённом профессиональном коллективе, умениями, которые обеспечивают решение задач, составляющих суть той или иной профессиональной деятельности.

Для формирования навыков эффективного профессионального общения в Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования третьего поколения по направлению подготовки магистров включена и такая учебная дисциплина, как «Тренинг профессионально-ориентированных риторик, дискуссий, общений». Данный курс ориентирован на подготовку специалиста, который в процессе деятельности вступает во взаимодействие с людьми в различных коммуникативных ситуациях.

В настоящее время понятие «дискурс» прочно вошло в терминологию теории коммуникации, риторики, речеведения. В процессе формирования риторических компетенций студентов важно донести до их сознания принципиальное отличие между дискурсом и текстом: «дискурс» – это актуально произнесенный текст. Специфическая природа коммуникативных умений рождает необходимость выделения их основных структурных элементов в целях раскрытия механизма становления коммуникативной компетенции специалиста, что ведет к необходимости выделения в структуре коммуникативных умений особой группы дискурсивных умений в качестве отдельного компонента в структуре профессионально значимых умений современного специалиста.

Литература

1. Бушев А.Б. Дискурс-анализ социально-экономической коммуникации в новых условиях инфокоммуникативного общества. – Режим доступа: http://www.engectver.ru/Konferenciya/2s/bushev.php
2. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса. – 1998. – Режим доступа: [http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm]
3. Горбунова М. В. Формирование дискурсивных умений в системе подготовки учителя. Специальность 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Москва, 2011. Режим доступа: http://rudocs.exdat.com/docs/index-318756.html#9973363
4. Горобец Л.Н. Формирование риторической компетенции студентов-нефилологов в системе профессиональной подготовки в педагогическом вузе. Специальность 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык, уровни общего и профессионального образования) Автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук. – Санкт-Петербург, 2008. Режим доступа: http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-pedagogika/a537.php
5. Жолковский А. Инвенции. – М.: Гендальф, 1995.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М: Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Колтунова М.Р. Деловое общение: Нормы. Риторика. Этикет. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 256 с.
8. Левицкий Р. Самое главное на переговорах. – М.: Форум, 2006. – 320 с.
9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
10. Шатин Ю.В. Живая риторика. – Жуковский: МИМ ЛИНК, 2002. – 80 с.
11. Полонский А. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления. // Современный дискурс-анализ: Электронный журнал. – 2012. – Вып. 6. – С. 42-56. – Режим доступа: http://www.discourseanalysis.org/ada6.pdf
12. Сухинин В.П., Горшенина М.В. Современная риторика: Учебное пособие. – Сызрань. – 2010. –119 с. – Режим доступа:

http://www.sstu.syzran.ru/html/piuss/doc/Сухинин%20Современная%20риторика.pdf

© Ахметжанова Р.Н., 2012

УДК 372.881.161.1

Ахметова Н.А.
Урумчи (КНР)

Использование мультимедиа технологий в обучении РКИ китайских студентов вне языковой среды

Синьцзян – Уйгурский автономный район – динамично развивающийся многонациональный район Китайской Народной Республики. Востребованность русского языка в СУАР чрезвычайно высока, так как он граничит с Россией, Таджикистаном, Казахстаном, Кыргызстаном. Синьцзянский педагогический университет (СПУ) в Урумчи в 2007 году заключил партнерские отношения по линии Институтов Конфуция с Таджикистаном и Кыргызстаном. В связи с этим в СПУ в Институте китайского языка и межкультурной коммуникации, где готовят преподавателей китайского языка как иностранного уже четвертый год преподается русский язык как второй иностранный, а с 2011 года как основной иностранный язык. Основной целью обучения РКИ для бакалавриата и магистратуры является формирование иноязычной коммуникативной компетенции в сумме всех её субкомпетенций: учебной, языковой, социолингвистической, социокультурной, компенсаторной, дискурсивной.

Для бакалавров и магистрантов существуют волонтерские программы и возможность стажировки в этих государствах при условии знания элементарного уровня русского языка, где он по-прежнему является языком межнационального общения. С 2011 года для студентов - бакалавров Института китайского языка и межкультурной коммуникации специальности «китайский язык как иностранный» предусмотрена сдача Всекитайского государственного тестирования по русскому языку как иностранному (IV уровень), которое проводится один раз в год одновременно по всему Китаю. Структура экзамена предусматривает проведение диктанта (20 минут, 10 баллов); аудирование (15 мин., 20 баллов); грамматика, лексика, страноведение, речевой этикет (60 мин., 45 баллов); чтение и понимание (25 мин., 20 баллов); говорение: диалог со звукозаписывающим устройством и монологическая речь (12 мин., 20 баллов); письмо (сочинение – essay - 35 мин., 30 баллов).

Студенту бакалавриата, не получившего сертификат о сдаче Всекитайского экзамена по русскому языку, не выдается диплом бакалавра.

Таким образом, требования программы обучения данной специально-

сти в СПУ стимулируют студентов серьёзно отнестись к изучению русского языка.

При использовании мультимедийных средств (ММС) при формировании коммуникативной компетенции китайских обучающихся необходимо соблюдение следующих этапов: концептуальный, технологический и рефлексивно – оценочный.

Концептуальный этап предполагает, что мультимедийные средства будут использоваться в должном месте и в должное время. Информационные и коммуникативные технологии достигли фантастического прогресса и высокого уровня совершенства благодаря современным технологиям гипертекста и мультимедиа, и они могут привнести значительные новшества в преподавание иностранного языка. Эти средства могут оказать благотворное влияние на формирование коммуникативной компетенции у обучающихся.

Мультимедиа является высокоэффективной образовательной технологией, благодаря присущим ей качествам интерактивности, гибкости, и интеграции различных типов мультимедийной учебной информации, а также благодаря возможности дифференцировать индивидуальные особенности обучающихся и способствовать повышению их мотивации к обучению иностранным языкам. Предоставление интерактивности является одним из наиболее значимых преимуществ цифровых мультимедиа по сравнению с другими средствами представления информации.

Успех также состоит в том, что мультимедийные средства дают возможность обучаемым использовать аутентичный материал, созданный носителями языка и в стране изучаемого языка. В настоящее время использование таких материалов не ограничено ни местом, ни временем, ни конкретным языком. Решая проблему использования мультимедийных средств в процессе обучения РКИ, следует в первую очередь исходить из методических задач обучения языкам, анализ которых должен показать, какие учебные цели и задачи могут быть решены только мультимедийными средствами.

Технологический этап использования мультимедийных средств предполагает выявление зон наилучшего применения ММС в формировании и совершенствовании видов речевой деятельности. **Рефлексивно – оценочный этап –** на этом этапе выделяются основные структурные элементы урока, формулируются конкретные задания для индивидуальной работы, определяются формы контроля.

Обучение русскому языку как иностранному в СПУ ведется по учебникам, рекомендованными Стандартами образования КНР. Широко используются в учебном процессе аудио-, видео-приложения, созданные Шанхайским и Пекинским образовательными издательствами, выпускающими учебники с мультимедийными ресурсами. Почти все учебники русского языка китайских издательств содержат аудиоприложения, которые активно

применяются в учебном процессе в отлично оборудованных аудиториях.

Один из учебников, который активно используется в учебном процессе РКИ, - это «Телеуроки русского языка», состоящий из трех частей, с DVD-компакт-дисками, составленный Пекинским издательством по выпуску учебников для изучающих иностранные языки. Урок длится всего 15 минут. Он включает в себя: объяснение произношения, грамматики, затем диалоги, проиллюстрированные рисованными картинками, живой диалог, переведённый в «прямом эфире» преподавателем на китайский язык, комментарии. В видеофрагментах телеуроков роли исполняют сами преподаватели - носители русского языка. Эти телеуроки вызывают живейший интерес у студентов, они обычно используются в конце урока, после аудирования, контрольного опроса, парной работы по диалогам.

Предлагается следующий вид работы с этими видеоподкастами: студенты записывают, запоминают слова, а потом сами дублируют «немые» видеофрагменты, при этом они стараются подражать жестам, в точности воспроизводят интонацию и даже играют как артисты. Использование изучаемого языка в таких нетрадиционных условиях интериоризирует многие речевые конструкции, студенты лучше запоминают слова, изучаемые грамматические модели.

Другой учебник, издания 2010 года, «Базовый аудиовизуальный курс русского языка», состоящий из трёх частей, интересен тем, что в нем даётся лингвострановедческий комментарий, который переведён на китайский язык. Из данного учебника используется социолингвистический материал о Международном женском дне 8 Марта.

Для самостоятельной работы рекомендуется работа с веб - ресурсами Интернет. Для обучения РКИ через Интернет – онлайн был составлен мультимедиа скрэпбук (multimedia scrapbook), который включал следующий список сайтов с китайским языком общения и комментариями: http://speak-russian.cie.ru/time_new/- «Время учить русский» - портал Центра международного образования МГУ; портал «Русский мир» с бесплатной программой для скачивания (I, II, III уровень) с китайским интерфейсом - http://www: russkiymir.ru; Сайт Лаборатории образовательных технологий Института международного образования Воронежского государственного университета «Русская грамматика. Первые шаги» - http://www.interedu.vsu.ru_и др. Последний сайт не имеет китайского интерфейса, но задания к выполнению упражнений настолько наглядны, что глубокого знания русского языка не требуется. Мультимедийные и интерактивные возможности компьютеров в этой программе реализованы достаточно широко, поэтому их можно выполнять самостоятельно даже с ограниченными языковыми возможностями. Эти программы помогают преподавателю большую часть дрилловых грамматических, фонетических, каллиграфических упражнений отдать компьютерам.

Русская каллиграфия у китайских студентов представляет собой большую проблему для преподавателей РКИ в условиях дефицита времени. Это объясняется особенностями китайской иероглифики, которая интерферируется у обучающихся: в китайском языке - начертание черт иероглифа сверху вниз, в русском языке - при скорописи снизу вверх; по большей части отсутствие знаков препинания; отсутствие заглавных букв в китайской письменной речи; иероглиф пишется отдельно, в отличие от русского написания, когда слова необходимо соединять в одно целое и др. Для обучения написанию русских букв, слогов, слов, словосочетаний рекомендуется доступная на данный момент версия 6.1 программы «Профессор Хиггинс: русский без акцента» с китайским интерфейсом, которая в виде анимации дает образцы написания русских букв (адрес: http://www: russkiymir.ru).

Для формирования социокультурной компетенции также используются фильмы с китайским подстрочным переводом или без него. Как известно, цель обучения иностранным языкам - научить носителя образа мира одной этнокультурной общности понимать носителя иного языкового образа мира. В связи с этим перед показом фильма проводится большая подготовительная работа по страноведению. Например, перед просмотром комедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», в котором нет подстрочного перевода, объяснялись многие реалии и архаизмы, которые уже в данный момент отсутствуют даже в России: 15 суток, перевоспитание, сдача экзамена (в СПУ, по Болонской системе, только письменный контроль), расхищение социалистической собственности, «ограбление по - русски» и др. В дальнейшем на основе киноновеллы «Операция «Ы»» был поставлен спектакль на русском языке.

Отдельное внимание уделяется презентациям. Презентации, сопровождаемые анимационными или рисуночными изображениями, являются визуально более привлекательными, нежели линейный текст, и они могут поддерживать должный эмоциональный и мотивационный уровень, дополняющий представляемый культурный материал.

В качестве примера можно привести презентацию «Москва – столица России». В презентации звучит бой Кремлевских курантов и песня в исполнении Дмитрия Хворостовского «Моя Москва» на фоне фотослайдов с государственными символами, президентом В.В. Путиным, премьер - министром Д.А. Медведевым, фото с достопримечательностями Москвы. Также используются презентации с языковыми лакунами и реалиями, которые отсутствуют в китайской лингвокультуре. Однако самостоятельный поиск в Интернет - ресурсах самими китайскими студентами при получении социокультурной информации может привести к коммуникативным неудачам, например, конкурс на лучшее сочинение или презентацию «Как встречают Новый год в России?» выявил, что образ Деда Мороза и Санта Клауса у студентов являлся неразличимым: в некоторых компьютерных презентациях

Санта Клаус «присутствовал» как главное лицо русского Нового Года, слайды о праздничном столе и самом праздновании не всегда соответствовали традициям русского новогоднего застолья, то есть русское мировидение не всегда соблюдалось, что естественно в условиях отсутствия языковой среды.

Материал для занятий с ММС используется из веб-ресурсов Интернет теле- и радиовещательных кампаний: «Эхо Москвы», «Российская газета», «Голос России», содержащие аудиоподкасты, которые могут быть полезны для аудирования; из портала gramota.ru; из персональных страниц ученых.

Практика показывает, что не стоит чрезмерно увлекаться мультимедиа, иначе студенты возлагают большие надежды на них и перестают учить и заучивать грамматические правила, фразы, тексты, а ведь иностранный язык предполагает собственные знания, которые именно заучиваются наизусть.

© Ахметова Н.А., 2012

УДК 811.161.1’373

Аюпова С.Б.
г. Уфа (Россия)

Роль однородных членов предложения в формировании категории пространства в языковой художественной картине мира М.А. Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита»)

Семантика пространства имеет разнообразные средства выражения на всех уровнях языковой системы. Вместе с тем роль однородных членов предложения в ее формировании только начинает исследоваться (С.Б. Аюпова [1], С.Б. Аюпова, О.А. Власова [2], Л.Д. Беднарская [3]), хотя расширение структурной схемы предложения, по наблюдению Л.Д. Беднарской, – «это употребление рядов однородных членов с характеризующей и экспрессивной функцией» [3, с.89].

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» представлено 37 блоков однородных членов предложения с семантикой пространства: однородные сказуемые (28 из 37 блоков ОЧП, т.е. 75%), однородные обстоятельства места (5 из 37 блоков ОЧП, т.е. 14%), однородные дополнения (2 из 37 блоков ОЧП, т.е. 5%), однородные детерминанты места (1 из 37 блоков ОЧП, т.е. 3%), однородные подлежащие (1 из 37 блоков ОЧП, т.е. 3%).

Блок двухкомпонентных ОЧП с локальной семантикой и с соединительными отношениями между элементами ряда в романе «Мастер и Маргарита» используется в следующих функциях.

1. Главная функция однородных членов предложения с локальной семантикой – параметризующая функция. Благодаря ей в художественном

мире литературного произведения создается правдоподобная иллюзия наличия в нем пространственных перспективы и объема, характерных для внехудожественной действительности. При этом однородные сказуемые, помогают объединить в одной картине:

1) вертикальное и плоскостное членение мира: *Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, **опустилась** с неба бездна и **залила** крылатых богов над гипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами, базары, караван-сараи, переулки, пруды...*

2) вертикальное и горизонтальное членение мира: *На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло, и прокуратор, не глядя ни на кого, **сел** в него и **протянул** руку в сторону.*;

3) горизонтальное членение мира: *Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним и **влево** и **вправо**.;*

4) вертикальное членение мира. Использование однородных сказуемых, обозначающих перемещение в пространстве по вертикали вниз и остаток чего-либо, помогает автору произведения описать полет главной героини. Иллюзия движение города вниз передает значительную высоту, на которую отрывается от земли Маргарита: *Когда на мгновение чёрный покров отнесло в сторону, Маргарита на скаку обернулась и увидела, что сзади нет не только разноцветных башен с разворачивающимся над ним аэропланом, но нет уже давно и самого города, который **ушёл** в землю и **оставил** по себе только туман.*

2. Функция сужения, уменьшения двух пространственных объектов (как правило, рукотворных, созданных человеком объектов закрытого пространства или их частей) за счет поглощения объектов закрытого пространства открытым пространством: *Пилату показалось, что исчезли розовые **колонны** балкона и **кровли** Ершалаима вдали, внизу за садом, и все утонуло вокруг в густейшей зелени капрейских садов.*

Контексты данного типа появляются в «библейских» главах романа и передают мироощущения Пилата, который страдает от сдавливающей головной боли. Эта боль ассоциируется у героя с закрытым пространством дворца. Герою кажется, что выход за пределы этого пространства в открытый бескрайний мир природы поможет унять эту боль, избавиться от сдавливания.

3. Сюжетообразующая функция. Как правило, ряд ОЧП, в который входят сказуемые, выраженные глаголами, обозначающими однонаправленное перемещение в пространстве по плоскости и фиксацию положения кого-либо по вертикали, используются в тех частях текста, в которых впервые появляется новый герой или персонаж, играющий важную роль в сюжете произведения. Так, именно однородные сказуемые указанных выше семантических групп помогают Булгакову описать первое появление Иешуа во

дворце Пилата: *И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров* ***ввели*** *и* ***поставили*** *перед креслом прокуратора человека лет двадцати семи.*

4. Функция психологизации повествования. Перемещение в пространстве по вертикали вверх и вниз используется автором в ряде контекстов для того, чтобы передать с помощью пространственной локализации телодвижений душевное состояние персонажа. Например, удивление, которое возникает у секретаря от сказанных Иешуа слов, и желание скрыть свое чувство фиксируют однородные сказуемые в следующем предложении: *Он* ***поднял*** *голову, но в тотчас же опять* ***склонил*** *её к пергаменту*. Страх, который вызывает у людей в московских главах романа появление инфернальных героев, их действия, также передают однородные сказуемые, выраженные глаголами со значением многократного разнонаправленного перемещения в пространстве. Например, *Ручку двери снаружи в это время* ***крутили*** *и* ***дергали****, и слышно было, как курьерша за дверями отчаянно кричала…*

5. Функция передачи физических страданий героев и персонажей. Мучения Понтия Пилата от жестокой головной боли, ее нарастание, усиление передают однородные сказуемые, обозначающие разнонаправленное перемещение в пространстве и однонаправленное перемещение в пространстве по плоскости: *Поплыла вместо этого всего какая – то багровая гуща, в ней* ***закачались*** *водоросли и* ***двинулись*** *куда – то, а вместе с ними двинулся и сам Пилат.*

6. В ряде случаев однородные сказуемые с локальной семантикой используются в темпоральной функции. Перемещение в пространстве наглядно отражает движение линейного времени, его ход. Пространственный образ передает сущность времени: *Пилат поднял мученические глаза на арестанта и увидел, что солнце уже довольно высоко стоит над гипподромом, что луч* ***пробирался*** *в колоннаду и* ***подползает*** *к стоптанным сандалиям Иешуа, что тот сторонится от солнца.*

В том случае, если однородный ряд включает в себя сказуемые не только локальной семантики, функции его меняются. Возникает функция перехода от повествования к описанию. Такой переход возможен в рамках одного предложения. При этом используются сказуемые, обозначающие перемещение в пространстве по плоскости назад и зрительное восприятие. Например, *Когда на мгновение чёрный покров отнесло в сторону, Маргарита на скаку* ***обернулась*** *и* ***увидела****, что сзади нет не только разноцветных башен с разворачивающимся над ним аэропланом, но нет уже давно и самого город <…>.*

Двухкомпонентные ОЧП с семантикой пространства, между частями которых складываются противительные или градационные отношения используются в языковой художественной картине мира М.А. Булгакова с разнообразными целями.

Во-первых, они расширяют пространственную перспективу от небольшого объекта замкнутого пространства до объекта открытого пространства. Это расширение компонента художественной действительности помогает писателю отразить страх персонажа, который остается один на один перед лицом опасности в безлюдном открытом пространстве: *Не только* ***у будочки****, но и во всей* ***аллее****, параллельной Малой Бронной улице, не оказалось ни одного человека.*

Во-вторых, они являются средством изображения фантастического в произведении: передают необыкновенно быстрое перемещение по Москве и другим частям Советского Союза инфернальных персонажей или людей, на которых они воздействуют: *Грач ли хорошо знал своё дело, машина ли была хороша, но только вскоре Маргарита, открыв глаза, увидела под собою не лесную* ***тьму,*** *а дрожащее* ***озеро*** *московских* ***огней.***

Для передачи фантастичной скорости преодоления пространства используются и трехкомпонентные ОЧП. При этом среди сказуемых с локальным значением однократного кратковременного и постепенного перемещения по вертикали вверх появляются сказуемые, выраженные глаголами звучания: *Машина* ***взвыла, прыгнула*** *и* ***поднялась*** *почти к самой луне, остров пропал, пропала река.* Глагол звучания предваряет стремительное перемещение предмета вверх, подготавливает его.

Трехкомпонентные детерминанты и семикомпонентные однородные дополнения используются для расширения пространства, значительного увеличения его границ. Например, ***По*** *Яффской* ***дороге, по*** *скудной Гионской* ***долине, над шатрами*** *богомольцев, гонимые внезапно поднявшимся ветром, летели пыльные столбы.*

Таким образом, характерной особенностью выражения категории пространства в языковой художественной картине мира М.А. Булгакова является то, что в романе, с одной стороны, блоки однородных детерминантов, обстоятельств, дополнений и подлежащих с семантикой пространства единичны. С другой стороны, в языке писателя основным средством выражения категории пространства в осложненном предложении являются однородные сказуемые. Роль однородных членов предложения с семантикой пространства зависит от структуры блока (количества компонентов в нем) и семантических отношений, складывающихся между компонентами, а также от значений самих компонентов. Однородные сказуемые в двухкомпонентном ряду с семантикой соединения, осложненной семантикой последовательности используются в параметризующей, сюжетообразующей, темпоральной функциях, они служат для психологизации повествования, передачи физических страданий персонажей и героев. Многокомпонентные однородные члены предложения помогают писателю создать в художественном произведении модель фантастического, инфернального пространства, многие параметры которого значительно отличаются от параметров реального пространства,

например, невероятно стремительной скоростью перемещения.

Литература

1. Аюпова С.Б. Категория пространства в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева): монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 367 с.
2. Аюпова С.Б, Власова О.А. Роль однородных членов предложения в формировании категории времени в языковой художественной картине мира романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2011. – №. 3-4 (26). – С. 56 – 63.
3. Беднарская Л.Д. Синтаксис романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – Орел: ОГУ, 2008. – 372 с.

© Аюпова С.Б., 2012

УДК 811.161.1 + 81’373.611

Аюпова С. Б., Петрасюк Н.С.
г. Уфа (Россия)

Словообразовательные модели как средство концептуализации пространства в языковой художественной картине мира романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Антропоцентрическая парадигма современной науки обусловила интенсивное изучение картины мира. Разновидностью языковой картины мира является языковая художественная картина мира, под которой понимаем «художественное представление автора произведения о действительности, отразившееся в языковой форме» [1, с.4]. Пространство является ее неотъемлемой частью. Семантика пространства имеет разнообразные средства выражения на всех уровнях языковой системы. Словообразование играет важнейшую роль в концептуализации действительности, поскольку предоставляет необходимые условия для ее интерпретации, «что позволяет понять, *какие* элементы внеязыковой действительности и *как* словообразовательно маркируются, *почему* они удерживаются сознанием» [2, с.9]. Вместе с тем роль словообразования в формировании категории пространства художественного текста только начинает исследоваться [1], изучение словообразовательных моделей как средства выражения категории пространства в языковой художественной картине мира на материале произведений М.А. Булгакова осуществляется впервые.

Исследование показало, что в художественной прозе Булгакова преобладают производные локонимы, созданные по узуальным словообразовательным моделям.

Признаковая семантика представлена в словообразовательных моделях всех групп слов со значением пространства: 1) ‘признак → здание, помещение по признаку’ (*лечебный → лечебница*); 2) ‘признак → объект ландшафта по признаку’ (*ровный→ равнина*, *пустой → пустыня*, *частый → чаща*); 3) ‘признак → объект административно-территориального членения пространства по признаку’ (*родной → родина*); 4) ‘признак → отвлеченный параметр пространства’ (*высокий → вышина, высокий → высота*); 5) ‘признак → отвлеченное пространственное понятие’ (*возвышенный → возвышение*, *местный → местность*).

Словообразовательные модели, исходным семантическим компонентом которых является акциональность, представлены в группах локонимов ‘*объект ландшафта*’, ‘*здание и помещение*’, ‘*объект административно-политического членения территории*’. Механизмы референции актуализуют результат действия или его функциональный аспект в производной структуре следующих словообразовательных моделей: 1) ‘действие → здание, помещение как результат’ (*поместить → помещение, ристать → ристалище*); 2) ‘действие → здание, помещение по его назначению’ (*приставать → пристань*, *беседовать → беседка*, *жить → жилище*, *жить → жилье*, *класть → кладовка*).

Сема локализации объекта в пространстве актуализируется в таких моделях, как: 1)‘объект административно-политического членения территории → объект ландшафта по местоположению’ (*улица → переулок*); 2) ‘объект ландшафта по местоположению → оценка объекта ландшафта по местоположению’ (*переулок→ переулочек*) с уменьшительно-оценочным значением; 3) ‘часть предмета → объект административно-территориального членения пространства по местоположению’ (*край → окраина*); 4) ‘поверхность → здание, помещение по местоположению’ (*земля → подземелье*); 5) ‘помещение и его признак по положению в пространстве → помещение по положению в пространстве’ (*секретарская комната → секретарская, психиатрическая клиника → психиатрическая*). Производные слова появляются в результате конверсии; 6) ‘нахождение где-либо → местоположение’ (*пребывание на месте → местопребывание*).

В результате такой процедуры, как сравнение, образуются локонимы по нормирующим моделям, в которых фиксируется соответствие норме или отступление от нее. В ряде контекстов в деминутивах сема соответствия – несоответствия норме осложняется семой положительной или отрицательной эмоциональной оценки. Производные локонимы, компонентом семантической структуры которых является сравнение, создаются по следующим моделям нормирующего типа: 1) модель ‘объект ландшафта → тождественный ему объект ландшафта’ (*дол → долина*); 2) модель ‘объект ландшафта → оценка объекта ландшафта меньшего размера’ (*палисадник → палисадничек, сад → садик, река → речонка*); 3) модель ‘здание, помещение → оценка

здания, помещения меньшего размера' (*лавка → лавчонка, дом → домик, подвал → подвальчик, квартира → квартирка, флигель→ флигелек, особняк → особнячок, будка → будочка, здание → зданьице, дом → домишко*); 4) модель 'общее пространственное понятие → оценка конкретного объекта пространства небольшого размера' (*ландшафт → ладншафтик*).

Разновидностью моделей нормирующего типа является модель, в основе которой лежит такой механизм референции, как гиперболизация: модель 'вещество → объект ландшафта значительной площади', конструктивным элементом которой является флексия множественного числа существительного *-ы* (*вода → воды*) со значением '*значительная площадь того, что названо в производящей основе*'. Слова в этом случае возникают в результате лексикализации отдельной грамматической формы.

Сема '*часть целого*' является компонентом семантической структуры производных локонимов из групп '*объект ландшафта*', '*объект природы*', '*единица измерения*'. В процессе референции устанавливается смежность части предмета и целого объекта пространства Сема '*часть целого*' представлена в следующих словообразовательных моделях: 1) модель 'часть объекта природы → объект природы' (*склон небо → небосклон*); 2) модель 'часть предмета или единицы измерения → единица измерения'(*половина дороги → полдороги*).

Сема '*назначение*' характерна для производных локонимов из группы '*здание, помещение*', образованных по словообразовательной модели 'здание, помещение и действие → помещение по назначению' (*управлять домом → домоуправление*).

Локонимы, относящиеся к группе слов 'пространственные параметры' образуются по следующим моделям: 1) 'непроцессуальный признак предмета по параметру пространства → непроцессуальный признак, характеризующийся признаком признака, названного в производящей основе' (*ближе → поближе, низкий → низко*); 2) 'непроцессуальный признак предмета → отсутствие непроцессуального признака предмета' (*высоко → невысоко*).

В языковой художественной картине мира писателя «прозрачная» внутренняя форма производных локонимов всех групп, механизмы соотнесения способов языкового выражения локонимов с внеязыковой действительностью, особенности контекстуального окружения слов с пространственной семой предопределили их функции:

1. Основная функция производных локонимов – структурирование пространства за счет выделения в нем объектов по их многочисленным особенностям: 1) по местоположению объекта: между чем-либо (*Вследствие этого он решил покинуть большие улицы и пробираться* ***переулочками****, где не так назойливы люди, где меньше шансов, что пристанут к босому человеку <...>.*), под чем-либо (*Со стороны же психики изменения в обоих про-*

изошли очень большие, как убедился бы всякий, кто мог бы подслушать разговор в ***подвальной*** *квартире.*); 2) по части чего-либо (*И вот, когда процессия прошла около* ***полуверсты*** *по дороге, Матвея, которого толкали в толпе у самой цепи, осенила простая и гениальная мысль <...>.*); 3) по тождеству с другими объектами, например, дола и долины (*Это было в бою при идиставизо, в* ***долине*** *дев.*); 4) для указания на меньший размер одного пространственного объекта по сравнению с другим в прозе писателя используются деминутивы (*Попав в тень чуть зеленеющих лип, писатели первым долгом бросились к пестро раскрашенной* ***будочке*** *с надписью "Пиво и воды".*); 5) по площади чего-либо (*К лету угрожал организацией кружка гребли на пресных* ***водах*** *и кружка альпинистов.*); 6) по назначению *(Степа наконец узнал трюмо и понял, что он лежит навзничь у себя на кровати, то есть на бывшей ювелиршиной кровати, в* ***спальне****.*).

2. Функция параметризации пространства. Производные локонимы используются для обозначения вертикали (*Он то вздыхал, открывая свой истасканый в скитаниях, из голубого превратившийся в грязно серый, талиф, и обнажал ушибленную копьем грудь, по которой стекал грязный пот, то в невыносимой муке поднимал глаза в небо, следя за тремя стервятниками, давно уже плававшими в* ***вышине*** *большими кругами в предчувствии скорого пира, то вперял безнадежный взор в желтую землю и видел на ней полуразрушенный собачий череп и бегающих вокруг него ящериц*), плоскости (*Маргарита наклонилась к глобусу и увидела, что квадратик земли* ***расширился****, многокрасочно расписался и превратился как бы в рельефную карту*), сферы (*Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на бульварном кольце в* ***глубине*** *чахлого сада, отделенного от тротуара кольца резною чугунною решеткой.*).

Производные локонимы дают также точное или приблизительное представление о расстоянии (*Ливень хлынул внезапно и застал кентурии на* ***полдороге*** *на холм.*), о площади объекта пространства (*Он уже собирался произвести последний и самый блистательный вольт, поместив в газете объявление, что меняет шесть комнат в разных районах Москвы на одну* ***пятикомнатную*** *квартиру на Земляном валу, как его деятельность, по не зависящим от него причинам, прекратилась.*).

3. Оценочная функция. Производные локонимы дают непосредственную оценку месту и за счет суффиксов субъективной оценки. В ряде контекстов слова с уменьшительно-ласкательными и уменьшительно-уничижительными суффиксами не только выражают рационально-оценочный смысл ‘*меньше нормы*’, но и содержат эмоциональные компоненты с положительным или отрицательным значениями: *Молчали комнаты в подвале, молчал весь маленький* ***домишко*** *застройщика, и тихо было в глухом переулке.*

Итак, анализ романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» с точки

зрения роли словообразовательных средств в формировании структурно-семантической категории пространства позволил выявить особенности концептуализации статической пространственной субстанции в языковой художественной картине мира писателя, словообразовательные модели, благодаря которым в ЯХКМ прозы Булгакова в пространстве устанавливаются многообразные связи с другими частями художественного мироздания, и функции производных локонимов.

Литература

1. Аюпова С.Б. Категория пространства в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева): монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 367 с.
2. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Изд-во «Индрик», 1998. – 240 с.

© Аюпова С.Б., Петрасюк Н.С., 2012

УДК 808.5

Баишева З.В.
г. Уфа (Россия)

Интерактивные методы обучения судебному красноречию

В настоящее время происходит интенсификация образовательного процесса на основе внедрения в него интерактивных технологий обучения, создания психологически комфортной среды, обеспечивающей свободу студентов в выборе образовательных форм и методов. Все возрастающий поток информации требует внедрения таких методов обучения, которые позволяют за достаточно короткий срок передавать довольно большой объем знаний, обеспечить высокий уровень усвоения обучающимися изучаемого материала и закрепления его на практике.

Формирование профессионально грамотного юриста как представителя речевой профессии предполагает подготовку специалиста, способного эффективно работать в разных жанрах профессионального общения. К профессионально значимым жанрам для студентов-юристов относятся: «Судебные речи: обвинительная и защитительная», «Переговоры в критических ситуациях», «Юридическое консультирование».

В процессе обучения судебному красноречию будущие юристы должны усвоить основы логического развертывания текста, законы аргументации и построения судебных речей, правила речевого поведения, приобрести умение успешно выступать публично, находить наиболее эффективные приемы убеждения и подбирать наиболее действенные формулировки в той или иной коммуникативной ситуации и мн.др. Особое внимание

при подготовке высококвалифицированного специалиста с устойчивыми навыками общения в разных профессионально значимых жанрах следует уделять практической отработке получаемых знаний, умений и навыков, что возможно лишь при условии широкого использования в образовательном процессе интерактивных методов обучения.

Интерактивный означает «взаимодействовать или находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо». Другими словами, интерактивные методы обучения - это специальная форма организации познавательной и коммуникативной деятельности, в которой обучающиеся оказываются вовлеченными в процесс познания, имеют возможность понимать и рефлектировать по поводу того, что они знают и думают. Интерактивное обучение позволяет отрабатывать на каждом занятии в различных формах коммуникативные умения обучающихся, формировать их активно-познавательную позицию, развивать способности выявлять и структурировать проблемы, собирать и анализировать информацию, готовить, при необходимости, альтернативные решения и выбирать наиболее оптимальный вариант из ряда альтернатив.

При обучении судебному красноречию могут быть использованы следующие активные методы: тренинг, интерактивная доска, учебная дискуссия, мозговой штурм, ролевая игра и др.

На лекциях целесообразно использование *интерактивной доски*, которая позволяет без риска «перегрузить» обучающихся увеличить объем пройденного, и соответственно, усвоенного материала. «Информация, полученная через различные сенсорные пути: через текст, видео, графику, звук, усваивается лучше и сохраняется гораздо дольше. Обучающиеся начинают понимать более сложные идеи в результате более ясной, эффективной и динамичной подачи материала; начинают работать более творчески и становятся уверенными в себе» [2, с.43].

На практическом занятии эффективным является проведение *учебной дискуссии*, которая представляет собой процесс поиска нового для обучаемых знания, преодоления заблуждений, способствует развитию у студентов диалектического мышления, обеспечивает высокий уровень усвоения изучаемого материала. Так, при изучении темы «Этика юриста» возможно проведение дискуссии «Соотношение долга и совести в профессиональной деятельности адвоката» на основе анализа защитительной речи В.Д. Спасовича по делу Кронеберга.

Предварительно студенты получают задание ознакомиться с этой речью, с мнениями современников адвоката и наших современников о ней (Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.В. Виноградова, Г. Резника и др.). Преподаватель формулирует перед студентами проблему: долг и совесть – чем должен руководствоваться адвокат в своей практической деятельности? Предлагает решить эту проблему на основе анализа речи В.Д.

Спасовича «По делу Кронеберга». Студентам задаются вопросы (в ходе дискуссии формулировки вопросов, их очередность могут меняться): Вспомните основные положения этики адвоката. Что означает следование адвокатскому долгу? Каким должно быть отношение адвоката к своему клиенту (виновен или невиновен?)? В чем заключается цель защиты? Долгом или совестью должен руководствоваться адвокат в своей деятельности? и др. Выслушиваются и обсуждаются мнения всех студентов. Преподаватель направляет дискуссию (все участники должны быть вовлечены в дискуссию; выступления должны проходить организованно, с разрешения ведущего). Выводы формулируются одним из студентов.

Учебная дискуссия позволяет максимально полно использовать опыт студентов, способствуя лучшему усвоению изучаемого ими материала. Это обусловлено тем, что в групповой дискуссии не преподаватель говорит обучающимся о том, что является правильным, а сами студенты вырабатывают доказательства, обоснования принципов и подходов, предложенных преподавателем, максимально используя свой личный опыт. Учебные дискуссии дают наибольший эффект при изучении и проработке сложного материала и формировании нужных установок. Этот активный метод обучения обеспечивает хорошие возможности для обратной связи, подкрепления, практики, мотивации и переноса знаний и навыков из одной области в другую [1, с.80].

На любом практическом занятии возможно проведение *мозгового штурма*, способствующего актуализации и обобщению имеющихся у студентов знаний по теме, развитию устойчивого интереса к изучаемой теме, усвоению новых знаний, осмыслению и обобщению полученной информации, формированию у студентов собственного отношения к изучаемому материалу.

Мозговой штурм представляет собой эффективный метод вовлечения всех студентов в группе в анализ поставленной задачи. Преподаватель задает вопрос всей группе и просит студентов предлагать различные варианты. Каждая идея записывается концентрированно, при необходимости в видоизмененной форме. Все идеи приветствуются, не критикуются и не отвергаются. Мозговой штурм проводится в течение 10-15 минут. Результатом мозговой атаки становится список творческих решений или вариантов решения проблемы, созданный благодаря участию студентов. Так как студентов просят активно участвовать в процессе критического мышления, они могут лучше понять и запомнить обсуждавшуюся информацию. Такое активное занятие может быть проведено, например, при изучении темы «Психологический аспект судебной речи» (мозговой штурм «Убеждение и воздействие как функции судебной речи») или темы «Логические основы убедительной судебной речи» (мозговой штурм «Дедуктивные и индуктивные умозаключения»).

Эффективным завершением практических занятий по судебному

красноречию может стать ролевая игра «Судебные прения». Цель такой ролевой игры: тренинг навыков публичного (судебного) выступления; тренинг навыков составления судебной речи методом анализа эмпирического материала – анализа прослушанных выступлений. Предварительно каждый студент получает задание подготовить судебную речь (обвинительную или защитительную) по уголовному делу по данному сюжету (может быть предложена, например, газетная заметка по судебному процессу). При этом студент может домыслить недостающие доказательства, исходя из данного сюжета. При подготовке к практическому занятию следует также ознакомиться с судебными выступлениями известных русских и современных прокуроров и адвокатов, проанализировать их с точки зрения логики и психологии. Студенты поочередно исполняют роли прокурора и адвоката, произносящих судебную речь в ходе судебных прений. Вся студенческая группа принимает участие в анализе судебных выступлений. Завершается ролевая игра подведением итогов, где основное внимание направлено на анализ ее результатов, наиболее значимых для практики.

Ролевая игра направлена на снятие определенных практических проблем, приобретение навыков выполнения конкретных приемов деятельности, проходит в форме согласованного группового мыслительного поиска, что требует вовлечения в коммуникацию всех участников игры. По своей сути этот метод обучения является особой формой коммуникации. В любом типе коммуникации один из участников является автором, который выражает свою точку зрения. Второй участник является реципиентом, который, воспринимая авторский текст, строит образ того, что понял, чтобы реконструировать авторскую точку зрения. Третий участник коммуникации в рамках деловой игры может быть критиком, который, опираясь на результаты принятого решения, вырабатывает свою собственную точку зрения, более оформленную и совершенную. Четвертый участник — организатор коммуникации — согласует все виды работ и превращает разрозненные усилия в целенаправленное движение по совершенствованию авторской точки зрения [1, с.82]. Ролевые игры помогают формировать такие важные ключевые квалификации юристов, как коммуникативные способности, толерантность, умение работать в малых группах, самостоятельность мышления и т.д.

Подводя итог анализу интерактивных методов, применяемых в обучении будущих юристов судебному красноречию, следует отметить, что интерактивные методики способствуют решению трех основных задач: *конкретно-познавательной,* которая связана с непосредственной учебной ситуацией; *коммуникативно-развивающей*, в процессе которой вырабатываются основные навыки общения; *социально-ориентированной*, воспитывающей гражданские качества, необходимые для адекватной социализации индивида в сообществе. Интерактивное обучение, сохраняя конечную цель и основное содержание образовательного процесса, видоизменяет формы с передаточ-

ных на диалоговые, то есть основанные на взаимопонимании и взаимодействии, тем самым значительно оптимизируя учебный процесс.

Литература

1. Корнеева Л.И. Современные интерактивные методы обучения в системе повышения квалификации руководящих кадров в Германии: зарубежный опыт // Университетское управление. - 2004. - № 4(32). - С. 78-83.
2. Усенков Д.Ю. Интерактивная доска Smart Board: до и во время урока // Информатика и образование. – 2006. – №2. - С. 40-48.

© Баишева З.В., 2012 г.

УДК 81’37

Байбулатова Е.Н.
г. Магнитогорск (Россия)

Метафорическая модель с компонентом “ДУША” в режиссерском дискурсе

Роль метафоры как «одного из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира», связанная со «способностью языка называть невидимый мир тем или иным способом» [3, с.175], отмечалась в лингвистике еще в конце XX века, в период смены исследовательской парадигмы.

Исследование метафорических моделей в определенных типах дискурса может стать «основой для создания *дискурсивно ориентированных* лингвистических словарей, т.е. словарей, отражающих особенности языка, проявляющиеся в текстах как фрагментах дискурса» [6, с.378]. Идея создания словаря православной метафорики, предложенная Л.Н. Чурилиной, связана с разработкой системы специфических понятий из мира сакральных сущностей. К числу таковых относится понятие *душа*. Варианты языковой экспликации метафорической модели «ДУША – это Х» стали предметом нашего исследования.

Как отмечает А.Вежбицкая, понятие *душа* является основополагающим для русского менталитета: «<…> особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры. Я имею в виду такие понятия, как *душа, судьбы, тоска*» [2, с.33]. Дефиниции, представленные в Словаре русского языка [5] и «Словаре православной церковной культуры» [4], включают набор семантических компонентов, объективирующих одинаковую информацию о “божественном”, “нематериальном” и “бессмертном” начале в человеке: «1. || По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом» [5, т. 1, с.455]; «1. Не-

материальное, божественное начало в человеке, наделенное бессмертием» [4, с.138].

Материалом для наблюдений в статье стала выборка фрагментов из текстов интервью с режиссёрами П.Лунгиным (П.Л.), Н.Михалковым (Н.М.), А.Прошкиным (А.П.) и К.Райкиным (К.Р.). Интерес к *режиссерскому* дискурсу, как уже отмечалось [1, с.44], определяется профессиональными особенностями личности режиссера: "словность" текста открывает доступ к визуальному образу, который, как предполагается, воздействует на сознание воспринимающего субъекта.

Важным для настоящего исследования становится и тот факт, что в лексической структуре проанализированных текстов вербализована одинаковая мировоззренческая позиция: интервью дают верующие люди. Об этом свидетельствуют лексические экспликаторы, входящие в лексическую структуру текстов: *Бог, верить* (*вера,верующий); религиозный, православный (Православие), церковь: «Я верующий, хотя редко хожу в церковь, но я верю, что мы – не элементарные частицы»* (П.Л.); *«<…> свобода – это абсолютное доверие Богу. Когда ты совершенно снимаешь с себя бремя выбора. Вот ты говоришь: «Боже милостив, буди мне, грешному». Сделай так, чтобы моя воля не перебила Твоей. И все. И вот в этом есть потрясающая свобода. Восторженная свобода: вот как ты сделаешь – так и хорошо. И в этом, мне кажется, есть огромнейшая сила Православия»* (Н.М.); *«Я очень боюсь рассуждать о вере, оперировать религиозными понятиями. Это очень личное»* (А.П.). *«В.Познер: Я не могу не спросить <…>. Вы полагаете, что Бог имеется? К.Райкин: Да. <…>. В.П.: Но вы молитесь? К.Р.: Да. В.П: И в церковь ходите? К.Р: Я – православный человек. Да».*

Как показывает текстовый материал, в режиссерском дискурсе представлен ряд метафорических выражений, реализующих модель «ДУША – это Х». Остановимся на одной из них: «ДУША – это ПРОСТРАНСТВО».

В режиссерской картине мира, так же, как и в узуальной, *душа* характеризуется пространственными параметрами: *мелкий, глубина*: *«Но страстями Шекспира живут совсем не многие, большинство артистов душой мелки для него»* (К.Р.).

Душа мыслится как вместилище: *пустой* ("ничем не заполненный"), *заполнить* ("занять целиком"), *занять* ("заполнить собой (какое-л. пространство)"). В режиссерском дискурсе эти понятия связаны конверсивными отношениями. Лексема *пустой* – экспликация душевного состояния зрителя. Пространство души остается незаполненным, если кинопродукт является низкопробным, определяется только финансовыми характеристиками (лексемы: *доход, манок, деньги*) и вызывает поверхностные эмоции, не затрагивающие интеллект и духовное начало личности (лексемы: *повеселить, погоготать, пощекотать, попугать*): *«Поэтому если люди ходят в кино, и это кино приносит доход, то это обязательно что-то чрезвычайно низкопроб-*

ное или ерническое. Они идут на этот манок и платят за него деньги, чтобы погоготать, чтобы их пощекотали, повеселили, попугали. Но они уходят оттуда с пустой душой» (А.П.). Глаголы *заполнить, занять* – лексические экспликаторы деятельности режиссера по отношению к зрителю: *«И пытаются создать фильмы, которые заполнили бы в душах людей какую-то пустующую прострацию <…>»* (П.Л.).

Лексема *пробоина* именует необходимое человеку "пространственное отверстие", обладание которым создает новые возможности для души. В текстовом фрагменте названная лексема парадигматически связана с лексемами, в структуре значений которых вербализована информация о неспокойном душевном и интеллектуальном состоянии – *боль, депрессия, отчаяние, увлекаться, любить, (горькая и светлая) мысль*: *«Все в этом мире сделали люди, знакомые с внутренней болью, с пробоинами в душе, с горькими и светлыми мыслями, с депрессией и отчаянием, способные увлекаться, любить и начинать все сначала»* (П.Л.).

Душа именуется также безграничным пространством, которое может вмещать *остров* или *ад*. Логически противопоставленные пространства – *остров* как "символ спасения", *ад* как "символ гибели" – объединены Божественным присутствием: *«Остров в картине – это символ спасения. Этот остров существует, должен существовать в душе человека. Это сознание, знание, чувство того, что Бог есть*» (П.Л.) *«Страшно быть убитым, но не менее страшно быть убийцей. Ему до конца жизни придется носить ад в своей душе и пытаться отмолить этот грех*» (Н.М).

Душа – участок земли, нуждающийся в обработке. Текстовый смысл лексемы *осушение* коррелирует с узуальным значением и делает актуальной имплицитную сему, которая "скрыта" в иллюстративной зоне словарной статьи: «**Осушение** Действие по глаг. осушить-осушать (в 1 знач.). Осушение и освоение болот» [5, т. 2, с.658]. Осушению *души* помогает некая нерациональность – *поэзия, чудачество*, отсутствие материальной выгоды: *«Может быть, сейчас происходят большие работы, осушение этой русской души. Потому что поэзия, чудачество, всегда возможность принять решение, которое не ведет к прямой твоей материальной выгоде, какая-то осмысленная нерациональность в поведении – она, конечно, свойственна русскому*» (П.Л.).

Проанализированные текстовые фрагменты позволяют говорить о следующем. Метафорическая модель «ДУША – это ПРОСТРАНСТВО» в режиссерском дискурсе строится на ассоциациях, связанных с *объемом* пространства, с представлением о душе как о *вместилище* (в том числе, не имеющем границ), с *работами*, которые проводятся *на участке земли*. Специфичным для режиссерской картины мира становится конверсия отношений: пустая душа (зритель) – заполнить, занять (режиссер).

Литература

1. Байбулатова, Е.Н. “Духовность” как текстовая лексическая тема (На материале современного режиссерского дискурса / «Филология, искусствоведение и культурология: актуальные вопросы»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (16 июля 2012 г.) – Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциации консультантов», 2012. – С. 44-50.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
3. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. /Отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
4. Скляревская, Г.Н. Словарь православной церковной культуры: более 2000 слов и словосочетаний / Г.Н. Скляревская. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 447 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред.*А.П. Евгеньевой*. 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы,1999.
6. Чурилина, Л.Н. Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2009. – С.377-383.

Источники

- Лунгин П. «Моя страна напоминает Древний Рим». *LeMonde*,23.01.2008;«Всегда привлекает кино, которое передает настоящую боль». NewTimes, № 1-2, 23.01.2012; «Остров» – наш ответ «Коду да Винчи»? Комсомольская правда11.09.2006;передача «Дневной информационный канал» 8.01.2010; телевизионная передача «ПОЗНЕР» 2.11.2009.
- Михалков Н. «Когда корни крепки – буря не страшна» www.radonezh.ru; «Буду бить любого, кто посягнет на мою честь и безопасность» – Известия, 26.02.2006
- Прошкин А. «Чудо – очень мощный толчок для внутреннего пробуждения». www.pravoslavie.ru; «Величие советского кино в том, что 1 процент фильмов из 100 были такими, которые формировали человека на всю жизнь» / www.rudata.ru;
- Райкин К. «Сексуальность доброты...» Огонек, № 26; 25.06.2001; телевизионная передача «ПОЗНЕР» 31.10.2011.

© Байбулатова Е.Н., 2012

УДК 81’1

Байбурина Р.З., Халикова Д.Р.
г. Уфа (Россия)

Концептуальная и языковая картины мира в процессе моделирования объективной действительности

Исходя из тезиса о взаимосвязи языка и мышления, разграничивая последние как два самостоятельных феномена, каждый со своими единицами и законами их формирования и использования, советские философы (Г.А. Брутян, Р.И. Павиленис) и лингвисты (Ю.А. Караулов, Г.В. Колшанский, Г.В. Рамишвили, Н.Г. Комлев и др.) различают две модели мира: концептуальную модель мира и языковую модель мира.

Концептуальная картина мира проецируется на лексическую систему, предопределяя языковую картину мира. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, связь языковой картины мира с концептуальной осуществляется именно через посредство слова [8, с.52].

Приблизительный ответ на вопрос о составляющих языковой и концептуальной моделей мира дает Ю.Н.Караулов: «И та и другая модель восходит к одному источнику, складываясь из структуры словаря, увязанной с ней и растворенной в ней грамматики и идеологии, помогающей установить зависимость между разрозненными элементами и воссоздать целостную картину» [7, с.274]. Основным содержательным элементом языковой модели мира, по Ю.Н. Караулову, является семантическое поле, а единицами концептуальной модели мира – константы сознания. Концептуальная модель мира содержит информацию, представленную в понятиях, а в основе языковой модели мира лежат знания, закрепленные в семантических полях, составленных из слов и словосочетаний, по-разному структурированных в границах этого поля того или другого конкретного языка.

Между концептуальной и языковой моделями мира существуют сложные связи и отношения. Языковая картина мира представляет ту часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломляется через языковые формы.

В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, имеет свой собственный способ его концептуализации. В основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. Языки различаются не только звуковыми, материальными оболочками смыслов и даже не этими смыслами как таковыми (т.е. значениями лексем и граммем), но и самим способом выделения значений, самим способом восприятия и осмысления мира [11, с.79]. Как писал В.Гумбольдт, различные языки являются различ-

ными мировидениями, и специфику каждого конкретного языка обусловливает «языковое сознание народа», на нем говорящего [6, с.65-66]. А.Д. Шмелев и Т.В. Булыгина проанализировали значительное количество русских слов, заключающих в себе лингвоспецифические концепты, а также выявили некоторые общие особенности русского языкового сознания и продемонстрировали их связь с некоторыми расхожими представлениями о «русской думе», а также с некоторыми заключениями философов и этнопсихологов [4, с.374]. В русском языке многие понятия существуют как бы в двух ипостасях, соответствующих этим полюсам: истина и правда, добро и благо, долг и обязанность. Авторы также отмечают, что для русской языковой картины мира характерно противопоставление «возвышенного» и «приземленного», а также «внутреннего» и «внешнего» одновременно с отчетливым предпочтением первого. Этот «ассимметричный дуализм» коренится в особенностях русского образа мышления и определяет черты русской культуры в целом [9, с.76].

Таким образом, каждый народ по-своему расчленяет многообразие мира, по-своему называет фрагменты мира. При этом национальная общность людей создает для носителей языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а создает лишь «специфическую окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которая порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [10, с.105].

Языковая картина мира сегодня является активным объектом интенсивных лингвистических исследований. Продолжают появляться многочисленные работы, посвященные отражению мира в том или ином языке, описанию интегральной и дифференциальной картин, исследованию роли метафор в языковой картине мира, рассмотрению языковой картины мира в связи с преподаванием языков и т.д. В результате исследований сложилась терминология, выделились логический, философский и аксиологический аспекты изучения проблемы, разработаны общелингвистические и некоторые частнолингвистические теоретические вопросы языковой картины мира. Например, в ряде работ употребляются термины «языковое мышление» как синоним языкового представления мира, «речевое мышление» - речевое представление или деление мира, «языковая ментальность», «речевая ментальность» [11, с.110-112].

С лингвистической точки зрения, за противопоставлением языковой и концептуальной картин мира стоит проблема понятия и значения. Эта проблема в том или ином виде отражается во всех работах, где речь идет о языковом моделировании действительности. У Г.А. Брутяна – это различение понятия и слова: «Сердцевиной концептуальной модели мира является информация, данная в понятиях, главное же в языковой модели мира – это

знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков» [3, с.109].

У С.Васильева указанная проблема выступает в форме различения понятия и значения: «Значение собственно и превращает систему символов в языковую систему. Поэтому естественно считать, что значение как свойство языка, а следовательно, и те компоненты, на которые мы можем его разложить, имеют языковую природу. В зависимости от функции, которую они выполняют в познании, эти компоненты выступают либо как понятия, либо как абстрактные объекты, из которых строится научная картина мира» [2, с.47-48].

Несмотря на размытость границ между понятием и значением, принцип различения языковой и концептуальной моделей мира достаточно четкий и однозначный. Элементами или единицами языковой модели мира являются поля, имена полей, единицами концептуальной модели мира – обобщения элементов языковой модели, имена объединения полей.

Состоящая из семантических полей, языковая модель мира носит до известной степени фрагментарный, но всегда завершенный характер. Она более подвижна, чем концептуальная модель мира, непосредственно отражая постоянное изменение, перестройку, происходящие в окружающем человека мире. Концептуальная модель мира отличается большей устойчивостью и универсальностью. Для языковой модели мира характерны пробелы, «дыры», обусловленные ее фрагментарностью и неполной системностью. Эти лакуны на уровне полей и слов отчетливо обнаруживаются при сравнении с другим языком, то есть при проекции языковой модели мира на другую плоскость.

Расхождения между языковыми моделями мира внутри одной языковой общности и между языковыми моделями мира разных языков нейтрализуются в значительной степени на уровне концептуальной модели мира, что и обеспечивает взаимопонимание.

Концептуальная модель мира характеризуется большей упорядоченностью, системностью, в ней главную роль играют научные представления и идеологический момент. Именно идеология, понимаемая в широком смысле как способ упорядочения наблюдаемых отношений внешнего мира, помогает установить цепь иерархических зависимостей, - то есть определить, что чему подчинено, - между элементами и частями концептуальной модели мира [7, с.273].

Вследствие поворота лингвистики к исследованию языка как формы накопления знаний и их передачи в процессе общения, которое связано с когнитивным направлением, понятие «языковая картина мира», видимо, получит в ближайшее время более определенную и реальную интерпретацию, поскольку конкретные составляющие компоненты данного феномена могут быть раскрыты только через анализ типов знаний, имеющих сложное,

многоступенчатое строение и заложенных в языковых категориях. Немаловажным при этом является тот факт, что данный феномен изучается в двух аспектах, взаимодополняющих друг друга: с одной стороны, языковая картина мира выступает в качестве объекта интенсивных лингвистических исследований; с другой стороны, получает конкретизацию в идеографических словарях, практика составления которых показывает сопряженность концептуальной и языковой картин мира, так как рубрики в них соответствуют естественному членению физического мира, т.е концептуальной картине мира.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Шк. «Язык русской культуры», 1999. – 896 с.
2. Васильев С. Язык, значение и картина мира // Изв. АН Каз. ССР, серия обществ. Наук. – 1972. - №4. – С. 47-48.
3. Брутян Г.А. Очерки по анализу философского знания. Ереван, 1972.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Прагматика. Семантика. Лексикография. М., 1997. – 574 с.
5. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (микрокосм). – М., 1998.
6. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С.37-80.
7. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография.–М.: Наука, 1976. – 356 с.
8. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. - М., 1997. - 330 с.
9. Лотман Ю.М., Успенский Б. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Учен. зап. Тартуского ун-та. Т. 23: Литературоведение, 1977.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. – 208 с.
11. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. - № 6. – С. 110-122.
12. Урысон Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексемы *округа* и *район*) // Вопросы языкознания . – 1999. - № 6. – С. 79-82.
13. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (в модели пространства, времени, восприятия). – М.: Изд-во «Гнозис», 1997. – 344 с.

© Байбурина Р.З., Халикова Д.Р., 2012

УДК 801

Байгазакова А.М.
г.Стерлитамак (Россия)

О парадоксах в межкультурной коммуникации

Изучение межкультурной коммуникации (МК) прошло путь от анализа МК как традиционного лингвистического объекта до исследования МК как сложного междисциплинарного явления. Представители коммуникативного подхода в изучении МК рассматривают особенности кодификации информации в процессе общения. Признается наличие двух кодов: собственно языкового и культурного; однако, по мнению Р.Л.Солсо, они функционируют как составляющие единого кода. Подобная точка зрения логична, т.к. между языковыми и культурными аспектами коммуникации существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость [2, с.63, 65].

Межкультурная коммуникация обладает наряду с универсальными признаками целым рядом особенностей. Ниже перечисляются основные парадоксы межкультурной коммуникации :

1. Межъязыковые и межкультурные различия воспринимаются как барьеры на пути адекватной коммуникации, поэтому основное внимание уделяется моментам сходства.
2. В процессе межкультурной коммуникации принцип кооперации не всегда является необходимым условием успешного общения, в некоторых случаях он становится препятствием.
3. Идентификация новых объектов по аналогии со старыми иногда приводит к ошибочной референции.
4. «Заполнение пропусков» на основе собственного национально-культурного опыта может привести к построению ложных умозаключений.
5. Вследствие несовпадения скриптов в разных культурах попытка применить знакомые сценарии к ситуациям межкультурного общения приводит к коммуникативным неудачам.
6. Чем лучше знание иностранного языка, тем выше вероятность коммуникативных сбоев, поскольку носитель ожидает от собеседника столь же квалифицированного владения культурным кодом.
7. Чем больше иллюзия близости культур, тем больше вероятность коммуникативных сбоев [3, с.57].

Межкультурная коммуникация далека от обычной телефонной системы связи, где отправитель передает некую информацию, а адресат ее получает. В системе межкультурной коммуникации важна познавательная активность реципиента, который не просто принимает или получает информацию, он приобщается к идеям и мыслям авторов речемыслительного произведения, пытается их понять в соответствии с особенностями и уровнем своего

языкового сознания [1, с.43.]

Главным условием успешной межкультурной коммуникации является целостность коммуникативной цепочки: от коммуникативной интенции адресанта через закодированное в вербальной или невербальной форме сообщение до содержания, понятого адресатом, и соответствующей обратной связи. При этом под пониманием имеется в виду не столько уяснение значения отдельных языковых единиц и синтаксических структур, сколько способность уловить суть сообщения (или смысл, извлеченный из взаимосвязи пропозиций).

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое слово». Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта, Наука, 2009. – 344 с.

2. Зайнуллина Л.М. Общие проблемы линовокультурологии. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. -208 с.

3. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Изд. Гнозис, 2005. – 352 с.

© Байгазакова А.М., 2012

УДК 801.4

Барановская М.Е., Курочкина Т.А.
г.Уфа (Россия)

Принципы работы памяти при обучении лексике на занятиях по английскому языку

Как известно, заучивание новых слов является на самом деле процессом их запоминания. Для этого должны быть задействованы три вида памяти: краткосрочная память, рабочая память и долгосрочная память. Для того чтобы материал перешел в постоянную долгосрочную память, следует соблюсти ряд принципов.

Повторение: подтвержденный временем способ запоминания нового материала - это его неоднократное повторение, пока он еще находится в рабочей памяти, т.е. артикуляционная петля поддерживается в движении все время. Однако простое повторение лексической единицы (основа механического заучивания), имеет незначительные долгосрочные результаты, если не предпринимается попытка одновременно организовать материал. Но один вид повторения, который действительно имеет значение, повторение встреч со словом. Было подсчитано, что слова имеют хороший шанс быть запомненными, если они встретились, по крайней мере, семь раз.

Извлечение: еще один вид повторения, который очень важен - это

эффект практического извлечения, это означает, что акт извлечения слова из памяти дает возможность обучающемуся вспомнить его позднее. Виды деятельности, которые требуют извлечения, такие как использование нового слова в письменных предложениях, способствуют последующему вспоминанию.

Интервалы: лучше распределять работу памяти в течение периода времени, чем собирать ее в один блок. Это так называемый принцип распределенной практики. Он применяется как в краткосрочной, так и в долгосрочной памяти. При обучении студентов новой группе слов, например, лучше представить первые 2-3 лексические единицы, затем вернуться и проверить их, затем представить еще несколько новых, затем вернуться снова и т.д. По мере того, как каждое слово заучивается все лучше, интервал проверки может постепенно расширяться. Цель - проверить каждую лексическую единицу на самом длинном интервале, на котором ее можно надежно вспомнить.

Подобным образом в течение нескольких уроков вновь представленные слова нужно повторять на следующем занятии, но интервал между проверками следует постепенно увеличивать.

Темы: Обучающиеся обладают разными способностями и следовательно обрабатывают данные с различной скоростью, так что в идеале им нужно дать возможность самим задавать темп деятельности по повторению. Это может означать, что преподаватель дает время в течение заучивания слов на « работу памяти».

Использование: использовать слова предпочтительно каким-либо интересным способом – это лучший путь обеспечить их вхождение в долгосрочную память. Этот принцип известен как «Use it or Lose it».

Следующие пункты связаны со способами манипулирования словами в рабочей памяти.

Познавательная глубина: чем больше решений обучающийся принимает относительно слова, и чем больше познаний требуют эти решения, тем лучше запоминается слово. Например, относительно поверхностное суждение – просто сочетать его со словом, которое рифмуется с ним, например, tango / mango. Решение более глубокого уровня – понять, какой частью речи оно является (существительное, прилагательное, глагол и т.д.) Еще глубже можно использовать его, чтобы закончить предложение.

Персональная организация: суждения, которые обучающиеся составляют себе о слове, более эффективны, если они персонализированы. В одном исследовании субъекты, прочитавшие вслух предложение, содержащее новые слова, показали лучшие результаты в запоминании, чем те, которые просто молча повторяли слова. Но, субъекты, построившие свои собственные предложения, и прочитавшие их вслух, показали еще более хорошие результаты.

Мысленное представление: наилучшие результаты показали субъекты, которым была дана задача молча вообразить картину, которая сочеталась бы с новым словом.. Данные тесты показали, что слова, которые легко зрительно представить, лучше запоминаются, чем те, что не вызывают непосредственного образа. Это наводит на мысль, что даже для запоминания абстрактных слов данный способ может существенно помочь в том случае, если обучающиеся ассоциируют их с каким-то мысленным образом.

Мнемоника: это «хитрости», которые помогают извлекать единицы или правила, хранящиеся в памяти и еще не способные извлекаться автоматически. Даже носители языка опираются на мнемонику, чтобы запомнить орфографические правила, например, «i» пишется перед «e»,но не после «c». Лучшие виды мнемоники- визуальные.

Мотивация: простое желание выучить новые слова – не гарантия того, что они запомнятся. Единственное отличие, которое создает мотивация – это то, что обучающийся, вероятно, будет тратить больше времени на повторение и практику, что в конечном счете окупится в отношении памяти. Но даже немотивированные обучающиеся запоминают слова, если перед ними были поставлены задачи, требующие от них принятия решения относительно слов.

Внимание/пробуждение: вопреки бытующему мнению, вы не можете улучшить ваш лексический запас во сне, просто слушая запись. Требуется некоторая степень сознательного внимания. Очень высокая степень внимания, называемая «пробуждением», способствует улучшенному запоминанию. Слова, вызывающие сильный эмоциональный отклик, например. Этим можно объяснить то, что многие обучающиеся имеют способность к запоминанию ругательств, даже если они слышали их всего пару раз.

Эмоциональная глубина: эмоциональная информация хранится наряду с когнитивными данными и может также играть важную роль в том, как хранятся и вспоминаются слова. Так же, как важно для обучающихся выносить когнитивные суждения о словах, важно формулировать и эмоциональные суждения. Например, педагог-реформатор Сильвия Эштон-Уорнер, которая обучала чтению и письму неимущих детей в Новой Зеландии в 1960х годах, использовала эмоциональное значение слов как основу того, что она называла подходом «ключевого словаря». Ее школьники выбирали слова, которые они хотели выучить, и эти слова часто несли сильную эмоциональную нагрузку, например, Mummy, Daddy, kiss, frightened, ghost. Одним из ее основных принципов в обучении грамоте был: «First words must be made of the stuff of the child himself, whatever and wherever the child».

© Барановмская М.Е., Курочкина Т.А., 2012

УДК 802/809.1-52

Баринова И.А.
г. Пермь (Россия)

О роли «базовых» текстов в процессе коммуникации

Лингвистика текста — это обычно лингвистика развернутого текста. Однако в реальных процессах коммуникации развернутыми текстами пользуются далеко не всегда. Между нерасчлененными знаками невербальной коммуникации и развернутыми текстами имеется зона переходных типов текстов небольших размеров, причем предполагается, что они выступают как базовые по отношению к развернутым текстам. При функциональном, деятельностном подходе, учитывающем фактор человека (создающего и воспринимающего текст) и коммуникативной ситуации, оказывается, что ни характер структуры текста, ни даже сами его размеры не являются основополагающими, базовыми факторами, определяющими статус текста как такового, и характеризуют лишь тексты, созданные для определенного типа коммуникативных ситуаций. При таком подходе необходимо расширение самого понятия «текст» и привлечение к анализу гораздо большего круга объектов, в том числе и тех, которые можно определить как тексты-»примитивы», то есть тексты небольшого размера, часто с «неправильной», упрощенной (с точки зрения нормы) структурой. Поэтому актуальным оказывается выявление не только признаков, которые отличают такие тексты-»примитивы» от развернутых текстов в «классическом понимании», но и признаков, которые их принципиально объединяют. Основания для такого объединения — в закономерностях коммуникативного, а не структурного характера.

Термин «тексты-примитивы» был введен Л.В. Сахарным для обозначения текстов (точнее — текстовых структур) небольших размеров с полным или почти полным отсутствием специальных средств связности.

Несмотря на то, что тексты-примитивы имеют различный генезис, они универсальны по структуре и в них реализуются все основные характеристики текста: текст-примитив наделен цельностью и максимально простым комплексом связности. Многосторонние исследования свойств текстов-примитивов и особенностей их функционирования позволили Л.В. Сахарному выдвинуть и обосновать положение о фундаментальности механизма образования текста-примитива и базисности его для речевой деятельности [4].

Отметим ряд положений теории текстов-примитивов. Интерес представляет положение о парадигматической организации текстов, объединенных одним инвариантом цельности. Цельность как функционально-коммуникативная соотнесенность текста с одним объектом (простым или

сложным) может быть реализована в парадигме текстов с большей или меньшей степенью расчлененности, ясности и осознанности. Текст-примитив входит в парадигму текстов, которая может быть представлена следующим образом: 1) отдельное слово-текст; 2) различного рода наборы ключевых слов (НКС) -текстов; 3) грамматически оформленные неоднословные предложения-тексты; 4) различного рода предложения-тексты; 5) различной степени сложности развернутые тексты. Все перечисленные тексты являются синонимами, так как передают один и тот же инвариант цельности. С парадигмой текстов-синонимов мы сталкиваемся в информационных изданиях: заглавие (заголовок) печатного издания представляет собой, как правило, текст — слово или словосочетание; затем следует поисковый образ документа, отображаемый в предметном указателе в виде НКС, и, наконец, грамматически оформленные предложения, являющиеся аннотацией к исходному тексту документа.

С понятием парадигматической организации текстов связано понятие текста-перифразы, так как переход от одного текста парадигмы к другому представляет собой процесс перифразирования-свертывания, если мы идем от исходного развернутого текста к слову или словосочетанию, и перифразирования-развертывания, если мы идем от слова (или НКС) к тексту. Понимание текста предполагает возможность построения субъектом топологически сходного текста, то есть некоего аналога, содержащего основные смысловые компоненты исходного, воспринятого текста. Центральным моментом процесса понимания текста является открытие «смысловых вех» и их объединение в единое целое, общую мысль или контекст. «Смысловые вехи» (аналогами которых во «внешней речи» являются ключевые слова разной степени протяженности) можно, вероятно, рассматривать как основные единицы речемыслительной деятельности субъекта в процессе понимания текста [6]. Обучение умению строить тексты-перифразы является одним из основных компонентов обучения чтению (пониманию) текста, и в этом случае мы говорим о перифразах-свертываниях, а также процесса обучения говорению и письму, и в этом случаях мы говорим о перифразах-развертываниях. С точки зрения теории текстов-примитивов, одним из первых этапов обучения чтению должно быть ознакомление с НКС учебного текста [5]. НКС рассматривается как совокупность слов или словосочетаний текста, несущих основную смысловую нагрузку. Сопоставление НКС по различным параметрам исходного текста показывает, что НКС является объективным и достаточно эффективным методом, вскрывающим важные закономерности построения и восприятия текста, и дающим возможность, при варьировании характера перифраз, показать актуальное разграничение в иерархии центральных и периферийных компонентов цельности текста, что позволяет поэтапно выявлять фрагменты значения и их структурирование.

Одним из сложных вопросов обучения иностранному языку считается

вопрос обучения порождению речи, в частности, обучения построению текстов разной коммуникативной направленности. В экспериментах Л.В. Сахарного и его учеников были выявлены интересные закономерности, связанные с действием механизма вербальных ассоциаций при построении текстов [3].

Одним из видов текстов-примитивов является и «текст» ассоциативной пары Стимул-Реакция. Расширение материала исследования за счет данных различных типов направленного ассоциативного эксперимента, за счет индивидуальных ассоциаций, открывает новые возможности для изучения вербальных ассоциативных структур. Доказано экспериментально, что стратегия построения «текста» вербальных ассоциаций есть одна из разновидностей стратегии построения текста вообще [2].

Доказана возможность изучения механизмов структурирования текста через реализацию цельности и связности в текстах больных с патологией речи (афазией). Экспериментально показано, что у больных с разными формами афазии при более или менее серьезных нарушениях «тонких» механизмов структурирования текста сохранными остаются базовые механизмы такого рода, и специфика работы этих механизмов отражается в темарематической структуре вербального текста. Разработанная методика дает возможность выявления особенностей работы механизмов цельности и связности в текстах не только нормы, но и в текстах «дефектных» с точки зрения «нормы» и позволяет достаточно надежно выявлять некоторые закономерности текстопостроения у больных с разными формами афазии [6].

В динамической парадигме синонимичных друг другу текстов, построенных на базе одного и того же инварианта цельности, в качестве базового текста рассматривается и текст разговорной речи (РР), как текст, не имеющий той степени развернутости и структурированности, которая обычно характерна для «нормированных» текстов, являющихся объектом описания собственно лингвистики текста. Изучение подобного материала предопределяется необходимостью показать РР в ее целостности и коммуникативной автономности, а не как «упрощенный», «сниженный» вариант кодифицированного литературного языка (КЛЯ). Анализ текстов РР представляет собой один из возможных путей, позволяющих установить ряд актуальных факторов, определяющих развертывание текста говорящим. Образование при построении текста РР достаточно простых структур предопределяет то, что такие структуры являются своего рода «основой» для создания развернутых текстов. Выступая как синонимы последних, они помогают выявлять и сохранять инвариант цельности развернутого текста [1].

Таким образом, обращение к теории текстов-примитивов, осмысление их роли в речевой деятельности, закономерностей функционирования позволяет решить ряд проблем, связанных с процессами текстопостроения и текстовосприятия.

Литература

1. Баринова И.А. Особенности цельности и связности при построении текстов разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1988. - 15 с.
2. Овчинникова И.Г. Текстообразующая роль вербальных ассоциативных структур: автореф. дис... канд. филол. наук. - Л., 1986. - 14 с.
3. Сахарный Л.В. Ассоциативные пары как текст // Материалы 8 Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. - М., 1985. - С. 86-87.
4. Сахарный Л.В. Морфема как текст и морфема как часть текста / Л.В. Сахарный // Морфемика. Принципы и методы системного описания. – Л.: ЛГУ, 1987. – С. 157-170.
5. Сиротко-Сибирский С.А. и др. Экспериментальная проверка методики введения ключевых слов / С.А. Сибирский, А.С. Штерн // Лингвистические основы изучения русского языка как неродного. - Баку, 1979.
6. Сиротко-Сибирский С.А. О проблеме понимания текста в лингвистике и психолингвистике // Слово отзовется: памяти А.С. Штерн и Л.В. Сахарного. - Пермь, 2006. - СС. 63-67.
7. Стрекаловская С.И. Механизмы цельности и связности в текстах больных с патологией речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1990. - 16 с.

© Баринова И.А., 2012

УДК 811.111

Басырова Ф.А.
г. Уфа (Россия)

Обучение профессиональной коммуникации: термины, навыки или стиль английского языка?

Профессиональная коммуникация на иностранном (в частности английском) языке, обычно называемая английским для специальных целей (ESP), используется в тех сферах профессионального знания, которые обладают своими собственными глубокими и разработанными системами понятий. Этот стиль языка, часто рассматриваемый как образец построения модульных курсов в условиях неязыкового вуза [2, с.87], характеризуется определённой ориентацией понятий и соответствующими ограничениями, налагаемыми на функции языковых единиц на всех уровнях.

Эффективное обучение профессиональной коммуникации требует от преподавателя обязательного знания типичных ситуаций, в которых студентам (будущим специалистам) понадобится английский язык для общения на профессиональные темы. Наблюдения показывают, что учёные (независимо от темы их исследования) используют английский: 1) для чтения публикаций в области их интересов, чтобы получить информацию о последних разработках; 2) для обмена своими мыслями или результатами исследований в

устной или письменной форме; 3) для выступления с докладами и сообщениями на научных конференциях; 4) для участия в профессиональных встречах и дискуссиях; 5) для неформального общения с зарубежными коллегами на обычные темы – семья, политика, вопросы культуры и так далее.

Некоторые преподаватели считают, что выявление того, что в действительности требуется студентам, предполагает наличие сложного теста с относящимся к специальности анкетированием. Сегодня это очень популярный метод, называемый анализом специфических языковых потребностей обучаемых (*needs analysis*). Он предполагает определение мотивов, которые лежат в основе учебной деятельности студентов при изучении иностранного языка [2, с.72]. Полагают, что не так уж и трудно преподавателю понять объективную ситуацию и сформулировать цели изучающих ESP студентов, как они определяются выше. Таким образом, основные языковые навыки и умения, которые должны изучаться и осваиваться студентами, следующие: чтение научных текстов для извлечения необходимой информации, умение говорить на профессиональные темы и письменно излагать свою точку зрения, составление докладов и презентаций и понимание устной речи в рамках специальности. Все эти навыки совершенно очевидны и принимаются как само собой разумеющиеся.

Поскольку навыки, приобретение которых являются целью изучения иностранного языка, универсальны, методика преподавания ESP мало чем отличается от той, что используется в обучении английскому «вообще» (EGP). Эти общие принципы включают заучивание слов, словосочетаний и других языковых элементов студентами, практику составления кратких обобщений и пересказов текстов, прослушивание записей, перевод с одного языка на другой для лучшего понимания содержания и установления эквивалентов в обоих языках и прочее.

Таким образом, скорее именно усвоение основных практических навыков приводит к овладению иностранным языком, чем просто информация о лингвистических фактах. Однако, вследствие идентичности навыков ESP и общего курса языка, существенное различие между ними приходится не на вышеупомянутые навыки, а стили языка, используемые людьми при говорении, письме, чтении и слушании в бытовых ситуациях изо дня в день и при применении языка в профессиональной коммуникации.

Всем известно, что научные тексты содержат терминологию. В этой связи возникает следующий вопрос: возможно, при обучении ESP основным приоритетом должны быть специфические термины? Следует ли сделать основной задачей как студентов, так и преподавателей изучение терминов при овладении ESP?

Ответ в данном случае заключается в том, что специальные техницизмы или термины не представляют значительных трудностей для специалистов в их профессиональной сфере. Термины тесно связаны с концепту-

альной областью их предмета исследования и обычно больше известны обучаемым, чем преподавателям ESP. Очень часто термины оказываются как в русском, так и в английском одними и теми же заимствованными латинскими словами, и так как студенты уже изучали терминологию их предмета на родном языке, им не представляется трудным понимание «интернациональных» английских терминов.

Существует ещё одна более важная особенность терминов по специальности, которая облегчает их заучивание по сравнению с общим словарём. Языковые функции этих терминов ограничиваются рядом довольно простых моделей, и их сочетаемость с другими словами в контексте в основном логически обоснована. Подобные единицы не способны образовывать сложные и двусмысленные словосочетания: специфическая языковая трудность таких терминов практически равна нулю. Именно поэтому для студентов, изучающих профессиональную коммуникацию, термины являются самой лёгкой частью словарного запаса.

Например, такие слова как *“rain”, “cloud”* или “*river”* начинают функционировать как специальные термины в географических текстах, когда точное научное определение неотрывно прикрепляется к ним. Если эти термины неизвестны студентам, единственное, что им приходится делать – это понимать понятия, которые они обозначают, находить русские эквиваленты и просто заучивать слова.

Поэтому, в данном случае напрашивается вывод о том, что преподавание ESP не ограничивается лишь обучением терминологии. Существенная разница между преподаванием профессиональной коммуникации и обычного английского (EGP) в стиле языка, который должен использоваться как цель на каждом уровне обучения ESP.

Общеизвестно, что стиль научной литературы не является чем-то однородным: в нём имеются функционально-стилистические варианты. Нам известны некоторые научные статьи, написанные просто и понятно, в то время как в других работах возможно наличие ряда сложных и иногда чрезвычайно идиоматичных выражений. Итак, ESP каждой отрасли науки содержит: 1) тексты со сниженным количеством идиом (ограниченный научный стиль английского); 2) стилистически нейтральные научные опусы, которые менее ограничены с точки зрения идиоматики; и 3) чрезвычайно идиоматичные, стилистически окрашенные работы. Их можно последовательно расположить по мере возрастания фразеологической наполненности.

Какой стиль ESP особенно важен при обучении студентов для образования неотъемлемой основы их профессиональных знаний и почему?

При ответе на данный вопрос следует обратить внимание на тот стиль английского языка, которым в реальной жизни пользуются научные работники, когда оказываются в типичных ситуациях профессионального общения - при участии в международных конференциях, знакомстве с зарубеж-

ными коллегами (которые не всегда бывают англичанами), разговорах о своих исследованиях, чтении лекций, ответах на вопросы, при составлении аннотаций и написании статей, и так далее. Осторожное обращение с лингвистическим наполнением и текстологический анализ показывают, что чаще всего люди спонтанно прибегают к ограниченной форме научного стиля, которая обеспечивает надёжное понимание между участниками профессиональной коммуникации.

Этот вариант научного стиля характеризуется упрощенной грамматикой, неидиоматической (логической) сочетаемостью слов, относительно несложным синтаксисом, нейтральным с культурологической точки зрения словарём, фонетически адекватным (понимаемым) произношением. В то же время «учёный обладает обширным словарным запасом, которым он точно пользуется и может обращаться гораздо лучше, чем самый совершенный пользователь «общего» английского или наиболее педантичный и информированный знаток грамматики языка. Его знание полных слов («полнозначных слов») совершенное и законченное. Но грамматика сильно упрощена в том смысле, что им исключаются все более тонкие отличия, которые выражаются в английском соблюдением более осложнённых и трудных для понимания морфологических и лексико-морфологических правил языка» [1, с.138 – 139].

«Ограниченный научный английский язык» - это вовсе не ломаный английский, хотя те, для кого этот язык не родной, делают небольшие ошибки, которые не искажают содержания речи. В таком английском преобладает тенденция к уменьшению количества фразеологизмов, а сложные лингвистические элементы исключаются в целях снятия трудностей в понимании. Таким образом, итоговое лингвистическое наполнение приводит к улучшению эффективности общения между профессионалами.

На рубеже тысячелетий некоторыми исследователями отмечалась тенденция носителей языка приспосабливать свой английский язык при общении с иностранными коллегами. Данное явление включает «использование более простых конструкций предложений, избегание идиом и разговорных выражений, замедленный темп речи, и более чёткие артикуляционные модели. Важно подчеркнуть, что это не «речь иностранца»… Британцы при опросе «не приспосабливались к уровню» своих коллег и не использовали сознательно более простые выражения: это была ненамеренная адаптация…» [3, с.92]. Хотелось бы вновь подчеркнуть, что данный стиль ESP стал называться «ограниченным научным английским» не потому, что это ломаная форма языка. Его называют «ограниченным» в том же смысле, в каком Р.Квёрк ссылался на язык, используемый в ситуациях, в которых требуется «меньше языка», чем в использующих «полновесный английский» [6, с.21]. Термин «ограниченный научный английский язык» отражает природу данного варианта научного английского, в котором полноценное научное со-

держание передается наиболее рациональными и экономичными языковыми средствами.

Примеры «ограниченного научного английского» действительно существуют. Авторы учебников по естественным наукам (биологии, географии, физике, и т.д.) являются образованными носителями родного языка и часто создают образцы «ясно написанного и несложного в понимании» научного английского, с целью объяснения самым простым способом основ своих дисциплин. Наряду с учебниками существует множество примеров научных статей, лекций и презентаций, подготовленных (написанных) этим же стилем.

Процесс обучения ESP в любой отрасли науки должен начинаться с «ограниченного научного английского языка» и получения, как утверждает М.Уэст, «действительно минимального адекватного курса» [4, с.133]. Учебники для обучения профессиональной коммуникации должны быть руководствами по практической стилистике, содержащими материалы, которые демонстрируют инварианты лингвистических особенностей научного стиля. Студентам следует рассматривать их в качестве модели, которой нужно следовать как можно точнее при профессиональной коммуникации на английском языке.

Этот стиль ESP – «ограниченный научный английский язык» - должен стать обязательным для овладения и применения студентами научно-технических специальностей, каким бы скучным и однообразным он не показался бы преподавателям (которые обычно являются филологами). К сожалению, многие тексты, порождаемые русскими, пользующимися английским языком, звучат всё ещё далеко не по-английски. Возможно, причина в преждевременной попытке студентов продвинуться далее «ограниченного научного английского». Очень часто пренебрегают примерами хорошего английского языка, который характеризуется самыми обычными сочетаниями слов и достаточно обширным словарным запасом, но ограниченной грамматикой и упрощённым синтаксисом. Вместо этого студенты начинают создавать нечто, что, по их мнению, лингвистически верно и богато идиомами. На деле это приводит к нарушению элементарных норм английской сочетаемости и синтаксиса, результатом которого становятся «образчики» так называемого «русского английского языка, который читатели не в состоянии перевести» [5, с.285-287].

Таким образом, в процессе обучения профессиональной коммуникации можно прийти к выводу, что обучение ESP имеет определённые и конкретные цели. Студенты стремятся хорошо овладеть научным стилем в виде основных умений и навыков (чтения, говорения, понимания на слух, письма). Как только они овладевают функционально-стилистическим вариантом данного стиля, возможно постепенное обучение идиоматическим вариантам этого ESP. Тем не менее, обучение определённо следует начинать с «огра-

ниченного научного английского языка» как основы стиля и добиваться хорошего рабочего владения им. Студенты технических специальностей могут, однако, остановиться (и часто так и происходит) на «ограниченном научном английском», потому что для людей, которые занимаются научным исследованием, именно этот стиль оказывается существенно важным при профессиональной коммуникации на международном уровне.

Обучаемых ESP студентов следует обеспечивать достоверными и аутентичными учебными материалами в виде научных текстов, в которых присутствуют вышеуказанные языковые характерные черты. «Ограниченный научный английский язык» обладает всеми необходимыми свойствами, которые помогут студентам овладеть соответствующим их специальности словарным запасом (терминологией), передавать информацию рационально и логично, и одновременно звучать вполне по-английски, используя характерный для языка профессиональный сленг.

Литература

1. Ахманова О.С., Идцелис Р. Что такое английский язык, которым мы пользуемся? Курс практической стилистики. – М., 1978, С.138-139.
2. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. – СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр “БЛИЦ”», «Cambridge University Press», 2001. – 224 с.
3. Crystal, D. Moving towards an English Family of Languages? // Folia Anglistica / World Englishes. – M., 1998, p.92.
4. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. CUP, 2001. – 489 p.
5. French, H.M. Russian–English Glossary of Geocryology and Related Scientific Fields (Review) // Permafrost and Periglacial Processes, 2000, Issue 11, pp 285 - 287.
6. Quirk, R. The Use of English. – Lnd., 1982, p 21.

© Басырова Ф.А., 2012

УДК 81’37

Батталова А.Р.
г. Уфа (Россия)

Вербально-смысловые изоглоссы концепта *любовь* в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

В исследованиях, посвященных анализу концепта *любовь,* можно выделить две тенденции. Во-первых, выявляется специфика содержания концепта *любовь* в русском языке на материале фольклорных, художественных,

рекламных и других текстов (Воркачев, Вильмс, Головач, Макшанцева, Балашова). Во-вторых, концепт *любовь* изучается в рамках религиозного дискурса (Балашова, Бобырева). Произведения Ф.М. Достоевского и, в частности, роман «Братья Карамазовы» представляет интерес тем, что исследуемый концепт может быть рассмотрен с двух разных обозначенных выше точек зрений.

Анализ исследуемого концепта в романе предполагается осуществить по двум направлениям. Первое – это выявить представленные в романе концепции любви и рассмотреть те образы, которые служат раскрытию этих идей. Второе направление предполагает лингвистический анализ, основанный на выявлении лексических репрезентантов концепта *любовь* и анализа лексической сочетаемости ключевой лексемы, репрезентирующей этот концепт. Выявленные линии развития концепта *любовь* в «Братьях Карамазовых» в совокупности с лексическим материалом, который служит раскрытию этих линий, предлагаем называть вербально-смысловыми изоглоссами. Вводя понятие вербально-смысловых изоглосс, мы ориентировались на теорию ментальных изоглосс Ю.С. Степанова. Исследователь под ментальными изоглоссами понимает культурные сходства, совпадения, тождества, которые возникают в сознании деятелей культуры, а потом находят выражение в их творчестве [4, с.34].

Сразу отметим, что Ф.М. Достоевского глубоко волновали вопросы религиозного характера. Темой христианства пронизано всё его творчество. Н.О. Лосский замечает, что «идеальное христианство, по его (Достоевского) пониманию, есть религия любви и потому свободы, религия благостного отношения ко всему человеку и ко всему миру» [2, с.346]. Поэтому неудивительно, что в романе красной линией проходит проблема любви в христианской православной религии.

Но говоря о любви в христианстве, следует обозначить те векторы любви, которые мы находим в Библии. В Священном Писании любовь можно рассмотреть с трех точек зрения: Бог есть любовь, у́же любовь Бога к человеку. *Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь* [1 от Иоанна 4:8]. *И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в неё. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём* [1 от Иоанна 4:16]. *Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были ещё грешниками* [Павел к Рим 5:8]). Следующий аспект – это любовь человека к Богу. *Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя* [от Матфея 22:37-39]. И наконец, любовь к ближнему. *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, [так] и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между*

собою [Благ. от Иоанна 13:34-35]; *Любовь [да будет] непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте* [Павел к Рим. 12: 9 -10]).

Все эти три узловых момента любви представлены в романе. Но особое внимание уделено любви к ближнему в силу неоднозначности, сложности понимании такой любви.

Старец Зосима разворачивает концепцию *деятельной любви,* которая по своей сути является особым проявлением любви к ближнему. Данная изоглосса концепта *любовь* будет выражаться через репрезентантов концепта *любовь* и при помощи лексем, которые будут содержать в себе сему действия и являться репрезентантами концепта *деятельность*: **любить неустанно, любить деятельно; преуспевать в любви; любовь есть дело; любовь деятельная – это работа и выдержка; опыт любви; мир любовию приобрести;** отсутствие действия выражено при помощи сочетания **любить пассивно.** Суть деятельной любви, по мнению старца Зосимы, в исполнении добрых дел, в бескорыстном служении всей жизнью человеку. В этом и заключается сложность осуществления деятельной любви, расцениваемой как подвиг. Идея любви как подвига заключена в трактовке старцем ада. Ад, по его мнению, это «страдание о том, что нельзя уже более любить». *Хотя бы и жизнь свою рад был отдать за других, но уже нельзя, ибо прошла та жизнь, которую возможно было в жертву любви принесть, и теперь бездна между тою жизнью и сим бытием»* [1, с.292-293].

Воплощением идеи *деятельной любви* старца Зосимы является Алеша Карамазов. Поэтому не случайно старец Зосима отправляет его «пребывать в миру», говоря при этом, что «дел будет много» и наставляя Алешу «работай, неустанно работай». Как субъект любви Алеша обозначен словосочетанием **ранний человеколюбец**, которое является ключом к пониманию его образа. Н.О. Лосский характеризует любовь Алеши к миру как «желание и умение сочувственно войти в жизнь каждого человека». Он пишет, что «всеобъемлющая любовь его не есть какое-то расплывчатое физиологическое добродушие; она исходит из духовной связи его со всем миром и особенно со всеми людьми в добре, объединяющем мир с Богом» [3, с.316]. И в силу такой духовности его любовь совершенна бескорыстна. Карьерист и атеист Ракитин не способен понять такую любовь. Он спрашивает Грушеньку: «*Да за что мне любить-то вас* (т.е Грушеньку и Алешу)*? Любят за что-нибудь, а вы что мне сделали оба».* На что Грушенька отвечает: «*А ты ни за что люби, вот как Алеша любит».* Духовная связь с людьми проявлялась и в ответной любви людей к нему: *«…Дар возбуждать к себе особенную любовь он заключал в себе так-сказать в самой природе, безыскусственно и непосредственно»* [1, с.19]. Для наиболее полного раскрытия образа Алеши Карамазова как носителя христианской любви, обозначим сочетания,

которые служат раскрытию его характера и манеры поведения: **неутолимое сердце; целомудренный и чистый; Алеша из таких юношей вроде как бы юродивых; жил веря людям; не хочет быть судьёй другим людям; дар возбуждать любовь к себе.** Поведение в детстве: **не мог слышать известных слов и известных разговоров про женщин; когда заговорят «про это», быстро закрывает уши руками; мало экспансивен и мало разговорчив.**

С любовью к ближнему связана идея любви к человечеству при невозможности любить отдельного человека. Зосима рассказывает историю об одном докторе, который признавался: «Чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще». Несомненно, что самая сложная в соблюдении заповедь «полюби ближнего своего». Исполнение её требует полного самоотречения и не только преодоления физической неприязни, но и принятия чужого Я с его страданиями и несовершенствами. Об этом же говорит Иван Карамазов: «*именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних <…>. Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – пропала любовь*» [1, с.215]. Такую «Христову любовь» он называет «невозможным на земле чудом». Зосима же считает, что человек может достичь подобия божеской любви, любя человека в грехе. *Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле* [1, с.289].

Старец Зосима отличает *любовь деятельную* от *любви мечтательной*, которая тоже жаждет подвига. Но любовь мечтательная требует, чтобы подвиг был оценен, чтобы все увидели, узнали о нем и «хвалили» за него. *Любовь мечтательную*, как нам кажется, воплощает Катерина Ивановна. Ей нужно не столько чужое восхищение, сколько созерцание самой себя и своего подвига. Дмитрий Федорович восклицает: «Она свою добродетель любит, а не меня». Ту же мысль проводит Иван, обращаясь к Катерине Ивановне: «Но вам он (Дмитрий Карамазов) нужен, чтобы созерцать беспрерывно ваш подвиг верности и упрекать его в неверности». Ей нужно непременно доказать свою любовь к Дмитрию, пожертвовав собой, своими принципами и гордостью, что она и делает на суде. Катя взрастила в себе «истерическую и надорванную» любовь, которая «походила не на любовь, а на мщение», но эта любовь не выдержала в силу своей натянутости, неискренности.

При рассмотрении аспекта *любовь к Богу*, пожалуй, следует остановиться на неоднозначном образе Дмитрия Карамазова. Неоднозначность заключается в соединение земной любви к женщине (обозначим её изоглоссой *страстная любовь)* и любви к Богу.

Заметим, что любовь к Богу своей включенностью в сферу религии обуславливает введение в текст жанров молитвы и клятвы. В речах Дмитрия

наблюдаются интенция восхваления и интенция признания; вкрапления лексем из тематического поля религии: **господь, ад, судить, бог, Старшный суд, клятва, возродить, воскресить, свет, душа, радость, сердце, страдание, вина, жизнь.**

Здесь же рассмотрим изоглоссу *страстная любовь*. Любовь-страсть – это любовь, которая переходит из одной крайности в другую – из спокойного созерцания объекта любви (*«Она теперь с ним, ну вот и погляжу, как она теперь с ним, со своим прежним милым, и только этого мне и надо»*) до безумного желания телесного единения. Любовь-страсть не приносит радости и её губительную силу осознает Дмитрий: «*Прости, Груша, меня за любовь мою, за то что любовью моею и тебя сгубил».* [1, с.526]. Говоря о поведении Дмитрия, следует отметить, что двигающей силой выступает ревность. Вспомним то, как Дмитрий сторожил в беседке и ждал прихода Грушеньки к Федору Павловичу, как он ворвался к отцу и избил его, как Дмитрий бегал по городу в поиске Грушеньки. В поступках Дмитрия Карамазова проявлялись и признаки сладострастия. Он признается Алеше: «Любил разврат, любил и срам разврата. Любил жестокость: разве я не клоп, не злое насекомое?».

Христианской любви в романе противопоставляется земная любовь. И выразителем крайней степени земной любви является Федор Павлович Карамазов - носитель низменной, *сладострастной любви*. Как субъект любви он обозначен следующими сочетаниями: **сладострастник, порочный любитель; развратный человек; ничтожный мозгляк; бестолковейший сумасброд; старый потаскун и бессемейник; отец, о котором даже и говорить стыдно.** Объектом его любви становятся **грубая женская красота и дурные женщины**. Концепции сладострастной любви соответствует и манера поведения Фёдора Карамазова, его поступки, выражены в таких фразах, как **устраивать оргии; попрать ногами брачные приличия; завести целый гарем; ему льстило разыгрывать смешную роль обиженного супруга; дом обратил в развратный вертеп; дебоширство; пьяные слезы и хмельная чувствительность; вертеп грязного разврата; любил безобразничать с женским полом; любить скверну.** В концепции сладострастной любви можем выделить следующие когнитивные признаки:

- отсутствие семейных ценностей;
- отсутствие искренности в поведении и выражении чувств;
- греховные союзы с женщиной, женщинами;
- акцентирование на какой-либо черте, детали женщины;

Вся ужасающая сила сладострастия проявляется в признании Федора Павловича: «*По моему правилу, во всякой женщине можно найти чрезвычайно, черт возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь, – только надобно уметь находить, вот где штука! Это талант! Для меня мовешек не существовало: уж одно то, что она женщина, уж это одно*

половина всего… да где вам это понять! Даже вьельфильки, и в тех иногда отыщешь такое, что только диву дашься на прочих дураков, как это ей состариться дали и до сих пор не заметили!» [1, с.125-126].

Итак, в ходе анализа нами были выделены четыре центральные изоглоссы: деятельная, мечтательная, страстная, сладострастная любовь. Каждая из выделенных линий может быть рассмотрена, во-первых, через образ, который воплощает эту любовь и, во-вторых, через набор лексических средств, способствующих выражению изоглоссы.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. – Л.: «Наука», 1976. – Т. 14 – 15.
2. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. – Нью-Йорк: «Издательство имени Чехова», 1953.
3. Новый завет Господа Иисуса Христа (любое изд.)
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школы «Языки русской культуры», 1997.

© БатталоваА.Р., 2012

УДК 81’1

Баядилова Ш.С.
г.Актобе (Казахстан)

Қазақ-ағылшын мақал-мәтелдерінің этнолингвистикалық сипаты

Мақал-мәтелдердің тіл білімінде, оның ішінде, казақ және ағылшын тілдерінде әр тұрғыдан азды-көпті зерттеліп келгені мәлім. Зерттеу нысанына қатысты еңбектерге тоқталар болсақ, мақал-мәтелдердің тілдік табиғаты, олардың басқа тұрақты тіркестермен ұқсастықтары немесе ерекшеліктері А.Байтұрсынов, І.Кеңесбаев, Р.Сәрсенбаев, Б.Адамбаев, Ә.Қайдар, С.Нұрышев, Ғ.Мұсабаев, М.Ғабдуллин, Ғ.Тұрабаева, салыстырмалы-салғастырмалы тұрғыдан А.Нұрмаханов, Э.Мұқышева, А.Донбаева, Д.Бегалықызының т.б. жұмыстарында қарастырылған. Жалпы және орыс тіл білімінде В.В. Виноградов, Н.Н. Амосова, М.Т. Тагаев, Н.М. Шанский, Г.Л. Пермяков, Л.А. Булаховский сынды ғалымдар соны бағыт, ұстанымдарымен, құнды пайымдауларымен, нақты теориялық түйін-тұжырымдарымен белгілі. Генетикалық және типологиялық құрылымы жағынан әр түрлі қазақ және ағылшын тілдеріндегі мақал-мәтелдерді салыстыра зерттеу арқылы тілдегі алатын орнын, тілдік табиғатын, өзге тұрақты тұлғалармен сәйкес тұстарын, өзгешеліктерін анықтау және этнолингвистикалық төркінін ашу. Мақал-мәтелдерді тақырыптық топтарға бөліп қарастыруды жөн көрдік.

Уақыт өлшеміне қатысты мақал-мәтелдердің лингвистикалық уәжі. Бұл тақырыптық топтағы бейнелі орамдар уақыттың көз ілеспес жылдамдығын, оны босқа өткізіп, өмірді өксітпеуді, алтын мезетті пайдалы іске арнауды уағыздайды. Мысалы, "*Time is money" (с.с.а.: Уақыт — ақша); "Уақыт — білгенге қазына, білмегенге — быламық",* "Ерте тұрған әйелдің бір ісі артық, ерте тұрған еркектің ырысы артық". Туыс емес екі тілдің бірліктері уақытты ұғымды пайдаланып, тынбай еңбек етсең, мол қазынаға кенелесің деген ұғымды білдіреді. Ағылшын зерттеушілері аталмыш тіркестің қазіргі заман ағымына сай келіп тұрғанымен, көненің көзі екендігін ескертеді және оның алғашқы қолданысын біздің жыл санауымыз бойынша 320 жылдардағы Теопрастус (Theophrastus) жазбаларымен ұштастырады.

"There is a time for everything' (с.с.а.: Әр нәрсенің өз уақыты бар). Қазақша баламасы: Сабақты ине сәтімен. Бұл ағылшын мақалы қасиетті кітап Інжілдің " To everything there is a season, and a time to every purpose under the heaven", (с.с.а.: Аспан астында әр нәрсенің, өр мақсаттың өз мерзімі бар) деген өсиет, өнегелерінен ықшамдалып, тұрақты қалыпқа енген. Салыстыра алғанда, уақыт мағыналық өрісіне енетін мақал-мәтелдердің аздау кездесетіндігі анықталды.

Тілге байланысты мақал-мәтелдердің этнолингвистикалық "Тәрбие басы — тіл", орны мен орайын тауып қолданса, сөзден, яғни тілден асқан ғажап сиқырлы күш жоқ деп білген халық ұрпағын ойланып, дұрыс сөйлеуге баулыған. Зерттеу барысында тілге, сөзге қатысты мақал-мәтелдердің екі тілде де жиі кездесетіндігі байқалды. Мысалы:

Жылы-жылы сөйлесең, Жылан інінен шығады.

Қатты-қатты сөйлесең, Пышақ қынынан шығады; Екі тілге қатысты орамдардың жеткізер ойы бір, яғни адам жанын жадыратар жақсы сөздің құндылығы. Ағылшын мақалында тек жылы сөздің мәні айтылса, қазақ мақалдары қатты сөздің адам жанына әсерін қоса жеткізеді. Бір ауыз қатты сөзді қолға ірген тікенге теңей келіп, сол бір ауыз қатты сөзден пышақ қынынан шығатынын, үлкен дау туатынын ескертеді.

Осы жерде айта кететін жайт, ағылшын мен қазақ мақал-мәтелдерінде айтылатын ойдың кейде орайлас келмей, қарама-қайшы түсетін тұстары да кездеседі. Мысалы, ағылшын тілінде: "Stiks and stones may break my bones, but words will never hurt me" (с.с а. Таяқ пен тастар менің сүйегімді сындыруы мүмкін, бірақ сөз мені жаралай алмайды) десе, қазақ мақалы керісінше "Таяқ еттен, сөз сүйектен өтеді",— деген пікірді қалыптастырады.

Еңбекке қатысты мақал-мәтелдердің этнолингвистикалық уәжі. Зерделей қарасақ, мақал-мәтелдер адам баласының бар өміріндегі, тұрмыс-тіршілігіндегі салалардың барлығын дерлік қамтиды екен. Солардың қомақты бір бөлігі — еңбек жайлы мақал-мәтелдер. Мұның сыры еңбектің тіршіліктің негізі, қоғамның, өмірдің қайнар көзі болғандығында болса ке-

рек. Көненің көзі іспеттес тұрақты тіркестер тобы келер ұрпақсыз еңбек етпегеннің ішіп-жемейтінін түсіндіре келіп, оларды еңбек сүйгіштікке, адал еңбек етуге баулиды, жалқаулық, бойкүйездік, жатып ішер арамтамақтықтан бойды аулақ салуға шақырады.

Қонаққа қатысты мақал-мәтелдердің этнолингвистикалық уәжі. Қонақжайлық - қазақ ұлтының сүтімен еніп, сүйегіне сіңген ұлы дәстүрдің бірі. Өткен ғасырда поляк саяхатшысы әрі зиялысы А.Янушкеевич "Дүние жүзін қазақ жайласа, жер шарын тегін аралап шығар едім",- деп қазақ халқының қонақжайлылығын риза көңілмен бағалаған екен. Қонаққа конақ болу үшін оның таныс болуы, міндес, тендес болуы шарт емес, қонақасыны "бөлінбеген еншім" деп тануының өзі кеңінен таралып, дәстүрге айналған халық жорасының бірден-бір көрсеткіші. Алайда, A constant guest is never welcome. Бір күнгі қонақ — күт, Екі күнгі қонақ- жұт тәрізді тұрақты тұлғалар жиі келген келген қонақтың қадірін жоғалтатынын, оған өзі қалағандай құрмет көрсетілмейтінін бейнелі түрде жеткізеді. Екі ел мақал-мәтелдерін талдап-тарату барысында алыс жатқан, салт-санасы, әдет-ғұрпы, тілі-діні әр басқа халықтардың айтайын деген ой-тұжырымы, көзқарасы мен өмірлік ұстанымдарының өзара сәйкес келіп жататындығы анықталды. Мұның сыры өмірдің өзінде, адамзаттың көріп-біліп, көңілге түйген ойында, өмірден алған тәжірибесінде жатса керек.

Ақша, қаражатқа байланысты мақал-мәтелдердің этнолингвистикалық уәжі. Қазақ және ағылшын тілдерінде ақша-қаражат жайлы мақал-мәтелдер де кездеседі. Мысалы, *" Take care of pence and the pounds will take care of themselves"* (с.с.а.: Пәнсті үнемдеп ұстасаң, фунт өз-өзін үнемдейді). Теңге тиыннан өсер, Жылқы құлыннан өсер; Береке бір тиыннан. Ағылшындар фунт пәнстен құралады десе, қазақтар теңгенің тиыннан өсетінін ескертеді. Әр елде ақша өлшемі ретінде қабылданған ұлттық валютаның атауы әр түрлі болатыны белгілі. Теңге, тиын - қазақ елінің ақша эквиваленті. Сонау VI-VIII ғасырларда ру-ұлыс нышандары айшықталған теңгелердің қолданыста болғаны, Отырар, Тараз қалаларында теңгелер шығарған ұстақаналар жөнінде тарихи деректер бар.

Сонымен, фразеологизмдер біздің ата-бабаларымыздың ұрпақтан-ұрпаққа жалғасып, бүгінгі осынау өмірге де өз дәрежесін сақтап жеткен тіл - өнеріміздегі аса баға жетпес қазынамыз.

© Баядилова Ш.С., 2012

УДК81:0/9

Белоусов К.И.
г. Оренбург (Россия)

Онлайн-модели когнитивной деятельности лингвиста (на материале тематического анализа текста)

Современная когнитивная лингвистика охватывает широкий спектр проблем, связанных с извлечением, переработкой, хранением, представлением и транслированием информации [5; 6; 7]. В то же время сфера анализа методов, средств, параметров и инструментов моделирования самого процесса переработки информации (извлечения и обобщения релевантных целям анализа знаний из текстов) в том числе и с учетом специфики языковой личности субъекта остается недостаточно изученной. Данная статья посвящена описанию общих концептуальных основ проводимого авторами онлайн-моделирования когнитивной деятельности эксперта-лингвиста в процессе осуществления тематического анализа. При осуществлении тематического анализа эксперту предъявляется текст объемом до 1500 графических слов и предлагается: 1) определить тему текста, 2) определить микротемы текста, 3) с каждой из выделенных микротем соотнести репрезентирующие ее слова из текста [1; 2]. В эксперименте принимают участие преподаватели лингвистических дисциплин вузов и студенты старших курсов. Время эксперимента не ограничивается.

Исследование проводится с помощью многопользовательской информационной системы (ИС) «Семограф»[3], реализованной как Web-приложение и предназначенной для работы с информационными массивами: выборками текстов, смысловыми компонентами, частотным словарем, смысловыми полями и др. Эксперты выполняют задания непосредственно в ИС: знакомятся с текстом, номинируют тему текста, микротемы и приписывают слова из текста к микротемам. Сбор эмпирических данных осуществляется в ИС благодаря персонологическому модулю, в котором происходит сбор данных, отражающих временные и количественные параметры выполнения заданий и создаются онлайн-модели когнитивной деятельности (см. рис. 1 и 2). На рисунке 1 отражена обобщенная статистика действий пользователя admin в процессе выполнения проекта “p1”. На рисунке 2 представлена детализация выполнения действия “Чтение” пользователя admin в процессе выполнения проекта “p1”за период с 28.05.2012 по 04.06.2012 г.

Пользователь	Объект	Чтение	Редактирование	Добавление	Удаление
admin	Компоненты	341	42	43	12
admin	Контексты	762	32	44	12
admin	Поля	423	12	43	3
admin	Метаданные	342	230	34	1
admin	Пользователи	252	34	2	23

Рисунок 1. Статистика действий пользователя admin в процессе выполнения проекта “project” за период с 28.05.2012 г. по 07.06.2012 г.

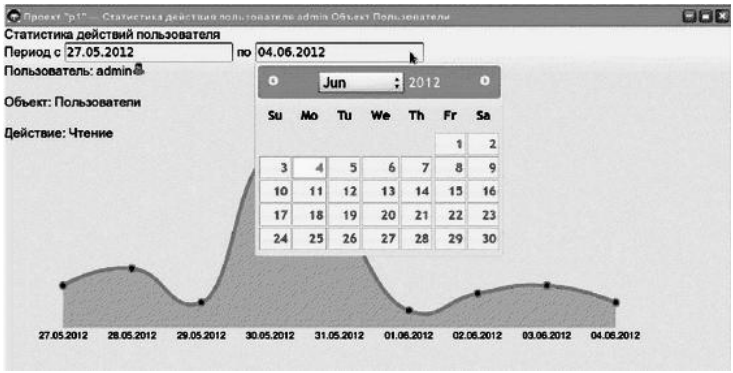

Рисунок 2. Статистика действия Чтение пользователя admin в процессе выполнения проекта “p1” за период с 28.05.2012 г. по 04.06.2012 г.

Работа ИС была бы неполной без реализации инструментов прогнозирования. Результатом работы системы прогнозирования является график предполагаемой активности эксперта на расчетный интервал (см. рисунок 3). Пользователь системы выбирает параметры, по которым будет строиться прогноз: 1) объект прогноза (пользователи, поля, контексты, компоненты, метаданные); 2) действие над объектом (чтение, редактирование, добавление, удаление); 3) метод прогнозирования: а) метод экспоненциальной средней; б) метод на основе среднего темпа роста; в) метод абсолютных приростов; г) метод скользящей средней; 4) длительность прогноза. Помимо сугубо количественной оценки и прогноза действий пользователя ИС, персонологический модуль, в котором собираются все данные пользовательской активности, позволяет выйти на определение когнитивных предпочтений в работе пользователей, виды интеллектуальной деятельности, которые они выполняют лучше / хуже, предпочтительные ритмы работы и определение когнитивного стиля деятельности (полезависимости / поленезависимости, ригидного / гибкого, когнитивной простоты / сложности и др.) пользователя мн. др.

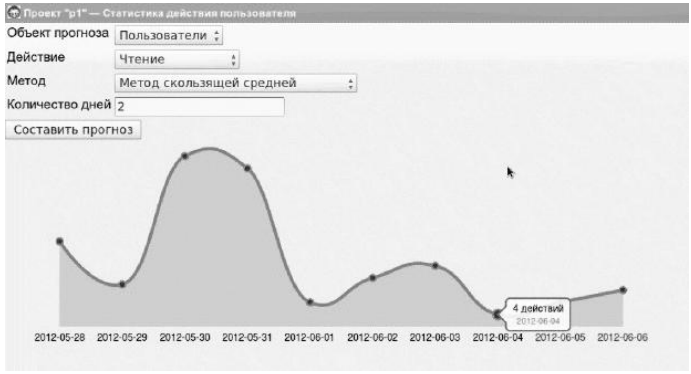

Рисунок 3. Прогноз действия “Чтение” пользователя admin проекта “p1” на два дня с помощью метода скользящей средней

На основании всех эмпирических данных создаются вероятностно-статистические модели когнитивной деятельности экспертов, учитывающих:

- уровень производительности работы для каждого участника проекта на основе подсчета а) времени, проведенного за работой над проектом, б) количества контекстов /компонентов / полей / вариантов разбора контекста, добавленных в описание всех контекстов каждым из участников;

- проявление когнитивных стилей, в частности, аналитико-синтетического стиля работы (выделение большого / небольшого количества микротем при анализе текстов); лабильного / регидного стиля; полезависимости / поленезависимости и др. Так, проявление полезависимости / поленезависимости пользователя можно увидеть при сопоставлении частотных словарей анализируемых текстов с частотными словарями выделенных наименований микротем. Полезависимые пользователи при номинации микротем в большей степени опираются на контекст (соответственно, частотные словари во многом пересекаются), в то время как поленезависимые будут перефразировать / обобщать мысли (следовательно, пересечение частотных словарей выражено в меньшей мере). При доминировании у пользователя микротем, локализующихся в пределах ближайшего лексического окружения (в пределах нескольких следующих друг за другом предложений), также, видимо, следует говорить о полезависимости, в то время как акцент на выделении микротем, распределенных по телу текста (т.е. “сквозных”, выполняющих функции средств связности отдельных частей текста в целый текст – о распределении микротем в тексте см. [2]) позволяет говорить о поленезависимости (ср., например [4: 53-54]).

- получение разного рода функций распределения, в частности, количества слов в микротеме от количества выделяемых микротем в тексте и мн. др.

На основе количественной и качественной оценки аналитической деятельности эксперта становится возможным прогнозирование его работы и планирование хода выполнения проекта, исходя из объема, сроков выполнения проекта и оптимального подбора экспертов для существующих задач. Кроме того, совместная работа над выполнением заданий проекта с опорой на коммуникационный, организационный и персонологический модули – все вместе позволит не только достигать в срок поставленных целей, но и обучать методам извлечения из текстов релевантной информации, устранять системные ошибки, которые возникают в процессе анализа у проходящих обучение – те ошибки, которые в обычном оффлайновом формате проведения текстового анализа, скорее всего, оказались бы скрыты. В этом контексте закономерным следствием становится обращение к предметной области когнитивного менеджмента на основе имеющихся персонологических моделей его участников.

Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-34-01087– а1 и проект № 12-04-12034в).

Литература

1. Белоусов, К.И. Семантическая организация текста и его восприятие в аспекте моделирования / К.И. Белоусов // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2005.- № 11. - С. 59-68.

2. Ичкинеева Д.А. Распределение контактных и дистантных связей при реализации категорий дискретности и континуальности структуры текста // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 11. – С. 80 – 83.

3. Система графосемантического моделирования [электр. издание] / Д.А. Баранов, К.И. Белоусов, И.В. Влацкая, Н.Л. Зелянская. – М.: Свидетельство о государственной регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ № 20111617192 от 15.09.2011.

4. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.

5. Lakoff, G. The invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? Cognitive Linguistics. vol. 1, Issue 1, pp. 39–74.

6. Pichora-Fuller, M.K. Processing speed and timing in aging adults: psychoacoustics, speech perception, and comprehension. International Journal of Audiology, 42, pp. 559-267.

7. Priss, U. Linguistic Applications of Formal Concept Analysis. Lecture Notes on Computer Science, vol. 3626 pp. 149-160.

© Белоусов К.И., 2012

УДК 81'366.584'37'44(045)

Боднарук Е.В.
Архангельск (Россия)

Семантика форм будущего времени

Традиционно формы настоящего, прошедшего и будущего времени относятся к изъявительному наклонению (индикативу), которое по определению представляет действие как реальное. Вместе с тем, термин «футуральная реальность» фактически является своего рода парадоксом. Ведь мы не можем делать утверждения относительно будущего, поскольку не располагаем знаниями о нем. Строго говоря, формы будущего времени могут быть отнесены к средствам выражения реальности, только если реальность трактуется весьма широко. В противном случае будущее время оказывается очень близко от семантической зоны ирреальности, которая обслуживается в естественных языках различными модальными формами. На этом основании некоторые лингвисты отрицают вхождение граммемы футурума в категорию времени [3, с.267-268].

Во многих работах постулируется связь модального и темпорального компонентов значения в категории будущего и, соответственно, в составе форм будущего времени. Наличие данного сочетания компонентов обусловлено природой *будущего*, которое с одной стороны признается темпоральной категорией, следующей на временной оси за категорией настоящего времени, с другой же стороны оно потенциально и часто неопределенно, поскольку не является фактом реальной действительности. Ситуация же, еще не ставшая реальностью, открывает возможности для осложнения футуральности модальными оттенками, выражающими различное отношение говорящего к содержанию высказывания.

Несмотря на то, что будущее по своей природе включает как модальный, так и темпоральный компонент значения, некоторые лингвисты все же проводят различие между формами будущего с «чисто» или «преимущественно» футуральным значением и формами будущего с «чисто» или «преимущественно» модальным значением.

В целом, несмотря на кажущуюся противоречивость, данная точка зрения не лишена оснований. Преобладание того или иного компонента значения в составе формы может быть, по-видимому, связано с действием различных факторов, в том числе и таких, как лексический источник, из которого произошла форма, возраст формы и ее положение на так называемой «шкале грамматикализации».

Вопросу о грамматикализации форм будущего времени посвящен целый ряд работ как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Особый интерес представляют в этом плане работы типологического плана, по-

скольку именно в них существенное внимание уделяется особенностям семантических изменений внутри формы в процессе ее эволюции.

Согласно данным, представленным в типологических исследованиях, грамматические формы будущего времени могут приблизительно в равной степени иметь как синтетический, так и аналитический способ образования [2, с.19; 6, с.34]. Вместе с тем, грамматические формы будущего времени значительно чаще имеют аналитический способ образования, чем формы настоящего и прошедшего времени [10, с.90-91]. Согласно наблюдениям Р.Алтана, в большинстве языков с аналитической формой будущего времени вспомогательный глагол употребляется в форме настоящего времени [10, с.92], что вполне объясняется положением будущего на временной оси за настоящим временем, а также тем, что формы настоящего часто сами участвуют в выражении футурального значения.

Для материального выражения футурального значения используются не случайные средства, а лексические единицы с определенной, общей для многих языков, семантикой.

Так, согласно структурно-типологическим исследованиям **формы будущего времени образуются чаще всего**: 1) **из источников с модальными значениями** (конструкций с модальными глаголами): а) «обязательности», «необходимости»; б) «желания», «намерения» (к примеру, в английском и многих скандинавских языках) [4, с.197-198; 10, с.109-114 и др.]; 2) **от глаголов со значением перемещения в пространстве (по направлению к определенной цели):** а) *«идти»* (английский язык; некоторые языки романской группы, многие языки Африки, некоторые языки индейцев); б) *«приходить»* (в ряде языков Северной Европы; во многих африканских языках) [10, с.110-111; 5, с.359-360; 1, с.154-250]; **3)** реже **при помощи аспектуальных средств, в том числе с инхоативным (начинательным) значением:** многие исследователи относят сюда немецкий и некоторые славянские языки [10, с.110; 9, с.64-65].

Кроме отмеченных источников, из которых первые два следует признать наиболее частотными, можно назвать также образование будущего при помощи глагола «иметь» (главным образом в романских языках) [4, с.200]. Упоминаются и более редкие лексические источники, такие как глаголы позиции, например «стоять» [1, с.278-279], наречия со значениями «затем, потом» [9, с.293-294] и некоторые другие.

Для большинства источников постулируется схожий путь семантического развития. Речь даже ведется об ***универсальности*** **пути грамматикализации** форм будущего времени [8, с.125-126]. Так, при грамматикализации лексем со значением необходимости или желания, должны происходить следующие изменения в семантическом составе конструкции с данной лексемой: ***obligation / desire (1) > intention (2) > future (3) > probability / imperative (4)*** [6, с.29; 8 с.124].

Отмеченная последовательность не означает, что семы в каждый период развития изолированы друг от друга и не могут пересекаться или наслаиваться. Так, к примеру, форма уже развившая футуральное значение (ступень 3), в определенных контекстах может совмещать значение будущего со значением необходимости или желательности (1 ступень развития) и даже намерения (2 ступень). Взаимодействие же сем рядом расположенных ступеней является не просто вполне обычным, но во многих случаях необходимым явлением.

Аналогичным образом (… *(1) > intention (2) > future (3) > probability / imperative (4)*) должна осуществляться семантическая эволюция футуральных средств, развившихся и из других лексических источников.

Данная схема развития семантики форм будущего времени с одной стороны не исключает возможности проявления, даже после конвенционализации значения будущего, в определенных контекстах первоначального значения той лексемы, из которой развилась форма. С другой стороны, она показывает, что после приобретения формой значения будущего, у нее, уже на футуральной основе, начинают развиваться определенные нетемпоральные, в частности, модальные значения (4 ступень), такие как значение императивности и значение эпистемической модальности. Так, в современном немецком языке, форма будущего времени, имеющая аналитическое строение и развившаяся из лексического источника с инхоативным значением, может употребляться не только в значении будущего *Er wird heute kommen*, но и в императивном значении *Du wirst sofort schlafen gehen* и в модально-эпистемическом значении предположения о настоящем *Er wird jetzt zu Hause sein*.

Основными механизмами, провоцирующими *футурализацию* форм, являются, по всей видимости, инференция и прагматическая импликация. Суть механизмов заключается в том, что говорящий предполагает больше, чем говорит, а слушающий улавливает то, что предполагает говорящий и делает соответствующий логический вывод [7, с.285]. Семантические изменения в форме начинают происходить лишь тогда, когда определенные импликации становятся регулярным, обычным явлением при употреблении лексической единицы или конструкции. В последнем случае они становятся частью значения, а со временем способны вытеснить первоначальное значение формы. Так, утверждение говорящего о том, что он хочет или должен осуществить действие, обычно предполагает, что он имеет намерение осуществить действие и исполнит свое намерение в будущем, - тем самым такое высказывание может быть осмыслено слушающим как сообщение о том, что действие будет выполнено говорящим в будущем. В данном случае на первый план выдвигается значение *намерения*, проявляющееся на базе значений *желания* и *необходимости*. Уже на базе значения *намерения* появляется собственно *футуральное* значение.

Появление на базе футурального значения императивного значения и значения предположения о настоящем, вероятно, также может быть объяснено действием механизма инференции и прагматической импликации, хотя не исключается и действие механизма метафорического переноса. При этом значение императивности проявляется чаще всего тогда, когда подлежащее употреблено в предложении во 2 лице, а значение предположения связано, главным образом, с третьим грамматическим лицом.

Развитие форм будущего времени схожим путем и из определенного, довольно четко очерченного, круга лексических источников, наводит на мысль о том, что речь в данном случае может идти об общих когнитивных и коммуникативных образцах использования языка. Такого рода сходства указывают на типичные особенности восприятия людьми определенных феноменов, в частности феномена будущего.

Формы, находящиеся на продвинутой 4 ступени семантической эволюции, чаще всего и трактуются как не чисто футуральные формы. Такая трактовка объяснятся развитием у форм соответствующих модальных значений (императивного значения и значения предположения о настоящем). Появление данных значений способствует, по всей видимости, общему повышению уровня *модализации* формы, независимо от того, из какого лексического источника данная форма произошла.

Литература

1. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М.: Языки славянских культур, 2005 – 480 с.
2. Осипова О.А. К вопросу о типологии будущего в языках различных систем // Вопросы лингвистики. - Томск, 1973. - Вып.3. - С. 16-23.
3. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебн. пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
4. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М.: Наука, 1974. – 352 с.
5. Abraham W. Futur-Typologie in den germanischen Sprachen // Tempus - Aspekt - Modus. - Tübingen: Niemeyer, 1989. - S. 345-387.
6. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. Back to the future // Approaches to Grammaticalization. - Vol. 2. – 1991. – P. 17-58.
7. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 398 p.
8. Heine B. On the German *werden* future // Discourse Grammar and Typology. - Amsterdam, Philadelphia, 1995. – P. 119-138.
9. Heine B., Kuteva T. World Lexicon of Grammaticalization. – Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2002. – 387 p.
10. Ultan R. The nature of future tenses // Universals of human languages. - Stanford, 1978. - № 3. - P. 83-128.

© Боднарук Е.В., 2012

УДК 808.2-01

Боранбаева Г.Т., Унгарбаева Г.И.
г.Актобе (Казахстан)

Концепт «душа»/«жан» в русском и казахском языках

В последние годы русские лингвисты исследуют ментально-психологическую и национально-культурную специфику концепта «душа», его ценностную составляющую для русского народа; при помощи концепта «душа» ученые создают модели русской языковой и концептуальной картины мира [Буянова 1998; Михеев 1999; Толстая 2000 и др.]. На наш взгляд, особого внимания лингвиста заслуживают языковые репрезентации концепта, содержащие максимально обобщенную и абстрагированную информацию о данном концепте и расширяющие наше представление не только о русской культуре, но и культуре казахского народа.

Концепт «душа»/«жан» — это один из древнейших концептов не только русского, но и казахского языка, так как в его основе лежит понятие о вещи из мира «возвышенного» идеального, а не «приземленного» материального. Концепт «душа»/«жан» является ключевым не только для русской ментальности, но и для представителей казахской национальности. Он отражает специфику внутреннего мира наших наций, для которого характерна достаточно высокая сосредоточенность на духовной стороне жизни человека.

Понятийный слой внутри концепта «душа» выделяется на основании данных из лексикографических источников. В русском языке слово *душа* чаще всего употребляется в значении «внутренний, психический (психологический) мир человека». Следует отметить, что в настоящее время получает распространение второе по частоте значение (религиозное) *души* как «нематериального начала». Ключевыми компонентами концепта «душа» в русском языке являются понятия: «жизнь», «личность», «совесть», «чувство», «характер человека», «эмоции». Концепт «душа» в русской языковой культуре связан с концептами «дух», «жизнь», «человек», «совесть», «сердце». В казахском языке слово «жан» употребляется в значениях «адам баласына, жан-жануарларға тіршілік беретін рух, қуат», «адамның ішкі сарайы, рухани әлемі». Ключевыми компонентами концепта «жан» в казахском языке являются понятия «рух», «қуат», «рухани әлем», «ішкі ой-санасы», «сезімдік қасиет», «пір тұту». Концепт «жан» в казахской языковой культуре связан с концептами «рух», «тіршілік», «тағдыр», «адамның ішкі сарайы», «діни таным», «махаббат», «ана», «жүрек». Как мы видим, значения данных слов перекликаются и связываются с внутренним богатством и духовностью человека, с его чувствами и переживаниями не только за судьбы ближних, но и родного отечества.

В языковой культуре обоих народов можно выделить множество метафорических значений в рамках концепта «душа»/«жан», которые одинаково используются носителями языка и не противоречат друг другу, а только расширяют наши представления о *душе.*

Рассмотрим основные образные (метафорические) элементы концепта «душа» в русском языке на материале стихотворении А.Ахматовой, а в казахском языке – М.Жумабаева.

В поэтическом мире образ души у А.Ахматовой приобретает специфические психолого-эмоциональные и семантические очертания. Концепт «душа» передает различные чувства в стихотворениях **«Я улыбаться перестала», «**Вечерняя комната», **«А! это снова ты. Не отроком влюбленным»:**

Душе любовное молчанье – (грусть) [1, с.82].

Что только раз рождаются в *душе* – (воспоминание*)* [1, с.34].

Страшна моей *душе* предгрозовая тишь – (чувство одиночества)[1, с.81].

Образный и ценностный слои находятся на периферии и в структуре концепта «душа». В русской языковой картине мира «душа» предстает в самых различных образах:

1) как орган чувств и предчувствий:

О пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.
Странно вспомнить! *Душа* тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду,
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду. (В Царском селе) [1, с.13];

2) как материальный орган, как alterego человека:

О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с *души* не стирается метка
Незначительной встречи с тобой. (Вечерняя комната) [1, с.34];

3) *как нечто, связующее человека с высшим духовным началом:*

Мир родной, понятный и телесный
Для меня, незрячей, оживи.
Исцелил мне *душу* царь небесный
Ледяным покоем нелюбви. (Стал мне реже сниться, слава Богу) [1, с.115];

4) как некое вместилище, тайник, сосуд, оболочка:

Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоем петь и гореть
А другим – это только пламя,
Чтоб остывшую *душу* греть (Тяжела ты, любовная память!) [1, с.79.].

В произведениях М.Жумабаева концепт «*жан*» имеет значения: «мир человека» и «некто, кто испытывает эти чувства»:

Шешініп қыз-келіншек су алған көл,
Әр *жанды* мөлдіріңнен суарған көл
Масайрап, суға тойып төрт түлік мал
Дөңіңе ойнақ салып, қуанған көл.(Туған жерім – Сасыққөл) [2, с.7]

Актуальность концепта репрезентируется в словосочетании *әр жанды* в значении: «каждый человек». Отражая радостное состояние души, поэт через концепт «*жан*» реализует чувство любви к своему родному краю. Казахский народ издревле ласкательно называл своих детей такими словами *Сасық, Төбет, Қайғы* и т.д., чтобы уберечь их от дурного глаза и злых духов, а поэт применяет данное наименование по отношению к любимому озеру *Сасыққөл*.

Тұрмыс – теңіз бір тұнғиық
Теңізге кім басар қадам,
Басса, басар оған адам
Жанын сатып, *жанын* қиып!
Тұрмыс-теңіз сылқ-сылқ күлді,
Сұлу суға кірді де өлді.
Жан толқытар жыр іздеген,
Әдемілік нұр іздеген,
Қиял құлы –мен бір ақын.(Гүлсімге) [2, с.13]

В стихотворении мотив разлуки переплетается с мотивом смерти, беспощадного рока. Сознание того, что героиня не единственная жертва, на мгновение облегчает ее душевное состояние. Встречу с поэтом она воспринимает как прощальную песню. Душа девушки послушна, покорна, смиренна к женской доле, возносится над бытом. Душа репрезентируется в первом значении – «внутренний, психический мир человека»

Концепт "*жан*" в стихотворениях М.Жумабаева приобретает специфические психолого-эмоциональные и семантические очертания: «*это нечто живое, находящееся, подобно сердцу, внутри человека» –*

Көздерінде от ойнар
Сөздерінде жалын бар.
Жаннан қымбат оларға ар (Мен жастарға сенемін!) [2, с.25]

Автор здесь показал роль и место партии «Алаш» в сердцах и мыслях молодежи, дороже жизни для них честь.

Бота көз, сиқырлы сөз Гүлсім ханым
Әр жерде өткізсек те өмір таңын
Кей уақыт көзіңізге көзім түссе
Ойнайды аласұрып неге *жаным*?(Гүлсім ханымға) [2, с.59.]

Главная идея стихотворения – душа и любовь, влюбленные испытывают одинаковые чувства друг к другу. Автор использует метафорические

сравнения для передачи красоты глаз и речи своей возлюбленной. Душа репрезентируется в значении «внутреннее «я» автора»

Қараңғылық бұққанда
Қызарып күн шыққанда
Күн отынан туғанмын
Жүрегімді, *жанымды*,
Иманымды, арымды
Жалынменен жуғанмын.
Жүрегім де, *жаным да* – от,
Иманым да, арымда –от. (От) [2, 15 б.]

Для героя огонь - это его душа, сердце, вера и честь. Символ огня – символ солнца и удачи. Огонь является символом торжества света и жизни над смертью и мраком. Душа репрезентируется в значении «душевный мир человека».

Өң мен түстей, перизат,
Көріндің де, болдың жат,
Жандырдың, міне, *жанымды*.
Қараған көктен хор едің,
Көбірек көрсем деп едім
Көк есігі жабылды. (К...ге) [2, 58 б.]

Душа здесь бессмертная сила, обитающая в теле человека, которая пылает с помощью чувства любви к любимой.

В большинстве случаев концепт «душа»/«жан» используется авторами в традиционном поэтическом значении - быть центром душевной, индивидуально-психологической жизни человека, свидетельствовать о внутренне-субъективной отнесенности жизни личности и ее интровертной ориентации в мире. И кажется, что слова намекают на нечто неуловимое, разлитое в пространствах внешнего мира или, напротив, сконцентрированное в тайниках мира внутреннего, душевного. В этом – магическая сила мастеров поэтического слова, находящих ту единственную гармонию внешнего и внутреннего, которая придает особую завораживающую прелесть стихам…

Литература

1. Ахматова А.А. Лирика/ Сост. и подг. текста В.Черных; Худож. И.Махов. - М.: Худож.лит., 1989. – 415 с.
2. Мағжан Жұмабаев. Жан сөзі. Өлеңдер мен дастандар. Алматы «Раритет». 2005. – 256 бет. – «Алтын қор» кітапханасы.

© Боранбаева Г.Т., Унгарбаева Г.И., 2012

УДК 811.161.1'374.3

Бутакова Л.О., Андреева А.В.
г. Омск, (Россия)

Деловая коммуникация сквозь призму оценочной интерпретации текстов методических рекомендаций[1]

Усиление интереса лингвистов к проблемам организации, эффективности, стратегическому оснащению коммуникации обусловлено спецификой речевой деятельности в социально значимой сфере, особыми условиями ее протекания, стандартизированностью способов коммуникативного взаимодействия членов социума. К специалисту сегодня предъявляются достаточно высокие требования: ему необходимо не только обладать хорошим уровнем знаний в своей профессиональной области, но и уметь формировать модель эффективного коммуникативного взаимодействия. Эффективная деловая коммуникация имеет два вектора движения: обеспечение результативности и создание позитивного восприятия, способствующего укреплению профессиональных взаимоотношений. Неэффективная деловая коммуникация не только не способствует достижению желаемого результата, но и создаёт негативную атмосферу, приводящую к разрыву контакта между коммуникативными партнёрами.

В данной статье обобщаются результаты исследования, проведенного на материале стереотипов речевого поведения, извлеченных из текстов рекомендаций представителям торговых специальностей, содержащихся в методическом пособии для продавца, изданном компанией Microsoft [16], и в книге сценариев продаж [17]. Анализ оценочной интерпретации был осуществлен на основе результатов социолингвистического эксперимента (всего 511 анкет, включающих 1945 речевых конструкций). *Целью* данного исследования было определение оценочной интерпретации деловой коммуникации с помощью выявления речевых конструкций, повышающих и понижающих эффективность делового взаимодействия.

На сегодняшний день в современном деловом мире большое внимание уделяется умению грамотно организовать своё речевое поведение, подбирая максимально эффективные слова и выражения, а также используя определённые тактики и стратегии для достижения желаемого результата. На обучение эффективному речевому поведению направлены спецкурсы и тренинги, а также учебные пособия, обучающие общим правилам риторики и культуры речи, повышающие коммуникативные навыки в определённой

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-04-00219 "Речевая деятельность в официально-деловой сфере: порождение и восприятие современного русскоязычного документа".

профессиональной области [2-6, 8, 10-12, 14,15].

Традиционно в такой литературе описываются особенности риторических выступлений, этикетные формулы, сочетания слов и выражений, которые употреблять не рекомендуется. Но успешное деловое взаимодействие, помимо этого, включает в себя много иной информации, дефицит которой не восполняется содержанием указанных учебных пособий. Проанализировав видение современной ситуации самими участниками делового взаимодействия, можно получить реальную картину успешного / неуспешного делового взаимодействия.

В данном исследовании деловое общение понимается как «*межличностное общение с целью организации и оптимизации того или иного вида предметной деятельности: производственной, научной, коммерческой, управленческой и т.д.*» [1, с.38]. Основные признаки деловой коммуникации:

1. Включенность в процесс «*совместной социально-значимой предметной деятельности людей*» [14, с.46], представляя собой форму организации такой деятельности;
2. Зависимость содержания делового взаимодействия от предмета общения;
3. Наличие желаемого итога в виде решения конкретной проблемы. При этом личностные характеристики партнёров не являются главным элементом делового общения, но могут влиять на эмоциональный фон делового общения.
4. Обусловленность «*формально-ролевым принципом взаимодействия субъектов общения, реализующимся на основе распределения их должностных ролей и статусных функций. .... Особую роль при этом приобретают разного рода конвенциональные ограничения, которые определяют статусные рамки делового общения*» [14, с.46].

Речевые конструкции, выбранные для описываемого эксперимента, оценивались предварительно по параметру «коммуникативная эффективность / неэффективность». В качестве неэффективных были выделены следующие:

- Негативные оценки, спор, обвинения, критика, манипулирующие фразы: *«Вы меня не хотите понять!», «Вы не правы!», «Как странно вы рассуждаете!», «Вы думаете, я не знаю этого?», «Вы, конечно же, ещё не знаете об этом»*

- Возражения, выражение антагонизма, чтение моралей и нравоучений: *«Этого не может быть», «А вы знаете, чем вам это грозит?», «Вы заблуждаетесь, всё обстоит как раз наоборот»*

- Проявление пассивности: *«Я не знаю!», «Такова политика нашей компании», «Я не владею подобной информацией», «Мы не сможем ничего сделать, пока не получим оплату», «Это не мои обязанности»*

- Советы, настойчивые вопросы: *«Я дам вам один совет, в следующий раз, вы…», «Нет, всё-таки ответьте на мой вопрос», «Вы слышали, что я только что вам сказал?»*

- Слова-раздражители и отторжения, такие, как «беспокоить», или употребление глаголов с «не»: *«Вас БЕСПОКОИТ компания», «НЕ подскажете ли, а кто у вас занимается вопросами приобретения ПО?», «А НЕ собираетесь ли вы в ближайшее время покупать ПО?!»*

Для характеристики требований, предъявляемых к участникам делового общения, форме и содержанию деловой коммуникации, указанные высказывания были помещены в социолингвистические анкеты. Анкета была структурирована следующим образом:

- общие сведения (пол, возраст, профессия)

- блок вопросов:

1. Напишите, какие слова и фразы в деловом общении раздражают Вас, вызывают у Вас отрицательные эмоции.

2. Напишите, какие слова и фразы в деловом общении Вам приятно слышать, вызывают у Вас положительные эмоции.

Анкетирование проводилось с 2010 по 2012 годы. В опросе приняли участие 511 человек в возрасте от 18 до 66 лет: учащиеся (79), педагоги (преподаватели и учителя) (41), бухгалтеры (28), журналисты (27), менеджеры (19), переводчики (14), программисты (11), специалисты по социальной работе (11), администраторы (10), библиотекари (10), инженеры (10), продавцы (10), сотрудники государственной службы (10), музейные работники (9), госслужащие (8), специалисты по медицинскому страхованию (8), продавцы-консультанты (8), редакторы (8), служащие в банковской сфере (8), маркетологи (7), печатники (7), промоутеры (7), секретари (7), редакторы сайтов (7), специалисты, занимающиеся туризмом (7), корректоры (6), курьеры (6), предприниматели (6), специалисты по сайтостроению (6), специалисты отдела продаж (6), стоматологи (6), тренеры-инструкторы (6), аналитики-консультанты (5), дизайнеры (5), операторы 1с (5), работники культуры (5), руководители (5), сотрудники загса (5), веб-разработчики (4), мерчендайзеры (4), помощники генерального директора (4), риэлторы (4), сотрудники страховой службы (4) и др.

Порядок проведения анкетирования: опрашиваемые получали список вопросов в распечатанном или электронном виде. Временные и количественные рамки для ответа отсутствовали.

Результаты анкетирования были разделены на группы в зависимости от специфики иллокутивного компонента и лексического наполнения, объединены в блоки, характеризующие требования к культуре речи и требования, касающиеся параметров деловой коммуникации. На основе полученных данных были созданы две классификации. Первая включает в себя речевые конструкции, получившие отрицательную оценку, вторая – элементы, полу-

чившие положительную оценку. Структура обеих классификаций представляет собой два больших блока, условно названные «общие требования к речи» и «требования к деловой речи», каждый из которых включает в себя несколько групп, объединённых общей характеристикой (уместность, чистота, точность, грамотность, форма речи, реактивные действия, профессионально и личностно обусловленные блоки). К первому блоку были отнесены слова и фразы, характеризующие требования к культуре речи. Во второй блок были включены единицы, отражающие специфику параметров деловой коммуникации.

Общее количество полученных единиц составляет 1945 речевых конструкций. Количество речевых элементов, оцениваемых опрашиваемыми отрицательно, значительно превышает количество позитивно оцененных конструкций (58% и 42% соответственно, см. таблицу «Общее количество речевых единиц»). Это объясняется тем, что отклонение от нормы зафиксировать проще, чем соответствие ей.

Табл.1. *Общее количество речевых единиц*

Полюс оценки	Количество реакций	Процент от общего количества реакций
Отрицательный	1125	58%
Положительный	820	42%

Негативно оценивается нарушение норм формообразования (*ложу*), акцентологических (*дОговор, бухгалтера*, *звОнит, ходатАйство*, *обеспечЕние*), грамматических (*согласно приказа*) и орфоэпических норм (*про[е]кт*). Говоря о таких ошибках, информанты описывают свою реакцию (*вызывает отторжение и удивление*). Некоторые отмечают, что подобная неграмотность задевает их только в том случае, если речевое нарушение произошло в ситуации делового взаимодействия. Это свидетельствует о повышенных ожиданиях, предъявляемых к деловому партнёру.

Табл. 2. *Общие требования к речи.*
Отрицательно оцениваемые речевые конструкции

Название блока	**Процент от общего количества отрицательно оцениваемых речевых элементов**
Грамотность	20%
Чистота	15,8%
Уместность	10,9%

Интересно, что реципиенты отнесли значительное количество единиц иноязычного происхождения к группе «грамотность»: *априори, апеллировать, авансирование, вкупе, бизнес, мерчендайзер, френчайзинг, консалтинг, прайс-лист, лизинг, копирайтер, логистика.*

Блок «требования к деловой коммуникации» представлен более широким количеством компонентов. Он включает в себя: формы речи, реак-

тивные действия, профессионально и личностно обусловленные смысловые блоки.

Отрицательно оцениваются реципиентами фразы, негативная оценочная составляющая которых проявляется не в содержании, а форме выражения. Одной из групп подобного рода является группа, условно названная «фразы долженствования». В неё входят речения, включающие следующие предикативы: должен (*вы должны*), обязан (*вы обязаны; вы просто обязаны*), необходимо (*вам необходимо*). Русская грамматика -80 акцентирует внутреннее противодействие субъекта вынуждения такому действию [9, §1949]. Следовательно, негативное отношение реципиентов к фразам долженствования объясняется специфической конструкцией предложения.

Так же отрицательно анкетируемые оценивают фразы, образующие группу категорических императивов. Данные высказывания содержат в своей структуре глаголы в форме повелительного наклонения второго лица множественного числа (заходить (*заходите по одному*), соблюдать (*соблюдайте тишину*), вести (*ведите себя прилично*), давать (*давайте покороче*), выходить (*выйдите из кабинета*), ждать, подождать (*подождите за дверью*), закрыть (*закройте за собой дверь*), быть (*будьте бдительны*). Используя такую форму выражения, говорящий пытается заставить адресата выполнить задуманное [7, с.48]. Такое принуждение, естественно, будет воспринято негативно.

Помимо фраз долженствования участники делового взаимодействия негативно воспринимают высказывания с семантикой пренебрежения, превосходства: всё равно (*всё равно, что вы думаете*); не интересно (*мне не интересно ваше мнение*); занят (*вы что, не видите? я сейчас занят, позже*); не вовремя (*что у вас? Вы не вовремя*); некогда (*мне сейчас некогда*). Помимо них в эту группу входят фразы с глаголами требовать (*от вас требуется только ваше внимание, а не разговоры*), хотеть (*Я хочу, чтобы вы сделали…*), не обсуждается (*то, что я вам скажу, не обсуждается, никоим образом*). Все перечисленные предикативы содержат в своей семантике негативные эмоционально-оценочные компоненты, глаголы передают смыслы категоричности и требовательности. Отрицательно воспринимается фраза *значит, так* в начале беседы, что обусловлено в большей степени интонационной конструкцией, в которую она помещается говорящим.

В блок, объединяющий группы высказываний, негативное восприятие которых связано с формой речи, входят 15,1% единиц (см. таблицу 3. «Требования к деловой коммуникации. Отрицательно оцениваемые речевые единицы»). Высокий процент свидетельствует о частотности этого явления в деловой коммуникации. Все приведённые выше высказывания репрезентируют отрицательную сторону субординационных отношений в деловом общении. Актуальной проблемой делового сообщества является болезненное восприятие критических замечаний. В пособиях по деловому общению в

качестве решения проблемы предлагается смягчать критику. В результате анкетирования было выявлено несколько типов критических замечаний. В один из них входят предложения, использующие сравнительную степень имён прилагательных лучше (*могло бы быть и лучше; надо работать лучше; я делаю это лучше; делайте свою работу лучше*), больше (*я ждал(а) от вас большего*).

Табл. 3 *Требования к деловой коммуникации. Отрицательно оцениваемые речевые единицы*

Название группы	Процент от общего количества отрицательно оцениваемых речевых элементов
Форма речи	15,1%
Реактивные действия	19,3%
Профессионально и личностно обусловленные смысловые блоки	10,9%

Благодаря использованию сравнительной степени прилагательных такая критика воспринимается не так категорично, как фразы, просто содержащие указание на факты (*вы некомпетентны; вы виноваты*), или выражения, отражающие субъективный взгляд на положение дел (*мне не нравятся ваши методы работы*). Если оценивать приведённые реципиентами речевые элементы по шкале интенсивности, наиболее негативно воспринимаются фразы, категоричность в которых подчёркивается интонационной конструкцией. Например, фразы, выражающие сарказм (*работать не пробовали?*). Он выражен глаголом *пробовали*, смысловое содержание которого в ситуации обсуждения исполнения прямых должностных обязанностей воспринимается как насмешка. Сюда же относятся речевые единицы, содержащие наречия и указывающие на регулярность, повторяемость ситуации (*вы опять забыли дать мне копию приказа!, сколько можно говорить?*). Все приведённые высказывания демонстрируют нарушение говорящим правил конструктивной критики.

Наибольшую группу в блоке «Реактивные действия» составляют фразы, выражающие отказ говорящего собеседнику (см. таблицу 4. «Реактивные действия. Отрицательно оцениваемые речевые единицы»). Сюда входят единицы, строящиеся по конструкции типа X не может выполнить действие У (*в данный момент мы не можем решить этот вопрос; мы не можем вас принять; ничем не можем вам помочь*). Отрицательно анкетируемые относятся как к немотивированному отказу (*ничего не надо; прошу не беспокоить; нет, спасибо*), так и к выражениям, содержащим мотивацию отказа (*у нас нет средств; нас не интересует; сегодня неприёмный день; «у меня сейчас есть более важные поручения; мы не занимаемся этим вопросом*). Негативно оцениваются как выражения, содержащие интонационную конструкцию, подчёркивающую эмоциональное недовольство говорящего пред-

ложением собеседника (*надоели со своими предложениями; а с чего вы взяли, что нам это надо!; опять вы!*), так и фразы, в которых отказ выражен косвенно (*ваша проблема рассматривается; надо порешать, давайте обсудим это позже*). Такое разнообразие формулировок показывает негативное восприятие отказа как речевого акта, вне зависимости от формы его выражения.

Табл. 4. *Реактивные действия.*
Отрицательно оцениваемые речевые единицы

Название группы	**Процент от общего количества отрицательно оцениваемых речевых элементов**
Критика	3,8%
Отказ	5,5%
Навязчивый сервис	2,7%
Необоснованные возражения, оправдания, выражения недоверия	4,4%
Побуждение партнёра действовать в ситуации спешки, аврала	2,9%

Отрицательно реципиентами воспринимаются также конструкции, не содержащие в своей структуре негативной оценки и эмоции *(«Чем могу вам помочь?», «Что вы ищете» в магазине; «Можно задать вам вопрос?» на улице в рамках рекламной акции*). Опрашиваемые объясняют отрицательное отношение к выражениям такого рода тем, *что они подспудно указывают адресату на его несостоятельность, неполноценность, ставят того, к кому обращается говорящий выше собеседника, к которому он обращается.*

Все приведённые выше конструкции представляют собой примеры навязчивого сервиса. Предлагаемая помощь адресатом воспринимается как вторжение в личную сферу постороннего человека, навязывание говорящим своих услуг, которые в данный момент не требуются.

Отрицательно реципиенты также относятся к необоснованным возражениям, оправданиям, выражению недоверия. В эту группу входят высказывания, содержащие вопросительную и восклицательную интонационные конструкции (*ну конечно, кто это сказал? А где я это возьму? Кто это придумал?; «а я тут причём?»; «почему вы у меня это спрашиваете?»*). Высказывания состоят из местоимений *кто*, наречий *где*, *почему* и предикатива *причём*. Такие структуры косвенно выражают стремление говорящего уйти от ответственности, не объясняя причин, по которым он это делает.

К этой группе также относятся речения, с помощью которых коммуникант пытается переложить ответственность за невыполнение должностных обязанностей на другое лицо (*вы не говорили; а в этом виноват…*), или просто ограничивается отсутствием какой бы то ни было реакции (*если спрашиваешь подчинённого о невыполненном задании, а он просто молчит*).

Негативное восприятие таких выражений происходит из-за отсутст-

вия объективных причин, по которым говорящий не выполняет свои должностные обязанности, ограничиваясь вместо этого косвенным или прямым указанием на свою непричастность к данному инциденту.

Отрицательно реципиентами также воспринимается побуждение партнёра действовать в ситуации спешки, аврала. Одним из элементов таких конструкций является наречие (*срочно, немедленно; это срочно; согласование договора – быстро (и ждут)*), косвенно указывающее на ограниченные временные рамки, обозначающее короткий временной промежуток (*конец рабочего дня - вопрос: «Надо утром предоставить», после рабочего дня – вопрос: «Надо утром сдать»*) или дату, к которой нужно выполнить данное поручение (*предоставить информацию к… (вчера)*. При любом вербальном наполнении такие высказывания акцентируют либо нереальное, либо крайне ограниченное количество времени, отпущенное на выполнение поручения. Поскольку от адресата требуется предельная концентрация сил в подобных обстоятельствах, ограничение негативно воспринимается им.

Блок реактивных действий составляет 19,3% от общего числа единиц, приведённых информантами. Процентный объем указывает на частотность нарушений требований к деловому общению в профессионально-ориентированной коммуникации. Если неэффективность критических замечаний можно преодолеть, изучив приёмы конструктивной критики, то в остальных случаях необходимо пересмотреть саму политику делового общения. Возражение собеседнику всегда должно быть преподнесено с выражением объективных причин совершённого поступка. Для выражения отказа необходимо использовать формулировку, демонстрирующую говорящему его выгоду.

Высокий процент (10,9% от общего количества высказываний) составляют единицы, объединённые в профессионально и личностно ориентированные блоки. Здесь выделяются фразы, являющиеся интердискурсивными в деловом общении (*зарплата, отпуск, премия*); речевые элементы, используемые представителями определённой сферы деятельности; единицы, характерные для внутрикорпоративного общения, слова и выражения, передающие восприятие профессиональной области людьми определённых возрастных групп.

Случаи положительных и отрицательных речевых конструкций, функционирующих в определённой профессиональной области, представлены:

1. Отдельными лексемами, относящимися к русскому литературному языку (*налоговая, проверка, долги* – бухгалтер);
2. жаргонизмами (*касачка, следак* – юрисконсультант);
3. нейтральными фразами (*А аванс у нас когда будет?* - бухгалтер).

Особенностью данных слов и выражений является семантика, отражающая их принадлежность к определённой сфере деятельности. При этом

нередко оценка речевых единиц, отражающих специфику мировоззрения представителей отдельных профессий, обусловлена теми же факторами, что и примеры, такую специфику не отражающие. Негативно оценивается использование жаргонизмов, некорректное обращение (*«агентесса»* - страховой агент), выражение недоверия к профессионализму партнёра *(«А зачем переводчикам словарь?»*), использование неуместных клише (про начинающих менеджеров: *«очень странно, когда малознакомые люди интересуются моим здоровьем и здоровьем моей семьи»*). Также встречаются речевые конструкции, значение которых сложно понять, не зная специфики деятельности, которой занимается говорящий («*Почитайте кодекс украинского учителя – он весь меня бесит»*). В таких случаях реципиенты поясняли значение фраз или объясняли, что именно вызвало негативные эмоции. Например, приводя примеры жаргонизмов, юрисконсультант оформляет ответ следующим образом: *касачка (кассационная жалоба), следак (следователь).*

В области фраз, характеризующих восприятие профессиональной деятельности людьми определённых возрастных групп, были выделены речевые конструкции, с которыми сталкиваются молодые люди, начиная свою карьеру *(«нарабатываем клиентскую базу», «мы вам перезвоним»*). Также анкетируемые отрицательно квалифицируют чересчур размытые клише, используемые для характеристики вакантной должности (*«широкий круг обязанностей», «требуется стрессоустойчивый человек»*). Негативно относятся молодые люди к акцентированию внимания на недостаточном опыте партнёра (*«ещё один отчёт и научишься»*).

Говоря о внутрикорпоративной этике, реципиенты отрицательно оценивают отсутствие этикетных рамок (прощания и приветствия) в речи представителей подведомственных учреждений.

Наличие таких блоков показывает специфичность требований к деловой коммуникации в зависимости от сферы деятельности, касающейся анкетируемых, и от возрастного критерия.

Подведем итоги.

Проанализировав видение текстов рекомендаций и самой современной ситуации делового общения ее участниками, мы получили следующую картину успешного неуспешного делового взаимодействия:

• Отрицательно влияют несоблюдение акцентологических, орфоэпических и грамматических норм, использование слов-паразитов, сниженной лексики, образований с уменьшительно-ласкательными суффиксами, иноязычной лексики в случае непонимания значения употребляемых терминов;

• Речевые элементы, отрицательное воздействие которых определяется их формой, представляют собой принуждение коммуникативного партнёра к какому-либо действию (фразы долженствования, категоричные императивы) и выражение пренебрежения, превосходства, достигающееся с помощью предикативов *всё равно, не интересно, занят, не вовремя, некогда и*

глаголов требовать, хотеть, не обсуждается.

• Анкетирование показало отрицательную степень эффективности критических замечаний, сделанных без применения знаний конструктивной критики. Такие конструкции приводят к формированию негативного впечатления и не способствуют получению желаемого результата.

• В случае возникновения проблемы не следует использовать в речи необоснованные возражения, оправдания, выражения недоверия.

• Неэффективным является ограничение сроков выполнения до невозможных или предельно низких величин, за которые выполнение нужного объёма становится нереальным. Такая ситуация не только отрицательно сказывается на взаимоотношениях между деловыми партнёрами, но и может привести к конфликту и последующему разрыву контакта.

• Не рекомендуется использование жаргонизмов, некорректное обращение, выражение недоверия к профессионализму партнёра, неуместных клише.

Литература

1. Введенская Л.А., Павлов Л.Г. Деловая риторика: Учебное пособие для вузов. - 4-е изд. - М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ». - 2008. - 512 с.
2. Ведение переговоров и разрешение конфликтов. Пер. с англ. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 226 с. – (Серия «Классика Harvard Business Review»)
3. Горкина М., Мамонтов А., Манн И. PR на 100%: Как стать хорошим менеджером по PR. - М.: Альпина Паблишер. 2003. – 116 с.
4. Горянина В.А. Психология общения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2002. - 416 с
5. Гурьева З.И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: лингвопрагматический аспект. - Краснодар, 2003 .
6. Касаткин Л.Л., Ляпунов С.И., Попов В.М. Бизнес-планирование: анализ ошибок, рисков и конфликтов. - М.: КноРус, 2003. - 448 с.
7. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет. Учеб. пособие для вузов. - М.: ОАО «НПО "Экономика"». 2000. - 271 с.
8. Морозова А.В. Деловая психология. Курс лекций; Учебник для высших и средних специальных учебных заведений. - СПб.: Издательство Союз, 2000. - 576 с.
9. Русская грамматика. Н.Ю. Шведова (гл. редактор). В 2 –х т.т. – М., 1980.
10. Центр тренинга и консалтинга «Профрост». Url: http://www.profrost.ru/knigastsenarievproda
11. Рысёв Н.Ю.. Активные продажи. - 2-е изд. - Спб.: Питер, 2009. – 416 с.
12. Сидоренко Е.В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. - СПб.: Речь, 2008. - 208 с.
13. Сулейманова Р.Р. Деловое общение как форма воспроизводства совре-

менной информационной среды // Вестник ВЭГУ. - 2011. № 5. - С. 45-50.
14. Терентьева В.И., Тульчинский Г.Л. Бренд-интегрированный менеджмент: каждый сотрудник в ответе за бренд. – М.: Вершина, 2006. - 352 с.
15. Управление персоналом: Учебник для вузов. Под ред. Базарова Т.Ю., Еремина Б.Л. - 2-е изд., перераб. и доп. - М: ЮНИТИ, 2006. - 560 с.
16. Успешные продажи. Методическое пособие для продавца. - Microsoft. 2007. – 55 с.
17. Форум издательской группы "Дело и сервис". Url: http://www.dis.ru/forum/index.php?topic=1744.75
© Бутакова Л.О., Андреева А.В., 2012

УДК 005:81

Валеева Р.А.
г. Уфа (Россия)

Когнитивный аспект управленческой коммуникации

Процессы восприятия информации человеком из внешнего окружения, переработка, хранение в памяти и извлечение ее в целях использования в речевой деятельности - эти процессы всегда интересовали исследователей. Объектом изучения современной науки о человеке стали огромные информационные хранилища мозга, процессы переработки имеющихся знаний, их организация и использование в процессе жизнедеятельности. Когнитивные процессы (восприятие, память, внимание, решение проблемы) являются центральными в понимании механизмов речевой деятельности.

Управленческая речевая коммуникация в условиях перехода от индустриального общества к информационному приобретает особую значимость, ведь сегодня не только руководитель, но и специалист на своем рабочем месте вынужден управлять различными производственными процессами. Такие операции, как сбор информации, планирование, выбор последовательности выполнения профессиональной задачи, координация, контроль, немыслимы без обращения к различным формам речевого воздействия.

Изучение когнитивных механизмов в работе опирается на принцип моделирования. Моделирование используется и как исследовательский метод изучения особенностей профессионально-ориентированной коммуникации.

Основным инструментом изучения особенностей управленческой коммуникации является понятие «коммуникативная модель».

Коммуникативной моделью (КМ) в работе называется типизированная ситуация межличностного общения, которая позволяет изучать внутренние компоненты этой ситуации и обеспечивает выбор стратегии и такти-

ки речевого поведения для достижения коммуникативной цели [2].

Под речевой стратегией понимается планирование речевых действий, направленных на решение коммуникативной цели говорящего. К функциям речевым стратегий относят осознание ситуации в целом, определение направлений развития межличностного взаимодействия и организацию речевого воздействия в интересах достижения цели общения. Тактика речевой деятельности включает в себя комплекс средств, приемов и способов реализации конкретной коммуникативной задачи [3]. Стратегия и тактика - это ресурсы говорящего, определяющие эффективность речи и достижение цели общения.

КМ использует все имеющиеся в современной науке сведения, касающиеся межличностного речевого взаимодействия в целом и управленческой речевой деятельности в частности. Характеристики и свойства КМ образуют собственную понятийную систему, или «грамматику коммуникативной модели».

Описание КМ строится на аксиоматическом положении многоаспектности речевой деятельности. Ее содержательную характеристику определяют лингвистический, социологический, психологический, культурологический аспекты. Каждый из аспектов описывает специфику и набор компонентов КМ в конкретной ситуации общения. Так, социологический аспект предполагает социальный статус коммуникантов, а также их индивидуальные социологические характеристики: возраст, образование, национальность и т. п. Психологический аспект предоставляет информацию о типах и моделях личности, особенностях характера, восприятия информации, о типах темперамента и биоритма, эмоциональном состоянии собеседника. Культурологический аспект позволяет оценить уровень духовного развития, коммуникативной этики говорящего, его мировоззренческие позиции, особенности менталитета. Лингвистический аспект определяет степень готовности носителя языка к общению, то есть качество знаний и навыков владения системой языка, языковыми нормами и литературными традициями, уровень сформированности языковой личности.

Важной составляющей грамматики КМ являются используемые в речевой деятельности функции - информативная, перцептивная, интерактивная.

КМ использует при описании все возможные формы реализации национального языка: официальное (деловое) и неофициальное (бытовое), устное и письменное, монологическое и диалогическое, контактное и дистантное, горизонтальное и вертикальное, активное (говорение, письмо) и пассивное (слушание, чтение) общение.

Для описания типизированных управленческих коммуникативных ситуаций КМ опирается на известную классификацию стилей руководства К. Левина: авторитарный, демократический, либеральный стили лидерства [6].

КМ представляет собой строго упорядоченное дискурсивное пространство, основными структурными компонентами которого являются субъект коммуникации, его объект, информация, обратная связь, средство связи, условия общения [3, 4].

Типизированная модель управленческой коммуникации. Отличительной особенностью модели является ярко выраженный, доминирующий характер проявляемых свойств. Конститутивным качеством коммуникативного пространства управленческой коммуникации является ее официальный характер. Являясь составной частью делового общения, управленческая коммуникация предъявляет высокие требования к языковой форме: это необходимость соответствия требованиям литературного языка, официально-делового стиля, жанра.

В управленческой коммуникации реализуется преимущественно интерактивная (воздействующая) функция общения: устный приказ руководителя усиливают языковая категория императивности (глагол в форме повелительного наклонения), официальный тон, побуждающая интонация. В письменной форме волюнтативная функция реализуется с помощью стилистических средств официально-делового стиля и жанровых средств распорядительных документов (инфинитив в функции повелительного наклонения, синтаксические конструкции с модальными словами *необходимо подготовить, следует улучшить).*

Письменная форма и, следовательно, дистантный способ общения являются преобладающими в отечественной управленческой коммуникации. Об этом свидетельствует объем текстового дискурса российского коммуникативного пространства: законы, распорядительные документы (указ, распоряжение, приказ, решение, постановление), нормативные документы (технические регламенты, международные стандарты, ГОСТы, стандарты организаций). Преобладание письменной формы и дистантного способа управленческой коммуникации имеет устойчивый характер на протяжении значительного периода развития российской государственности и демонстрирует сегодня тенденцию к резкому увеличению своего объема благодаря таким формам управления, как электронное правительство и электронный документооборот.

Управленческая коммуникация демонстрирует доминирование социологического аспекта. Речевое поведение определяется прежде всего должностным статусом коммуникантов в ситуации делового общения. Ролевая иерархия определяет и форму, и содержание речи, и поведение говорящих. Положение подчиненного собеседника сводится в основном к позиции субъекта коммуникативного пространства и с необходимостью требует адекватного исполнения социальной роли, владения этикетными навыками для выражения вежливости и доброжелательности, а в зависимости от статуса руководителя - той или иной степени уважительности, почтительности. По-

ложение более высокого по статусу собеседника позволяет ему выполнять рель субъекта коммуникативного пространства, к функциям которого относится организация общения в целом. В этом случае говорящий получает возможность управлять потоком информации и имеет определенную свободу речевых действий. Отношения коммуникантов имеют строго вертикальный характер. Поток информации в большинстве случаев принимает направление сверху вниз. В устной форме наблюдается приоритет прямой активной связи (говорение), а в письменной, дистантной - пассивной (чтение).

В других сферах профессионально-ориентированной коммуникации, в частности, в дипломатической практике, важными социологическими характеристиками управленческой коммуникации являются национальность, возраст, вероисповедание, гендерный аспект, государственный менталитет собеседников.

Следовательно, содержание социологического аспекта формирует особую реалию управленческой коммуникации - коммуникативный кодекс, который представляет собой сложную систему регулирующих принципов, влияющих на исход межличностного взаимодействия.

Специфической особенностью управленческой коммуникации является ее нацеленность на позицию социальной элиты [1, 3, 4]. Эффективность коммуникации определяется степенью близости коммуникантов к позиции социальной элиты и установкой на реализацию ее планов. Эта особенность, с одной стороны, обеспечивает успешность речевого поведения, а, с другой стороны, может приводить к проблемам и противоречиям. Например, партийная идеология советского периода не позволяла публично обсуждать такие социальные проблемы, как дефицит товаров народного потребления, перегибы партийного руководства в сельском хозяйстве. В условиях современной России реклама действует исключительно в целях получения максимальной прибыли корпоративной элиты. Поэтому привычными реалиями нашей жизни стали PR-тексты, популяризирующие лекарства, средства личной гигиены, косметики, алкоголь, табак.

В российском коммуникативном пространстве управленческая коммуникация демонстрирует устойчивое доминирование. В сфере деловых отношений она используется в государственной и муниципальной службе, в армии, правоохранительных органах, в образовательной системе, в управленческой деятельности многих предприятий и организаций. В непринужденном общении модель управленческой коммуникации охватывает ситуации, определяемые возрастными и семейными ролевыми отношениями.

Литература

1 Аллен Дж.Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / Под редакцией: Городецкий Б. Ю. - М.: Прогресс, 1986. - С. 322-362.

2 Валеева Р.А. Коммуникативная модель в современных технологиях управления // Актуальные вопросы профессиональной коммуникации в государственном и муниципальном управлении. Сборник научных статей научно-практической конференции. – Уфа: БАГСУ, 2010. – С. 57-61.
3 Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: ЛКИ, 2008.
4 Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, 2001.
5 Основы теории коммуникации/Под ред. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2003.
6 Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: пер. с англ. - М.: Дело, 1997.

© Валеева Р.А., 2012

УДК 802/809.1-52

Вахитова Г. В.
г. Уфа (Россия)

Исследование языковых средств передачи экспрессивности во внешней организации юридического текста

Эмоциональность, присущая научному мышлению и научному творчеству, приводит к экспрессивности речевых произведений любого типа. Однако разные функциональные стили отличаются друг от друга формой и степенью проявления этого качества.

Юридическая литература, составляющая предмет нашего интереса, представлена в основном двумя функциональными стилями – деловым и научным. Существует ряд факторов, неизбежно обуславливающих экспрессивность научной речи. К ним можно отнести: необходимость критического анализа при обзоре литературы или изложении истории вопроса, непременно требующего выражения оценки и определенной авторской позиции; полемика; оценка научных теорий и исследуемых явлений в ходе изложения материала; утверждение и разъяснение своей точки зрения и др. Известно, что в науке и великое открытие, и менее значительный вклад в нее для утверждения их смысла в умах людей и в практике требуют не только стройной логической аргументации, но и силы убеждения, выражаемых в речи [2, с.31].

Что касается деловой юридической литературы, то здесь нужно отметить, что сама предметная область может вызывать у реципиентов – потребителей юридической информации – эффект экспрессивности в силу специфики того фрагмента образа мира, который она отражает. Специфика эта заключается в том, что реальный мир, отображенный сознанием автора и

представленный в юридических текстах, чаще всего связан с нарушением моральных и правовых норм жизни человека – убийством, кражей, насилием и т.п. Все это дает основание предположить, что у носителя обыденного сознания юридический текст в любой его форме будет провоцировать возникновение эффекта экспрессивности в процессе его восприятия.

В процессе исследования языковых средств передачи экспрессивности во внешней организации юридического текста мы использовали известные классификации средств экспрессивности. Большинство из них включают фонетические, лексические, синтаксические, стилистические, графические средства. В целом нами было проанализировано 100 текстов на русском языке, принадлежащих двум основным стилям – научному и деловому – и включающих такие наиболее распространенные типы, как: текст научной статьи, учебный текст, статья юридического закона, текст криминальной хроники, отчет о судебном разбирательстве, речь адвоката в записи.

Наблюдения показали, что не всем жанрам юридических текстов присущи полная объективность и бесстрастность изложения. Прежде всего, нужно отметить, что монографии, тексты учебников, статьи более экспрессивны, чем законы, постановления, бюллетени, но и внутри одного жанра – закона – есть более экспрессивные тексты и менее. Например, экспрессивная лексика (заведомо ложный донос, беспомощное состояние, причинение физических страданий и тд.) встречается, практически, в каждой статье Уголовного кодекса РФ. В нем, безусловно, больше экспрессивной лексики по сравнению, например, с Бюджетным кодексом РФ. В ходе анализа нами было отмечено, что стилистические средства выражения экспрессивности характерны лишь для отдельных типов текстов (речи, газетные статьи).

Исходя из проведенного нами анализа юридических текстов, мы построили следующую классификацию средств выражения экспрессивности, которые реализуются в научном и деловом тексте (исследованная юридическая литература в основном представлена этими двумя стилями):

Экспрессивная лексика:

а) экспрессивные существительные: *изнасилование, жестокость, шантаж, оскорбление, клевета*; *ruffian, thug, gaolbird;*

б) экспрессивные прилагательные/наречия: *ничтожный, тяжкий, рабский, умышленный, хулиганский;humiliating, beastly;*

в) экспрессивные глаголы: принудить, наказывать, причинить, повлечь;coerce, deflower;

Эмфатические грамматические конструкции/ речевые модели

… только преступник может сотворить нечто подобное!

Whatever it costs, **…**

Стилистические приёмы (тропы):

а) лексические стилистические приёмы

метафора – … our survey results to shed light on the wide representation

(trite – “стертая”) | … it froze the definition of 97(27) to only include …

эпитет – “око за око, зуб за зуб” наказание | низменная убедительность

оксюморон – кровавая привлекательность | conventional offenders

гипербола – все суды мира не смогут наказать его больше | как никто из нас (trite – “стертая”)

б) лексико-синтаксические стилистические приёмы

перифраз – Ваша честь (trite – “стертый”) | prison inmates

литота – not without costs

в) синтаксические стилистические приёмы

повтор (анафора) – Это демонстрирует в первую очередь… . Это демонстрирует полный морально-этический кризис …| Каждый из них повинен в этом ужасающем преступлении, каждый из них сознался. Каждый из них принял участие в убийстве.

повтор (анадиплозис) – … на неё навалится дополнительная тяжесть. Тяжесть осознания того, что …

синонимический повтор – Сегодня случай особый. Если хотите, случай редкий …

риторический вопрос – Разве он уже не наказан?

стилистическая инверсия – Изощряясь во владении своим преступным языком, … выступали они перед нами. | Сегодня случай особый

ретардация – Эти мужчины и женщины, чьи лица вовсе не отражают раскаяния, выступили перед нами с короткими речами…| Finally, we find that the risks of bias crime victimization (relative to the risk of assault victimization generally) are similar for blacks and other racial minorities.

парцеллированная конструкция – Даже регистрационный номер дела у него соответствующий – 1199. Две единицы и две девятки.

перечисление – … превзойти другого в красочности, достоверности и детальности …

Не все средства выражения экспрессивности, действующие в художественном тексте реализуются в научном и деловом тексте, в частности, мы не находим проявления словообразовательных и фонетических средств выражения экспрессивности в проанализированной юридической литературе.

Сопоставив способы выражения экспрессивности на внешнем уровне в русских и английских юридических текстах, мы сделали следующие выводы: и в русских и в английских юридических текстах лексические и графические способы выражения экспрессивности представлены в равной степени, существуют различия в синтаксических способах выражения экспрессивности, обусловленные различиями в грамматической системе языков. Они связаны, например, с использованием в английских текстах пассивного залога, с употреблением особых модальных глаголов и модальных слов, предающих императивность и рекомендательность (типа shall be taken, have

to), что в гораздо меньшей степени присуще текстам на русском языке.

Литература

1. Вахитова Г. В. Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках). Дис. …канд. филол. наук – Уфа, 2007. – 193 с.
2. Кожина М. Н. К проблеме экспрессивности научной речи. Исследования по статистике. Пермь. 1971г. Вып. 3. – С. 36 – 40.

© Вахитова Г.В., 2012

УДК 81’36

Виноградова Р.И.
г.Уфа (Россия)

Полифункциональность глагольных аффиксов в современном немецком языке

При описании конкретных видов семантических парадигматических отношений между глагольными аффиксами выделяются полисемантичные, омонимичные, антонимичные и синонимичные аффиксы, исследуется характер семантического взаимодействия между ними.

Большинство глагольных аффиксов (префиксов, полупрефиксов) многозначно. Однозначность — исключение, характерное лишь для некоторых аффиксов, например, entlang-, gegenuber-, имеющих лишь одно пространственное значение. У большинства глагольных аффиксов (ab-, an-, auf-, aus-, и др) выявляется более 10 основных значений. Семантическая структура некоторых обладает противоположными значениями, например, ab- значениями «лишения» и «снабжения»; auf- значениями «открывания, развертывания», «наложения, свертывания». Еще большей многозначностью отмечены некоторые префиксы, например, префикс ver- в своей семантической структуре имеет более 17 значений. И если говорить о соотношении значений, то встает вопрос о разграничении многозначности и омономии. Критерий разграничения значений – чисто семантический. Однако следует отметить, что четкой границы между многозначностью и омонимией в семантической структуре аффиксов нет, так как их семантические структуры диффузны и наблюдается взаимозаменяемость отдельных значений. При наличии многозначности и омонимии в микросистеме аффикса соотношение между дериватами аффикса зависит от его внутренней валентности. Иногда многозначность и омонимия остаются на уровне аффикса и не приводят к созданию однокорневых дериватов с разными значениями. Это наблюдается в микросистемах префиксов er-, ent- , в которых почти нет однокорневых дериватов, совмещающих разные значения. В этом случае отпадает пробле-

ма разграничения многозначности и омонимии дериватов. Но в большинстве случаев такая проблема существует: однокорневые слова образуются с одинаковыми и разными значениями аффикса. Это можно бы было рассматривать как «словообразовательную» многозначность, если бы значение дериватов зависело только от аффиксов. Словообразовательная многозначность отличается от лексической тем, что отдельные значения производных самостоятельны, между ними нет отношения семантической деривации, т.е. по происхождению они не зависят друг от друга, а связаны с определенными значениями аффикса, с функционированием словообразовательных моделей.

Исследование полисемии и омонимии глагольных аффиксов немыслимо без выявления синонимического и антонимического потенциала глагольных словообразовательных морфем (аффиксов). В таком случае план содержания аффиксов может быть представлен в виде набора обобщенно-лексических (деривационных) и лексико-грамматических сем. Необходимым условием синонимичности и антонимичности словообразовательных структур (производных глаголов), образованных по различным словообразовательным моделям с сино-морфемами и антонимичными аффиксами, является также тождество их внутренней дистрибуции, т.е. синонимичные и антонимичные морфемы соединяются с однокорневыми производящими основами, имеющими единую денотативную направленность, например, abreisen-verreisen, abfliessen- entfliessen (удаление); abblühen- verblühen, abändern-verändern, abblasen –ausblasen (полнота охвата действием вплоть до завершения) и др. В данном случае, на основе внутренней валентности, выявляются структурные и семантические закономерности сцепления компонентов производных глагольных структур, т.е. определяются условия тождества их внутренней дистрибуции.

Результаты анализа семантического взаимодействия словообразовательных морфем дает основание утверждать, что полупрефиксы и префиксы обладают определенным синонимическим потенциалом, причем, процент синонимичекого взаимодействия полупрефиксов и префиксов значительно выше, чем синонимический потенциал в слое префиксов. Это, на наш взгляд, является вполне закономерным явлением, ибо отдельные значения полупрефиксов постепенно утрачивают свою пространственную, локальную и временную направленность и сближаются в функциональном плане с префиксами. (См. об этом также у И.Эрбена: J.Erben. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. Berlin, 1975, S.72). Относительно небольшой процент синонимичных разнопрефиксальных однокорневых образований объясняется специфичностью функционирования каждого отдельно взятого префикса, индивидуальными значениями в семантических структурах данных префиксов, а также их разной морфологической и семантической внутренней валентностью.

Как показывает анализ, слой производной глагольной лексики богат

также антонимическим материалом. Мы придерживаемся точки зрения, что антонимия – это противопоставление слов, а не понятий, при этом противопоставляются друг другу слова, противоположные по их значению. Антонимические отношения аффиксов – это внутренние парадигматические отношения, устанавливаемые на основе семантической противопоставленности их значений.

При анализе антонимичных глагольных пар, образованных в сфере словопроизводства, нами использованы производные глаголы с полупрефиксом ent- в их соотношении с однокорневыми дериватами с различными антонимичными морфемами, при этом за основу взяты данные немецких толковых словарей и двуязычных немецко-русских словарей.

Итак, изучение многофункциональной семантической структуры глагольных аффиксов (префиксов и полупрефиксов) необходимо для установления многозначности, омонимии, синонимии и антонимии производных глаголов. Данная глагольная лексика обслуживает очень часто узкую сферу функционирования – специальную терминологию (химия, техника, строительство и др.). Выявление и их анализ несомненно представляют интерес в плане практического использования при чтении и понимании как художественных, так и текстов по различным специальностям, так как неправильный выбор значения может привести к искажению правильного понимания текста.

© Виноградова Р.И., 2012

УДК 81'27

Вусик А.Л.
г. Бердянск (Украина)

Роль знаковых систем в цветных революциях: социолингистический аспект

События последних лет, которые происходят на постсоветском пространстве, получившие название цветных революций, справедливо расценивать как процесс смены политического режима. Особый интерес составляют формы, которые приобретает данный процесс, когда оппозиционным лидерам с помощью направляемых ими масс демонстрантов удаётся сместить правящие политические элиты, что требует соответствующего научного осмысления. Немаловажную роль отводится знаковым системам.

Факторы социальной напряжённости: духовные и социально-экономические – открыли для противоборствующих элит широкие манипулятивные возможности, использованные для направления общественного недовольства в нужное русло с целью достижения своих интересов.

Актуальность социолингвистического исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания роли знаковых систем в цветных революциях.

Объектом исследования является политическая борьба – революция, приведшая к смене правящей элиты и политических установок руководства страны.

Работы Г.Г.Почепцова [10], С.Г. Кара-Мурзы [5], Е.Афанасьевой [1] и С.Мирзоева [8] являются масштабными, в них анализируется опыт как цветных, так и бархатных революций. Б.А. Ширяев [17] в своей работе анализирует внешний фактор оранжевой революции и рассматривает её как реализацию политики Соединённых Штатов.

В политическом дискурсе под «цветными революциями», как правило, понимается «процесс смены правящих режимов под давлением массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций». Есть и более «жесткие» определения ЦР. Например, «цветная революция» — это «государственный переворот, осуществленный с преимущественным использованием методов ненасильственной политической борьбы, силами "цветного" движения», как правило «в интересах и при непосредственном доминирующем участии в планировании, организации и финансировании со стороны иностранного государства, группы иностранных государств, общественных или коммерческих организаций» [19].

Многие исследователи [1], [4], [7] единодушны в том, что Революция роз в Грузии и Оранжевая революция на Украине были цветными революциями.

Распространена точка зрения, что Тюльпановая революция в Киргизии тоже была цветной революцией.

Ряд СМИ [19] и других авторитетных источников [15], включая президентов республик, ещё более расширяет список таких революций:

- 1989 – Бархатная революция в Чехословакии и аналогичные ей «бархатные революции» в других странах Восточной Европы.
- 2003 – Революция роз в Грузии.
- 2004 Оранжевая революция на Украине.
- 2005 – Тюльпановая революция в Киргизии.
- 2005 – Революция кедров в Ливане.
- 2006 – Попытка Васильковой революции в Белоруссии.
- 2008 – Попытка цветной революции в Армении.
- 2009 – Цветная революция в Молдавии, приведшая компартию к потере большинства в парламенте.
- 2010 – Вторая Дынная революция – вторая Киргизская революция (Народная Революция в Киргизии 2010 года).

Нужно обратить внимание на то, что формой революции являются

массовые митинги, демонстрации и забастовки, которые проводятся оппозицией после проведения выборов, по результатам которых оппозиция объявляется проигравшей. Массовые протесты приводят либо к проведению повторного голосования (Украина), или к отдаче части парламентских мест, либо к силовому захвату зданий органов власти толпой (Югославия, Грузия, Киргизия) и бегству руководителей государства с последующим проведением новых выборов. Во всех случаях оппозиция приходит к власти.

И вот здесь как раз огромную роль играет формирование символа, как важного элемента техники и метода осуществления самой революции. В Сербии это был сжатый кулак, на Украине – оранжевый цвет, в Грузии – роза, в Киргизии – тюльпан. Обязательным качеством любого символа должна быть узнаваемость и несложная возможность его нанесения различными способами в общественных местах.

Нужно подчеркнуть, что настоящую революцию невозможно спроектировать, когда народ к ней не готов. Можно произвести бунт, переворот или даже имитацию революции, а вот по-настоящему революция происходит только тогда, когда сложилась революционная ситуация. Однако не всякая революционная ситуация приводит к революции.

Важно понимать, что «цветные революции» не ставят важнейшую для классических революций цель – изменения политического строя и форм собственности, они готовы лишь произвести смену политических режимов.

Иными словами, развитие «цветного» революционного процесса происходит в условиях «ненасильственного» перехвата власти.

Особую роль в «цветных революциях» играют собственно цвет и символы, так как именно знаковые системы, в отличие от содержательной вербальной коммуникации, воздействуют на глубокие сферы психики.

Мы считаем, что знаковые системы не стимулируют целенаправленную деятельность. Роль знаковых систем – формировать эмоциональный настрой масс. Именно от них может зависеть исход всей операции. Таким образом, символ становится опознавательным знаком, обозначает соратников и выявляет противников, как бы физически консолидирует сообщество в конкретном пространстве и времени.

Еще одно важное уточнение относительно роли и значения зрительных образов. Зрелище – особо важный, но и более сложный, в сравнении с символикой, технологический прием, однако шествия, флэш-мобы, «кольца», разного рода акции, транслируемые в социальных сетях, воздействуют на зрительный анализатор, особенно в сочетании с элементарными звуками, более эффективно для навязывания желаемого поведения индивиду или массе, чем вербальное воздействие.

Современные средства коммуникации стали одними из важнейших средств подготовки и осуществления «цветных революций».

Большое значение имеет также задействование фактора цвета.

Рассмотрим какие цвета использовались в революционных движениях разными странами. Так, оранжевый цвет сыграл определённую роль в украинской революции. Эксперты отмечают активность этого цвета, его возбуждающий, беспокоящий эффект.

Символические значения красного цвета многообразны и противоречивы. Так, с одной стороны, красное символизирует радость, красоту, любовь и полноту жизни. С другой – вражду, месть, войну. Например, красный цвет знамени символизирует бунт, революцию, борьбу. Красное обозначает также власть, величие. Так что красный цвет гвоздик в Португалии (1974 г.) и тюльпанов в Киргизии (2005 г.) – не случайный выбор.

Актуализация белого цвета в 2011 году в России связана с разными причинами. Это и ассоциация с цветом полосы государственного флага, и исторические аллюзии (Белая гвардия, белые как представители буржуазии), и религиозные (сакральные) смыслы (белый цвет имеет положительные коннотации во всех религиях). Кроме того, белый цвет символизирует чистоту, незапятнанность, добродетель, радость.

Исследуя роль цвето-символической атрибутики, следует обратить внимание и на образы, которые присутствовали во всех «цветных революциях». Так, в Белоруссии пытались использовать образ зубра, но, как известно, безрезультатно. Грузинская роза – это национальный цветок. А вот киргизские оппозиционеры посчитали, что желтый тюльпан – символ разлуки, и в результате остановились на красном цвете.

Очевидно, что раскрыть все детали таких современных технологий как роли знаковых систем в цветных революциях в рамках одной статьи невозможно. Это послужит дальнейшим исследованием в рамкам социолингистического учения.

Литература

1. Афанасьева, Е. Государство или революция? Текст. / Елена Афанасьева. М.: Европа, 2005. – 119 с.
2. Багдикян, Б. Монополия средств массовой информации Текст. / Бен Багдикян. М.: Прогресс, 1987. – 316 с.
3. Гронская, Н.Э. Язык и политика Текст. / Н.Э. Гронская. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. – 221 с.
4. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием Электронный ресурс. / С.Г. Кара-Мурза. М.: Эксмо, 2004. – Режим доступа: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipulcontent.htm (дата посещения 07 ноября 2007).
5. Кара-Мурза, С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили. Электронный ресурс. / С.Г. Кара-Мурза. М.: Алгоритм , 2005. – Режим доступа: http://www.kara-murza.ru/books/export/Export.zip (дата посещения 03 декабря 2006).
6. Лебон, Г. Психология толп Текст. / Г. Лебон. М.: Институт психологии РАН: издательство «КСП+», 1998. – 412 с.
7. Масарский, М.В. Убеждающее слово Текст. / М.В. Масарский. М.: Молодая

гвардия, 1979. –159 с.
8. Ю.Мирзоев, С. Гибель права. Легитимность в «оранжевых революциях» Текст. / Сергей Мирзоев. М.: Европа, 2006. – 232 с.
9. П.Мухин, А.А; Здоровец Я.И.; Лунева А.В. Оранжевый закат, или История о том, как поссорились Юлия Владимировна и Виктор Андреевич Текст. / А.А. Мухин, Я.И. Здоровец, А.В. Лунева. М.: Алгоритм , 2005. – 272 с.
10. Почепцов, Г.Г. Революция.сош. Основы протестной инженерии Текст. / Г.Г. Почепцов. М.: Европа, 2005. – 520 с.
11. З.Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция Текст. / Говард Рейнгольд. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.
12. Сельчёнок, К. Загадка чарующего образа Электронный ресурс. / Константин Сельчёнок. Режим доступа: http://aquarun.ru/psih/magirek/default.htm (дата посещения 02 октября 2007).
13. Тард, Г. Мнение и толпа Текст. / Г. Тард М.: Институт психологии РАН: издательство «КСП+», 1998. – 412 с.
14. Цуладзе, А. Большая манипулятивная игра Текст. / Автандил Цуладзе. М.: Алгоритм, 2000. – 328 с.
15. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии Текст. / Джин Шарп. -Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. – 224 с.
16. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием Текст. / Г. Шиллер. М.: Мысль, 1980. – 325 с.
17. Ширяев, Б.А. «Мягкая сила» как метод внешней политики США Текст. / Б.А. Ширяев // Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. Курс лекций. 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – С. 236-271.
18. Ширяев, Б.А. СНГ во внешнеполитической стратегии США Текст. / Б.А. Ширяев // Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. Курс лекций. 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – С. 406-423.
19. novorossia.org›politika…cvetnyx-revolyucij.html

© Вусик А.Л., 2012

УДК 802/809.1-52+811.112.2

Газизов Р.А.
г. Уфа (Россия)

Тематические табу в речевом общении немцев

Целью настоящей работы является описание тематических табу в речевом общении немецкой лингвокультурной общности. Как известно, данный вид коммуникативных табу накладывает запрет на затрагивание потенциально конфликтных и этически неуместных тем, связанных с нескромными вопросами о национальности, возрасте, зарплате, религиозных взглядах, а также о личной жизни человека. Для коммуникативного взаимодействия общающихся несоблюдение тематических табу является наиболее опасным,

поскольку они «задевают коммуникантов «за живое» и способны вызвать непредсказуемую эмоциональную реакцию» [2, с.43].

С целью определения тематических табу в немецкой лингвокультуре было проведено анкетирование, в котором приняли участие 175 немцев в возрасте от 18 до 61 года. Как показали результаты, круг тематических табу оказался весьма широким, как в общении с незнакомыми и малознакомыми, так и в общении со знакомыми и близкими людьми. Рассмотрим первую категорию – общение с незнакомыми и малознакомыми.

Большинство респондентов указали, что нежелательным при коммуникации с *незнакомыми и малознакомыми людьми* считается обсуждение *своей личной жизни / Privates* (от 28,6% до 56,7%). Данная реакция получила конкретизацию через следующие темы: *интимная сфера, любовные связи / Intimes (Sex)* (от 17,8% до 29,8%), *Beziehungen (Partnerschaft)* (от 2,7% до 17,8%)*; семья / Familie* (от 10,8% до 25,4%)*; свои чувства (внутреннее состояние) / Eigene Gefühle (innerer Zustand)* (от 2,1% до 6,3%). Нежелание обсуждать личную жизнь объясняется тем, что немцы принадлежат к индивидуалистическим культурам, в которых не принято вмешиваться в дела других, нарушать межперсональную дистанцию и коммуникативную неприкосновенность, пренебрегать автономией собеседника.

К числу тематических табу относится обсуждение финансового положения собеседника – *зарплаты (Lohn), номеров банковского счета (Kontodaten der Bank)*. Так, более 20% респондентов молодого возраста и более 30% – зрелого возраста считают недопустимым затрагивать в общении вопрос о зарплате своего собеседника.

По мнению информантов, запретным является также разговор на *политические* (от 7,1% до 19%) и *религиозные* (до 6,3%) темы, особенно если речь идет о выяснении политических убеждений или религиозных верований. Подобные темы могут привести к разногласиям и стать причиной спора, что в конечном итоге чревато коммуникативными неудачами и сбоями (см. о различии данных понятий в работе [1]).

Среди тематических табу в общении с незнакомыми и малознакомыми были названы также темы, связанные с обсуждением *родственников и друзей (Verwandte und Freunde), проблем со здоровьем (Krankheiten), места работы (Beruf).*

В единичных случаях указывались такие темы, как *личные проблемы и трудности / persönlche Probleme und Schwierigkeiten, планы на будущее / Zukunftspläne, тайны / Geheimnisse, странные запахи в непосредственной близости / seltsame Gerüche in unmittelbarer Umgebung, церковь / Kirche, плохие воспоминания о детстве / schlechte Kindheitserfahrungen, насыщенные в содержательном плане темы / inhaltsintensive Themen* и др.

Интересно также отметить, что для некоторых респондентов (чуть более 2% от общего количества опрошенных) вообще не существует ника-

ких тематических табу в общении с незнакомыми и малознакомыми, а около 10% информантов не смогли ответить на вопрос об «опасных» темах. Возможно, это та категория людей, которая не испытывает никаких комплексов в общении, пренебрегая коммуникативной неприкосновенностью своего собеседника.

В следующей таблице резюмированы ответы респондентов относительно запретных тем с незнакомыми и малознакомыми людьми:

Таблица1.Тематические табу в немецкой лингвокультуре (в общении с незнакомыми и малознакомыми)

Возраст / пол / количество (%)				**Вопрос / Ответ**
18-30		31-61		*На какие темы Вы не хотели бы говорить с незнакомыми и малознакомыми*:
Ж 63 (100%)	М 28 (100%)	Ж 47 (100%)	М 37 (100%)	
18 (28,6%)	11 (39,3%)	14 (29,8%)	21 (56,7%)	Privates (личная сфера)
15 (24%)	6 (21,4%)	15 (32%)	11 (29,7%)	Geld / Lohn (финансы / зарплата)
15 (24%)	5 (17,8%)	14 (29,8%)	8 (21,6%)	Intimes / Sex (интимная сфера / секс)
16 (25,4%)	5 (17,8%)	9 (19%)	4 (10,8%)	Familie (семья)
9 (14,3%)	2 (7,1%)	4 (8,5%)	7 (19%)	Politik (политика)
8 (12,7%)	3 (10,7%)	6 (12,8%)	– (0%)	Krankheiten / Tod (болезни / смерть)
3 (4,8%)	5 (17,8%)	5 (10,6%)	1 (2,7%)	Beziehungen / Partnerschaft (любовные связи)
3 (4,8%)	1 (3,6%)	6 (12,8%)	3 (8,1%)	Beruf / Arbeit (профессия / работа)
4 (6,3%)	1 (3,6%)	1 (2,1%)	2 (5,4%)	Eigene Gefühle / innerer Zustand (свои чувства / внутреннее состояние)
4 (6,3%)	2 (7,1%)	– (0%)	2 (5,4%)	Verwandte / Freunde (родственники / друзья)
4 (6,3%)	1 (3,6%)	1 (2,1%)	– (0%)	Religion (религия)
2 (3,2%)	1 (3,6%)	1 (2,1%)	– (0%)	Keine Tabuthemen (отсутствие запретных тем)
8 (12,7%)	2 (7,1%)	5 (10,6%)	4 (10,8%)	Нет ответа

Если рассмотреть тематические табу, ограничивающие темы общения со знакомыми, то можно констатировать следующий факт: от 7,1% до 19%

респондентов полагают, что таких тем нет в случае, если знакомые – близкие друзья. При этом от 19% до 24% представительниц слабого пола вовсе не дали ответа, так же как и от 7,1% до 16,2% представителей сильного пола. Вероятно, эти данные свидетельствуют о том, что в общении со знакомыми запретных тем гораздо меньше, нежели в случае общения с незнакомыми и малознакомыми.

Все же тематическая табуированность присуща также и при коммуникативном взаимодействии со знакомыми. Это, прежде всего, вопросы личного характера, касающиеся интимной сферы, личного дохода, семейных проблем, заболеваний и др. (см. таблицу 2).

В единичных случаях респонденты отметили, что нельзя обсуждать *женщин других знакомых (Frauen anderer Bekannten), общих знакомых (andere gemeinsame Bekannte), неинтересные темы (uninteressante Themen), собственные страхи, опасения (eigene Ängste), свои мысли (eigene Gedanken), конфиденциальную информацию о третьих лицах (vertrauliche Infos von Dritten), церковь (Kirche)* и др.

Исключением представляются такие реакции, как *любимые занятия (Hobbys),* например, *музыка (Musik), футбол (Fußball)*, а также *погода (Wetter)*. Как известно, данные темы считаются нейтральными и «безопасными» для обсуждения. Однако, по мнению некоторых респондентов, подобные темы могут оказаться неуместными, если они неинтересны для собеседника или способны вызвать спор, например, при обсуждении футбольного матча.

Темы, которые следует избегать в общении со знакомыми, отражены в таблице 2:

Таблица 2. Тематические табу в немецкой лингвокультуре (в общении со знакомыми)

Возраст / пол / количество (%)				**Вопрос / Ответ**
18-30		31-61		*На какие темы Вы не хотели бы говорить со знакомыми*:
Ж 63 (100%)	М 28 (100%)	Ж 47 (100%)	М 37 (100%)	
9 (14,3%)	9 (32%)	9 (19%)	5 (13,5%)	Intimes / Sex (интимная сфера / секс)
8 (12,7%)	5 (17,8%)	10 (21,3%)	8 (21,6%)	Geld / Lohn (финансы / зарплата)
10 (15,8%)	2 (7,1%)	6 (12,8%)	5 (13,5%)	Privates (личная сфера)
5 (8%)	2 (7,1%)	7 (15%)	7 (19%)	Keine Tabuthemen (отсутствие запретных тем)
5 (8%)	5 (17,8%)	4 (8,5%)	2 (5,4%)	Familie (семья)

2 (3,2%)	2 (7,1%)	4 (8,5%)	1 (2,7%)	Beziehungen / Partnerschaft (любовные связи)
2 (3,2%)	2 (7,1%)	3 (6,4%)	– (0%)	Krankheiten / Tod (болезни / смерть)
2 (3,2%)	2 (7,1%)	1 (2,1%)	– (0%)	Politik (политика)
1 (1,6%)	– (0%)	3 (6,4%)	1 (2,7%)	Beruf / Arbeit (профессия / работа)
2 (3,2%)	– (0%)	1 (2,1%)	1 (2,7%)	Verwandte / Freunde (родственники / друзья)
2 (3,2%)	1 (3,6%)	– (0%)	– (0%)	Religion (религия)
1 (1,6%)	1 (3,6%)	– (0%)	1 (2,7%)	Eigene Gefühle / innerer Zustand (свои чувства / внутреннее состояние)
15 (24%)	2 (7,1%)	9 (19%)	6 (16,2%)	Нет ответа

Таким образом, во избежание коммуникативных неудач необходимо соблюдать коммуникативные табу, в частности, тематические. При этом в неприятных ситуациях следует проявлять «коммуникативную гибкость» [2, с. 43], проявляющуюся в умении переключать темы.

Литература

1. Гришаева Л.И., Хмелевская В.В. Коммуникативная неудача и коммуникативный сбой как негативный коммуникативный результат // Германские, романские и русский языки в сопоставительном аспекте: Сб. науч. трудов. – Воронеж: Петровский сквер, 1998. – С. 41-61.
2. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.

© Газизов Р.А., 2012

УДК 802/809.1-52+811.112.2

Газизов Р.А., Искандерова Г.Ф.
г. Уфа (Россия)

К вопросу о статусно-ролевых характеристиках коммуникантов

Целью настоящей статьи послужило описание статусно-ролевых характеристик коммуникантов, являющихся основными компонентами коммуникативного акта. Как правило, исследование любого акта коммуникации начинается с определения субъектов взаимодействия, т.е. с коммуникантов, которые весьма разнообразны по своим социальным признакам, постоянным и переменным ролям. Они находятся в разнообразных ролевых и статусных отношениях, в обстановке официальной и неофициальной.

Как известно, в процессе коммуникации ее участники объективируют свое коммуникативное поведение, которое, по сути, является статусно-ролевым, поскольку каждый участник коммуникации наделен определенным социальным статусом и набором ролей, как социальных, так и психологических.

В социальной психологии понятие «*роль*» (от франц. *role*) определяется как «социальная функция личности; соответствующий принятым нормам способ поведения людей в зависимости от их статуса или позиции в обществе, в системе межличностных отношений» [10, с.140]. Это нормативный, одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого коммуниканта, занимающего ту или иную позицию [11, с.82].

По мнению А.А. Леонтьева, за понятием роли стоят три связанных, но гетерогенных значения: «1) роль как сумма требований, ассоциированных с данной позицией, или, что то же, – система ролевых предписаний (ролевых ожиданий); 2) роль как понимание индивидом того, что от него ожидается, т.е. «интернализованная роль»; 3) роль как реальное действие в данной позиции, т.е. ролевое поведение» [8, с.183]. Эти значения образуют 3 аспекта описания социальной роли.

Социальная роль может быть обусловлена постоянными или долговременными характеристиками человека, такими как пол, возраст, положение в семье и обществе, профессия (например, роли жены, матери, учителя, водителя, наставника, друга детства и т.п.). Это так называемые «позиционные роли» [9, с.280]. Позиционные роли могут складываться также в зависимости от межличностных отношений, сложившихся в конкретной группе (в том числе и *временной*, например, в группе экскурсантов – «советчик», «обиженный», «нытик», «помощник» и т.д.) [там же]. Кроме этого, роль может быть навязана ситуацией, в которой оказывается личность (например, роли пассажира, покупателя, пациента, клиента в парикмахерской, человека в гостях и т.п.). Т.Б. Радбиль называет такие роли *ситуативными*, носящими, как правило, кратковременный характер. Американский социолингвист С.М. Эрвин-Трипп классифицирует роли следующим образом: а) роли относительно друг друга (наниматель и его служащий, муж и его жена) и б) специфические роли, которые характеризуют социальную ситуацию (хозяйка – гость, учитель – ученик, покупатель – продавщица) [14, с.338].

Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков и А.П. Садохин пишут также о *психологических ролях*, которые выявляются уже в процессе коммуникации. Так, человек может быть а) лидером, стремящимся играть ведущую роль, способным убедить в своей правоте и контролировать весь процесс коммуникации; б) посредником, или хозяином, следящим за ходом коммуникации и уравновешивающим интересы разных людей; в) капризным ребенком, нарушающим любые запреты и г) гибким человеком, готовым приспособиться к любой ситуации [4, с.109]. Причем психологические роли в отличие от

социальных напрямую зависят от характера человека, а потому относительно стабильны, т.е. если человек всегда стремится вести за собой других, быть лидером во всем, то вряд ли он будет поступать как капризный ребенок или посредник.

Классификация психологических ролей в определенной степени согласуется с моделью Эго-состояний, по Э. Берну, согласно которой человек в каждый момент времени обнаруживает одно из состояний Я – Родителя, Взрослого или Ребенка. Если Родитель символизирует авторитетное начало, является носителем незыблемых моральных правил и этикетных норм, диктующих, как именно нужно поступать в конкретной ситуации, то Взрослый символизирует рациональное начало, беспристрастно анализирует любую жизненно важную информацию и является посредником между Родителем и Ребенком. В свою очередь, Ребенок – это источник интуиции, творчества, спонтанных побуждений и радости (подробно см. [2; 11, с.83-84; 3, с.216-222]).

Необходимо отметить, что одна и та же роль, будь то социальная или психологическая, «по-разному воспринимается, переживается, оценивается и реализуется разными людьми. Здесь сказываются как индивидуально-психологические особенности личности (ее темперамент, характер, склонности), так и усвоенные ею социальные установки, ценностные ориентации и т.п.» [7, с.26].

При определении статусно-ролевых характеристик коммуникантов наряду с понятием роли необходимо рассмотреть также понятие социального статуса, поскольку именно социальная роль указывает на поведение, предписанное человеку его социальным (возрастным, половым, должностным и т.д.) положением, или статусом.

Социологический энциклопедический словарь определяет **социальный статус** в качестве соотносительной позиции индивида или группы, характеризуемой социальными признаками (экономическое положение, профессия, квалификация, образование и т.д.), природными признаками (пол, возраст и т.д.), а также престижем и местом в структуре власти [12, с.343]. По образному выражению К.Ф. Седова, социальный статус – это «формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии социальной группы» [11, с.82]. Статус характеризует место человека на *вертикальной* оси, т.е. личность может занимать в обществе высокое или низкое положение. Человек, обладая определенной социальной позицией, или статусом, наделяется кругом прав и обязанностей, регламентирующих его коммуникативное поведение. На этот факт указывал также В.И. Карасик, определяя понятие социального статуса как «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [6, с.5]. По мнению автора, социальный статус человека имеет субстанциональное и реляционное изме-

рение. «В первом случае имеются в виду независимые и усвоенные характеристики человека – пол, возраст, национальность, культурное и социальное происхождение, с одной стороны, и образование, профессия, степень владения языком, с другой стороны. Во втором случае рассматривается соотносительное положение в социальных структурах, выражаемое в терминах социального и ситуативного неравенства – отношения между вышестоящим и нижестоящим» [там же: 10].

Статус и роль, образующие «социальную историю коммуниканта» [5, с.750], тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Если статус отвечает на вопрос «кто есть личность?», то роль – «что она делает?» [11, с.82].

Понимание собственной социальной роли и роли партнера необходимо для ориентировки в ситуации и выбора соответствующей манеры речевого поведения. Адекватное осознание статусно-ролевых характеристик коммуникантов есть та первоначальная платформа, которая является непременной предпосылкой любого общения. «При непосредственном общении мы пытаемся узнать социальные роли собеседника, так как это позволяет сформировать его образ, построить гипотезы относительно его дальнейшего поведения и создать план взаимодействия» [13, с.10].

А.А. Леонтьев при анализе основных параметров процесса общения выделил психологическую динамику общения. Данный параметр описывает психологическое содержание общения. По мнению ученого, любое общение развертывается не на пустом месте, а у него всегда есть своего рода психологический «фон». «Вступая в межличностное общение, человек или заранее представляет себе в психологическом отношении человека, с которым ему предстоит общаться, или ориентируется на распределение социальных ролей, т.е. тоже в конечном счете имеет о собеседнике психологическую информацию, только иного характера (не как о личности, а как о носителе роли)» [8, с.282].

Таким образом, участники межличностного общения должны непременно распознать социальную значимость друг друга, т.е. «степень социальных ролей коммуникантов и степень их социальной дистанции» [1, с.36], что послужит предпосылкой для эффективного гармоничного взаимодействия.

Литература

1. Агапова С.Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации (английский язык) / Серия «Высшее образование». – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 288 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / под ред. М.С. Мацковского. – СПб. – Москва: Университетская книга, 1998. – 399 с.
3. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 272 с. – (Высшее образование).

4. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
5. Далабаева Г.М. Типовые свойства межкультурной коммуникации // I Международная научно-методическая конференция «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы»: Сб. статей. Москва, РУДН, 1-4 ноября 2008 г. – М.: РУДН, 2008. – С. 747-751.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
7. Кон И.С. Социология личности. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
8. Леонтьев А.А. Психология общения. – 3-е изд. – М.: Смысл, 1999. – 365с.
9. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 328 с.
10. Рогов Е.И. Психология общения. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 336 с.
11. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
12. СЭС (Социологический энциклопедический словарь). На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. – 488 с.
13. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 3-14.
14. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 336-362.

© Газизов Р.А., Искандерова Г.Ф., 2012

УДК 81:316.7

Газизова Р.Ф., Силиванец А.В.
г. Уфа (Россия)

Когнитивная база лингвокультурологического аспекта характеризации человека

Языковая картина мира – это понятийная структура, характерная для языка, с помощью которой люди, говорящие на данном языке, видят (классифицируют, интерпретируют) мир. В сознании языковой личности существует базовое стереотипное ядро, свидетельствующее о принадлежности индивида к определенной культуре, включающей национально обусловленную систему символов. Таким образом, языковая картина мира связана с народ-

но-поэтическим мышлением, в любом языке имеющим свою специфику и формирующим национальную когнитивную базу, под которой понимается «определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингво-культурного сообщества» [3, с.11]. Так, одним из аспектов изучения когнитивной базы любого языка является исследование фольклорных мифологических образов – лингвокультурологических уникалий, которые в силу своей прецедентности осуществляют передачу современным носителям языка глубинных смыслов, выработанных в процессе развития языка.

Использование этого аспекта при характеризации человека позволяет осветить еще один сегмент национальной картины мира. Понятие «характеризация» в современном языкознании требует уточнения и более детального исследования, хотя бы потому, что оно отсутствует в большинстве словарей. Википедия относит его к единицам книжной лексики и определяет следующим образом – «выявление, обнаружение, описание характерных признаков и особенностей чего-либо» [1]. На наш взгляд, характеризация охватывает многие аспекты жизни человека как языковой личности: характер, внешность, личные качества, поведение, эмоциональное состояние и т.д.

Способность языковой личности «узнавать, понимать и воспринимать языковые элементы» [4, с.16] базируется на неком когнитивном механизме, позволяющем носителю языка адекватным образом фиксировать, классифицировать и отражать действительность. Этот путь проходит человек, обучающийся языку, или ребенок, овладевая той или иной лингвокультурологической уникалией. Причем этот мыслительный процесс осуществляется человеком и в случае метафорического переноса знания с лингвокультурологической реалии на какой-либо объект.

Метафору как компонент человеческого познания рассматривали еще Лакофф и Джонсон, которые утверждают, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действиях человека; наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути [2]. Таким образом, метафора – это основная ментальная операция, которая объединяет разные понятийные сферы и создает возможность использования потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Именно поэтому метафору можно считать проявлением аналоговых возможностей человеческого мышления [5].

В сфере характеризации человека метафорический перенос можно наблюдать при использовании многих лингвокультурологических реалий, которые предстают как уникалии, поскольку это явления именно русского национально-лингвокультурного характера. При этом метафорический перенос возможен именно потому, что в его основе лежит механизм стереоти-

пизации. Например, лингвокультурологической уникалией является такой древнейший мифологический персонаж русских народных сказок, как *Баба-Яга* – высшее лесное божество, лесная старуха-волшебница, хозяйка зверей и лесного пространства.

Образ *Бабы-Яги* неоднозначен. Она выступает и как похитительница, пожирательница детей и людей, и как помощница положительного героя сказки – показывает ему дорогу в царство недруга человеческого (Кащея, Водяного), дает ему волшебные предметы, помогающие найти дорогу или убежать от преследователей (клубок, гребень и т.д.).

Для современного представителя русской культуры номинативная единица *Баба-Яга* служит средством характеризации только с позиций отрицательной составляющей этого образа. Так могут назвать женщину (девушку), отличающуюся недобрым, сварливым характером, неумением сдерживать проявления своего гнева: *Стоит только женщине прийти в политику, как она тут же из Василисы Прекрасной превращается в Бабу Ягу* [3, с.177]; *Я к этой Бабе-Яге больше не пойду: мало того, что наорала на меня, еще и документы мне в лицо швырнула* (из разговора в офисе). Рассмотренный метафорический перенос можно определить как перенос на основе сходства личных качеств, поведенческих реакций.

Представленная в сказках характеристика внешности персонажа ярко отрицательная: *Баба-Яга* – сгорбленная, худая старуха с большим крючковатым носом и костяной ногой, одетая в старые рваные лохмотья. Современный представитель русской культуры осуществляет метафорический перенос на основе сходства внешних характеристик, обозначив номинативной единицей *Баба-Яга* внешне очень непривлекательную женщину: *Эту шаль больше не ношу, я в ней совсем Баба-Яга – нос какой-то длинный, седину сильно видно, загнутая какая-то вся. Помела только не хватает* (из разговора); *– Я-то расстроилась, – говорит Анастасия Ивановна. – Она мне сперва не понравилась: высокая, сутулая худющая, седая – прямо ведьма какая-то. Баба-яга. Несимпатичная* [6].

Интересным представляется, что в последнем примере проявляется еще одна характеристика рассматриваемого мифологического персонажа – способность *Бабы-Яги* осуществлять магические действия, владение секретами приготовления различных снадобий (*...прямо ведьма какая-то*). Однако для нашего современника этот метафорический перенос не является столь ярким, как переносы на основе сходства личных качеств и внешних признаков, поэтому автор и использовал более универсальный образ (ср. *старая ведьма*).

Национальными лингвокультурологическими реалиями являются и мифологические артефакты, несущие сакральное значение (меч-кладенец, ступа и помело Бабы-Яги, волшебный клубочек, помогающий найти дорогу, истоптанные героем в поисках железные сапоги и т.д.), однако в силу своей

принадлежности к неживой природе они не могут обеспечивать характеризацию человека, то есть метафорический перенос на характеризуемого возможен лишь с агентивных лексем.

Рассмотренная лингвокульторологическая уникалия *Баба-Яга* включена в когнитивную базу, являющуюся ядром русского национального культурного пространства. Лингвокульторологическая составляющая этой базы представлена такими уникалиями, как Иван-дурак, Дед Мороз, Кощей Бессмертный, Василиса Прекрасная, Змей Горыныч, Жар-Птица и т.д., каждая из которых несет для современного носителя русского языка свой языковой и речевой опыт, лежащий в основе развития языка.

Владение основными лингвокульторологическими уникалиями не просто обогащает словарный запас конкретного носителя языка, это позволяет говорить о наличии у него когнитивной базы и детализированной национально-языковой картины мира.

Литература

1. Википедия. URL: http://ru.wiktionary.org (дата обращения: 22.11.2012).
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. URL: http://kant.narod.ru/lakoff.htm (дата обращения: 22.11.2012).
3. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков и др. Вып. 1. – М.: Гнозис, 2004.
4. Соколова В.В. Культура речи и культура общения. – М.: Просвещение, 1995.
5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001. URL: http://philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm (дата обращения: 22.11.2012).
6. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. URL: http://tsvetaeva.synnegoria.com/WIN/shveizer/shvB00.html (дата обращения: 22.11.2012).

© Газизова Р.Ф., Силиванец А.В., 2012

УДК 811/111

Гайнаншин М. Ф.
г. Уфа (Россия)

Синергетический аспект анализа английского экономического масс-медийного дискурса

Современная лингвистическая парадигма в рамках исследования функционально-семантического аспекта функционирования дискурса требует актуализации синергетического подхода к изучению языка как сложной самоорганизующейся системы.

Главная идея синергетики о спонтанном возникновении новых упорядоченных структур и свойств применительно к анализу английского языка оказывается плодотворной для раскрытия разностороннего взаимодействия всех языковых уровней, порождающего насыщенное функционально-смысловое пространство экономического масс-медийного дискурса.

Язык в синергетической концепции представляется системой нелинейной, флуктуационной, диссипативной, т. е. в сознании индивида образуется некая нестабильная среда речевой деятельности, изменяющаяся система смыслов [1, с.25].

Представляется целесообразным рассматривать синергетические процессы в языке (в частности, в языке современного экономического дискурса) посредством анализа различных моделей метафоризации и языковой игры. Действительно, современный дискурс – это своеобразная модель мира, в которой обязательно сосуществование нескольких языков, нескольких языковых слоёв, каждый из которых обладает своим отличительными характеристиками.

В ходе анализа значительного корпуса масс-медийных текстов экономической сферы, объединённых общей тематикой, а именно - кризисные явления в мировой экономике, были выявлены и рассмотрены наиболее универсальные метафорические модели.

Следует пояснить, что метафорическая модель, в свою очередь, представляет собой существующую и / или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y» [2, с.70].

В ходе анализа в структуре метафорических моделей выделены фреймы, содержащие основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая далее была структурирована в виде составляющих фрейм слотов. Содержание каждого слота представлено различными номинациями. Например:

1. Фрейм «Симптомы болезни, диагностика и причины возникновения»

1.1. слот *наименование болезни*:

"Whatever it is, it is not big money for the firms concerned. They need to pay this money to help restore confidence. This is a **tumour** on financial services. The firms need to remove the cancer by paying up and moving on," he added.

Прямое значение существительного «*tumour»* включает компоненты, связанные с описанием типа недуга, имеющего серьёзные негативные последствия для организма: *a mass of diseased cells, or a mass of cells in smb's body that grow in a way that is not normal*. Смысловое преобразование прямого значения в переносное происходит на основе редуцирования компонентов, описывающих «лицо» и выведения на передний план сем, которые описывают неправильный, отступающий от нормы вид развития чего-либо, что

может принести серьёзный вред или гибель. Происходит своего рода удвоение мира описываемых и отражаемых предметов благодаря появлению мира образов.

1.2. слот *симптомы болезни*:

"Expectations that pay increases will fall below the rate of inflation, resulting in a reduction in real earnings, will be a further concern and could **stifle** any consumer-led recovery."

Прямое значение глагола «*stifle»* содержит следующие компоненты, связанные с описанием симптома болезненного состояния, приводящего к смерти: *to stop someone from breathing, to die because you cannot breathe, or to kill somebody in this way*. Смысловое преобразование прямого значения в переносное происходит на основе редуцирования компонентов, описывающих «лицо» и актуализации сем, которые описывают подавление нормального хода и развитие чего-либо, что может привести не только к помехам, он и к гибели. Происходит своего рода удвоение мира описываемых и отражаемых предметов благодаря появлению мира образов.

1.3. *причины и возбудители болезни*:

"The problem of troubled assets is especially serious for the balance sheets of small banks," said the panel, which pointed out that these institutions generally held entire **toxic** loans, rather than sliced and diced mortgage-backed securities which have been the target of most Treasury clean-up efforts.

2. Фрейм *способы лечения, инструменты и лекарства*:

Данный фрейм развёртывается чрез следующие семантические номинации, актуализирующие соответствующие семантические поля:

способы лечения и *инструменты и лекарства*:

Первый из них представлен следующими номинациями *remedial actions, painful policies, life-saving technologies, to ease, to stabilize, to help, to mitigate.*

Внутри второго слота можно выделить следующие морбиальные номинации: lifeblood, aid (payments), injections, tough medicine.

3. Фрейм *состояние пациента*:

3.1. слот *тяжёлое состояние пациента*:

Federal regulators on Friday announced the biggest bank failure this year, the **collapse** of Montgomery, Ala.-based real estate lender Colonial BancGroup Inc.

В данном случае слот вербализован лексической номинативной единицей «collapse», в семантической структуре которой содержится набор следующих компонентов, образующих его прямое значение: *an occasion when someone* ***falls down*** *and* ***becomes very ill*** *or* ***unconscious***. В основе метафорического значения, ведущего к появлению образного представления, лежит концептный перенос *угрожающего жизни* *человека* состояния на падение, крах компании, осуществляемый за счёт расширения концептуальной осно-

вы (лицо > не лицо) в результате приглушения семы *someone* и активации характеризующих признаков: *fall down, becomes very ill, unconscious*.

Данный слот также представлен единицами *bleeding, hit, struggling, not working properly, starved, languish, acute phase, poor health.*

3.2. слот *выздоровление больного*:

Demand for prime mortgages has begun to **revive**, posting its first increase in the January-March quarter since the Fed began to track those loans separately in April 2007.

Примерами могут служить следующие номинации: *durable / sustained recovery, on the mend, healthy.*

При анализе геометафоры выделяется метафорическая модель «*кризис – это геофизическое явление*», моделирующий потенциал которой состоит из следующих элементов

1. Фрейм *геофизическое явление:*

1.1. слот *стихийное бедствие*:

July and is up 11% thanks to the rally: "A breeze becomes a **tornado**, a wave becomes a **tsunami**, a drop becomes a **torrent**. Where's the news? Eleven days of incremental rise in the stock index signifies what exactly? It's still 50% lower than a year ago."

В данном случае слот вербализован лексической номинативной единицей «*tsunami*», в семантической структуре которой содержится набор следующих компонентов, образующих его прямое значение: *a very **large** wave that causes **a lot of damage** when it **hits** the land*. В основе метафорического значения, ведущего к появлению образного представления, лежит концептный перенос *угрожающего жизни человека* состояния на удар для компании, осуществляемый за счёт расширения концептуальной основы (лицо > не лицо) в результате активации характеризующих признаков: *large, hitting, damaging*.

Данный слот представлен также такими номинации, как *storm* и *wave*.

1.2. слот *природное явление нейтрального воздействия:*

Joseph LaVorgna, chief U.S. economist at Deutsche Bank Securities, said "the credit freeze is at least moving in the direction of a **thaw**."

Соответствующее семантическое поле представлено нижеследующими номинациями: **climate** и **turbulence,**

1.3. слот *техногенное явление:*

Financial **meltdown**, climate change and dwindling energy supplies demand a newer world order.

2. Фрейм *способы борьбы со стихийным бедствием*:

Monday's announcement was a signal that the Fed wants financial markets to know it's closely monitoring **emergency** credit **programs**.

Семантическое поле *способы борьбы со стихийным бедствием* представлено также номинациями *to repair* и *to revive.*

3.Фрейм *результаты природного воздействия*:

3.1. слот *местные последствия геофизических явлений*:

They also had one hell of a bubble in the 1980s and the **wreckage** left behind by that bubble - in their case a highly leveraged corporate sector - was and is a drag on the economy.

Данное семантическое поле актуализируется также посредством следующих семантических номинаций: *bust, blow-up, crash, hit, cut, pressure.*

3.2.слот *глобальные последствия геофизических явлений*:

Who knows if the stockmarket makes sense or not? It was pricing in the possibility of an **apocalypse** a few months ago. That possibility seems to have receded, so it makes sense for the markets to come up, but that's not saying that the economy is going to be great. If you do the comparison not with where they were three months ago, but where they were two years ago, then the markets still seem awfully depressed.

Фреймовое представление рассмотренных метафорических моделей позволяет выявить концептуальные основания, способствующие образному представлению отдельного явления и реализуемые посредством актуализации перечисленных ниже семантических компонентов в составе данных семантических структур.

Литература

1. Молчанова Г. Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. – М.: ОЛМА медиа Групп, 2007. 384 с.

2. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. 248 с.

© Гайнаншин М.Ф., 2012

УДК 81-13

Галинская Т.Н.
г. Оренбург (Россия)

Корпусное исследование образа мира языковой личности политического деятеля[2]

Центральными задачами нашего исследования являются разработка и реализация исследовательской программы моделирования образа мира политических деятелей. Проблема миромоделирования требует обращения к понятию «образ мира», которое традиционно относят к сфере индивидуаль-

[2] *Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-34-01087– а1 и проект №12-34-01354-а2).*

ного мировосприятия. По мнению Е.А. Тарасова, образ мира социально обусловлен, это «социально сконструированная реальность» [5, с.10]. В.С. Маслумян пишет, что «образ мира противостоит картине мира как индивидуальное – общественному», и понимает образ мира как «индивидуальное эмотивно-смысловое преломление социальной картины мира в сознании отдельного человека» [3, с.103].

Для выявления механизмов миромоделирования и степени совпадения и уникальности образов мира отдельных испытуемых используются психолингвистические эксперименты разных видов [2, с.34-35]. Однако в нашем исследовании источником материала исследования – текстов - самопрезентаций политических деятелей, где в вербальной форме отражается уникальность их образов мира – является именно Интернет, так как во Всемирной Паутине языковой материал представлен в самом полном виде в ресурсах компьютерного формата, что позволяет непредвзято оценить его значимость. К тому же сегодня, по-видимому, единственный инструмент, который позволяет ускорить исследования языка и многократно повысить их эффективность, достоверность и проверяемость, а также получать результаты, требующие обработки таких массивов текстов, с которыми обычный исследователь справиться просто не в состоянии, это корпус текстов.

Корпусная лингвистика – это одно из наиболее перспективных направлений в современной теоретической и прикладной лингвистике, основанное на использовании языковых электронных корпусов и корпусных технологий. Определение корпуса сопряжено с полисемией самого термина «корпус текстов» [5; 6; 7]. Мы полагаем, что для целей нашего исследования релевантно такое определение, в котором под корпусом понимается репрезентативная (представительная) коллекция текстов, собранная в соответствии с определенными принципами, имеющая конечный размер, специальным образом обработанная («аннотированная») [4, с.16], так, чтобы исследователь языка мог быстро и в полном объеме найти в корпусе интересующую его информацию о языке. Корпус в таком понимании призван с максимальной объективностью представить разнообразие изучаемого явления и дать в то же время объективную картину бытования этого явления в речевой практике носителей данного языка [7, с.120-125].

Цель данной статьи – обосновать применение корпусных методов в лингвоперсонологии в рамках разработанной нами исследовательской программы изучения языковой личности, которая реализуется здесь на примере создания корпуса текстов для реконструкции образа мира политика. Разработанная методика корпусного изучения языковой личности осуществляется в логике следующих этапов: 1) определение ресурса для сбора материала исследования в соответствии с поставленными целями; 2) обозначение критериев отбора материала для корпуса; 3) установление способа оформления и систематизации отобранного для корпуса материала; 4) обоснование кате-

гориального аппарата для аннотирования данных корпуса текстов; 5) разработка методики анализа полученного корпуса текстов и представления полученных результатов.

Исходя из заявленных задач, корпус должен включать тексты запланированных и незапланированных самопрезентаций представителей политической элиты. Анализ такого рода материала позволяет обнаружить специфические стратегии организации политических текстов, воссоздать образы мира активных агенсов политической жизни на основе анализа использованных в политических текстах лексико-тематических групп, стилистических, риторических приемов, аргументации и т.п. Источниками необходимого материала для создания нашего корпуса текстов могут быть Интернет-сайты радиостанций, в эфирах которых участвовали политики-информанты, и где обычно доступны стенограммы радиопередач (например, «Эхо Москвы», «Радио Свобода» и т.д.). Соответственно, критерием отбора материала для изучения образа мира политика будет его неподготовленная речь.

Проблема адекватной систематизации и хранения собранных данных для реализации лингвистического эксперимента обусловливает непременное использование какой-либо специально разработанной информационной системы, в противном случае управление полученным материалом, насчитывающим тысячи примеров, и поиск в нем существенно затрудняется, а диапазон возможностей оперирования этим практическим материалом заметно сужается. Одной из таких информационных систем, которую мы используем в исследовании миромоделирования политических деятелей, является система графосемантического моделирования «Семограф» (http://семограф.рф) [1]), которая предназначена для работы с информационными массивами: выборками текстов, смысловыми компонентами, смысловыми полями и др., оформляемыми в виде баз данных. ИС «Семограф» позволяет накапливать информацию, получаемую в отдельных исследованиях, и извлекать ее при помощи механизмов поиска, сортировки в новых исследованиях; оценивать репрезентативность выборки языковых, текстовых, социокультурных фактов; генерировать отчеты по проводимым исследованиям. Интерфейс ИС «Семограф» предоставляет широкую палитру возможностей для аннотирования созданного корпуса текстов в соответствии с категориями, установленными аналитиком.

В информационной системе «Семограф» корпус текстов, созданный для изучения механизмов миромоделирования политика, аннотируется в рамках двух групп параметров (которые задаются в метаполях ИС «Семограф»): общие данные об анализируемом тексте (место и дата создания, адрес Интернет-ресурса) и данные о содержании текста-самопрезентации политика-информанта (модальность, тип аргументации, лингвокреативность, прецедентные тексты, лексико-грамматические особенности, упоминание других персоналий и др.).

Методика анализа и представления полученных результатов определяется возможностями, которыми характеризуется ИС «Семограф» – интегральная исследовательская программа, объединившая методы компонентного, полевого анализа и моделирования [1]. Графосемантическое моделирование представляет собой метод графической экспликации структурных связей между семантическими компонентами одного множества. Схема реконструкции образа мира политических деятелей в ИС «Семограф», наряду с этапом сбора и аннотирования корпуса текстов, включает в себя три этапа: это, во-первых, контент-анализ текстов-самопрезентаций рассматриваемого политика; во-вторых, графосемантическое моделирование его образа мира, воссоздающее концептуальную структуру, систему взаимоподчинения актуальных для политика смыслов, аксиологические ориентиры и т.п.; и, в-третьих, переструктурирование собранного корпуса текстов-высказываний политиков на основании метаданных и их комбинаций, после чего повторение исследовательского цикла для получившихся необходимым образом маркированных выборок.

Описанная методика реконструкции образа мира политических деятелей позволяет назвать корпусный метод в сочетании с графосемантическим моделированием вполне сформировавшимся и апробированным специфическим лингвоперсонологическим методом исследования, синтезирующим приемы сбора фактических данных и их многоаспектного анализа такого многогранного объекта исследования, которым является языковая личность.

Литература

1. Баранов Д.А., Белоусов К.И., Влацкая И.В., Зелянская Н.Л. Система графосемантического моделирования [электр. издание]. – М.: Свидетельство о государственной регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ № 20111617192 от 15.09.2011.
2. Борискина, О.О. Корпусная vs. психолингвистика: конфронтация или кооперация // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2 С. 34-38.
3. Мазлумян В.С. Картина мира и Образ мира // Мир психологии. 2009. № 4. С. 100-109.
4. Рыков, В. В. Корпусная лингвистика и лексикография – проблема репрезентативности. М. : МГУ, 2001 г. // http://rykov-cl.narod.ru/t33.html
5. Тарасов Е.Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 6-10.
6. Barlow M. Corpus linguistics and theoretical linguistics // International Journal of Corpus Linguistics, Vol. 16,N 1, 2011. P. 3-44.
7. McEnery T., Wilson A. Corpus Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 312 p.

© Галинская Т.Н., 2012

УДК: 800.1

Галич Г.Г.
г. Омск (Россия)

Когнитивные стратегии: на пути к определению объекта лингвистического описания

Построение любой научной теории должно начинаться с определения объекта исследования [1; 10, с.56-60], конструирования его предмета и изучения эмпирических фактов. Применительно к когнитивной лингвистике (далее - КЛ) таким объектом первоначально считались структуры представления знаний в языке и способы концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых сообщений [8, с.7].

Сегодня в сферу объекта КЛ включаются преимущественно концепты и фреймы, что приводит к его сужению до структур. В этой связи на передний план развития КЛ как науки все чаще выходит необходимость осмысления творческого опыта последних 20-25 лет и его упорядочения в соответствии с общей задачей изучения когнитивной функции языка.

Представляется, что такое упорядочение касается необходимости «доопределения» объекта КЛ и введения в него наряду с концептами и фреймами как минимум двух единиц: когнитивных стратегий и когнитивных категорий, взятых в их языковой реализации.

Возможности рассмотрения вопроса о категориях намечены автором этих строк ранее [6; 5, с.182-208]. Можно отметить также появление в КЛ первых работ в этом направлении [2; 4; 9]. В данной статье речь пойдет о другом объекте описания: когнитивных стратегиях.

Пожалуй, ни одна работа по КЛ не обходится без упоминания процессов концептуализации и категоризации. Морфология обоих терминов, как и слова «познание», однозначно указывает на то, что речь идет о некоторых действиях, процессах. К этому ряду можно отнести также восприятие, осмысление, вербализацию, объективацию (выход в речь), репрезентацию и т.д. Нет только ответа на вопрос «Как?»: Как осуществляется категоризация? Расхожая версия – «В форме концептов», к сожалению, не объясняет, как протекают эти процессы. Несомненно, в этом «как» зашифрована многокомпонентная совокупность операций, от ощущения и восприятия до воплощения в конкретном высказывании. Именно в этот контекст может быть введено понятие когнитивной стратегии, т.е. способа, механизма познания. Это понятие включается как операциональный компонент в триаду «Субъект познания – познавательная процедура – объект познания», представляющую ситуацию познания.

Термин «стратегия» довольно часто встречается в лингвистической, психолингвистической, прагмалингвистической литературе, но он либо не

получает определения и детальной разработки, либо применяется к стратегиям иного рода: коммуникативным, стратегиям развертывания дискурса, интерпретации текста и т.д.

Если говорить о когнитивных стратегиях как способах познания субъектом окружающего мира и себя самого, нужно отметить, что это могут быть стратегии восприятия – «внешние перцептивные стратегии» [11, с.281-351], и стратегии внимания, направленного на объекты, релевантные в данной ситуации для целей практической, познавательной и коммуникативной деятельности субъекта, и стратегии отнесения к классу, запоминания и извлечения из памяти, и многие другие «ходы» мысли.

Возможности лингвистического описания опираются на то, что реальные речевые образования, материальные грамматико-лексические структуры могут служить вещественным доказательством создаваемых теорий. Основанием для выводов является то, что регулярно обнаруживается в речи. Методом получения выводов может быть когнитивная и прагматическая интерпретация языковых фактов (текстовых фрагментов, дискурсивных сегментов и т.п.) в системе избранных параметров.

Понятие стратегии наиболее прямо отображается в глаголах или их дериватах, в составе соответствующих пропозитивных структур, называющих ту или иную конкретную стратегию. Для описания важно, чтобы эксплицитная структура, порожденная в соответствии с целеполаганием говорящего, была достаточно информативной для моделирования ситуации познания. Пример: Ich nahm die Dose in die Hand, um ihr Gewicht zu prüfen. Für einen Fotofilm war sie zu schwer [13, с.69] – Я взвесил коробочку в руке. Для фотокассеты она была слишком тяжелой (перевод мой – Г.Г.).

Дополнительный контекст, необходимый для интерпретации, содержит сведения о том, что субъект «я» занимается розыском преступника, похитившего золотой песок. Использованная стратегия определения веса может быть охарактеризована как сенсорно-перцептивная, антропометрическая. Результатом применения этой стратегии является количественно-оценочное высказывание.

Дискурсивные структуры, эксплицирующие варианты познавательных действий с их конкретными стратегиями, чрезвычайно многообразны. Это связано с объективной полиморфностью отображаемого бытия и разнородностью интенций субъекта. Чаще всего это – построения с глаголами восприятия и их дериватами.

В реальных дискурсивных построениях, однако, даже ядерные номинации восприятия обнаруживают не только имплицированные в их семантике и подчеркнутые в контексте различия перцептивных стратегий, но и широкие возможности транспозиции в сферу приобретения знаний вообще: Einen großen Teil dessen, was ich über Menschen und Dinge weiß, habe ich der Kunst des Zuhörens zu verdanken… Im Lager habe ich durch diese Kunst viel

erfahren über… [12, с. 6] – Большую часть того, что я знаю о людях и вещах я получил благодаря умению слушать… В лагере это умение позволило мне многое узнать о…Как видно из примера, в действии «слушать» акцентируется его принадлежность к сфере познания вообще (знаю, узнать).

Упомянутая выше необходимость реализации лингвистического описания в системе заданных параметров возвращает проблему к набору категорий познаваемого бытия, т.е. онтологических категорий. Этот известный набор, часто отвергаемый когнитологами, несомненно позволяет установить связи реализованного в контексте знания в целостной концептуальной системе. Так, Е.С. Кубрякова предлагает описывать семантику глаголов действия в составе единой когнитивной модели, представляющей агенс/источник, операцию (саму деятельность), средство или инструмент, объект, цель, время, пространство [7, с. 442-443]. А.И. Варшавская строит морфологию (смысловую структуру) дискурса вообще через систему координат: Кто, Говорит/Пишет, о-Чем, Что, Кому, Где, Когда, Почему, Зачем и Как [3, с. 44-45]. Эти вопросы легко трансформируются в названия категорий: субъект, действие, объект, место, время, причина и т.д. В оба набора могут быть включены количество, качество (свойство), вещи, отношения и другие категории бытия. Описание через отношение к этим категориям формирует единую концептуальную систему КЛ и ее объекта.

Изложенные положения имеют характер постановки проблемы, которая исследована в когнитивной сфере категории количества [5] и требует значительных усилий для своего более полного решения. Необходимо дальнейшее выявление инвентаря вербализованных стратегий и создание их типологии. Уже сейчас, на уровне формулирования гипотезы, можно говорить о том, что типология когнитивных стратегий может опираться на несколько критериев. Она может быть онтологической, т.е. строиться по объекту познания в связи с категориями бытия; парадигмальной, т.е. соотноситься с парадигмами когнитивной психологии и КЛ (сенсорно-перцептивная, рационально-аналитическая, экспериментальная, метрическая и др. стратегии); связанной с логическими категориями языка, такими как дескрипция и оценка и т.д. Существенно, что стратегии познания могут быть объектом лингвистического описания.

Литература

1. Абдильдин Ж.М. Логика. Построение научной теории. URL: http//www.tvkultura.ru/issue.html?id=119755.

2. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания//Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2 – С. 16-22.

3. Варшавская А.И. К морфологии дискурса (предварительный анализ)//Англистика XXI века. Матер. VI Всеросс.науч.конф., 24-26 янв. 2012г. СПб., 2012. С. 44-49.

4. Виноградов В.А. Когнитивная категоризация мира и граммати-

ка//Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке. М. – Тамбов, 2010. – С. 19-25.
5. Галич Г.Г. Когнитивные стратегии и языковые структуры. – Омск, 2011. – 232 с.
6. Галич Г.Г. О систематизации категорий языкового содержания с позиций антропоцентризма//Вестник Омского ун-та. 2012. №2. – С. 372-375.
7. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики//Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М., 2003. – С. 439-446.
8. Петров В.В., Герасимов В.И. На пути к когнитивной модели языка//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. – С. 5-12.
9. Пименова М.В., Пименов Е.А. Категории в языке и культуре//Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке. М. – Тамбов, 2010. – С. 129-136.
10. Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике//Вопросы языкознания. 1996. №2. – С. 55-67.
11. Bever Th.G. Ihe Cognitive Basis for Linguistic Structures//Cognition and the Development of Language. N.Y. 1970. – P. 279-362.
12. Feuchtwanger L. Der Teufel in Frankreich. Berlin. 1982.
13. Radtke G. Ich werde töten. Rudolstadt, 1988.

© Галич Г.Г., 2012

УДК 177

Гильманова Г.Ф.
г.Уфа (Россия)

Этикет как коммуникативная технология

Этикет как коммуникативная технология является знаково-символическим способом оформления социально-культурных взаимодействий людей, формирования воспитанности как единства трех моментов: культуры общения (вербального и невербального), культуры внешности и культуры поведения (как способов культурного удовлетворения потребностей). Иначе говоря, сама природа этикета носит коммуникативно-деятельностный характер.

Этикет - способ оформления коммуникативных социальных взаимодействий в ситуациях, прописанных обществом. Если рассматривать этикет в обучении, как коммуникативную технологию, обеспечивающую методы и формы взаимодействия людей, различающихся по социально-коммуникативному статусу (пол, возраст, социальное положение, степень знакомства и др.), то это позволяет связать знания, полученные студентами

по истории и теории культуры, философии, этике, теории межкультурных коммуникаций с реалиями и актуальными проблемами бытия и деятельности человека в социально-культурном пространстве современного общества. Как коммуникативная технология этикет - это упорядоченная совокупность методов и форм взаимодействия участников коммуникативной ситуации.

Традиционный подход определяет этикет только как систему сознательно прокламируемых норм и правил, регулирующих внешние формы поведения человека в обществе. Свое название этикет получил свое от французского слова «la étiquette» – надпись, ярлык, этикетка. В связи с этим рассказывают историю о происхождении понятия «этикет»: на одном из пышных и изысканных приемов у французского короля Людовика XIV гостям были предложены карточки [4, с.55].

Но если рассматривать этикет не только как совокупность норм и правил, но и как саму социальную практику (вид социально-символического взаимодействия людей), или, иначе говоря, не только с позиций общественного сознания, но и с позиций общественного бытия людей, то начало этикета можно обнаружить и на ранних стадиях социальности.

Этикет пронизывает все стороны социальной жизни. Он отражается в других феноменах культуры – морали, ритуалах, вербальных и невербальных формах искусства, а может представать перед нами и вполне самостоятельным, выходящим за рамки известных социально-культурных определенностей.

Этикет, как неотъемлемая часть жизни общества и личности, обладает не только социально-культурной ценностью, но, по сути, является коммуникативной технологией, позволяющей успешно разрешать противоречия и конфликты в различных ситуациях социально-культурного взаимодействия.

Изучение этикета как коммуникативной технологии, имеет большое практическое значение для решения актуальных проблем современности, в том числе в области воспитания и просвещения, делового, профессионального и международного общения и т.д. Внутренняя культура, духовное богатство, высокая нравственность человека, в конечном счете, только тогда ценны, когда они определяют нормы повседневного поведения, в том числе характер и формы общения с другими, гармонию внутреннего мира и внешнего облика, умение целесообразно и со вкусом организовать свой быт и некоторые другие черты и свойства, которые в совокупности называют воспитанностью человека. Более того, овладев этикетом, можно заметить, как результативно решаются многие вопросы, ежедневно возникающие в нашей жизни и общении с множеством людей.

Актуальность нашего исследования определяется прежде всего практической целесообразностью, связанной с преобладанием у большого числа студентов поляризированного сознания (юношеский максимализм), кон-

фликтности, методов прямого, силового воздействия в решении различных коммуникативных задач, то есть об отсутствии у большого числа молодежи умения применять в повседневной жизни нормы этикета как коммуникативной технологии в общении и незнании этикетных технологий.

Знание и умение применять этикет предполагает для личности умение находиться в согласии с людьми других убеждений, национальностей, социальных слоев, политических взглядов и т.д. Коммуникативная технология как форма поведения и общения с другими людьми противостоит агрессивности, конфликтности, безапелляционности, стремлению настоять на своем мнении, во что бы то ни стало, подавить собеседника.

Литература

1. Лихачева Л.С. Этикет как технология толерантности: теория, история, практика. - Екатеринбург, 2008.
2. Попова Л.Л. Современные технологии общения. - Учебное пособие. - Томский политехнический университет, 2009.
3. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. - Издательство: Рефл-бук, Ваклер, 2002.
4. Фионова Л.Р. Этика делового общения. Учебное пособие. – Пенза, 2010.

© Гильманова Г.Ф., 2012

УДК 811.161.1

Голайденко Л.Н.
г. Уфа (Россия)

Особенности функционирования в художественной прозе прилагательных с актуализированной семой памяти / воспоминания

Категория представления, рассматриваемая нами как структурно-семантическая, – это семантика воспоминания и / или воображения, которая выражается разноуровневыми средствами языковой системы [2, с.30]. Такой подход к изучению данной философско-психологической категории обусловливается тем, что представление, являясь «предпонятийным уровнем отражения» [5, с.2], тяготеет к вербализации, хотя словом названо быть не может: «Участие языка не только в оформлении, но и в формировании мысли позволяет сделать логический вывод о том, что и первые этапы в образовании мысли <…>, переработка в сознании содержания наглядно-чувственного материала не свободны от языковых средств» [1, с.142].

Типичным средством выражения семантики представления является лексика, которая в морфологическом плане презентуется существительными, прилагательными, глаголами (включая причастия и деепричастия) и наречиями. Поскольку прилагательные со значением памяти / воспоминания нами уже описаны [3], в данной статье мы рассмотрим состав и особенности

функционирования в художественной прозе прилагательных, имеющих в своем значении сему памяти / воспоминания, которая актуализируется контекстом: *знакомый, похожий* и *живой*.

Прилагательное *знакомый* обозначает "1. Такой, о котором знали раньше, известный. 3. Состоящий в знакомстве (во 2 знач. – "Отношения между людьми, знающими друг друга") с кем-н.; лично известный" [4, с.234]; *знать*[1] – "1. Иметь сведения о ком-чем-н. 2. Обладать какими-н. познаниями, иметь о ком-чем-н. понятие, представление. 3. Быть знакомым с кем-н." [4, с.235]; *известный* – "1. Такой, о котором знают, имеют сведения" [4, с.241]; *представление* – "5. Знание, понимание чего-н." [4, с.580]; *раньше* – "3. В прежнее время, прежде" [4, с.655]. Объяснение значения прилагательного *знакомый* через значения слов, используемых в его лексикографическом толковании, позволяет выявить сему памяти / воспоминания. Отнесенность признака в план прошлого, актуализация наглядно-чувственной природы понятия, указание на то, что знания накапливаются благодаря памяти, – всё это обусловливает возможность и необходимость рассматривать прилагательное *знакомый* в одном ряду с прилагательными, имеющими в языке значение памяти / воспоминания.

Причем художественный контекст подчеркивает, что *знакомый* – прежде всего "Хранящийся в памяти" и только потом – "Воспроизводимый в памяти при непосредственном восприятии действительности": *Это были ступеньки лестницы дедушкиного дома, и каждая* ***выемка*** *и* ***трещина*** *на этих белых камнях* ***была знакомой****, как морщинки родного лица* (Ф.Искандер. Дерево детства); <...> *Это же просто* ***сказка****, красивая арабская* ***легенда****, причем в европейской романтической обработке, да еще с детства нам* ***знакомая*** (П.Алешковский. Владимир Чигринцев). В данных примерах план прошлого задается посредством слов *дедушкиного, морщинки* и *с детства*. Во втором фрагменте прилагательное *знакомый* употребляется с зависимым компонентом – косвенным дополнением *нам*, который косвенно указывает на того, кто помнит и вспоминает.

Прилагательное *похожий* всегда функционирует с зависимым компонентом – падежной формой существительного или местоимения с предлогом *на*: *А* ***моряк*** *этот,* ***на Оленьку похожий****, ресницами поведет и опять смотрит* <...> (Т.Толстая. Кысь).

Прилагательное *похожий* значит "1. Имеющий сходство с кем-чем-н." [4, с.572]: *сходство* – "Подобие, соответствие в чем-н." [4, с. 781]; *подобие* – "1. Что-н. сходное с чем-н. другим, содержащее образ, вид чего-н. (*книжн.*)" [4, с.537]. Сходство обязательно предполагает наличие предмета (явления, события), с которым сравнивается непосредственно воспринимаемый объект действительности. Это и обусловливает сильное приадъективное управление с предлогом *на*. Предмет же (явление, событие), с которым

кто-что-то сравнивается, воспроизводится в памяти человека как уже известный: невозможно сравнивать с тем, чего не знаешь или о чем не помнишь. Наглядно-чувственный фон сравнения воспринимаемого и вспоминаемого задается словом *образ* (“3. Живое, наглядное представление о комчем-н.” [4, с.433]) в толковании существительного *подобие*.

По семантике прилагательное *похожий* сближается с причастием *напоминающий*, образованным от глагола *напоминать* (“1. Вызывать воспоминания; заставлять кого-н. вспомнить” [4, с.387]), который непосредственно относится к лексике со значением памяти / воспоминания: ***Похожая** в своем белом халате **на бабочку-капустницу**, **Тоня** приходила каждую неделю и брала у меня на анализ кровь из пальца* (П.Санаев. Похороните меня за плинтусом).

Чаще других прилагательных с актуализированной семой памяти / воспоминания в художественной речи используется прилагательное *живой*, то есть “1. Такой, который живет, обладает жизнью. Жива память о прошлом (*перен.*)” [4, с.196]: *жить* – “1. Существовать, находиться в процессе жизни” [4, с.198]; *жизнь* – “1. Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи. 2. Физиологическое существование человека, животного, всего живого” [4, с.197]. Сема памяти / воспоминания в значении прилагательного *живой* актуализируется с помощью примера, иллюстрирующего переносное употребление данного прилагательного, хотя второе, переносное значение в словаре не фиксируется. К тому же отсылка в лексикографическом толковании прилагательного *живой* к существительному *жизнь* «высвечивает» три временны*х* плана существования материи, в том числе прошлое.

Обычно прилагательное *живой* функционирует в художественной прозе в краткой форме в качестве именной части составного именного сказуемого: ***Жив** еще **был** для него **пример** Стефана* (Б.Зайцев. Преподобный Сергий Радонежский); *Не помню, снились ли ангелы. Но до сего дня **живо** во мне **нетленное**: и колыханье, и блеск, и звон, – Праздники и Святые, в воздухе надо мной, – н е б о, коснувшееся меня* (И.Шмелев. Лето Господне). Общеизвестно, что полное прилагательное обозначает постоянный предикативный признак предмета речи, а краткое – временный. По отношению же к прилагательному *живой* это утверждение требует особого комментария. Думается, что краткая форма *жив(-а, -о, -ы)* обозначает не столько временный, сколько актуальный во времени предикативный признак: вспоминаемый предмет особенно важен в конкретной ситуации, он выделяется говорящим как значимый в связи с каким-то событием в прошлом; именно актуальностью данное воспоминание отличается от подобных воспоминаний в другие периоды жизни; причем актуальность объекта воспоминания определяется актуальностью того события, с которым это воспоминание связано.

В полной форме прилагательное *живой* употребляется преимущест-

венно в составе сравнительного оборота в функции обстоятельства образа действия и усиливает наглядно-чувственный фон всего высказывания: *Образ ее посейчас, **как живой**, предо мною: помню прекрасное, восторгом сиявшее лицо <…>* (Б.Садовской. Черты из жизни моей).

Заметим, что во всех приведенных фрагментах используются слова, которые «поддерживают» атмосферу прошлого: глагол-связка *быть* в форме прош. вр. и глагол со значением памяти *помню*.

Кроме того, художественный контекст максимально актуализирует чувственную природу воспоминания, которое, в отличие от воображения, «стремящегося» к понятию, тяготеет к восприятию. Так, во втором примере чувственный характер образа памяти, определяемого прилагательным *живой*, подчеркивает антитеза *Не помню <…> – Но <…> живо <…> нетленное <…>*. Благодаря этой антитезе наиболее значимой в смысловом отношении становится ее вторая часть, в которой прилагательное-предикат *живо* распространяется обстоятельственным компонентом – словосочетанием *до сего дня*, что придает всему высказыванию метафорический смысл: “Прошлое как настоящее”, “Воспоминание как непосредственно воспринимаемая реальность”.

Синонимичный обстоятельственный компонент употребляется и в третьем фрагменте – *посейчас*. Семантика настоящего в данном примере «поддерживается» предложно-падежной словоформой *предо мною* при отсутствии вербализованного сказуемого.

Сравнивая же прилагательные *знакомый*, *похожий* и *живой* с точки зрения выражения ими семантики памяти / воспоминания, можно утверждать, что именно прилагательное *живой* обозначает признак образа-воспоминания, более всего обнаруживающего свой чувственный характер и тесную связь с восприятием.

Итак, для выражения семантики воспоминания, наряду с прилагательными со значением памяти / воспоминания, используются прилагательные, в значении которых художественный контекст актуализирует сему памяти / воспоминания. Особенности функционирования этих прилагательных в художественных произведениях обусловливаются спецификой их лексического и категориального значений, а также сочетаемости с другими словами.

Данные прилагательные довольно редки в художественной прозе (3 – 10 употреблений), но благодаря им, как и прилагательным со значением памяти / воспоминания, становятся возможными постоянные и вместе с тем ненавязчивые авторские отсылки к прошлому литературных героев, что позволяет писателю раскрыть внутренний мир последних, помочь читателю понять настоящее и спрогнозировать будущее персонажей, а значит, постичь художественный замысел.

Литература

1. Бабайцева В.В. О выражении в языке взаимодействия между чувственной

и абстрактной ступенями познания действительности // Бабайцева В.В. Избранное. 1955 – 2005: Сб. науч. и науч.-метод. ст. / Под ред. проф. К.Э. Штайн. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – С. 141–149.
2. Голайденко Л.Н. Представление как структурно-семантическая категория в современном русском языке: к постановке проблемы // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: Материалы 2 междунар. науч.-практ. конф. 25–26 марта 2012 г. – Пенза – Москва – Решт: НИЦ «Социосфера», 2012. – С. 23– 31.
3. Голайденко Л.Н. Прилагательные и наречия со значением представления и особенности их функционирования в художественной прозе Л.Н. Толстого // Инновации в науке: пути развития: Материалы 2 междунар. заочной науч.-практ. конф. 5 марта 2012 г. – Чебоксары: УМЦ, 2012. – С. 511–515.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 917 с.
5. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. – М.: Наука, 1990. – 165 с.

© Голайденко Л.Н., 2012

УДК 81’35

Голикова Т.А.
г. Москва (Россия)

Специфика адаптации русских личных имен в языках народов России

Русская официальная формульная структура в социалистический период была распространена на всей территории СССР, использовалась для идентификации и регистрации всех ее жителей. Поэтому в антропонимиконе народов России и сейчас функционирует официальное полное трехкомпонентное именование.

Современная антропонимическая модель народов России трехчленна, соответствует русской «имя + отчество + фамилия». В большинстве своем компоненты данной антропонимической модели полностью русские: *Егор Захарович Иванов* (якут.); *Иван Петрович Мошев*, *Ирина Григорьевна Пыстогова* (коми-перм.); *Мохнаткин Владимир Герасимович*, *Бекерева Нина Прокофьевна* (коряк.); *Рашит Нурмагомедович Гаджиахмедов, Асият Анваровна Мусаева* (кумык.)*; Азат Сабирович Халиков, Алсу Айратовна Арсланова* (татар.); *Базарон Владимир Сандanович*, *Малашкина Мария Банаевна* (бурят.) и т.д.

Так, тувинское национальное имя становилось фамилией, а заимствованное – именем. Например, *Даваа Александр Маадырович*, *Кускелдей Тамара Байыровна*. Поэтому некоторые имена в настоящее время употребля-

ются и как фамилии, что особенно характерно для среднего и младшего поколения.

В тувинских фамилиях отсутствуют определенные окончания, характерные для русских фамилий. В документах личное имя приводится на втором месте после фамилии, например: *Салчак Биче-оол Сотпаевич*. Отчество оформляется двумя способами: 1. К имени отца прибавляются соответствующие русские аффиксы: *-ович, -евич* (для мужчин), *-овна, -евна* (для женщин), например: *Кызыл-оолович, Херелевич, Кызыл-ооловна, Херелевна.* 2. Имя отца приводится на третьем месте без указанных выше аффиксов. При нем подразумеваются (но сейчас не пишутся) слова *оглу* ‘сын’ или *кызы* и *уруу* ‘дочь’. Например: *Монгуш Николай Кызыл-оол, Танова Мария Седип*.

Употребление отчества у кумыков, как и у русских, является обязательным. Они образуются от всех кумыкских мужских личных имен, имеют окончания – *ович/-овна, -евич/-евна: Булатович, Ханмирзаевна, Шамильевич, Эльдаровна.* До трехчленной антропонимической системы у кумыков существовала двучленная антропонимическая система, в соответствии с которой вместо фамилии называлось имя отца с последующим *уланы* «сын» и *къызы* «дочь»: *Шихмирзаны уланы Руслан* «Руслан сын Шихмирзы», *Анварны къызы Асият* «Асият дочь Анвара» [2].

Русские имена в системе табуированных национальных имен функционировали как официальные, разрешенные. Так, по представлениям якутов, злой дух не тронет ребенка, если его назвать *Нуучча* (русский), *Нуучча уола* (сын русского); для невестки как пришедшей из чужого рода табу являлось употребление якутских имен родителей мужа, но разрешалось пользоваться их русскими христианскими именами [1, с.7].

При обращении в христианское вероисповедание алтайцы нарекались русскими именами, и таким образом у взрослого человека становилось два имени: первое – алтайское, данное ему при рождении своими сородичами и впоследствии табуированное, второе – русское, полученное им позднее при крещении. О времени принятия второго имени Л.Э. Каруновская отмечает, что большая часть телеутов улуса Черга крещёные и имеют православные имена, но крещение происходит поздно, лет в десять-пятнадцать и даже позднее; поэтому при рождении ребенок получает имя в той обстановке, как описано выше [3, с.29].

До сих пор алтайцы повсеместно используют два имени. Правда, сегодня, это выполняет другую функцию: в среде алтайцев, для своих, используется алтайское имя, в среде же русских – второе, русское имя: *Николай–Мылчый, Владимир–Бухабай*, *Виктор–Чоднак* (алт. поэт Эремзеев), *Иван–Таныспай* (алт. поэт Шинжин), *Василий–Паслей* (алт. поэт Паслей Самык), *Василий–Байзы ν* (алт. предприниматель Елеков).

Заимствованные из русского языка имена подверглись в национальных языках звуковым преобразованиям, в результате чего их местное звуча-

ние сильно отличается от русского. Так, русское имя *Григорий* превратилось в якутском языке в Киргиэлей, *Федор* – в Суодэр, *Петр* – в Буотур, *Роман* – в Арамаан, *Ксенофонт* – в Силιпиэн; *Аркас* – Аркадий, *Апонча* – Афанасий, *Кабрис* – Гавриил, *Самой* – Самуил, *Черебей* – Еремей (хакас.); *Мыккылай* и *Мыглай* – Николай, *Ыйыаан* – Иван; *Оппайна* – Афоня; *Таттьуна* – Татьяна (тув.); *Вазьки* – Василий, *Микула* – Николай, *Ягур* – Егор (калм.) [5, с.150].

Зачастую звучание имен в национальных языках определялось не официальным, а русским народным произношением. Например, то, что русское имя Елена звучит по-якутски *Олооно*, объясняется заимствованием народного *Олёна* (Алёна), рус. *Ирина* превратилось в *Оруунэ* под влиянием народного *Орина* (Арина), Евдокия стала *Огдооччуйа* из народного *Овдотья* (Авдотья). То же самое можно наблюдать и в мужских именах: *Микиитэ* – рус. Никита (народн. Микита), *Миитэрэй* – рус. Дмитрий (народн. Митрий), *Хабырыылла* – рус. Гавриил (народн. Гаврила); *Арышка* (Ирина, Арина, Аришка), *Артип* (Архип), *Апроська* (Ефросинья, Фроська), *Элексей* (Алексей), *Майынка* (Манька, Мария), *Мыклай* (Николай), *Настюк* (Анастасия, Настюша), *Паслей* (Василий) (алт.).

Отчества образуются по русскому образцу, но от имен в их якутском звучании, а русские суффиксы *-ович* и *-овна* в якутском языке изменяют свою огласовку в соответствии с огласовкой основы (согласно законам сингармонизма). Ср., например: *Баһылайабыс* – Васильевич, *Тэрэнтэйэбис* – Терентьевич, *Охонооһойобус* – Афанасьевич, *Баһылайабына* – Васильевна, *Тэрэнтэйэбинэ* – Терентьевна.

Фамилии в якутском языке либо русского происхождения с фонетическими изменениями, либо созданы по их образцу. Например, *Кондокуоп* – Кандаков, *Кондокуоба* – Кандакова, *Кэрээкин* – Корякин, *Кэрээкинэ* – Корякина, *Донускуой* – Донской, *Донускаайа* – Донская.

Русские фамилии, образованные от собственных имен, в якутском языке приобрели звучание в соответствии со звучанием этих имен. Ср.: *Дьаакыбылап* – Яковлев (*Дьаакып* – Яков), *Киргиэлэйэп* – Григорьев (*Киргиэлэй* – Григорий), *Маппыайап* – Матвеев (*Маппыай* – Матвей), *Хабырыыллайап* – Гаврилов (*Хабырыылла* – Гавриил).

Собственные имена, заимствованные из русского языка, в якутском языке употребляются с якутскими уменьшительно-ласкательными аффиксами: *Дьогуордээн* от *Дьогуор* (Егор), *Мэхээчэ от Мэхээлэ* (Михаил), *Байбааскы от Байбал* (Павел), *Сэмэнчик от Сэмэн* (Семён), *Ааныс от Аана* (Анна), *Оруунчук от Оруунэ* (Орина), *Суокуччэ от Суокулэ* (Фёкла), *Буотуккэ от Буотур* (Пётр) и др. Эти имена, будучи новыми, более благозвучными и самобытными для якутского языкового сознания, имели очень широкое употребление и продолжают функционировать в разговорном языке и художественной литературе. Они, обладая неярким уменьшительно-ласкательным значением, употребляются у людей всех возрастов. Об этом свидетельствует

часто встречающееся в литературе сопровождение их приложением типа *уол* ‘мальчик’, ‘юноша’, *оҕонньор* ‘старик’: *Сэмэнчик уол* ‘мальчик Сеня’,

Даайыс кыыс ‘девушка Даша’, *Ааныс эмээхсин* ‘старуха Аннушка’, Мэхээчэ *оҕонньор* ‘старик Михайла’. В качестве новых или просто ласкательных имен употребляются также усеченные формы от русских имен: *Мотуо, Мотуона от Мотуруона* (Матрёна), Борускуо от *Бороскуобуйа* (Прасковья), *Окулуун от Окулуунэ* (Акулина).

Наряду с этими уменьшительными именами якуты употребляют и русские уменьшительно-ласкательные формы, как фонетически измененные, так и без изменения. Например: *Бааса* – Вася, *Боруонньа* – Проня, *Дуунньа* – Дуня, *Мааса* – Маша, *Миисэ* – Миша, *Морууса* – Маруся, *Кылааба* – Клава, *Дьогуоссэ* – сибирск. Егорша.

После революции среди всех народов Советского Союза, начали распространяться новые имена. Примером могут служить такие имена, как *Коммунар, Ким, Спартак, Марат, Октябрина, Династия* или такие русские имена, как *Светлана* (якут.).

Мир – это имя было очень популярно в якутских семьях с 1930-х гг. [4, с.125], наряду с такими новыми советскими именами как *Ким* (Коммунистический Интернационал Молодежи), *Владилен* (Владимир Ленин), *Октябрина, Молот, Юрий* (в честь первого летчика-космонавта Ю.А. Гагарина в 1961 г.), *Никита* (в честь Н.С. Хрущева).

В татарском именнике зафиксированы имена: *Идея, Искра, Май, Гений.* Для татарского языка характерно образование аббревиатур: *Вил* «Владимир Ильич Ленин», *Ким* «Коммунистический интернационал молодежи», *Ремир* «революция мировая», *Ревмир* «революционный мир», *Ленар* «ленинская армия» (1930–1939 гг.).

Комсомол, Марлен (Маркс-Ленин), *Сайлов* («выборы»), и имена типа *Хемра* («спутник»), *Каналгельды* («канал пришёл») – в турменском именнике; *Токлад* (доклад), *Комсомол, Делегат, Танкист, Капитан, Кавалер, Патрон, Капсуль* (алт.).

В башкирском антропонимиконе зафиксированы имена: *Дамир* и *Дамира* – «Да здравствует мир» или «Даешь мировую революцию», *Ленар* и *Ленара* – Ленинская армия, *Лениза* и *Лениз* – Ленинский завет, *Ленуза* – «Ленина-Ульянова заветы», *Ленур* – Ленин учредил революцию, *Марлен* – сокр. от Маркс и Ленин, *Рада* – Радость, *Радик* – от названия химического элемента, *Рем* (Рим) революция мировая, *Ренас* – Революция, наука, союз, *Ренат* и *Рената* – революция, наука, труд, *Урус* – название русского народа, ставшее личным именем.

Алтайские имена: *Укас* (из рус. ‘указ’); *Газет, Казет* (из рус. ‘газета’); *Почто* (из рус. ‘почта’); *Шурнал* (из рус. ‘журнал’); *Телегат* (из рус. ‘делегат’); *Сабет* (из рус. ‘совет’); *Плаката* (из рус. ‘плакат’).

В современных национальных именах принадлежность к полу выра-

жается морфологически только в некоторых женских именах с помощью аффикса -а по аналогии с русскими: *Айана, Айдана, Айжана, Айсана, Айсура, Ай-Тана, Ижена* (алт.); *Чимит – Чимита, Туян – Туяна, Рыгзен – Рыгзена* (бурят.) и т.д.

Таким образом, заимствованные русские имена в языках народов России адаптируются сообразно грамматическому и фонетическому строю языка и носителями языка воспринимаются как нечто свое, традиционное.

Литература

1. Габышева Л.Л. Функции иноязычных слов в фольклорных текстах // Язык-миф-культура народов Сибири: Сб. науч. тр. Вып. 4. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – С. 3–9.
2. Гаджиахмедов Н.Э. Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. – Махачкала; ООО Дагпресс Медиа, 2008. – 184 с.
3. Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. музея антропологии и этнографии. Т. VI. – Л., 1927. – С. 19–36.
4. Самсонов Н.Г. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Актуальные проблемы филологии: (сб. науч. тр.). Вып. 2. – Якутск, 1998. – С. 123–129.
5. Системы личных имен у народов мира. – М.: Наука, 1989. – 383 с.

© Голикова Т.А., 2012

УДК 811.111

Гордеева О.Н., Баширова М.Ю.
г.Уфа (Россия)

О некоторых особенностях ассертивных высказываний в научном дискурсе

Известно, что в тексте находит отражение процесс дискурсивного мышления, ход мыслей, их последовательность, связь идей, некоторые закономерности организации содержания, направленные на передачу замысла через связь языковых единиц, через тектонику текста в целом. С этих позиций дискурс понимается как процесс речевого общения, деятельность, упорядоченная в соответствии с законами жанра и с помощью различных приемов изложение научных знаний. Текст понимается как организованное единство языковых единиц, форма языкового бытия дискурса. Приемы изложения, подачи научных знаний мы называем дискурсивными приемами или процедурами /ДП/. Дискурсивные приемы имеют сложную природу. С одной стороны, ДП соотносятся с логическими операциями, отражающими основные формы и закономерности мышления, приемы формирования и оформления знаний. С другой стороны, ДП обладают коммуникативной ин-

тенцией, направленной на решение частных, коммуникативно-прагматических задач. Типичными дискурсивными приемами в научном дискурсе являются ДП характеризации, классификации, оценки, объяснения, иллюстрации, а также ассерции - высказывания, иллокутивной целью которых является выражение мнения, точки зрения автора, его отношения к тому или иному явлению.

В силу линейности речи вся информация не может быть передана сразу, мгновенно. Замысел автора реализуется постепенно. Научные знания подаются определенными квантами, порциями, причем тесно переплетаются старые и новые знания: в статье, как правило, имеются ссылки на других авторов, мнения других исследователей приводятся и в тексте самой статьи. При этом знания определенным образом оформляются и подаются в расчете на определенную аудиторию, обладающую известным автору фондом знаний и способную их интерпретировать.

Каждый передаваемый квант рассматривается нами в качестве дискурсивного сегмента, направленного на разрешение частной /частичной/ коммуникативной задачи, определенным образом оформленного и состоящего из одного или нескольких дискурсивных высказываний, или дискурсивных актов, находящихся в определенных отношениях между собой.

Рассматривая ассерцию в ряду других приемов дискурсивного мышления, отметим, что ассерция представляет собой обобщенное знание и является однопорядковой процедурой среди таких ДП, как классификация, характеризация, оценка, констатация-сообщение и некоторых других, в то время как ДП объяснения, экземплификации, собственно констатации выполняют лишь вспомогательную роль, «подчиняясь» вышеуказанным.

В научном дискурсе ставится и находит разрешение конкретная, чаще всего практическая задача, преобладают актуальные данные, причем подача знаний носит репрезентативный характер, это означает, что новое знание зачастую не выводится, а подается в готовом, препарированном виде. ДП, с помощью которыхоформляются наиболее значимые коммуникативные высказывания, обычно располагаются в начальной позиции ДС, то есть вначале автором презентируется информация, представляющая интерес для читателя - наиболее релевантная информация. Анализ структуры ДС показывает его двухфазовое, или двуэтапное построение, при этом, как было уже отмечено, наиболее значимый в коммуникативном плане дискурсивный акт (ДА) представляет конденсат, свертку важнейшей информации ДС, а самым распространенный способом его организации является дедуктивный.

Ассертивные высказывания всегда окружены контекстом, задаются контекстом и связаны с ним, так как суждение автора, не подкрепленное доводами, аргументами, данными исследований, не представляет собой никакой ценности в научном социуме. Контекстом эксплицируемого автором мнения являются высказывания, уточняющие, поясняющие, дополняющие

авторское мнение.

Ассертивый фокус может занимать не только начальную позицию в ДС, но может находиться и в финальной позиции ДС. В таких случаях изложение материала начинается с ДП констатации, являющейся исходной точкой для дальнейшего изложения материала, а ДС представляет собой классическую схему индуктивного способа рассуждения, основной чертой которого является движение мысли от частного к общему. Содержанием частной посылки может явиться общеизвестное мнение, факт, известный специалистам в данной области. Основная коммуникативная интенция ДП констатация сводится к напоминанию, сообщению общепринятых положений в данном социуме. Языковыми средствами, с помощью которых реализуется этот прием, являются конструкции с фактивными глаголами: it is known that…, it has been reported that…, it is established that…

Очень часто изложение знаний реализуется индуктивным способом: в качестве частной посылки используется информация, полученная другими учеными. Передача информации осуществляется в несколько фаз: на первой ступени автором используется ДП констатации, затем - ДП объяснения, на заключительном этапе автор излагает свою точку зрения, используя ДП ассерции. ДП ассерции представляет собой новое знание, полученное автором в результате исследования и поданное в дискурсе таким образом, что читатель сам вовлечен в процесс его выведения и ход рассуждения.

Анализ корпуса примеров показывает, что особенностью данного дискурса является некатегоричная форма утверждения. Подавляющая часть ассертивных высказываний характеризуется слабой степенью ассерции, при этом используются следующие глаголы, выражающие мнение-предположение: believe, suppose, think, etc. Авторское мнение может быть выражено авторизующей конструкцией в сослагательном наклонении, категоричность утверждения может быть «ослаблена» модальным глаголом вероятности, возможности may или сочетанием to be likely.

Таким образом, синтагматика ассертивных высказываний в научном дискурсе состоит из обязательного наличия контекста, играющего вспомогательную роль в коммуникативном плане по сравнению с ДП ассерции, а также выражения ассерцией коммуникативного фокуса самой релевантной, новой информации определенного кванта информации ДС, использования некатегоричных форм утверждения и относительной свободы выбора окружения.

© Гордеева О.Н., Баширова М.Ю., 2012

УДК 811.161.1

Горобец В.Ю., Горобец А.К.
г. Уфа (Россия)

К вопросу о категории модальности

Проблематика изучения модальности, как одной из основополагающих и наиболее сложных категорий, в настоящее время, несмотря на ее серьезное изучение на протяжении не одного десятка лет, не утратила своей актуальности. По мнению В.З. Панфилова, нет другой такой категории, о природе которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения. П.П.Немец выделял два сложившихся подхода к оценке функциональной сущности языковой модальности. Первый подход определяется им как узкий, автономный, идущий от модальности суждения, при котором сама модальность рассматривается как фактор наклонения. Второй подход характеризуется Немцем, как широкий, полиаспектный, объединяющий в одной категории отношение к тому, о чем сообщается, как сообщается, кем сообщается и отношение сообщения к действительности. Можно согласиться с выводами, которые классифицируют полиаспектное рассмотрение языковой категории модальности как не отличающееся внутренним единством, но которое представляется многим лингвистам оправданным для исследования семантико-синтаксической сущности модальности и функционирования языковых средств выражения модальных значений.

Пристальное внимание лингвистов к категории модальности объясняется, на наш взгляд, актуальностью этого языкового явления, связанной с тем, что это языковая универсалия, принадлежащая к области лингвистических явлений, связь которых с мышлением оказывается наиболее непосредственной. Исследование модальных отношений в лингвистике базируется на логической модальности как способе существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления или способа суждения об объекте, явлении или событии. С этой точки зрения становится понятным тот факт, что модальность находится в центре исследовательской парадигмы современной когнитивной науки вообще и когнитивной лингвистики в частности. Как справедливо считает А.Ф. Лосев, с позиций антропоцентризма и современной когнитивной лингвистики, модальность рассматривается как фундаментальная категория языка, отражающая мир в интерпретации человека.

Современное понимание модальности предполагает объединение в одно языковое явление широкого круга разноплановых семантических категорий. Эта особенность языковой модальности стимулирует исследование семантической структуры отдельных модальных значений и конкретных языковых средств выражения этих значений, объединенных на базе инвари-

антного значения в единые семантические сферы, которые соотносятся с обширными онтологическими областями. Такой подход позволяет, с одной стороны, наблюдать специфику “квантования” действительности языковыми знаниями, моделировать наивную картину мира, представленную в частной языковой системе. С другой стороны, данный подход способствует детальному изучению такой сложной категории, как языковая модальность.

Таким образом, актуальность изучения частных модальных значений определяется необходимостью решения общих теоретических задач изучения языка. Но типология модальных семантических категорий, их статус в языке, роль в речемыслительной деятельности, а также реализация в конкретных текстах еще мало изучены. Наше исследование - это попытка осмысления категории модальности, выявления ее разновидностей и анализа репрезентации в текстовой рекламе с учетом прямого и косвенного выражения.

Антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений обусловил переосмысление традиционных взглядов на категорию модальности. В современной лингвистике наблюдается тенденция постепенного отказа от противопоставления объективной и субъективной модальности. В настоящее время ее интерпретируют как «монолитную категорию, суть которой составляют субъективные отношения, исходящие от говорящего». Модальность не просто описывает мир «как он есть», а представляет «субъективный образ мира – т.е. мир, пропущенный через призму сознания и восприятия говорящего [Плунгян 2000]. Иными словами, модальность не только отражает некоторые сведения о мире, но и одновременно выражает отношение говорящего лица к тому, что он сообщает. Это отношение обобщенно называется оценка. Таким образом, в современных исследованиях модальность квалифицируется как оценка говорящим характера связи между объектом действительности и его признаком, осуществляемая им в целях действенности и активации речевой коммуникации.

Связь между объектом окружающей действительности и его признаком может оцениваться как существующая, несуществующая, предполагаемая или желательная. Данная связь, кроме того, может оцениваться с точки зрения определенной системы ценностей. Соответственно, с семантической точки зрения модальность подразделяется на три основных типа: интеллектуальную, аксиологическую и волеизъявительную. Сущность интеллектуальной модальности составляет отношение говорящего к тому, как относится определенный объект к признаку реальности/нереальности. Следовательно, в интеллектуальной модальности выделяют два вида модальности: модальность действительности и недействительности. В свою очередь, модальность недействительности распадается на множество разновидностей модальных значений: модальность ирреальности, возможности, вынужденности, желательности, эпистемическую модальность… Данные модальные

значения характеризуются целым рядом языковых средств реализации, проявляющихся на разных языковых уровнях. Попадая в конкретную речевую ситуацию, данные модальные значения претерпевают некоторое «перерождение», начинают приобретать дополнительные смыслы, вследствие чего происходит увеличение объема модального значения в целом. Немаловажную роль в этом играет контекст, в котором оказывается задействованным тот или иной способ выражения модального значения: контекст предоставляет возможность значениям определенных способов выражения модальных значений приобретать значения других модальных значений. Таким образом, на уровне речи модальность проявляется как субъективно-оценочный смысл, под которым понимается информация, отражающая позицию говорящего лица (его мнение, чувства, волю, оценку и т.д.), которая содержится в коммуникативной единице. Одним из основных носителей субъективно-оценочных модальных значений является текст. Модальные значения составляют суть того или иного текста, выражают различные установки автора. Совокупность субъективно-оценочных модальных смыслов позволяет автору воссоздать целостную, упорядоченную и логически осмысленную картину. Из этого следует, что модальность – это важнейшее качество текста, организующее текст как самостоятельную единицу и позволяющее ему реализовать те или иные его функции.

© Горобец В.Ю., Горобец А.К.., 2012

УДК 81’35

Давлетова Я.А.
г. Уфа (Россия)

Метод «встречного текста» как инструмент исследования языкового сознания

Изучение проблем понимания текста не может осуществляться в отрыве от исследования понятия смысла речевого произведения. «Смысла также нет вне понимания, как и понимание есть усвоение некоторого смысла», – утверждали С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский [1, с.42]. «Понимание и смысл оказываются комплиментарными понятиями, т.е. одно предполагает другое», подчёркивал А.И. Новиков [4]. Исследуя процессы восприятия и понимания текстовой информации, нельзя обойти проблему определения понятия «смысла» как такового.

В русле психолингвистического подхода смысл текста рассматривается как ментальное образование, которое формируется в результате его понимания [4]. Кроме того, именно категория смысла определяет все свойства текста [3, с.19]. А.И. Новиков делает вывод о том, что смысл является

центральным звеном, в котором интегрируются все основные закономерности организации и функционирования текста в целом [op.cit.]. Следовательно, рассматривать проблему текста необходимо сквозь призму смысла.

При этом, с нашей точки зрения, необходимо помнить, что «смысл сливается с фактом только в человеческом поступке», его нельзя постичь «без утверждения, полагания, признания, конструирования или отрицания» [1, с.56]. Он представляет собой ценностно переживаемое значение.

На формирование смысла текста непосредственно воздействует вся совокупность языковых средств, составляющих данный текст. Помимо этого происходит актуализация в памяти воспринимающего информацию субъекта определённых когнитивных, эмотивных и других структур, необходимых для её осмысления. Можно сказать, что смысл основывается на «уяснении “сути дела”, запрограммированной автором в замысле и реализованной определёнными средствами в самом тексте». Иными словами, смысл есть выражение отношения реципиента к действительности [4].

Следовательно, процессы формулирования смысла в ходе восприятия и понимания информации неразрывно связаны с проявлением оценочного мышления индивида.

Остановимся более подробно на второй стадии проведённого нами психолингвистического эксперимента, в которой испытуемым было предложено сформулировать общий смысл прочитанного текста, не перечитывая текст и не просматривая информацию, касающуюся интерпретации предложений, сделанной ими самими. Задание для испытуемых формулировалось следующим образом: «Прочитайте внимательно текст и ответьте на вопрос: в чём, с вашей точки зрения, заключается смысл этого текста?».

В результате нами было проанализировано 140 различных формулировок общего смысла отрывка библейского текста, полученных от ии. По нашим данным, 13% ии. поставили прочерк либо ответили: – Не знаю. – Не вижу никакого смысла в тексте. – Общий смысл? Да нет у этого текста особого смысла.

Для другой группы ии. смысл сводился к перечислению фактов, о которых говорится в тексте, к краткому пересказу его содержания. Примером могут служить следующие ответы:

и. М.А. *«Бог запретил людям вкушать плоды с дерева добра и зла. Дьявол в обличии змея соблазнил Еву попробовать запретный плод. Ева попробовала и угостила Адама. Так совершилось первое грехопадение людей, которое явилось началом для всех последующих грехов в людях».*

и. Д.Ю. *«Смысл текста в том, что змей предложил Еве и Адаму съесть запретные плоды. Они их съели, нарушив волю Бога, и были изгнаны за это из рая».*

и. Л.Т. *«Запретное дерево находится в раю. Змей говорит Адаму и Еве вкусить его плоды. Они это делают. После этого и начались грехи дру-*

гих людей».

В ответах этих ии. не демонстрируется личное отношение к представленной информации, смысл сводится к его аннотации. Данная группа ии. составляет 6,6% от общего числа.

Отметим, что подобные краткие ответы (в виде аннотаций) и их отсутствие в сумме составляют 19,6% от общего количества формулировок смысла. Это можно объяснить, на наш взгляд, прежде всего отсутствием или недостатком у ии. необходимых для понимания содержания и смысла данного типа текстов знаний. Кроме того, данный факт может быть обусловлен отсутствием мотивации к получению информации, а также психическими и ментальными особенностями реципиентов.

Перейдём к анализу формулировок смысла остальных ии. Мы хотели бы отметить, что данная группа образует абсолютное большинство, составляя 80,4%. Прежде всего, необходимо отметить, что все они характеризуются достаточно большим объёмом, составляя в среднем 7-8 предложений. Подчеркнём, что к данной группе относятся ии., сознание которых было определено нами как обыденное религиозное.

Рассмотрим следующие формулировки смысла:

и. Р.В. *«По моему мнению, в данном тексте на примере Адама и Евы рассматривается греховность нашего поколения, гниющего и тлеющего. Они сделали то, что сегодня естественно любому человеку – проявили интерес к запрету. С одной стороны, они не правы в своём поступке, т.к. у них было "райское блаженство", они могли бы просто слушаться Бога. С другой стороны, я считаю, что если бы даже не было дьявола, всё равно произошло бы то же самое. Бог сам, установив это великолепное зелёное дерево с огромной кроной, вызвал интерес. Рано или поздно они съели бы эти манящие ароматом прекрасные плоды».*

Итак, и. Р.В. не просто перечисляет факты, изложенные в тексте, а рассуждает, формируя свою позицию. Мы видим, что у него возникают ассоциации с современностью. Он визуально представляет райское дерево и даже ощущает запах плодов. Выражая своё личное отношение к тому, что описано в тексте, и.Р.В. высказывает догадки, предположения о возможном ходе событий. Помимо этого, в каждом предложении мы можем проследить присутствие оценочного компонента: ии., говоря о новом поколении, характеризует его как «гниющее» и «тлеющее», поступок Адама и Евы оценивает как «они не правы», описывает дерево как «великолепное», а плоды как «прекрасные».

и. О.Л. *«Наивные люди, ничего не подозревая, послушали, нарушив заповедь и волю Божью. После этого и начнутся все грехи. И среди нас есть такие ужасные коварные люди как дьявол. А когда человек понимает, что совершил грех, назад пути нет. Надо быть внимательнее и избегать таких встреч. Надо соблюдать заповеди, а не нарушать их».*

Передавая содержание текста в краткой форме, и. О.Л., тем не менее, даёт эмоциональные оценки: люди «наивные». Проводя параллель с современным миром, делая определённые выводы, она также высказывает резко отрицательное оценочное мнение о людях, похожих на дьявола (они «ужасные», «коварные»).

и. А.М. *«Отличная сказка для тех, кто привык искать вину в ком и в чём угодно, кроме себя! То есть для всех людей. Да, кстати, почему дьявол явился именно в образе противной змеи? А не в обличии какого-нибудь другого ещё более отвратительного предмета? А вообще, я считаю, что грех исходит из многочисленных, порой ненужных и бесполезных запретов».*

Так, и. А.М. с иронией относится к тексту, называя его «отличной сказкой». Задаваясь вопросом, он также выражает личное представление об описанных персонажах: змей «противный», «отвратительный». Формулируя своё представление о природе греха, и. А.М. оценивает многие существующие запреты как «ненужные» и «бесполезные».

Подобное комбинирование различных реакций с оценочным компонентом мы можем наблюдать во всех формулировках смысла этой группы реципиентов. Размышляя над изложенной в тексте информацией, они оценивают её по-разному. Их эмоции варьируются от резкой критики до полного одобрения либо снисхождения к героям и событиям. Так или иначе, рассуждая, они выражают свои личные мнения и оценочные суждения.

По результатам проведенного нами экспериментального исследования можно сделать следующие выводы.

В процессе восприятия и понимания действуют законы сжатия и развёртывания воспринимаемой информации, в основе которых лежит наличие в ментальной сфере индивида необходимых знаний действительности, опыта, сформированных навыков и умений, а не только знания языка.

Исследователи акцентируют внимание на единстве знания и переживания. Нам близка точка зрения С.Л. Рубинштейна, представителя философского направления, о том, что не только его переживания, но и его знания, находящиеся в сознании индивида отражают личное отношение говорящего, индивидуальное значение или смысл [6].

В процессе понимания важны не только знания, но и отношение индивида к внешнему миру, его эмоции, чувства. Их роль настолько велика, что, по мысли Н.П. Пешковой, сам процесс понимания можно считать «субъективным переживанием воспринимаемой, постигаемой и интерпретируемой информации» [6, с.51].

Таким образом, данные, полученные экспериментальным путём, свидетельствуют о тенденции влияния типа сознания реципиента на выбор им стратегий понимания сообщения.

Кроме того, в контексте полученных данных, как нам представляется, находит подтверждение гипотеза о том, что оценка, как специфическое

свойство человеческого мышления (оценивающая способность), является не просто одним из важнейших компонентов в структуре отражающей деятельности сознания, но есть его основополагающая категория. Огромную роль, как показывают наши данные, при этом играет эмоциональная оценка.

Итак, метод «встречного текста» является психолингвистическим инструментом проникновения в языковое сознание. Вербализованные реакции, помимо данных о механизмах понимания, дают также обширную информацию и о самих авторах «встречных текстов», об их национально-культурной принадлежности, социальном статусе и др. [6]. В нашем случае они ясно показывают, что ии. при чтении фрагмента библии демонстрируют незыблемость «базовых ценностей»: семья, любовь, добро, поддержка и сочувствие к слабому, нуждающемуся человеку, совершившему проступок, честность. Как показал эксперимент, именно такие ценности определяют сознание молодых людей Республики Башкортостан, лежат в основе ценностного архетипа национального менталитета.

Полученные данные, по нашему мнению, представляют характеристику молодёжной (студенческой) группы полиэтнического общества, обладающего определённой региональной спецификой, поскольку значительная часть населения республики исповедует ислам. Связанные с данной религией культурные ценности, несомненно, отражаются на процессах формирования сознания молодых людей, независимо от того, являются они верующими или нет.

Необходимо также отметить, что важным фактором является предъявляемый для восприятия испытуемым текст. Так, научный текст нейтрализует проявление национально-культурной специфики языкового сознания реципиентов. Библейский же текст, напротив, во многом провоцирует подобные проявления.

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа [Текст] /М.М.Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С.281-307.
2. Гусев, С.С. Проблема понимания в философии [Текст]/ С.С.Гусев, Г.Л.Тульчинский. – М., 1985. – 192 с.
3. Нестерова, Н.М. Психолингвистика текста или есть ли смысл в тексте? [Текст] / Н.М. Нестерова // Вопросы психолингвистики. – Пермь: Институт языкознания РАН, 2009. – Вып. 9. – с. 219.
4. Новиков, А.И. Текст и его смысловые доминанты[Текст]/А.И. Новиков;под.ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224с.
5. Пешкова Н.П. Ценностные ориентиры и ценностные идеалы в языковом сознании российской молодежи (региональный аспект проблемы) // Жизнь языка в культуре и социуме-3: материалы международной научной конфе-

ренции. – М: Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов, 2012. – С. 98-100.
6. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] /С.Л. Рубинштейн. – СПб., 1998. – 705 с.

© Давлетова Я.А., 2012

УДК 81’42

Давлетшина Л.Р.
г. Уфа (Россия)

Неэтичные эмоции в реализации грубости

Эмоции, сопровождая фактически любые виды речевого взаимодействия, являются важным фактором межличностного общения. Эмоции вызываются как положительными воздействиями, так и отрицательными, провоцирующими такие проявления агрессивного поведения, как оскорбление, угроза, враждебное замечание и т.д. Опыт устойчивых эмоциональных отношений привел к выработке определенных норм эмоционального поведения.

Эмоции и их отражение в языке рассматривали уже такие классики языковедения, как К.Бюлер и Ш.Балли. Так, в начале XX века Ш.Балли, связав выражение эмоций со стилистикой, провозгласил приоритет аффективного в языке [1, с.203]; К.Бюлер выделял экспрессивную функцию в качестве одной из основных функций языка [2, с.98].

Для полного понимания природы эмоций следует рассмотреть виды эмоций, которые были выделены разными авторами. Вопрос о количестве и видах эмоциональных реакций обсуждается давно. Еще Аристотель выделял любовь и ненависть, желание и отвращение, надежду и отчаяние, робость и смелость, радость и печаль, гнев. Представители древнегреческой философской школы стоицизма утверждали, что эмоции, имея в своем основании два блага и два зла, должны подразделяться на четыре основные страсти: желание и радость, печаль и страх. Р.Декарт признавал шесть главных страстей: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль [4, с.418]. Как видим, разделение на чувства и эмоции в этих представлениях отсутствует.

Э.Титченер полагал, что существует только два вида эмоционального тона ощущений: удовольствие и неудовольствие [8].

Эмоции человека можно различать также по *качеству переживания*. Наиболее детально этот аспект эмоциональной жизни человека представлен в *теории дифференциальных эмоций* американского психолога К.Изарда. Он выделил десять качественно различных «фундаментальных» эмоций: *интерес-возбуждение, радость, удивление, горе-страдание, гнев-ярость, отвра-*

щение-омерзение, презрение-пренебрежение, страх-ужас, стыд-застенчивость, вина-раскаяние. Первые три эмоции К.Изард относит к *положительным*, остальные семь — к *отрицательным*. Каждая из фундаментальных эмоций лежит в основе целого спектра состояний, из соединения фундаментальных эмоций возникают и все другие, более сложные, комплексные эмоциональные состояния. Например, тревожность может сочетать в себе страх, гнев, вину и интерес.

Рассмотрим эмоции, выделенные К.Изардом, которые имеют значение в рамках нашего исследования, т.е. связаны с проявлением грубости.

1. Гнев — сильное отрицательное эмоциональное состояние, протекающее чаще в форме аффекта; возникает в ответ на препятствие в достижении страстно желаемых целей. Гнев имеет характер стенической эмоции.

2. Отвращение — отрицательное эмоциональное состояние, вызываемое объектами (предметами, людьми, обстоятельствами), соприкосновение с которыми (физическое или коммуникативное) вступает в резкое противоречие с эстетическими, нравственными или идеологическими принципами и установками субъекта. Отвращение, как и гнев, может быть направлено на себя, снижая при этом самооценку и вызывая самоосуждение. Отвращение, если оно сочетается с гневом, может в межличностных отношениях мотивировать грубое поведение.

3. Презрение — отрицательное эмоциональное состояние, возникающее в межличностных отношениях и порождаемое рассогласованием жизненных позиций, взглядов и поведения субъекта с таковыми объекта чувства. Последние представляются субъекту как низменные, не соответствующие принятым нравственным нормам и этическим критериям. Человек враждебно относится к тому, кого он презирает, что и выражается в грубости.

4. Страх — отрицательное эмоциональное состояние, появляющееся при получении субъектом информации о возможном ущербе для его жизненного благополучия, о реальной или воображаемой опасности. Эмоция страха как защитная реакция может также привести к грубости в речи [3, с.128].

Р.Плутчик выделяет восемь базисных эмоций, деля их на четыре пары, каждая из которых связана с определенным действием:

1) разрушение (гнев) — защита (страх);

2) принятие (одобрение) — отвержение (отвращение);

3) воспроизведение (радость) — лишение (уныние);

4) исследование (ожидание) — ориентация (удивление). [7, с.128].

Из предложенного автором списка грубость потенциально заложена в таких эмоциях, как гнев и отвращение. К эмоциям такого рода можно отнести также презрение и раздражение. Все они направлены на адресата и, поскольку не соответствуют этическим критериям добра и гуманности, могут быть названы неэтичными / невежливыми.

Рассмотрим примеры, где проиллюстрированы неэтичные эмоции *раздражения, гнева и отвращения*. Последние три эмоции входят в «триаду враждебности», которую мы дополнили эмоцией раздражения.

(После смерти одной из студенток в общежитии воцарилась напряженная обстановка, и за завтраком все придираются друг к другу).

"Must you be so revoltingly pi, Jean?" demanded Valerie Hobhouse angrily. (A.Christie 'Hickory Dickory Dock', c.68).

Слова Валери, о том, что Джин набожна «до тошноты» (revoltingly pious), сопровождаются *неэтичной эмоцией раздражения (angrily – сердито) и* воспринимаются как грубый *упрек*. Нарушена Максима Такта Принципа Вежливости Лича, субмаксима А (сводите к минимуму возможный моральный вред для собеседника). Упрёк и демонстрация невежливой эмоции раздражения повреждают «позитивное» лицо адресата. Грубость выражается лексически (*revolting*).

(Лола прогоняет своего любовника)

The sudden hatred in her eyes chilled me. "Well, if that's the way you want it…" "Oh, get out! I want a man in my bed, not a gutless insect!" (J.H. Chase 'Come easy, go easy', c.266).

В данном примере речевые акты требования и обвинения характеризуются высокой степенью эмоциональности (демонстрация ненависти и *презрения – hatred in her eyes*). При этом нарушена Максима Одобрения, субмаксима А (возможное неодобрение действий собеседника должно быть сведено к минимуму). Страдает «позитивное лицо» адресата, нуждающееся в одобрении и поддержке. Грубость выражена лексически (*gutless insect – бесхребетное насекомое*) и паралингвистически (*ненависть в ее глазах*).

(Любовница Иво Палацци, Донателла, узнала, что у него есть семья, и шантажирует его).

<...> "Scream!" Donatella shouted. "If I had a knife, I'd cut your cazzo and ram it down your miserable throat <…> "Don't you touch me! I'd give my body to the first drunken syphilitic sailor I met on the streets before I'd ever let you come near me again." Ivo drew himself up, his pride offended. (S.Sheldon 'Bloodline', c.29).

В данном случае нарушена Максима Такта Лича, субмаксима А (сводите моральный вред для собеседника к минимуму). Речевой акт угрозы «повреждает» негативное лицо адресата. Грубость выражается в преувеличенной угрозе, а также лексически при помощи нецензурной лексики, которая свидетельствует о том, что говорящий испытывает *отвращение* по отношению к адресату, (*Если бы у меня был нож, я бы отрезала твой член и вдолбила его в твою жалкую глотку; я бы скорее отдалась первому пьяному моряку, больному сифилисом, нежели позволила бы тебе подойти ко мне снова*) и в авторском комментарии (*shouted*).

Был рассмотрен и вопрос о *функциях* неэтичных эмоций.

Так, *гнев* возникает при появлении препятствий на пути достижения цели и служит для пробуждения энергии, требующейся для разрушения препятствия; *презрение* поддерживает собственную самооценку и поведение доминирования; *отвращение* приводит к отталкиванию вредных объектов [6, с.225-239]. В концепции Эверетта Шострома [5, с.151], функция выражения *раздражения* заключается в том, чтобы давать выход естественным враждебным чувствам, так как их сдерживание приводит к психосоматическим расстройствам.

Таким образом, с психологической точки зрения, неэтичные эмоции с потенциалом реализации грубости выполняют охраняющую функцию.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 394 с.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.
3. Изард К.Е. Эмоции человека. – М.: МГУ, 1980. – 552 с.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. – 749с.
5. Шостром Э. Анти-Карнеги. – Минск: Попурри, 1996. – 398с.
6. Malatesta C.Z., Wilson A. Emotion cognition interaction in personality development: Further evidence // Cognition and Emotion. – 1988 – Pp. 225–239.
7. Plutchik R. Psychophysiology of individual differences with special reference to emotions // Annual N. Y. Acad. Science / R. Plutchik. — 1966. – Vol. 134. - № 2.
8. Titchener E. Elementary Psychology of Feeling and Attention – N.Y.: Ayer Company Publishers, 1989.

© Давлетшина Л.Р., 2012

УДК 808.2

Даулетова Д.Д.
г. Актобе (Казахстан)

О понятии «концепт» в русском и казахском языкознании

В современном языкознании одним из наиболее динамично развивающихся направлений является когнитивная лингвистика, исследующая язык как средство репрезентации человеческого сознания. Ключевым понятием в когнитивной лингвистике является «концепт».

Всю познавательную деятельность человека можно рассматривать как развивающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты: концепты возникают для обеспечения операций этого рода.

К концу XX в. лингвисты поняли, что носитель языка – это носитель

определенных концептуальных систем. Концепты суть ментальные сущности. Экспликация процесса концептуализация и содержания концепта доступна только лингвисту, который сам является носителем данного языка. Таким образом, на рубеже тысячелетий на первый план выходит ментальность, ибо концепты - ментальные сущности.

Сейчас в русской и казахской лингвистической науке можно констатировать множественность определений понятия «концепт».

По определению Краткого словаря когнитивных терминов, концепт - это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1, с.90].Это некая ментальная сущность, соотносимая, с одной стороны, с обиходными знаниями, с другой стороны, с научными понятиями. Концепты являются мысленными образованиями, замещающими в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, стороны предмета, реальные действия, мысленные функции. Это «почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей» [2, с.269-272]. Концепт отражает все те признаки объекта, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности. Это знание об объекте из мира «Действительность», переведенное в знание об объекте в мире «Идеальное» [3, с.288]. П.В. Чесноков отмечает содержательную целостность этой единицы мышления, ее неспособность разлагаться на более мелкие мысли и называет концепт «элементарной стороной внутреннего слоя». [4, с.52]. В то же время концепты могут пониматься как «смыслы, составляющие когнитивно-базисные подсистемы мнения и знания» [3, с.240-263]. В некоторых определениях присутствуют указания на психическую основу концепта: концепт - это «познавательная психическая структура, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов [5, с.190].

Когнитивный подход к пониманию концепта развивают З.Д. Попова и И.А. Стернин, определяя концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» [6, с.15].Концепты формируются из непосредственного чувственного опыта, из предметной деятельности человека, из мыслительных операций человека с другими концептами, существующими в его памяти, из языкового общения (в форме разъяснения или самостоятельного усвоения значения языковых единиц). Таким образом, язык является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека и одним из способов апелляции к нему.

В психолингвистической концепции В.А. Пищальниковой концепт понимается как элемент концептуальной системы индивида, который (концепт) формируется «в результате присвоения конвенционного опыта, перцептивных процессов, и собственно рефлексий» [7, с.73].

По А.А. Залевской, концепт представляет собой перцептивно-когнитивно-аффективное образование [4, с.36-46].

В лингвокультурологии концепт признается базовой единицей культуры, «сгустком культуры» в сознании человека. Появление данного термина объясняется изучением взаимосвязей индивидуального сознания и культуры. По словам Ю.С. Степанова, концепт - это то, в виде чего рядовой носитель языка входит в культуру и даже может влиять на нее [8, с32]. Как единица культуры концепт является фиксацией коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Д.С. Лихачев, трактуя концепты как «алгебраические» выражения значений, указывает на их теснейшую связь с языковым опытом человека, называет их «результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [9, с.3-9]. А.Вежбицкая понимает под концептом объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность»[3, с.416]. Концепт – это некая максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа. Однако в некоторых случаях возможны визуально-образные ассоциации, например, концепт «воля» связывается с образом птицы или чистого поля [10, с.272]. «Концепт - микромодель культуры, а культура – макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [11, с.41].

С философской точки зрения, концепт - это «акт схватывания смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания».Концепт формируется речью, которая осуществляется в пространстве души (а не грамматики) с ее ритмами, энергией, жестикуляцией, интонацией, уточнениями. В отличие от понятия, концепт предельно субъективен. С одной стороны, он направлен на понимание здесь и теперь; а с другой – в нем сопрягаются прошлое, настоящее и будущее в синтезе актов памяти, суждения и воображения. Как акт памяти концепт ориентирован в прошлое, как акт суждения – в настоящее, как акт воображения - в будущее [12, с.122]. Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости. А сочетаемость имени отражает и логические, рациональные связи его десигната с другими, и алогические, иррациональные, отражающие эмоционально-оценочное восприятие мира человеком [13, с.96].

Структура концепта многомерна, или многослойна. Ю.С. Степанов отмечает в ней наличие, с одной стороны, всего, что принадлежит строению понятия, с другой стороны,всех тех компонентов,которые делают его фактом культуры, а именно: исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания: история,современные ассоциации, оценки и т.д. [8, с.32].

В определении концепта, данном В.Я. Мыркиным, акцентируются эти

три составляющие и указывается на разнообразие типов концептов: «Концепт – это блок знания, представляющий собой совокупность конкретно-образных (зрительных, слуховых, вкусовых, тактильных, обонятельных), понятийных (в том числе ценностных), прототипических, гештальтных, фреймовых, сценарных, и прочих элементов в психике человека» [14, с.46-47].

Закономерно, что культуры народов, населяющих землю, не похожи одна на другую. Это проявляется во взаимоотношениях людей и их образе жизни, гендерных условиях общества. Основной проблемой когнитивного направления современного языкознания является, во-первых, рассмотрение методов и приемов внутреннего толкования смысла до языковых образов в сознании, во-вторых, выявление посредством языка систематизированной и проверенной информации в логико-позитивном и эстетическом знании. В связи с этим в мировой науке о языке когнитивное исследование языка, воссоздание картины мира, представленной с помощью языковых знаков в сознании, вылилось в одно из крупнейших направлений. В задачи когнитивной науки, считает Кубрякова «входит и описание / изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и одновременно исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия».Таким образом, когнитивная система знаний и умозаключений, отображающих его познавательный мир.

В казахском языкознании исследования по когнитивной лингвистике представлены в трудах ученых, рассматривавших вопросы познания мира посредством смысла языковых символов (Э.Д. Сулейменова), выражения в языке этноментального мира человечества (Н.Ж. Жаркынбекова), выражения концептов в форме эмоций, гештальт–структур (К.Жаманбаева), типологии когнитивных моделей речевой деятельности (Г.Г. Гиздатов), национально-культурных компонентов в концептах (Ш.Елемесова).

Таким образом, концепт – единица культурного пространства, общенациональной картины мира, отражается в своих существенных чертах посредством языка и реализуется в качестве фрагменте ЯКМ, воплощающего лишь вербализованную сторону этого сложнейшего ментального образования. В языковом сознании культурный концепт представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецендентными текстами, этикетными формулами, речеповеденческими тактиками.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.

2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного ун-та, 1996.

3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
4. Залевкая А.А.Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И.А.Стернина. Воронеж: ВорГУ, 2001.
5. Холодная М.А. Интегральные структуры понятийного мышления.Томск, 1983.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. М., 2001.
7. ПищальниковВ.А.Общее языкознание. Барнаул, 2001.
8. Степанов Ю.С. Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. М., 1976.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. М., 1997.
10. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2003.
11. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания. М., 2001.
12. Новая философская энциклопедия. М., 2001, т.2.
13. Черненко Л.О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте. М.,1997.
14. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб.пособие [Текст] / В.А. Маслова. – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
15. Мыркин В.Я. Понятие vs. концепт; текст vs. дискурс; языковая картина мира,речевая картина мира / В.Я. Мыркин // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.В. Симашко. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2002. – с. 46-47.

© ДаулетоваД.Д., 2012

УДК81’42

Даутова Г.Х.
г. Ишимбай (Россия)

Роль доминирующих компонентов в формировании текста

В настоящее время когнитивный подход к изучению всех явлений, так или иначе связанных с человеком и его умственной деятельностью, становится всё более распространённым в психологии, физиологии, информатике, философии и других областях. Особое место в когнитивном механизме сторонники этого направления в науке отводят языку, полагая, что он позволяет ненаблюдаемое в сознании сделать наблюдаемым.

Именно лингвистические эксперименты обнаружили доказательства существования структур разных форм знания. Это объясняет стремление учёных-лингвистов выявить главные, доминирующие средства речевой

структуры отдельно взятых текстов, формирующие уникальность его стилевой организации.

Понятие доминанты стало одним из наиболее плодотворных понятий, что подтверждается его активным использованием в литературоведении, лингвистике текста и психолингвистике.

Понятие доминанты ввёл в научный оборот психофизиолог Л.А. Ухтомский, который утверждал, что именно принцип доминанты является физиологической основой внимания и предметного мышления. По мнению Л.А. Новикова, поиск ведущих доминантных речевых средств позволяет выделить главные «ключевые» слова, семантические текстовые поля и т.п., организующие целостное единство текста [4, с.31].

Доминанту можно определить как фокусирующий компонент произведения, она управляет, определяет и трансформирует отдельные компоненты. Доминантой признаётся любой компонент текста, вследствие чего понятие доминанты используется при анализе содержательной, структурной и коммуникативной организаций текста. При этом в качестве доминанты могут рассматриваться как содержательные, так и формальные средства [1, с.214].

Различия в подходе определяют различные типы доминант и их наименования, например: рематическая доминанта (Г.А. Золотова), эмоционально смысловая доминанта (В.П. Белянин), грамматическая доминанта (О.И. Москальская, Е.И. Шендельс).

Доминанта, как показано выше, понимается как явление многостороннее, связанное с различными сторонами организации текста, в связи с чем, она является эффективным инструментом анализа, прежде всего, формальных средств выражения содержания.

В нашем исследовании принимается точка зрения о доминантности внутренней формы текста по отношению к внешней, получившая обоснование в работах по психолингвистике и семантике текста [3,с.31; 5]. В соответствии с этой точкой зрения, внутренняя форма представляет собой ту основу, на которой строится сообщение [4].

Именно на уровне внутренней формы осуществляются внутренняя связность, развёрнутость, пресуппозиция текста. Это наиболее существенные характеристики, являющиеся ведущими составляющими типологической модели текста.

Лингвистические и психолингвистические характеристики внутренней и внешней форм текста, как выявило исследование Н.П. Пешковой, связаны такой системой отношений, при которой тип структуры содержания как детерминанта определяет собой все другие признаки внутренней структуры, являющиеся либо её составной частью, как пресуппозиция, либо её неотъемлемыми, существенными свойствами, как связность и развёрнутость. Тип структуры содержания влияет также на выбор способа изложения

сообщения, обусловливающего, в свою очередь, вид последовательности элементов текста, его линию синтаксического движения, наличие / отсутствие субъективной модальности и т. д. [6, с.25].

Анализ исследуемого материала позволил прийти к заключению о доминантности тех или иных компонентов текста и корреляции с ними типологически значимых характеристик текста, принадлежащих его внутренней и внешней структуре [2, с.67].

Литература

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум/ Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 214-215с.
2. Даутова Г.Х. Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков). Дисс. Канд филол. наук. Уфа: УГАТУ, 2004. с 67.
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
4. Новиков Л.А. Язык и художественное познание: Методологические заметки об эстетическом освещении действительности//Методология лингвистики и аспекты изучения языка. М., 1980. с. 31.
5. Новиков А. И. Семантика текста и её формализация. М., 1983.
6. Пешкова Н.П. Типология научного текста. Психолингвистический аспект. Уфа: УГАТУ, 2002. с.25.

© Даутова Г.Х., 2012

УДК 811.111-2

Дзюба Н.В., Скуденкова Е.Е.
г. Мозырь (Беларусь)

Стилистические средства создания образа женщины в рекламе глянцевых журналов

Современное общество невозможно представить без огромного количества информации, получаемой из различных источников. Одним из них является реклама в женских глянцевых журналах.

Рекламный текст, включающий выразительные возможности средств языка, способствует продвижению товара на рынке. При этом осуществляется воздействие на адресата, выражающееся в формировании различных стереотипов поведения, в том числе и гендерных. Гендерные стереотипы «актуализированы в общественном сознании некоторой культуры и отражают набор характеристик, приписываемых определенному полу. Это культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение

в языке»[1, с.189].

Одним из ключевых понятий в любом дискурсе является образ женщины. В силу этого он активно используется в рекламных текстах. Анализ таких текстов позволяет выявить не только культурную, но также и языковую специфику представления понятия в разных языковых системах.

Образ женщины в английской и русской культурах традиционно ассоциируется с молодостью, красотой, сексуальной привлекательностью, ролью жены и матери, однако все чаще появляется образ независимой женщины, увлеченной карьерой, особенно в английской культуре.

На вербальном уровне в процессе создания образа женщины используются различные стилистические средства: эпитеты, метафоры, олицетворения, сравнения, игра слов.

Эпитеты определяют предмет рекламы, подчеркивают его специфику и уникальные качества. Наиболее употребительными в англоязычных изданиях являются следующие*: dazzling (ослепительный), sensual (чувственный), perfect (совершенный), posh (шикарный*). В русскоязычных глянцевых журналах чаще употребляются: *ослепительный, изысканный, чувственный, естественный, безупречный.*

Нередко встречается метафора:

Twice the lashes for *eyes that smile* (Удлини ресницы смеющихся глаз) – реклама туши Max Factor.

Высокая мода для Ваших ресниц. *Возьмите новую высоту* - реклама туши High Impact Mascara от Clinique.

В обеих культурах образ женщины создается при помощи олицетворения:

Магне В6 форте восполняет запас магния, укрепляя здоровье нервной системы и возвращая тебе ощущение счастья.

Также следует отметить частое употребление сравнения:

It is more than just fighting wrinkles (Это больше, чем борьба с морщинами) – реклама крема от морщин от Shiseido.

Всего лишь раз в русскоязычной рекламе встретилась игра слов:

Nivea. Sos – бальзам для тела. Комфортное *SOSтояние* вашей кожи

Анализируемые стилистические средства, отображающие образ женщины, имеют много общего в сопоставляемых языках, чаще всего встречаются эпитеты и метафоры, для английского языка более характерно употребление сравнения, для русского – олицетворения.

Литература

1. Кириллина, А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Автореферат на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук./ А.В. Кириллина.//М.:2000, - 369 с.
2. Cosmopolitan. April 2012.UK
3. Cosmopolitan. Декабрь 2012. Россия

© Дзюба Н.В., Скуденкова Е.Е., 2012

УДК 81-13

Дуброва Ю. Ю.
г.Москва (Россия)

Институциональность военного дискурса

Начиная со второй половины 20-го века, в центре внимания лингвистической науки оказывается человек с его психическими, социальными и этнокультурными характеристиками, развивается коммуникативный подход к языку, изучающий функционирование языка в различных социальных условиях. Первоочередное внимание уделяется существенным обстоятельствам, обеспечивающим успешное использование языка субъектом коммуникативной деятельности для достижения своих целей. Одним из новых понятий, которые бы отразили интегративный характер воздействия всех перечисленных факторов на речевую деятельность человека, стал дискурс, быстро осознанный как междисциплинарный термин.

В работах последних лет неоднократно предпринимались разнообразные попытки систематизации и классификации существующих теорий дискурса и дискурс-анализа. Однако единого определения термина *дискурс* в современной лингвистике не существует. На основе анализа теоретико-методологических подходов к дискурсному анализу Марианне Йоргенсен и Луиза Филлипс в книге «Discourse Analysis as Theory and Method» устанавливают, что «дискурс – это *особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира).* [4, с.18.] <…> – это форма социального поведения, которая участвует в формировании социального мира (включая знания, людей и социальные отношения)» [4, с.24]; и констатируют, что за каждой социальной практикой в языке закреплены определенные речевые формулы (особый способ общения).

Развивая идеи Фердинанда де Соссюра, постструктуралисты отвергают понимание языка как «замкнутого целого» [5, с.35], где все знаки однозначно соотносятся друг с другом, и отстаивают точку зрения, что значения знаков могут изменять свое положение по отношению друг другу в соответствии с контекстом, в котором они используются. Дискурс понимается как совокупность фиксированных значений в пределах определенной области. Фиксация значений происходит вокруг центрального понятия [6, p.37].

Работая над типологией дискурсов, А.А. Кибрик в качестве одного из критериев выделяет категорию формальности, в основе которой лежит характер социальных отношений между говорящим и адресатом (в качестве других критериев для классификации дискурсов предлагаются модус, жанр и функциональный стиль) [3, с.12]. Выделенная А.А. Кибриком категория пересекается с противопоставлением личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса в исследованиях В.И. Карасика.

Согласно позиции В.И. Карасика, «институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [1]. «Общение в социальных институтах строится по законам соответствующих институтов и согласно общим коммуникативным нормам, присущим той культуре, где существуют эти институты» [2, с.23].

Гюнтер Кресс в работе *Linguistic processes in sociocultural practice* (1895) определяет дискурс как совокупность закрепленных в языке формул общения, присущих определенному социальному институту, и говорит, что дискурсы задают рамки использования определенных языковых средств: лексики, синтаксической организации текста; кроме того, определяют выбор жанров и их текстовых реализаций [7, p.6-7].

Т.А. ван Дейк определяет дискурс, разворачиваемый в учреждениях определенного социального института, производимый коммуникантами, выступающими в своих профессиональных социальных ролях как институциональный [9, p. 20].

Таким образом, для анализа дискурса необходимо применять междисциплинарный подход, который сочетает в себе анализ текстов и социальных практик.

Военный *дискурс* относится к институциональному (статусно-ориентированному) типу дискурса.

Под содержанием военного дискурса мы предлагаем понимать совокупность существенных признаков военного дискурса, общих для всех жанров данного дискурса и отличающих его от других типов дискурса.

В зависимости от режима общения между участниками, обусловленного типовыми ситуациями, в которых разворачивается дискурс, можно выделить три группы жанров: директивные (приказ, распоряжение, директива), организационные (устав, руководство, инструкция), информационно-справочные (рапорт, сводка, отчет, справка). Целевая установка документа фиксируется в заголовке. Как правило, используются «перформативные» отглагольные дериваты: приказ, распоряжение, директива, руководство: order, instruction, directive, guide и т.д. Отмечается употребление перформативных глаголов в настоящем времени и после глагола shall: to assign, to establish, to inform, to provide, to ensure.., что выражает волю адресанта: приказ, распоряжение и т.д. “The Under Secretary of Defense (Comptroller) **shall provide** information to DoD components”… (Заместитель министра обороны (по ревизионно-финансовой службе) **дает указания** подразделениям Министерства обороны…). Характерной формой выражения предписания, долженствования является страдательный залог. Такая форма изложения снимает окраску индивидуальности, информация адресована человеку как исполнителю определенной социальной роли. В военных материалах особенно широко представлены инфинитивные конструкции, так как инфинитив выражает долженствование, необходимость совершения действия, категорический

приказ, придает динамику действию. Неопределенно личные и безличные конструкции подчеркивают неравные позиции. Проиллюстрируем вышеназванные положения на примере: “However, **it is emphasized** that CINC is responsible **to ensure** that all military activities within his AOR **are examined** against standard of DoD Directive...” (Необходимо особо подчеркнуть, что главнокомандующий отвечает за проверку деятельности вооруженных сил в пределах зоны ответственности на предмет ее соответствия требованиям Директивы Министерства обороны…). Кроме того, в военных материалах используется объективная модальность, с помощью категоричной объективной модальности подчеркивается и усиливается авторитет отправителя сообщения, он занимает позицию, которая позволяет ему давать приказания. Широко используется модальность облигатива, например: “In applying this standard, commanders and managers **must take account of** the mission…” (Следуя положениям руководства, командиры и начальники **обязаны учитывать** сложность выполняемой задачи…). Для военных нормативных документов характерно использование конструкций с отрицательными местоимениями вместо конструкций с отрицательными формами глагола-сказуемого, например: “**Nothing** in this Directive shall detract from, nor be construed to conflict with, the authorities and responsibilities of the Combatant Commanders…” (Положения настоящей Директивы не ограничивают и не вступают в конфликт с возложенными на главнокомандующих полномочиями…). Это объясняется характером нормативных документов, требующих, прежде всего выполнения имеющегося в документе побуждения к действию. Отмечается низкая степень интердискурсивности. В текстах присутствуют элементы официального и научного дискурсов, отличительной чертой которых является точность, объективность изложения; и, в зависимости от жанра, элементы политического дискурса, где на первый план выступает воздействующая функция. Согласно теории Н. Фэркло, низкий уровень интердискурсивности свидетельствует о консервативности. В текстах воспроизводится установленный порядок составления документов, они четко структурированы. Предложения, объединенные в сверхфразовые единства, как правило, оформлены в абзац. Каждому абзацу присвоено буквенное или цифровое обозначение. Насыщенность документов многокомпонентными терминами, которые вследствие частоты употребления в документе заменяются сокращениями, объясняется определенной функциональной нагрузкой, характеризующей военную сферу общения: сжатость, четкость формулировок, точность, ясность, подчеркнутая логичность изложения, легкость восприятия передаваемой информации.

Дискурсивная практика выявляет закономерности смыслового и формального соединения структурных (межфразовых) связей в текстах (принимая во внимание, что минимальной дискурсивной единицей является предикация [3, с.2]). В основе механизмов построения текстов – коммуникативное

намерение автора. Так, в текстах директивного характера преобладает смысловая связь: «предписание» enablement и «побуждение к действию» motivation [8, p. 291]. Например: “1.This Directive establishes the Chairman of the Joint Chiefs of Staff as the principle adviser to the Secretary of Defense … 2. The Chairman of the Joint Chiefs of Staff shall serve as the principle advisor to the Secretary of Defense…” (1. Председатель Объединенного комитета начальников штабов назначается главным советником министра обороны по вопросам… 2. Председатель Объединенного комитета начальников штабов является главным советником министра обороны по вопросам…(далее дается подробный перечень обязанностей). Условно можно выделить две части: ядро и пояснительную часть. В первом предложении (ядро) обозначается руководящее указание, во втором – действия, которые необходимо предпринять для выполнения предписаний. “1. [The Under Secretary of Defense shall:] Be the DoD official responsible for AT technology development and expedite the application of new technology to meet force protection needs. 2. Attention **will** be given to fielding advanced contraband detection systems.” (1. [Заместитель министра обороны] Берет на себя ответственность за развитие технологий по защите от террористических актов и способствует продвижению новых технологий, отвечающих требованиям безопасности объектов и личного состава Министерства обороны. 2. Особое внимание следует уделить внедрению высококлассных систем обнаружения контрабанды). Так, во втором предложении содержится побуждение к действию, выраженное в ядре (первом предложении).

Большое количество общеупотребительных слов приобретают специфические для военной области значения. Так, в инструкции по эксплуатации оружия центральным понятием, вокруг которого фиксируются значения, выступает «оружие», поэтому такие слова как “**dry**” zeroing test - «настройка без боевых патронов», **rounds –** «патроны», ср. live round – боевой патрон, **dummy** «учебный патрон», **blank** «холостой» (о боеприпасах), **bore** «калибр (оружия)», **chamber «**патронник» и т.д. приобретают специальные значения. Таким образом, подтверждается тезис о влиянии социальной практики на структуру текстов, произведенных в рамках определенной дискурсивной практики, что доказывает институциональность военного дискурса.

Литература

1. Карасик В.И. О типах дискурса [Электронный ресурс] // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20. URL: http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html.

2. Карасик В.И. Модусы институционального дискурса // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: Материалы международной научной конференции, Москва, 17-18 ноября 2011. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С 22-24.

3. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания, 2009. №2. С.3–21 [Электронный ресурс], URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kibrik-aa/files/Discourse_classification@VJa_2009.pdf.
4. Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипе. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. − Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. − 352 с
5. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики: Пер. с фр. /Под. ред. и с примеч. Р.И. Шор. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
6. Jørgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method. – SAGE Publications Ltd, 2002.
7. Kress G. Linguistic processes in sociocultural practice. – Deakin University, 1985.
8. Matthiessen Ch., Thompson S. A. The structure of discourse and “subordination”// Clause combining in grammar and discourse .– Vol. 18 / Ed. J. Haiman, S. Thompson. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1988. – P. 275-331.
9. Van Dijk T. A. Political discourse and ideology. – University of Amsterdam, 2002. – P. 15-34, [Электронный ресурс], URL: http://www.discourses.org/OldArticles/Political%20Discourse%20and%20Ideology.pdf.

© Дуброва Ю.Ю., 2012

УДК 81’38

Евдокимова Е.В., Тимирханов В.Р., Убийко В.И., Батталова А.Р.
г. Уфа (Россия)

Когнитивно-эйдетические аспекты изучения творчества семьи Аксаковых

Сергей Тимофеевич Аксаков принадлежит к числу выдающихся личностей, чьи имена остаются в истории и памяти народа на века. Многогранность его таланта поразительна: это был писатель-гуманист, оказавший духовное влияние на многих великих художников слова, прогрессивный литературный и театральный критик, переводчик, настоящий знаток и ценитель природы, великий семьянин – глава большой, по-настоящему русской, знаменитой семьи. Сплочённая взаимной любовью, крепкая укладом православных традиций в сочетании с европейской образованностью, одухотворённая идеями благородства и добра, семья Аксаковых стала уникальным явлением отечественной и мировой культуры.

Особенным художественным даром С.Т. Аксаков был наделён от природы; став писателем, обладающим редкостной наблюдательностью,

прозорливостью и правдивостью, он реализовал в своём творчестве определённый взгляд на русский язык. Биографическая проза С.Т. Аксакова отличается ясностью, точностью словесного выражения, тексты его произведений имеют ярко выраженные идиостилистические особенности. «Чутко восприняв наиболее ценные и прогрессивные идеи в концепции литературного языка А.С. Шишкова, писатель самостоятельно вырабатывает в своей художественной практике принципы словоупотребления, близкие к принципам пушкинской поэтики» [5, с.41]. С.Т. Аксаков всегда тяготел к яркому, несущему в себе максимальную смысловую нагрузку слову, поэтому аксаковский язык признаётся важнейшей составляющей всего творческого наследия писателя. Не случайно К. Бальмонт отмечал: «Воплотители величайшей гармонии русского духа, его солнечной основы, его зеркальной ясности, его слияния с природой, чей волевой мирозданный станок размерно творит в веках, поставляя жужжание мошки в тот же ряд, где и дикие пропасти человеческой души, создатели самой чистой, первородной русской речи, - самый русский поэт Пушкин, самый русский прозаик Аксаков».

В конце XX – начале XXI в. обозначился особый интерес к личности и деятельности С.Т. Аксакова и его семьи. На родине писателя ширится, развивается аксаковское движение, история Аксаковых активно изучается с самых разных точек зрения. «Лингвистическая ветвь» аксаковедения представляет собой сегодня многоаспектное плодотворное исследование художественного наследия выдающегося русского писателя, трудов его сыновей.

Можно считать, что прошедшая в Башкирском государственном университете в 1991 году юбилейная, посвящённая 200-летию со дня рождения С.Т. Аксакова научная конференция с участием специалистов всей России – от Петрозаводска до Южно-Сахалинска, а также Украины, Молдовы и Германии, дала мощный импульс для формирования лингвистического направления аксаковедения. Следующие 20 лет ознаменовались появлением большого количества статей, материалов конференций (крупнейшие из них состоялись в Уфе, Ульяновске, Оренбурге), диссертаций, связанных с изучением языка Аксакова.

Уфимским городским советом в 1992 году был учреждён ставший традиционным конкурс научных студенческих работ, посвященных творческому наследию семьи Аксаковых, лауреатами которого практически ежегодно становились воспитанники лингвистических школ БашГУ и БГПУ. Под руководством профессоров Р.М. Гайсиной, Р.А. Каримовой, В.Л. Ибрагимовой, В.Р. Тимирханова, И.В. Артюшкова, доц.Е.В. Евдокимовой, В.И. Убийко студентами были выполнены талантливые оригинальные работы по аксаковской проблематике, нередко имеющие продолжение в научных исследованиях уже более высокого уровня.

Обобщённо можно представить несколько направлений в рамках лингвистического аксаковедения.

1. Научный, академический подход к изучению творчества С.Т. Аксакова на основе глубокого и разностороннего анализа реализуется в работах, посвящённых исследованию лексических групп, фразеологических единиц, стилистических жанровых средств, речевому поведению персонажей (Аюпова С.Б., Евдокимова Е.В., Николина Н.А., Сальникова ВВ., Раевский В.В., Фазылова Г.Х., Чванова И.В., Чжу Сяодун, Яковлева Т.В. и др.). В связи с развитием когнитивной (концептуальной) лингвистики и лингвокультурологии были предприняты попытки проанализировать черты языковой личности С.Т. Аксакова, определить свойства концептов в когнитивном пространстве аксаковского текста (Арапова О.А., Кузьмина Г.Ш., Левушкина О.Н., Николаева Н.Г., Шестакова Е.Ю.).

2. Методическое, образовательно-филологическое направление связано прежде всего с разработками системы уроков, элективных курсов и спецкурсов, материалов олимпиад на основе изучения творчества С.Т. Аксакова и его семьи (Дорожкина Т.Н., Закирова Э Н., Кузина Г.Н., Угрюмов В.Е.). Особое место здесь занимает лингвокраеведение, поскольку жизнь Аксаковых неразрывно связана с Башкирией (Аюпова Л.Л , Махмутова А.С, Хисамова Г.Г., Ямалетдинова А.М.).

3. Исследование трудов К.С. Аксакова - это анализ идей талантливого и во многом оригинального филолога, его научного вклада в разработку вопросов истории и теории русского языка (Безлепкин Н.И., Жаплова Т.М., Каримова Р.А., Кондрашов Н.А., Пятаева Н.В., Тимирханов В.Р., Яковлева Е.А.).

4. Лексикографические разработки наследия Аксаковых следует отнести пока к только начинающему развиваться направлению. В общефилологическом «Словаре литературных типов» (1909 г.) нашли отражение реалии произведений С.Т. Аксакова, собственно язык писателя пока представлен в сводных словарях (см. об этом: 9, с.114- 115). Особенно важно поэтому отметить издание лингвокультурологического словаря-комментария «И образ мира, в слове явленный…» (автор Г.Ш. Кузьмина, Уфа, 2004 г.) к его биографическим книгам. Уже существует специальный конкорданс к произведениям С.Т. Аксакова, составленный Р.О. Зиянгировым, как часть ЭНИ «Весь Аксаков» (aksakov.do.am/index/konkordans/0-22). Определённым вкладом в лексикографическую разработку произведений писателя следует считать «Словарь языка ребёнка: субстантивная лексика» (Уфа, 2005), где составитель В.В. Сальникова описывает тематические группы лексики повести «Детские годы Багрова-внука».

В русле каждого из направлений разрабатываются частные проблемы.

Несмотря на достаточно большой накопленный опыт, в пространстве языковедческой сферы аксаковедения есть много «белых пятен». Так, например, хотя С.Т. Аксакова много переводили и переводят на европейские языки, на китайский язык, практически нет научных работ (т.е. теоретиче-

ского осмысления), посвящённых проблемам перевода (отметим только основательные разработки в этой области проф. Т.Л. Селитриной).

В выявлении идиостилистических черт аксаковского текста большую роль может сыграть сопоставительный анализ концептосферы его и других художников слова – современников и последователей С.Т. Аксакова. Таких работ пока немного (Белая А.С., Каракуц-Бородина Л.А., Козыро Л.А.).

Очевидно, что в лингвистическом плане достаточно полно изучается лишь биографическая проза С.Т. Аксакова, а другие произведения и публицистика ещё ждут своего часа. Между тем, известно, что писатель, как правило, строго следовал законам жанра, поэтому важен лингвостилистический анализ разных его текстов.

Наконец, нельзя не отметить и отсутствие единого теоретического подхода в области аксаковской лексикографии. Несмотря на многообразие попыток лексикографического освоения языка Аксакова, все они носят фрагментарный характер, частично фиксируя авторское словоупотребление, хотя сегодня уже есть потребность в широком историко-энциклопедическом аспекте словарных разработок. Это происходит ещё и потому, на наш взгляд, что мы пока не можем представить в полном объёме масштаб С.Т. Аксакова и всей его семьи как феномена, оказавшего колоссальное влияние на русское мировоззрение и мировосприятие, в том числе и в его эйдетической цельнооформленности.

В плане дальнейшей лексикографической разработки аксаковского наследия считаем возможным предложить следующие базовые теоретические позиции.

1. Лингвофилософскую аутентичность, что означает максимально возможную степень близости его методологии принципам лингвистического мировоззрения Аксаковых: реалистическому и синергийно-онтологическому. Об этом см. подробнее в [7].

2. Эйдетику, закономерно «вырастающую» из лингвофилософской матрицы Словаря и являющуюся основным регулятивным принципом лексикографирования. Апелляция к эйдетическому ресурсу свидетельствует о (признании) принципиальной неустранимости смыслового слоя между миром идей, существующих до языка и вне языка, и самим языком, т.е. смыслового уровня, организующего и формирующего взаимодействие (синергию) внеязыковой и языковой реальности. Для русской реалистической лингвофилософии принципиально, что языковые смыслы не могут возникать вне связи с доминирующим в сознании эйдетическим слоем, формирующим синергийную основу языка, тогда как «аналитические концепции предпочитают обходиться без третьего, наряду с логикой и языком, уровня чистого смысла…, постулируя прямую (без посредующего звена в виде эйдосов) корреляцию логического смысла и внеположной действительности» [4, с.292]. В свете эйдетического подхода особым образом переосмысливаются

когнитивные и дискурсивные принципы Словаря.

3. Когнитивность, которая осмысливается как принцип реализации едино-раздельного отношения языковых смыслов с сознанием и внеположным миром идей и вещей, связи, опосредованной эйдетическим слоем и обусловленной не отражением понятий в языке, но пониманием понятий (иначе – мира идей), пониманием, пронизанным свойствами самой личности, фактором участвующей в этом осмыслении личности (категория «интеллигенции» у А.Ф. Лосева). Тезис «слово есть сознание» [1, с.31] находит выражение в целой системе лингвофилософских положений, среди которых здесь уместно остановиться на следующих: а) «*начало языка и грамматики есть целый акт сознания, сама речь*» [там же], б) «сознание есть освобождение себя, *отделение себя* от всего другого, от всего остального мира, *знание себя*» [там же, с.32], потому оно всегда «интеллигентно», «личностно», в) «сознание не может быть не полно» явившемся, воплотившемся в языке [там же, с.33], г) «сознание не есть простое отражение предмета… Сознание есть понимание предмета с полным отчетом в этом понимании», то есть, т.о., «сознание есть в то же время *выражение* предмета» [там же, с.12-13], д) сознание «дает предмету равномерный образ и переносит его во внутренний мир духа, в область разума, где получает он признание и оправдание…, где является возможность *нового бытия*, вне материи, бытия в *идее понимаемой*» [там же, с.11], е) «слово стоит как посредник на рубеже двух миров, одухотворяя природу и воплощая мысль. В слове, мир внутренний человека, определяясь, подает руку миру внешнему, приближенному к нему Словом» [там же, с.14]. Когнитивный уровень лексикографирования слова призван свидетельствовать о диапазоне идей, соотносимых с эйдетико-словесными средствами (инвентарем), составляющими каркас языкового пространства автора.

4. Дискурсивность, которая осмысливается как способ представления о движении и становлении «текучих» (снова определение А.Ф. Лосева), подвижных и переходящих друг в друга словесно-речевых смыслах, т.е. о характере становления эйдосов в индивидуальном текстовом пространстве (в пространстве авторских контекстов), что определяется их взаимодействием с многообразием смыслов речевого высказывания, равно как их ментальными связями с другими эйдосами в мире идей и слов. В частности, одной из задач Словаря является выявление особенностей дистрибуции слов и установление смысловых коннекторов; например, особенности глагольной и адъективной сочетаемости слова *любовь* в контекстах С.Т. Аксакова позволяют установить смысловые корреляции по линии эйдосов любовь – дом – семья – космос (обитаемое пространство) – целостность и др.). Реализация данного принципа Словаря также позволяет фиксировать действие целого ряда дискурсивных переменных: мировоззренческо-ценностных (в т.ч. морально-этических), прагматических (в т.ч. ситуационных), ролевых (в т.ч. инстанций

говорения) и нарративно-образных (в т.ч. предметно-речевых, или предметов изображения). Содержание дискурсивности осмысливается в связи со своеобразно понимаемой категорией стиля, как особой среды, в которой движение (взаимодействие) словесных смыслов находит конкретно-жизненое воплощение. Поскольку «слово само по себе не есть еще та среда, в которой совершается движение поэзии…, не всякое слово являет поэзию», нужна «та среда, которая выражает все ее [поэзии] моменты». Этой средой становится «*слог*, который понимаем мы как стиль в поэзии», здесь слово получает «индивидуальное живое значение», «где уже вполне совершается явление момента, где он является возможно конкретным» и имеет значение как «лицо», как «момент личный» [2, с.9-11]. Только в дискурсе язык касается жизни реальной, личной, здесь эйдос является как действительная жизнь слова, как «реально-жизненная» величина. В той же мере, как идея воплощается в личное понимание идеи, а конкретика речевого смысла высказывания выявляет единство эйдоса, в дискурсивной среде совершается движение и становление словесного значения, с тем, «чтобы перейти в действительность, быть действительно тем, что оно есть, и только в совокупности своих моментов… находит оно свое действительное, истинное, единое, конкретное выражение» [там же, с.17]. Так «единое возникает из множества» и «выражается вполне таким образом, в присутствии всех своих моментов» [там же, с.18-19]. Так «…слова, выражая жизнь, находятся в соприкосновении друг с другом. Различные изменяющиеся отношения слова находят себе выражение в самом же слове» [1, с.31]. Не случайно эту сферу Аксаков с одной стороны сближает с явлением стиля, а с другой – с областью действия широко понимаемых синтаксических правил, «где является жизнь слова, где сознание является цельным и соответствует цельности жизни» [там же, с.47]. Дискурсивный уровень лексикографирования слова призван т.о. предоставить свидетельства о выборе и взаимодействии словесных средств в условиях конкретного речевого высказывания, прежде всего зависящих от ментальных предпочтений автора.

5. Освоение в едином лексикографическом пространстве всего словесного творчества Аксаковых, включая публицистические, научные произведения и мемуаристику. Так, в представлении одного из основоположников русской онтологической философии слова, С.Н. Булгакова, сфера словесной художественности значительно шире, чем собственно литература, ибо диапазон действия образной природы языка охватывает все словесное творчество: «Все, что человек делает, он делает как свободно-разумное, духовно-актуальное существо, а не автомат, во всем осуществляется свобода и творчество, а потому может быть применима и оценка эстетическая. …Каждое мыслительное произведение есть необходимо и словесное произведение… И постольку всякое мышление есть словесное художество, как бы ни были малохудожественны по исполнению его произведения» [3, с.208–209]. За

пределами собственно литературной и богословской области также действуют тропы, обнажающие саму природу языкового выражения сущности: «Обычно тропы считаются признаком поэтического языка… Между тем на самом деле они образуют «железный инвентарь» языка, без которого речь не может сделать ни одного шага. …Самая простая повседневная речь кишит тропами и есть в этом смысле непрестанная стилизация, а не то и поэзия. Сравнения и образы вовсе не составляют принадлежности одних только поэтов. …Язык всегда *рисует*. …Строение речи, в основе которой лежит именование, предполагает «тропы»…» [там же, с.97–98, 213].

Т.о., с точки зрения эйдетики, единственной смысловой категорией (инструментом), способной указать на языковые смыслы и аккумулировать словесные смыслы текста в их взаимодействии, является именно категория эйдоса. В этом смысле мы говорим о когнитивно-эйдетической сфере.

Поясним сказанное выше на элементах анализа сказки С.Т. Аксакова «Аленький цветочек». Как известно, сказка была написана для внучки Оленьки и издана в 1858 г. как приложение к повести «Детские годы Багрова-внука». «Аленький цветочек» занимает совершенно особое место в его творчестве. Эта сказка вбирает в себя все ключевые основы миросозерцания автора и является символом его творчества. Но не только. Она глубоко народна. И в силу этого она насквозь пропитана непреходящими ценностями человеческой жизни. «В наш практичный и деньголюбивый век» (А.Н. Афанасьев) многие из этих ценностей забыты или извращены. Но сказка «Аленький цветочек» озаряет душу читателя и наполняет ее энергией добра и красоты. Талант С.Т. Аксакова заключается в том, что он смог превратить сказку во что-то еще более удивительное при помощи детальных описаний, ярких эпитетов и обилия их синонимов. Вся красота русского языка, его текучесть и сила сосредоточены в «Аленьком цветочке». Приведем лишь некоторые ряды: красота *несказанная, неописанная, негаданная*; хрусталь *восточный, цельный, беспорочный*; цветы *распрекрасные, махровые, пахучие, всякими красками расписанные;* голос *страшный, дикой, зычный, хриплый, сиплый;* вид *страшный, противный, безобразный;* дочь *милая, хорошая, пригожая, меньшая, любимая;* лес *дремучий, непроездный, непроходный*. Прилагательные отсылают к функционально-семантическому комплексу, составляющему «нижний» уровень анализа текста. Они представлены следующими группами:

- прилагательные, обозначающие принадлежность к тому или иному народу, стране: *немецкие замки; разбойники бусурманские, турецкие, индейские; часы аглицкие, немецкие; король персидский; персидский воин;*

- прилагательные, обозначающие характер: *дочери милые, хорошие; честной купец; верные слуги; нехристи поганые; лютые звери; славный и могучий хозяин; неразумный и глупый; послушный раб; добрый, ласковый, милостливый господин; верный раб; неизменный друг; сестры завистные;*

добрая душа;

- прилагательные, описывающий внешний вид: *дочери пригожие; красавицы писаные; страшилища безобразные; чудище мохнатое; госпожа прекрасная; лицо противное; тело безобразное; вид страшный, противный, безобразный;*

- прилагательные, обозначающие цветовую палитру: *аленький цветочек; черный мех; белый день; белый мрамор; зеленый мрамор; позолоченные перила; румяные плоды; бархат зеленый и пунцовый; руки белые; сумерки серые;*

- прилагательные, обозначающие материал: *двери железные, каменная кладовая, каменная гора, терем каменный, хрустальный тувалет, булатная сабля, посуда золотая и серебренная, ножки хрустальные; серебренный полог; бахрома и кисти жемчужные; чаша хрустальная; малахит медный; кармазинное сукно; золотой перстень; ширинки шелковые; золотой кувшин; столы дубовые; мраморная стена; словеса огненные; парчовая скамья;*

- прилагательные, обозначающие размер, величину: *высокий терем, широкая поляна, широкий двор, широкие ворота; фонтаны воды высокие, большие и малые; кровать высокая; мелкие части; великие богатества; место высокое;*

- зооморфные прилагательные: *рев звериный, шипение змеиное, крик совиный, голос птичий, лебяжий пух; слоновьи и мамонтовые кости; когти звериные; совиные глаза; ноги лошадиные; горбы верблюжие; кабаньи клыки.*

Расширяя диапазон сочетаемости вплоть до синтаксических конструкций, мы получаем функционально-смысловую сферу: *цветет цветок цвету алого; цветочек, которого бы не было краше на белом свете; красоты невиданной и неслыханной; цветы распрекрасные, махровые, всякими красками расписанные; запах от цветка по всему саду, ровно струя бежит; цветы пахучие; заповедный, любимый цветок; хоронить (т.е. хранить), утешаться цветком; глядеть; подарить; не жалеть* (для кого-то) *цветочек; затрястись и заплакать* («Только дочь меньшая, любимая, увидав цветочек аленький, затряслась вся и заплакала, точно в сердце ее ужалило»); *порадоваться цветочку; желанный; достать; стоять [в кувшине позолоченном]; цветы замахали своими верхушками и ровно перед ней преклонились; вылететь* («И вынула она тот аленький цветочек из кувшина золоченого и хотела посадить на место прежнее; но сам он вылетел из рук ее и прирос к стеблю прежнему и расцвел краше прежнего»), *расцвести; расти, красоваться* («Побежала она на пригорок муравчатый, где рос, красовался ее любимый цветочек аленький, и видит она, что лесной зверь, чудо морское, лежит на пригорке, обхватив аленький цветочек своими лапами безобразными»), *обхватить; узнать* (Купец говорит дочери: «Аленький цветочек не

хитро найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете»); *вынуть [из кувшина]; посадить; сорвать* («Вот аленький цветочек, какого нет краше на белом свете, о каком просила меня дочь меньшая, любимая». Проговорив таковы слова, он подошел и сорвал аленький цветочек»); *гостинец; золотой кувшин; место высокое, пригорок муравчатый; беседка, цветами заплетенная.*

Опорой функционально-смысловой сферы является образ аленького цветочка: просьба привезти его (*привези мне цветочек аленький)* – искать (*не может он [купец] только найти заветного гостинца для меньшой, любимой дочери – аленького цветочка, краше которого не было бы на белом свете)* – найти – *(на пригорочке зеленом цветет цветок цвету алого)* – сорвать – попытка выкупить *(подари мне цветочек ... заплачу я тебе казны золотой, что потребуешь)* – обменять *(подарю цветочек аленький, коли… пришлешь заместо себя одну из дочерей своих)* – подарить *(достает [купец]гостинец меньшой дочери, золотой кувшин с цветочком аленьким)* – отказ и принятие подарка *(«Что же, дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цветка желанного?»... Взяла дочь меньшая цветочек аленький ровно нехотя)* – вынуть цветок из кувшина – желание посадить – цветок вылетел – цветок прирос к стеблю. Построенная нами функционально-смысловая сфера состоит из звеньев, которые характеризуют основные, узловые моменты сказки вплоть до того момента, как дочь купца покинула дворец. Большой интерес представляют те лексемы, которые характеризуют то, какое воздействие производит цветок на окружающих: *дух занимается* (воздействие на купца); *я хранил ... и утешался на него глядючи; дочь меньшая… увидав цветочек аленький, затряслась вся и заплакала, порадовалась своему цветочку.*

Функционально-смысловая сфера органически вплетается в концептосферу сказки, вскрывает самые глубокие ее интуиции: это переживание духовного опыта, позволяющего не только преодолеть препятствия, но и увидеть через внешнее уродство внутреннюю красоту и совершенство. Доминирующими концептами здесь являются «дом», «семья», лингвокультурологический типаж «купец». Все три названные выше ступени подводят к когнитивно-эйдетической сфере, центром которой является эйдос «Аленький цветочек» – объединяющий в себе 2 мира (микрокосм, макрокосм) в состоянии дисгармонии (внутренняя красота чудовища – внешнее безобразие) и гармонии. Признание девушки в любви разрушает заклятье и трансформирует безобразное в красивое.

Наконец, мы достигаем семиосферы сказки.

Аленький цветочек выступает как символ красоты: Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, не черных соболей сибирских, ни ожерелья бурсицкого, а привези ты мне аленький цветочек, которого бы не было краше на белом свете… В данной просьбе

наблюдается подъем к чудесному над действительностью. Именно этот подъем над житейским делает сказку нужною всем народам, всем ступеням культуры.

Одновременно этот символ открывает неисчерпаемо глубокие интуиции русского мировосприятия, преодоления им хаоса и дисгармонии.

Таким образом, мы предлагаем выделять в рамках когнитивно-эйдетического анализа текста следующие составляющие комплексы:

1) функционально-семантический комплекс;
2) функционально-смысловая сфера;
3) концептосфера;
4) когнитивно-эйдетическая сфера;
5) семиосфера.

Литература

1. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики: Имя. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 232 с.
2. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.
3. Булгаков С.Н. Философия имени. – С.-Пб.: Наука, 1998. – 447 с.
4. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 702 с.
5. Дорожкина Т.Н., Кейбл В. Взгляды С.Т. Аксакова на русский литературный язык и словесно-художественное творчество //Аксаковские чтения: духовное и литературное наследие семьи Аксаковых: Материалы Международной научно-практической конференции (28 – 29 сент.2001г.). – Уфа, 2001. – Ч.1. – С.16 – 42.
6. Литература о С.Т. Аксакове, его семье и его родине: Библиогр. указ. за 1980 – 2004 г.г./ Сост. и автор вступ. статьи П.И. Фёдоров. – Уфа: Вагант, 2004. – 96 с.
7. Тимирханов В.Р. Лингвофилософское наследие К.С. Аксакова: самобытный голос языка // Аксаковский сборник. Вып. V. – Уфа: Издательство «Башкортостан», 2008 – С. 99 – 107.
8. Шестакова Л.Л. К вопросу о словаре языка С.Т. Аксакова // //Аксаковские чтения: духовное и литературное наследие семьи Аксаковых: Материалы Международной научно-практической конференции (28 – 29 сент.2001г.).– Уфа, 2001. – Ч.1. – С.114 – 115.

© Евдокимова Е.В., Тимирханов В.Р.,
Убийко В.И., Батталова А.Р., 2012

УДК 81′362

Егорова В.О.
г. Москва (Россия)

Грамматические средства выражения эмоционального значения (на материале немецкого, английского и русского языков)

Проблема выражения эмоциональных значений с помощью различных языковых средств уже давно представляет интерес для лингвистов. Тем не менее, представляется актуальным подойти к изучению эмоционального значения в плане сопоставления средств его выражения в разных языках. Настоящая статья посвящена проблеме проявления эмоциональности при помощи грамматических средств в немецком, английском и русском языках.

Анализ языкового материала показал, что на грамматическом уровне эмоциональность может быть выражена синтаксическими и морфологическими средствами. Чаще эмоционально-оценочное содержание высказывания передаётся на синтаксическом уровне, о чём свидетельствует процентное соотношение, полученное в результате количественного анализа (Н – 82%, А – 83%, Р – 97%).

Очень полно и ярко эмоциональные коннотации передаются в ***восклицательных предложениях***, которые выделяются нами в самостоятельный коммуникативный тип предложения на основании их особой структуры и целеустановки. В частности, по своему синтаксическому составу эмоциональные предложения в немецком языке могут быть разбиты на односоставные и двусоставные.

Примечательно, что в каждом из сопоставляемых языков **односоставные** восклицательные предложения строятся на основе стержневого слова и интенсификаторов (в нем. *was für ein, welch ein, wie, so, so ein, solch ein, diese* и др.; в английском *what, how, that, such*; в русском *ну, о, ну и, куда как, как, какой, что за и др*.). При этом, в немецком и английском языках безглагольность выступает в качестве основного средства выражения эмоциональности, что обусловлено особенностями синтаксической структуры предложений в этих языках.

“Was für eine Frage! Es wäre herrlich, Liebling. Fast wie bei Mutter Zalewski!”[9, с.418]. Пат с радостью одобряет идею Робби, который собирается поселиться в номере санатория на одном этаже с ней.

Oh, man, what a surprise for me! [6, с.18]. В данном примере восклицание выражает удивление от неожиданности встречи.

Среди безглагольных эмоциональных конструкций можно выделить эмоциональные конструкции с препозицией предикатива, которые передают эмоции более ярко, например: *Verfluchte, treulose Tomate, du! [9, с.258]*, говорит Ленц Альфонсу с симпатией, хотя употребляет для этого не совсем

подходящие эпитеты.

В русском языке безглагольность не является ведущим средством выражения эмоциональности, как в немецком или в английском. Эффект же достигается благодаря употреблению интенсификаторов: - *Какой вы, однако, негодяй! [3, с.29]*, говорит Мухин Смурову с презрением, после того, как услышал его разговор с Ваней.

Двусоставные эмоциональные конструкции могут иметь форму элементарного компонента сложноподчиненного предложения, конструируемого с помощью союзных слов *dass, wenn, und ob, und wie* и т.д., например в следующих предложениях: *'Wenn du nur immer alles übertreiben kannst!'[7, с.6],* в этом предложении выражен упрёк, героиня романа Фрэнсис упрекает свою сестру в том, что она переживает слишком сильно из-за пустяков.

В немецком языке восклицательные предложения составляют 14% от всех выбранных примеров. В английском языке восклицательные предложения составляют 17%, а в русском языке – 10%. Как правило, они выражают радость, одобрение, упрёк, угрозу, меньший процент - такие эмоции, как нежность, удивление, печаль, страх, отчаяние, презрение, ирония, возмущение.

Побудительные предложения, в особенности *побудительно-восклицательные* во всех трёх языках чаще выражали отрицательные эмоции.

- гнев: *"Ach, verdammt!" Ihre Augen blitzten zornig. "Hör auf, dich wie ein Kind zu* benehmen, Ralph! Wenn du reden möchtest, dann reden wir" [7, с.58].
- раздражение*: "Don't do that", he said. "I do hate having my hair mussed about."[8, с.207].*
- упрёк: *«-Между нами не может быть никаких разговоров, - сказал я - и понюхал мой толстый, холодный букет. - Ах, не будьте так злопамятны, - сказал Кашмарин».*

Побудительные предложения составляют в немецком языке 11%, в английском 12%, в русском 10%. Чаще всего в немецких и английских побудительных предложениях выражаются такие группы эмоций, как гнев, презрение, раздражение и возмущение, а в русском языке помимо вышеназванных эмоций может выражаться еще и нежность.

Разнообразные эмоции во всех трёх языках выражаются и в ***вопросительных предложениях***. Наиболее ярко эмоциональное значение передаётся в *риторических вопросах*, которые по своей сути являются эмоциональным утверждением [2, с.38]. Риторические вопросы в немецком языке часто содержат модальные глаголы, такие предложения выражают возражение, возмущение или упрёк.

Так, сочувствуя чувствительному и склонному к самоубийству сыну своей подруги, Маргарет задаётся риторическим вопросом, в котором выражено возмущение: *"Wie kann man so grausam zu seinem eigenen Kind*

sein?"[7, c.130].

"Wouldn't you like to be a star?" спрашивает Джимми Джулию, на что она отвечает ему риторическим вопросом с иронией: *"Who wouldn't?"[8, c.25]*

В следующем примере в двух риторических вопросах выражено возмущение*:*

- *Что вы знаете?...Что вы вообще можете знать? Вы все ничтожества рядом с ним! Я умру…[4, с.459]*.

Вопросительные предложения составляют в немецком языке 16% от выбранных примеров, в английском 15%, в русском 17%. Вопросительные предложения выражают чаще всего такие группы эмоций, как удивление, гнев, страх, отчаяние.

Эмоции часто передаются в разговорной речи ***эллиптическими предложениями***. В немецком и английском языках они составляют 10%, в русском - 15%. Эллипсисы могут передавать как положительные эмоции: радость, нежность, одобрение, удивление, так и отрицательные: печаль, страх, отчаяние, стыд, обида, ирония, угроза, упрек. Например:

- восхищение*: "Großartiges Mädchen, was?"[9, c.3]*. Ленц, очарованный Пат, спрашивает Робби, согласен ли он с ним.

- обвинение: В романе А. Кристи Армстронг комментирует смерть жены Роджерса, у которой отказало сердце *"Her heart certainly failed to beat – but what caused it to fail is the question"*, на что Эмили Брент отвечает, повергнув всех в ужас *"Conscience!"* [5, с.96].

- радость: героиня романа «Театр» актриса Джулия во время трудного разговора с мужем слышит, как к дому подъезжает машина и с радостью и облегчением восклицает: «*Твой отец!» [1, с.108]*.

В качестве универсального для трёх языков грамматического средства выражения эмоциональности можно рассматривать **повторы и переспросы**, составляющие 14% немецких примеров, 12% английских и 20% русских. Они выражают различные эмоции:

- удивление*: -'Oh-zum Haus der Schwestern! Ich bin Cynthia Moor. Mir gehört der Laden hier!' 'Schwestern?' ' Ich dachte, Miss Selley lebt allein dort!'[7, c.75]*.

«- Академик дома? – спросил Федя. – Какой академик? – не поняла бабушка» [4, с.354].

- недовольство: - *Just this? This is where you are living? Just this?... Just this? Just this? You bring me all this way for just this? [6, c.21]*

Такое синтаксическое явление, как ***параллелизм***, при помощи которого могут быть переданы разнообразные эмоции, находит несколько большее выражение в немецком и английском языках, что составило по 8% выбранных примеров, а в русском - 5%.

- гнев:*'Weil? Sprich es doch aus! Weil mein geschiedener Mann Vater geworden*

ist! Weil ihm nun eine andere Frau gegeben hat, was ich ihm nicht geben konnte!'[7, c.1].

- упрёк*: "If one stripped you of your exhibitionism, if one took your technique away from you, if one peeled you as one peels an onion of skin after skin of pretense and insincerity, ..., would one come upon a soul at last? [8, c.27]* Так говорит сын Джулии, упрекая её в том, что она всегда ненастоящая, что она всегда играет.

-упрёк*: Ты всегда играешь. Эта привычка - твоя вторая натура. Ты играешь, когда принимаешь гостей. Ты играешь перед слугами, перед отцом, передо мной [1, с.107]*.

Наибольшие расхождения в формах выражения эмоционального значения в сопоставляемых языках были обнаружены на морфологическом уровне. В качестве морфологических средств выражения эмоций были выделены **сослагательное наклонение** и **модальные глаголы.**

Сослагательное наклонение имеет во всех трёх языках свою специфику выражения, однако, данная специфика выражения не влияет на характер передаваемых эмоций. В первую очередь оно передает такую группу эмоций, как сожаление. В немецком и английском встречается в 9%, в русском - 3%.

Одним из главных средств передачи эмоциональных оттенков является сочетание модальных глаголов и инфинитива. В немецком языке сочетанием с глаголом *müssen*, в английском с *must* могут усиливаться такие эмоции как радость, восторг, страх. Сомнение и неуверенность говорящего выражается такими немецкими глаголами, как *können* и *mögen*, и такими английскими глаголами, как *may, might, can.* Эмоциональные побуждения в немецком языке содержат нередко модальные глаголы *sollen* и *wollen*, в английском языке модальные глаголы *must* и *should*. Сочетание модального глагола *should* и *perfect infinitive* выражает упрёк или укор. Эмоции передаются и усиливаются с помощи модальных глаголов в 9% немецких предложений и в 8% английских.

В грамматических структурах обнаружились как общие для всех трёх языков черты, так и некоторые различия, связанные прежде всего с различиями в строе. Проведенное исследование имеет практическую направленность, поскольку собранный фактический материал будет представлен в виде методических рекомендаций и может быть использован на занятиях, как по первому, так и второму иностраному языку.

Литература

1. Моэм У. Сомерсет. Театр.- М.: Изд-во "Правда", 1982.- 238 с.
2. Нушикян Э.А. Типология интонации эмоциональной речи - Одесса: ОГУ, 1986. – 62 с.
3. Набоков В. Защита Лужина. Подвиг. Соглядатай. – М.: Изд-во «АСТ», 2004. – 541 с.

4. Токарева В. Лиловый костюм: Повести и рассказы.- М.: ООО «Изд-во АСТ», 2000.- 480 с.
5. Christie A. Ten little niggers. - М.: Издательство «Менеджер», 1999.- 288 с.
6. 6. Levy A. Small Island, Review, Headline Book Publishing, London, 2004. - 533 p.
7. Link Ch. Das Haus der Schwestern. Muenchen : Der Goldmann Verlag. 1999 - 319 S.
8. Maugham W.S. Theatre. - М.:Издательство «Менеджер», 2002.-304 с.
9. Remarque E.M. Drei Kameraden.-Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1963.- 462 S.

© Егорова В.О., 2012

УДК 811.111

Ермакова О.М.
г. Мозырь (Беларусь)

Эффективность использования приема драматизации при обучении интонационному оформлению высказывания

На современном этапе развития общества основной целью обучения иностранному языку в вузе является формирование у специалистов способности и готовности к межкультурному общению. Успешность такого общения зависит от сформированности коммуникативной компетенции в единстве всех ее составляющих. Языковая компетенция, как один из ее ключевых компонентов, включает наряду со знанием грамматики языка и лексики знания фонетических и интонационных средств изучаемого языка и навыки их использования.

Любой язык характеризуется наличием своих особых интонационных моделей, владение которыми необходимо для осуществления эффективной коммуникации. Незнание или неправильное употребление интонационных моделей приводит к искажению смысла высказывания или нарушению этикетных норм поведения.

Обучение интонации на современном этапе часто заключается лишь в выполнении имитационных упражнений (повторении за диктором с опорой на текст или заучивании микродиалогов) без последующего перенесения интонационных моделей в живую устную речь. При таком подходе у студентов формируется навык произношения интонационных моделей в конкретной речевой ситуации с использованием определенных лексических средств (как в диалоге-модели). При выходе за пределы этой речевой ситуации студент прибегает к интонационным моделям родного языка. Неэффективность такого подхода проявляется еще и в том, что мотивация студентов

к изучению интонационных особенностей языка заметно снижается, т.к. сформированные навыки интонационного оформления высказывания не находят применения в собственно коммуникации.

В данной ситуации необходимо внедрять такие методы и приемы обучения фонетике, которые способствовали бы переносу заученных интонационных моделей в новую коммуникативную ситуацию. Одним из таких приемов является драматизация, приближающая речевую деятельность на занятии к реальной коммуникации. Драматизация заставляет студентов пропускать ситуацию через себя, придавая ей личностный характер, что объясняет эффективность данного приема при обучении фонетике.

На занятиях часто используются несколько разновидностей драматизации: формальная и неформальная драматизация, пантомима и импровизация. Все разновидности драматизации, за исключением пантомимы, можно использовать при обучении интонационному оформлению высказывания.

При работе над интонационным явлением с использованием приема драматизации можно выделить несколько этапов. На первом этапе происходит ознакомление с интонационным явлением и формирование навыка его произнесения на основе тренировочных упражнений. На следующем этапе студентам предлагается разучить размеченный диалогический отрывок с опорой на аудиозапись. На данном этапе проходит значительная подготовительная работа, предваряющая формальную драматизацию. Так, по усмотрению преподавателя студенты могут затранскрибировать текст с последующим анализом звуковых явлений, проанализировать использование тех или иных интонационных средств.

Выученный диалог-образец студенты разыгрывают в аудитории. Несмотря на краткость выступления, целесообразно подготовить костюмы и иные атрибуты, необходимые для постановки небольшой сценки. Использование средств внешней выразительности (например, костюмов) повышает мотивацию студентов и стимулирует их эмоциональное участие в обучении. На следующем этапе студентам предлагается составить диалог в соответствии с заданной ситуацией и разыграть его в классе. Ситуация должна представлять собой новую коммуникативную задачу, но опираться на диалог-модель. Получив задание составить диалог по аналогии с диалогом-моделью, студенты будут неосознанно использовать усвоенные интонационные модели.

Использование драматизации при обучении интонации способствует прочному усвоению интонационных моделей и их использованию в новых условиях общения, а также повышает мотивацию учащихся к изучению интонационных явлений.

Литература

1. Бобылева Л.И. Театрализация как средство реализации творческого подхода в обучении иностранным языкам // Лингвистические аспекты гумани-

тарного образования: материалы междунар. науч.-теор. конф. (Брест, 25 февр. 2010 г.). – Брест, 2010. – С. 121-123.
2. Тесевич О.Б. Методические аспекты приема драматизации во внеаудиторной работе по иностранному языку // Преподавание иностранных языков в вузах нефилологического профиля: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 27-28 ноября 2009 г. – Минск, 2009. – С. 206-208.

© Ермакова О.М., 2012

УДК 801

Жданова Я.А.
г.Уфа (Россия)

Гендерные различия в коммуникации

Как показывают наблюдения исследователей в области гендерной коммуникации, в лексическом плане мужчины восприимчивее к новому в языке, в их речи больше неологизмов и терминов. Женская речь более эмоциональна, эмпатична, по отношению к партнеру в процессе коммуникации. Это выражается в частом употреблении междометий, метафор, сравнений, эпитетов, образных слов, уменьшительно-ласкательных слов и эвфемизмов.

Г.Е. Крейдлин так описывает стратегии женской и мужской коммуникации: «Женская речь более консервативна (неслучайно диалектологи стремятся наблюдать именно речь женщин, особенно, изучая синтаксис). В словаре женщин больше эмоционально-оценочных слов, в их речи чаще звучат слова с мягкими согласными; для женской фонетики характерно более выразительное участие губ. В стилистическом плане мужская речь более книжная, чем женская, сложнее по синтаксису и больше насыщена интеллектуально (однако не эмоционально)» [2, с.145-146].

Отмечаются различия и в грамматике. В английском языке женщины в своей речи чаще используют страдательный залог, а мужчины – действительный. Это объясняется более активной жизненной позицией мужчин. Так, женщины чаще используют модификаторы неуверенности, а мужчины предпочитают точные цифры, а в качестве показателя переключения темы чаще используют междометие OK.

Особенно ярко гендерные различия проявляются в речевом поведении с выражением своего Я. Женщины более осторожны в предложениях, утверждениях, требованиях, мужчины же более настойчивы, даже, если не совсем уверены в своих утверждениях. Для мужчин характерно интерпретировать речь собеседника, в особенности, если собеседник – женщина. Более того, мужчинам более свойственно дискутировать и оспаривать мнение собеседника. Мужчина, как правило, старается доминировать в беседе, управлять ее

развитием, свои намерение он выражает прямо, не используя при этом формулы вежливости. Современные исследования показывают, что 70% бесед и публичных выступлений приходится на мужчин и лишь 30% на женщин [3, с.72].

Следовательно, можно говорить о существовании гендерной дихотомии в речевых стратегиях. Мужской тип коммуникации – это менее гибкая, но более динамичная и менее ориентированная на собеседника коммуникация. Женский тип коммуникации «более ориентирован на собеседника, на диалог, на подчиненную роль в общении, где мужчина выбирает и меняет тему разговора» [1, с.158]. Однако с повышением уровня образования различия в речи стираются. Поэтому речевой стиль успешной, деловой женщины не отличается от мужского стиля общения.

Литература

1. Зайнуллина Л.М. Общие проблемы лингвокультурологии. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 208 с.
2. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.
3. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

© Жданова Я.А., 2012

УДК 81’367

Жудро А.В.
г. Мозырь (Беларусь)

Механизм выбора фокуса эмпатии в предложениях физического воздействия

Нынешний этап развития синтаксической науки создал все условия для успешного многоаспектного анализа устройства предложения-высказывания. Предложения с глаголами созидания и разрушения вызывают особый интерес в связи с их мнимой противоположностью и особенностями представления в английском языке.

Модели ситуации разрушения и созидания включают в себя одинаковый набор участников – «деятель», «орудие», «объект» и «результат». Однако векторы ситуаций различны. Исходной точкой в ситуации разрушения является «деятель», конечной – «объект», промежуточной – «орудие». Такой участник, как «результат», вовсе не входит в вектор ситуации, так как является побочным. Исходной точкой ситуации созидания является «деятель», конечной – «результат». «Орудие» и «объект» также входят в вектор ситуации и являются промежуточными точками.

Еще одним сходством между предложениями с предикатами созида-

ния и разрушения является одинаковый набор основных аргументов: агентив, инструментатив, патиентив. Регулирует соотношение денотативного и сигнификативного аспектов предложений механизм эмпатии; при этом вследствие эмпатии в соотношении данных аспектов не всегда наблюдается взаимно-однозначное соответствие. Выбор фокуса эмпатии указывает слушающему, какую значимость придает говорящий различным элементам своего высказывания.

В концепции композиционного синтаксиса эмпатия определяется как механизм, регулирующий выбор участника ситуации, который в пропозиции занимает главную позицию.

Главная позиция пропозиции – это позиция агентива. Агентив является исходным элементом пропозиции, от которого исходит динамическое отношение. Агентивом, независимо от лексического значения существительного, считается подлежащее при активной форме глагола. При пассивной форме глагола агентивом считается то предложное дополнение, которое занимает позицию подлежащего при трансформации пассивной формы в активную.

В случае с ситуацией созидания наблюдается 2 варианта эмпатии: в позицию агентива может быть помещен «деятель» или «орудие».

After a while he stepped up, and with the spike of his staff scratched a queer sign on the hobbit's beautiful green front-door.

A Holtzman generator produced the protective field.

В случае с ситуацией разрушения наблюдается 3 варианта эмпатии: в позицию агентива может быть помещен «деятель», «орудие» или «объект».

They … wreck cars in the Car Wrecker place with the big steel ball.

The hands tore the flyleaf and then the first and then the second page.

The rocks smashed among the trees far below, or splintered into little bits with a bang.

Можно предположить, что ограничительной силой обладает такой участник как «результат», так как только он не может занимать позицию агентива в пропозициях с предикатами созидания и разрушения.

Однако влияние «результата» на пропозицию имеет различную природу для ситуации созидания и ситуации разрушения. В ситуации разрушения ограничительная сила «результата» обусловлена тем фактом, что данный участник является внешним по отношению к вектору ситуации. Включение «результата» в вектор ситуации автоматически изменило бы ситуативную отнесенность, например, на отнесенность к ситуации созидания. В случае с ситуацией созидания ограничительную силу «результату» придает именно его положение в конечной точке вектора ситуации.

Помещение «результата» в позицию агентива позволило бы судить о ситуации как о «самосозидании», где само действие было бы произвольным. Соответственно, помещение «объекта» на главную позицию пропозиции

при ситуации разрушения позволяет охарактеризовать ситуацию как «саморазрушение». Таким образом, ограничительный потенциал принадлежит тому участнику, который занимает конечную позицию в векторе ситуации.

© Журдо А.В., 2012

УДК 801

Зайнуллина Л.М.
г.Уфа (Россия)

Специфика функционирования бизнес-блогов в Интернете

Деловая коммуникация представляет собой «сложное, синкретичное образование, состоящее из разнородных сегментов. Основой его является собственно деловое общение, целью которого является организация эффективной работы для достижения конкретного результата» [1, с.34]. В деловой коммуникации применяются *дискурсивные стратегии*, направленные на структурирование последовательности коммуникативных интеракций; *риторические стратегии,* реализующиеся эксплицитно и имплицитно в целях оказания определенного воздействия на коммуникантов, и *компенсационные стратегии,* применяющиеся с целью коррекции коммуникативных сбоев [3, с.40].

Специфика функций делового общения определяется во многом парадоксальными свойствами самого бизнес-дискурса, характеризующегося: а) многофункциональностью и полиинтенциональностью (помимо информирования, он выполняет функции интерпретации, полемики, формирования общественного мнения, выражения доминирующих тенденций развития бизнес-культуры, рекламирования компаний и их продуктов; б) высокой информативностью, полемичностью, отнесенностью к определенной субкультуре, наличием рекламной составляющей, манипулятивностью и т.п. Кроме того, бизнес-дискурс характеризуется поликодовостью, т.е. применением нескольких семиотических кодов: вербальных (печатного и аудиального) и визуальных (графика, цвет, образ, фотографии, видео), что обеспечивается мультимедийными возможностями Интернета. Можно также отметить полифоничность (наличие множества мнений) бизнес-дискурса, высокую степень интегративности, насыщенность терминами (бизнес, экономика, менеджмент, предпринимательство и т.д.) и присутствием специализированного и общего бизнес-сленга и менеджерского «новояза» [1, с.102].

Бизнес-дискурс получил свое новое сетевое воплощение в Интернете, в т.ч. и в форме корпоративных сайтов и блогов, а также CEO-блогов (авторские блоги известных бизнесменов-руководителей компаний). Так, еще в 2005 г. авторитетный американский журнал *Fortune* опубликовал список восьми известнейших бизнесменов-блоггеров, которых «нельзя игнориро-

вать в деловом мире: Peter Rojas, Jonathan Schwartz, Jason Goldman, Robert Scoble, Jason Calacanis и др. Бизнес-блоги завоевывают все большую популярность вследствие как минимум двух своих качеств, важных с точки зрения возможностей для эффективной бизнес-коммуникации: высокой скорости общения и широкого пространственного, а также социального охвата» [6, p.137].

При описании дискурсивных практик Интернет-континуума важным терминологическим вопросом является определение минимальной единицы в макроструктуре Интернет-дискурса. На современном этапе исследований дискурсивной проблематики вызывает определенный интерес лингвистов такой феномен когнитивно-прагматического моделирования Интернет-коммуникации, как трансакция (транзакция).

Трансакция является наиболее операциональной единицей социального взаимодействия в рамках понимания Интернет-континуума как институциональной спецификации дискурса. Электронный дискурс характеризуется не только интерактивным (т.е., протекающим в режиме реального времени on-line) взаимодействием паттернов речевого поведения его участников, но и взаимовлиянием (взаимопроникновением) в условиях «гипертекстуальной телесности» и диффузности коммуникативного присутствия в киберпространстве виртуальных языковых личностей и их картин мира. Поэтому бизнес-дискурс способен формировать «активные микро- и макросоциальные группы вокруг того или иного информационно-аналитического или информационно-культурного ресурса» [5, с.78].

Трансакции партнеров по виртуальному общению могут содержать как единичный репликовый шаг (с имплицитно выраженным реципиентом), так и их цепочку, в которой может находить свое выражение не один, а сразу несколько речевых актов. Относящееся к Интернет-дискурсу диалогическое содержание коммуникации не зависит от принадлежности участников к той или иной лингвокультурной общности национальных сетевых сегментов. Оно (содержание) определяется как «условно иерархизированное макросообщество, в котором взаимоотношения между виртуальными собеседниками выражаются в трансакциях по определенному когнитивному сценарию с учетом прагматических пресуппозиций» [4, с.293].

При исследовании корпоративного блоггинга необходимо учитывать специфику функционирования сетевого дискурса и его контентопостроения с точки зрения задействованного коммуникационного канала - Интернета, имеющего сетевой, гипертекстовый характер. Корпоративное дискурсобразование в сети осуществляется под влиянием целеустановок «коллективного корпоративного автора/субъекта», т.е. самих корпораций, создающих и ведущих свои сайты и блоги; при этом эти корпорации представлены, как правило, коллективом профессиональных специалистов в области корпоративных коммуникаций, PR и маркетинга, корпоративной журналистики,

непосредственно создающих тексты, размещаемые на сайтах и в блогах [1, с.188].

Прагматическая установка такого корпоративного субъекта-дискурсанта, а значит, и прагматическая установка продуцируемых текстов заключается в манипулятивном конструкционно-корректирующем воздействии на общественное мнение – создании и поддержании позитивного имиджа корпорации в глазах общества, что достигается через информирование, декларирование и т.д. Этим определяются и лингвистические (а также пара- и экстралингвистические) особенности текстов – общая «корпоративная» стилистика, принципы отбора материала и форма его подачи, языковое и визуально-графическое оформление, сопровождение текста иконическими образами и т.д.[4, с.302].

Дискурс бизнес-блогов не только отражает, но и воздействует на действительность и ментальность общества, конструируя определенную бизнес-реальность. Основная цель бизнес-блоггинга – создание конкретного общественного настроя, оптимального для бизнеса, его деловой репутации, бренд-идентификации посредством формирования нужных представлений у потенциальных потребителей и инвесторов.

Литература

1. Данюшина Ю.В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса. Дисс. д-ра филол. наук /10.02.04, 10.02.19 / Институт языкознания РАН. - М., 2011. 382 с.
2. Зайнуллина Л.М. О специфике исследования Интернет-дискурса / Вестник Башкирского университета, №1, том 17, 2012. С.492-498.
3. Малюга Е.Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. М.: Кн. Дом «Либроком», 2008. 320 с.
4. Когнитивные исследования языка: Сб. материалов международного конгресса по когнитивной лингвистике. – Тамбов: Изд. Дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2012. 512 с.
5. Попова Т.И. и др. Интернет-пространство: речевой портрет пользователя. – СПб: Изд. «Эйдос». 2012. – 224 с.
6. Scoble, R., Israel, S. Naked Conversations. How blogs are changing the way businesses talk with customers. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. 2006. 112 p.

© ЗайнуллинаЛ.М., 2012

УДК 802/809.1–52

Закирьянов К.З.
г. Уфа (Россия)

Перевод в речевой деятельности билингва

Билингв – постоянный переводчик

Билингвизм, возникший стихийно как необходимое условие для нор-

мального сосуществования разноязычных народов в многонациональном мире, представляет собой явление *феноменальное.* Феномен его состоит в том, что с его помощью вступают в контакт и добиваются взаимопонимания носители разных национальных языков, далекие друг от друга по культуре, психологическому складу, условиям проживания. Он является фактически единственным путем решения проблемы языкового барьера в многоязычном мире, является надежным средством регулирования сложных межнациональных отношений – средством воспитания чувства толерантности у представителей разных национальностей по отношению друг к другу.

Феномен билингвизма неразрывно связан с проблемой формирования *билингвальной личности,* свободно владеющей и пользующейся двумя языками. Свободное владение двумя языками основано на усвоении языковой картины мира двух народов, говорящих на этих языках, когда билингв усваивает языковые средства вместе с материальной и духовной культурой народов – носителей этих языков. Билингвальная личность – это не просто личность, овладевшая двумя языками как средством общения и умеющая общаться на этих двух языках, а такая личность, которая усвоила вместе с языковыми средствами две национальные языковые картины мира, две национальные культуры. Такая личность в состоянии адекватно воспринимать и выражать мысль на двух языках.

Основу формирования билингвальной личности составляет усвоение системы языковых единиц всех уровней и умение пользоваться ими во всех сферах жизнедеятельности. Процесс этот неразрывно связан с *переводом* с одного языка на другой.

Билингв постоянно сталкивается с переводом (отсюда возникло образное выражение «Билингв – постоянный переводчик»). По существу перевод является одним из элементов нормального функционирования двуязычия в разноязычном коллективе, а по большому счету – основным видом межъязыкового посредничества. «Перевод выступает в качестве универсального лингвосоциокультурного механизма, обеспечивающего взаимодействие социальных и культурных субъектов» [2, с.66]. Без перевода трудно даже представить совместную жизнь разноязычных людей в полиэтническом пространстве. В условиях многоязычной среды каждый билингв, не будучи специалистом-переводчиком, стихийно становится переводчиком: он переводит воспринимаемые на чужом (неродном) языке фразы на свой родной, а возникшие на своем родном языке собственные – на второй (неродной), когда в этом возникает необходимость (при общении с иноязычным собеседником).

Разумеется, чрезвычайно важна роль специалистов-переводчиков, особенно переводчиков художественных произведений, которые выполняют работу огромной политической важности: они открывают иноязычному читателю красоту и величие художественных творений, созданных на других

языках. Так, благодаря переводам на русский язык (и на другие языки) художественные творения народного поэта Башкортостана Мустая Карима стали достоянием разноязычных народов великой России; благодаря переводам стали «своими» для каждого россиянина киргизский писатель Чингиз Айтматов, дагестанский поэт Расул Гамзатов и другие. Такие переводы представляют собой, по определению К.И.Чуковского, «высокое искусство», и овладение этим искусством является целой наукой, сложной, со своими законами и нормами.

Однако в плане формирования билингвальной личности для нормального проживания ее в полиэтническом пространстве нас интересует перевод не столько как наука и искусство, которым занимаются специалисты-переводчики, а как средство бесконфликтного сосуществования и успешного сотрудничества разноязычных людей в многонациональном социуме. В этих условиях перевод с одного языка на другой становится естественным способом повседневного общения и касается всех членов много(разно)язычного коллектива без исключения. Цель перевода в данном случае – добиться взаимопонимания, удовлетворение естественных коммуникативных потребностей. Достижение этой цели является делом чрезвычайно сложным, трудоемким; оно выдвигает перед билингвом-«переводчиком» ряд проблем, решение которых не так просто.

Трудности, возникающие в процессе перевода, обусловлены разными причинами, в частности: несовпадением способов отражения картины мира в разных языках, национальной спецификой менталитета разноязычных народов, имеющимися различиями в той социальной среде, в которой живут носители того и другого языка. Но главной причиной трудностей перевода является специфичность семантики языковых единиц и несовпадение грамматического строя разных языков. Эти расхождения обнаруживаются на всех уровнях языковой системы. Все названные причины трудностей перевода в целом создают ряд проблем перед «переводчиком»-билингвом при пользовании им вторым (неродным) языком.

Основные проблемы перевода можно классифицировать в соответствии с их соотнесенностью с тем или иным уровнем языковой системы – лексическим, фразеологическим, грамматическим.

Лексические трудности перевода связаны с отбором лексических единиц для точной передачи содержания выражаемой мысли на втором (неродном) языке и с точным пониманием значения слов в воспринимаемой иноязычной речи. Здесь трудности перевода связаны, главным образом, с многозначностью слов, с несовпадением объема значений слов и с несовпадением лексической сочетаемости слов в разных языках. Кроме того, в каждом языке есть такие слова, которым нет соответствий (эквивалентов) в другом языке, то есть безэквивалентная лексика. Задача билингва-«переводчика» состоит в том, чтобы найти в другом (неродном) языке нуж-

ную лексическую единицу, которая была бы адекватна лексической единице родного языка.

То же следует сказать о трудностях перевода фразеологических единиц. Во фразеологии гораздо больше, чем в каком-либо другом разделе, проявляется национальная специфика языка, ибо во фразеологических единицах наиболее отчетливо отражается национальное видение мира, особенности национальной языковой картины мира. Для выражения одних и тех же понятий в каждом языке имеются свои фразеологические единицы, образованные на основе совершенно разных представлений об обозначаемом предмете, явлении, признаке объективной действительности. Состав компонентов показывает, какие представления были положены в основу образования фразеологизмов. Например, сравним эквивалентные по значению («быть строгим, требовательным по отношению к кому-либо») русский фразеологизм *держать в ежовых рукавицах* и его башкирские эквиваленты *югэнде / тезгенде каты тотоу* (досл. «крепко держать узду/ поводья»), *дилбегэне кыска тотоу* (досл. «коротко держать вожжи»). Поэтому одним из существенных признаков фразеологических единиц является их дословная непереводимость на другой язык. В данном случае задача билингва-«переводчика» заключается в умении находить эквивалентные фразеологические единицы в двух языках, для чего требуется знание фразеологического богатства каждого из языков.

Грамматические трудности перевода связаны с выбором таких грамматических форм слов и таких синтаксических конструкций в переводимом языке, которые соответствовали бы грамматическому значению словоформ и содержанию синтаксических конструкций в родном языке билингва. Здесь трудности перевода обусловлены наличием существенных расхождений в грамматическом строе двух языков. Например, в башкирском языке нет категорий рода и одушевленности/ неодушевленности, свойственных русским именам существительным, нет категории вида русского глагола; прилагательные в башкирском языке не изменяются по родам, числам, падежам, подобно русским; не совпадают в русском и башкирском языках способы оформления синтаксических связей слов, порядок расположения слов в предложении, структура односоставных безличных предложений, сложноподчиненных предложений и ряд других, и употребление этих грамматических явлений в русской речи представляет для билингва-башкира серьезные трудности, нередко вызывающие речевые ошибки.

Проблема перевода связана еще с понятием *адекватности перевода* [3], которое, в свою очередь, связано с понятиями *дословного* и *смыслового перевода*.

Адекватность перевода предполагает максимальное соответствие содержания речевого высказывания в двух языках. При адекватном переводе исходный и переводимый тексты (высказывания) равноценны.

Теоретически можно предположить, что адекватный перевод с одного языка на другой возможен. Но на практике возможность такого перевода подвергается сомнению, является спорной. Существуют, по крайней мере, две противоположные точки зрения по этому вопросу. Одни ратуют за вольный перевод: достаточно передать на другом языке как можно ближе к оригиналу содержание переводимого текста, не соблюдая строго лексические средства и грамматические формы языка оригинала. Такой перевод можно назвать смысловым. Другие настаивают на дословном («буквальном») переводе: чтобы в тексте оригинала и переводном тексте максимально совпали лексический состав и синтаксические структуры. Мы склоняемся к первой точке зрения, имея в виду не художественный перевод (у него свои цели и задачи – прежде всего эстетические), а перевод в речи билингва, используемый им для удовлетворения коммуникативной потребности в повседневном общении на двух языках. Такое понимание адекватности перевода допускает возможные *трансформации* на разных уровнях – лексическом, грамматическом, семантическом, информационном.

Трансформации представляют собой:

– преобразование друг в друга таких синтаксических конструкций, которые близки и тождественны по смыслу, но имеют неодинаковую структуру;

– изменение формальных или семантических компонентов исходного текста (высказывания) при сохранении информации, предназначенной для передачи.

Соответственно видами трансформации могут быть:

– изменение порядка слов в предложении;

– изменение синтаксической структуры предложений;

– замена частей речи и членов предложения;

– добавление в переводимое предложение новых слов;

– опущение из переводимого предложения отдельных слов;

– замена форм эквивалентных слов и т.д.

Для успешного осуществления адекватного перевода с одного языка на другой необходимо в первую очередь знание этих языков, знание лингвистических тонкостей их единиц, то есть свободное владение обоими языками. Отсюда вытекает, что для успешного формирования билингвальной личности, способной свободно осуществлять адекватный перевод с одного языка на другой, подготовленной к жизнедеятельности в условиях активного двуязычия, нужно заботиться о создании реальных возможностей для практического овладения двумя языками (в условиях башкирско-русского двуязычия – башкирским и русским).

В методической системе обучения двум языкам с целью формирования билингвальной личности полезно использовать перевод как методический прием, который предполагает выполнение серии упражнений в перево-

де слов, предложений, текстов, при этом немаловажное значение имеет система упражнений в переводе и отбор языкового материала для них [1]. Например, при обучении русскому языку в башкирской школе система упражнений по переводу включает: 1) перевод с русского языка на родной; 2) перевод с родного языка на русский; 3) перевод с русского языка на родной, затем полученный перевод снова на русский. Каждый из видов перевода может проводиться как в устной, так и в письменной форме.

Выбор видов упражнений по переводу определяется учебными целями, каковыми могут быть: объяснение языкового материала, закрепление изучаемого и контроль усвоения изученного, соответственно упражнения в переводе могут быть использованы на всех этапах обучения.

Признавая эффективность перевода как методического приема и ратуя за его использование в учебном процессе, нельзя злоупотреблять им: он окажется полезным только в том случае, если будет включен в систему упражнений методически обоснованно и с соблюдением чувства меры.

Литература

1. Закирьянов К.З. Двуязычие и перевод: Пособие для учителя. – Уфа: Китап, 2012.

2. Макарова Л.С. Перевод как социокультурная деятельность в полиэтнической среде // Актуальные проблемы двуязычия и их речевая реализация в полиэтнической среде: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (20–22 апреля 2005 г.). – Майкоп: изд-е Адыг. ун-та, 2005. – С. 66–68.

3. Хачмафова З.Р. О понятии «адекватность» перевода // Актуальные проблемы двуязычия и их речевая реализация в полиэтнической среде: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (20–22 апреля 2005 г.). – Майкоп: изд-е Адыг. ун-та, 2005. – С. 117–120.

© Закирьянов К.З., 2012

УДК 811.512.1

Зарипова И.Ф.
г.Уфа (Россия)

Полупредикативность как средство неприсловной связи слов[3]

Разновидность подчинительной связи, которая выражает семантиче-

[3] *Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ РБ: "Урал-история, экономика, культура" в рамках научно-исследовательского проекта «Лингвокультурологические и лингводидактические аспекты изучения слова в языке и речи (на материале татарского языка).» № 12-14-02011 а/У.*

ски обусловленное стремление одного из компонентов синтаксической конструкции соотнести свое содержание с другим компонентом через посредство третьего компонента, с которым оба они также находятся в определенной связи, в русском языке называют тяготением [7,с.40]. В рамках тяготения рассматриваются подчинительные, опосредованные через сказуемое связи между деепричастием, инфинитивом и подлежащим.

По мнению И.П.Распопова, «такую связь нельзя не признать, поскольку в противном случае соответствующие факты не получают исчерпывающего объяснения» [7, с.38]. Он считает, что такая связь не образует отдельного словосочетания, не содержит обычного подчинения деепричастия имени. Да, это, несомненно, какая-то особая, специфическая разновидность неприсловной связи, которая по указанной причине должна получить такое наименование, как полупредикативная связь (полупредикативность) или дополнительная (неполная) предикация, которая характеризует ее не только с точки зрения лексико-грамматического значения, но учитывает при этом и функциональную роль.

В татарском языке, как и в других тюркских языках, разновидность подобной связи можно рассмотреть еще шире за счет производных от причастия форм, имен действия, глаголов сослагательного наклонения, выражающих обстоятельственно-предикативные значения наряду с собственно деепричастными формами того же назначения.

Еще в первых грамматиках тюркских языков при описании сложноподчиненных предложений, деепричастных оборотов и сходных с ними бинопредикативных конструкций наряду со свободным сказуемым было отмечено подчиненное ему зависимое сказуемое, которое может иметь свое раздельно выраженное подлежащее или соотноситься на одинаковых правах с подчиняющим его сказуемым с одним и тем же подлежащим. Продолжая эту традицию, исследователи синтаксиса тюркских языков постепенно выявили и описали с той или иной полнотой наиболее распространенные структурные типы зависимого сказуемого, которое стало называться второстепенным [10, с.221; 11, с.140-184; 8, с.150-163] или связанным [3, с.298], исходя из его синтаксического положения и степени информативности, по сравнению со свободным сказуемым, способным, в отличие от него, организовать законченное самостоятельное предложение, как простое, так и сложное.

Возникновение понятия полупредикативности непосредственно восходит к такому языковому явлению, как второстепенное сказуемое. Термин «второстепенное сказуемое» употребил А.А. Потебня, назвав так деепричастие, «входящее в состав сказуемого или прямо примыкающее к подлежащему» [6, с.185]. Различные типы второстепенного сказуемого описаны на материале русского языка А.А. Шахматовым. Второстепенное сказуемое, по его определению, – это слово, «относящееся непосредственно к подлежаще-

му по смыслу и связанное с ним грамматически», «но принадлежащее другому, чем подлежащее, составу», то есть составу (группе) сказуемого [10, с.221].

Эти члены предложения имеют двойную связь: с одной стороны, они являются зависимым членом при основном сказуемом, а с другой – находятся в определенных отношениях с подлежащим. Если на основании связи с главным сказуемым их можно рассматривать в качестве второстепенных членов предложения, то на основании их связи с подлежащим они могут быть квалифицированы уже как особое синтаксическое явление – второстепенное сказуемое.

Именно отношение между подлежащим и второстепенным сказуемым стало рассматриваться в лингвистике как полупредикативность [5, с.236-237]. В основе выделения этой специфической категории предложения, по мнению Р.Г. Сибагатова, лежит в сущности очень простая логика: «если считать, что отношение между подлежащим и собственно сказуемым образует основную, полную предикативность предложения, то отношение между тем же подлежащим и второстепенным сказуемым вполне может быть расценено как неосновная, неполная предикативность, то есть полупредикативность» [8, с.150-165].

Изучая тюркское деепричастие на синтаксическом уровне, А.А. Юлдашев приходит к выводу, что деепричастие не только в сложном, но и в простом предложении «вне всякого сомнения является сказуемым». Это доказывается, по его словам, прежде всего «действенной связью деепричастия с подлежащим, которую оно неизменно обнаруживает как в простом, так и в сложноподчиненном предложении» [11, с.153].

Деепричастие, традиционно рассматриваемое как обстоятельство, А.А. Юлдашев называет второстепенным сказуемым. В функции второстепенного сказуемого, по его мнению, употребляются все формы деепричастий. Они, вступая в отношение с подлежащим, образуют в простом предложении дополнительное предикативное ядро.

Сказуемостный характер деепричастных форм подтверждается не только их семантическим примыканием к подлежащему. Они при этом характеризуются и с точки зрения модально-временных (сказуемостных) категорий; хотя деепричастие, как известно, не содержит указаний на время в морфологическом плане (вне контекста), его отношение к другому (основному) глаголу в предложении, по выражению Н.К. Дмитриева, «характеризуется понятием времени» [4, с.187]. Другими словами, время деепричастия определяется опосредствованным, синтаксическим (а не морфологическим) путем.

Таким образом, полупредикативность, определяемая на основе выделения второстепенного сказуемого, – это такое же двучленное, содержащее модально-временные характеристики отношение, как и полная предикатив-

ность. Эти два проявления предикативности в логико-семантическом плане однотипны. Различие состоит лишь в языковых способах их выражения. Полупредикативность выражается частью предложения и характеризует только его часть, тогда как полная предикативность охватывает предложение в целом. Полупредикативная конструкция не обладает грамматической самостоятельностью: 1) второстепенное сказуемое не имеет собственного подлежащего, его подлежащее является общим с основным сказуемым; 2) модально-временные характеристики второстепенного сказуемого определяются по его отношению к грамматической форме основного сказуемого [8, с.152].

По мнению А.А. Юлдашева, деепричастие в его отношении к предложению в целом и к его подлежащему вне всякого сомнения является сказуемым. Но в его отношении к последующему глаголу-сказуемому оно занимает подчиненное положение, тождественное с синтаксической позицией сказуемого придаточного предложения и снижающее его, деепричастия, информативную и коммуникативную значимость в предложении [11, с.154].

Степень синтаксической подчиненности деепричастия последующему глаголу-сказуемому зависит от характера обстоятельственного значения, которое оно несет с собой: наибольшую зависимость обнаруживают деепричастия со значением способа действия, наименьшую – со значением цели. Соответственно, колеблется в какой-то мере и интенсивность связи деепричастия с подлежащим: чем сильнее проступает значение обстоятельства образа действия, тем слабее становится эта связь. Остальные обстоятельственные значения по своему профилю не сказываются на связи подлежащего с деепричастием, не заслоняют ее, несмотря на подчиненность деепричастия последующему сказуемому. Очевидно, поэтому деепричастие воспринимается главным образом и прежде всего как сказуемое. Предикативное положение деепричастия усиливает его соотнесенность и согласованность с последующим личным глаголом по значению грамматического времени и наклонения, без которого деепричастие как глагольная словоформа немыслима на синтаксическом уровне и которое оно получает опосредственным путем.

Деепричастие – подчиненное сказуемое, соотнесенное с тем же подлежащим, что и подчиняющее сказуемое, организует особую разновидность слитного простого предложения, в которой сложение двух предикаций в принципе может быть истолковано как сложноподчиненное предложение, по синтаксическому строению сходное с условным сложноподчиненным предложением, допускающим как раздельное выражение подлежащего в каждом из своих компонентов, так и общее его выражение в составе придаточного предложения [11, с.156].

Полупредикативный вид связи проявляется в простых предложениях татарского языка не только с деепричастием *(хәл фигыль),* но и с 1) инфинитивом, примыкающим к глагольному сказуемому; 2) с членами предложе-

ния, выраженнными различными формами причастия *(сыйфат фигыль);* 3) с именем действия *(исем фигыль);* 5) с глаголами условного наклонения *(шарт фигыль).* В предложениях такого типа второстепенное сказуемое связывается и с подлежащим, но эта связь – не прямая, а опосредованная (через сказуемое). Реальность такого члена предложения, как второстепенное сказуемое, вступающего в отношение с подлежащим и синтаксически выражающего модально-временные значения, создает условия для дополнительной предикации в простом предложении.

Таким образом, полупредикация является неприсловной связью, в которой зависимый компонент относится сразу к двум главным компонентам структурной схемы.

Литература

1. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – М., 1979. – 296 с.
2. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Учпедгиз, 1958. – 199 с.
3. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М: Наука, 1981. – 495 с.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 276 с.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
6. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1958. – 536 с.
7. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1970. – 191 с.
8. Сибагатов Р.Г. Теория предикативности. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. – 207 с.
9. Татар грамматикасы. – Т.I. – М.: “ИНСАН, Казан: “ФИКЕР”, 1999. – 152б.
10. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
11. Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. – М.: Наука, 1977. – 270 с.

© Зарипова И.Ф., 2012

УДК 81.301

Зиганшина Г. Х.
г. Уфа (Россия)

Аспекты исследования концепта «характер человека»

Значимость изучения личности для нашей современной жизни подчеркивается многими учеными и мыслителями. По словам Гарднера Мэрфи,

«недостаток знания о людях – это не пустая, а главная угроза жизни. Недостаток знаний о личности, возможно, является стержневым вопросом, который наиболее важен для нас сегодня – вопросом понимания, чем может стать человек при новой расстановке социальных сил» [8, с.38]. Настоящее утверждение, сделанное несколько десятилетий назад, приобрело ещё большую актуальность в наши дни, когда наблюдаемые процессы глобализации «ведут к обесцениванию прежних аксиологических норм, ценностей» и «нравственное возрождение становится необходимостью для любого социума» [3, с.218-219].

Одним из ярких проявлений обозначившегося в науке интереса к духовным векторам человеческого развития представляется возросшее внимание лингвистов к языковым аспектам исследования такого фундаментального для характеристики внутреннего духовного мира человека и ценностных доминант его бытия понятия, как понятие характера, составляющего интегральную характеристику личности. Отмечается значительный рост научных публикаций, связанных с проблемами изучения универсальных и этноспецифических аспектов проявления психологической категории человеческого характера и их языковой репрезентации как важнейшей знаковой формы отображения удивительного мира его реалий. Бесспорная для когнитивной науки актуальность исследования специфики отображения данного феномена в языковой картине мира обусловливается его многогранной природой, объясняющей разнообразие применяемых лингвистами исследовательских подходов. Наибольшую разработку в отечественной лингвистике последних лет, как отмечает В.А. Маслова, получило исследование национального характера [1, с.177-187]. В *этнопсихолингвистике* накоплен обширный материал, посвященный анализу типичных черт национального характера и обусловленных ими стереотипов поведения различных народов. В другой активно разрабатываемой в отечественной лингвистике области исследования – *лингвокультурологии* рассматриваются многие важные концепты русской культуры, формирующие концептуальное пространство понятия характера у носителей русского языка [2]. Изучение национального характера в аспекте межкультурного диалога составляет один из важных исследовательских объектов *лингвистики межкультурных коммуникаций*. В контексте *систематизации обширного лексического материала русского языка*, отображающего единую общечеловеческую природу реалий характера, широкое признание получил постепенно входящий в лингвистический обиход функционально-когнитивный подход.

Значительный вклад в разработку данной проблематики внесли А.Вежбицкая, Н.Ф. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, В.В. Красных, В.А. Маслова, С.Г. Тер-Минасова, Р.Х. Хайруллина, Т.А. Кильдибекова, В. И. Убийко, А.В. Силиванец и многие другие лингвисты, изучающие языковые аспекты репрезентации категории характера. Их исследовательские

взгляды носят взаимодополняющий характер, отражая определенные грани в изучении запечатлённого в языке опыта восприятия многомерного мира человеческого характера.

Бесспорный интерес вызывают попытки лингвистов построить языковую модель отображения реалий характера в виде системного лексического образования, коррелирующего с концептуальной структурой данного феномена на уровне ментальных репрезентаций. Анализ отечественной литературы по данной тематике позволил выделить несколько вариантов видения языковой репрезентации концепта «характер человека», являющихся по сути своей вариантами когнитивных моделей, обеспечивающих доступ к ментальной репрезентации знаний об этой уникальной форме человеческого бытия.

В интерпретации В.И. Убийко акцентируется связь характера с внутренним миром человека через включение в концептосферу «Внутренний мир человека» как постоянного классификатора типовой ситуации «Характеризация человека по его внутренним признакам» [5, с.11-12]. Последующая детализация сущностной природы характера позволила представить его как один из «компонентов» внутреннего мира человека в его физических («телесных») проявлениях, отражающихся в поведении или связанных с внешним видом [6, с.70-79]. А.В. Силиванец, связывает проявления характера с его направленностями, выделяя для функционально-семантической классификации языковых средств их выражения пять глобальных понятийных областей – суперконцептов: суперконцепты «Воля», «Отношение», «Интеллект», «Нравственность», «Поведение» [4]. Если в когнитивной модели Убийко внешние симптоматические проявления характера, ассоциативно соотносимые с внутренним, психоэмоциональным, выступают способом извлечения информации о внутреннем мире, то у А.В. Силиванец когнитивной опорой для получения информации являются суперконцепты и функционально-семантические цепочки. Суперконцепты предстают как целостные образования с категориальными значениями, позволяющими выявить различные аспекты познания реалий характера, а функционально-семантические цепочки, представляющие собой оформленные деривацией смысловые парадигмы, отражают определенные особым образом структурированные в процессе познания пласты знаний, в которых прослеживаются все направления развития суперконцепта [4, с.46].

Качественно новый шаг в данном направлении – представление словарного материала разделом «Характер» в «Функционально-когнитивном словаре русского языка (Языковая картина мира)», являющееся наиболее полным и развернутым на сегодняшний день системным видением содержательного объема и структуры концепта «характер» в языковой картине мира носителей русского языка [7, с.544-590]. Новизна словаря – в реализации новой теоретически обоснованной методики классификации лексической

системы с опорой на функциональное назначение и когнитивное содержание языковых единиц. Последовательное применение принципов функционально-когнитивного описания с привлечением базовой для упорядоченной презентации лексики композиционной единицы словаря – *макроконцепта*, и принципиально новой и самой крупной системообразующей единицы языка, названной *функционально-когнитивной сферой (ФКС)*, позволило авторам словаря представить весь словарный состав языка как совокупность сфер, реализующих базовые категории языковой картины мира. Макроконцепт как единица, «обладающая большим систематизирующим потенциалом и организующая вокруг себя обширные разряды слов», предполагает различные аспекты развертывания общего понятия и выделяется как основа описания ФКС – многомерного образования, вычленяемого из словарного состава языка как его наиболее объемный фрагмент [7, с.III – IV]. Ярким свидетельством успешности используемой методики классификации явилась возможность презентации концепта «характер» как объемного, динамичного, обладающего многомерной и многоуровневой сущностью макроконцепта, проявляющегося в языке как один из аспектов характеризации человека в функционально-когнитивной сфере «Человек в языке». Когнитивная ценность предложенной презентации концепта – в осуществлении нового типа отбора и систематизации словарных лексем, описывающих характер и его проявления, с базовой опорой на *ведущие макроконцепты*, отражающие основные аспекты жизнедеятельности человека: жизнь, движение, восприятие окружающего мира, деятельность, речемыслительная деятельность, образование. Дальнейшая конкретизация характера как основы поведения человека в его отношении к окружающему миру и к самому себе с учетом связи характера с различными сферами человеческой психики привела к выделению объемных лексических разрядов – *базовых макроконцептов*, определивших главные направления развертывания искомого концепта: 1) воля; 2) отношение к жизни; 3) отношения между людьми; 4) отношение к себе и другим; 5) отношение к труду; 6) речевая, 7) интеллектуальная и 8) эмоциональная характеристики; 9) культура, воспитание, образование; 10) отношение к материальным ценностям; 11) моральные и нравственные качества; 12) характеризация по двигательной активности. Подразряды второго уровня иерархии содержат последующую конкретизацию первого уровня: мировоззрение (разряд 2), агрессивное отношение к людям, положение в обществе, происхождение (разряд 3), самооценка (4) и деловые качества (5). Следующий шаг в ступенчатой классификационной схеме подачи лексических единиц представлен *иерархически организованными лексическими группами,* выстроенными как отражение «живых лексико-семантических процессов, которые обусловливают дифференциацию вокабуляра, встроенность одних парадигматических групп в другие» [7, с.IV]. Существенное расширение в сравнении с другими вышеупомянутыми классификациями номинативного словаря

глобальных понятийных областей – базовых макроконцептов, эксплицирующих содержательный объем исследуемого объекта, говорит о бесспорной эвристической ценности предлагаемого функционального членения словарного состава языка с опорой на выделяемые авторами композиционные единицы, предполагающие возможность выхода на потенциально более высокие уровни осмысления когнитивной субстанции языка.

В заключение следует подчеркнуть перспективность исследования антонимо-синонимических рядов лексем словарной объективации искомого концепта, детализирующих отдельные аспекты его языковой репрезентации. Вероятно, именно на этом пути исследователя ждет много интересных находок, способных пролить свет на многие глубинные характеристики ментальной репрезентации уникального мира человеческого характера.

Литература

1. В.А. Маслова. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
2. В.А. Маслова. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
3. Г.Г. Салихов. Человек эпохи глобализации. – М.: Наука, 2008. – 560 с.
4. А.В. Силиванец. Функционально-семантическая сфера характеризации человека: дис. … канд.филол.наук. – Краснодар, 1997. – 280 с.
5. В.И. Убийко. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке. Функционально-когнитивный словарь. – Уфа: РИО БашГУ, 1998. – 232 с.
6. В.И. Убийко, С.В. Овчинникова. Симптоматика внутренних состояний, отношений и качеств человека в современном русском языке: Материалы к комплексному функционально-когнитивному словарю. Учебное пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 165 с.
7. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / Под общей редакцией Т.А. Кильдибековой. Спб.: Политехника – сервис», 2011. – 664 с.
8. G. Murphy. Psychological views of personality and contributions to its study// E. Norbeck , D. Price-Williams, W. McCord (Eds.). The study of personality : An interdisciplinary appraisal. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. – pp. 15-40.

© Зиганшина Г.Х., 2012

УДК 81’37

Ибрагимова В.Л.
г.Уфа (Россия)

Уровни актуализации актантной семантики глагола

1. Актантная семантика глагола актуализируется на нескольких уровнях языковой структуры и – соответственно – на нескольких уровнях абст-

ракции: в виде синтагматических компонентов семантики глагола (чаще всего, по-видимому, абстрактных); в приглагольных синтаксических позициях, которые, конкретизируясь, заполняются в высказываниях, отражающих конкретные внеязыковые ситуации; путём лексикализации актантных компонентов семантики конкретных глаголов. Можно предположить, что указанные способы актуализации актантной семантики глагола повторяют историю развития актантных значений и носят универсальный характер. Обратимся к рассмотрению этих способов подробнее.

2. Глагол, как известно, – это категория слов, в семантике которых кроме указания на процессуальный признак содержатся (чаще всего в самом общем, типизированном виде) семантические компоненты, содержанием которых являются ‘носитель процессуального признака’ (сема субъектности), ‘объект’ (например ‘объект созидания’, ‘объект разрушения’, ‘объект изменения’, и т.п., а также ‘инструментальный объект’, ‘адресат’ и др.) (соответственно семы субъектности, объектности, инструментальности, адресатности), ‘место’ (сема локативности), ‘направление’ (сема директивности). Одни из этих сем находятся в ядре значения глагола, другие – на его периферии. Например, в ядре значения глагола *писать,* реализуемого в конструкции типа *NN пишет поэму*, содержатся синтагматические семы субъектности и объектности. На семной периферии этого значения, по-видимому, имеется компонент локативности, который обнаруживает себя в стихе В. Высоцкого (*Он писал ей стихи* ***на снегу…***). В рассматриваемом значении этого глагола имеются также семы объектности, адресатности, инструментальности, которые обнаруживают себя на поверхностно-синтаксическом уровне, например: *Мать пишет* ***письмо сыну***; ср. ещё: *Мать пишет сыну* ***карандашом***. Содержательно одинаковые синтагматические семы в разных значениях и употреблениях глагола могут иметь различный ранговый статус. Как можно заметить, компоненты семантики глагольного слова образуют некое внутрисемемное поле, структура которого изоморфна структуре соответствующего высказывания.

3. Рассмотренные выше компоненты семантической структуры глагола определяют валентностные потенции его значения, которые реализуются в структуре высказывания в виде синтагматических позиций актантной природы (подлежащее, прямое и косвенное дополнения, обстоятельство места – локатив и директив). Конкретное лексическое наполнение этих позиций диктуется логикой и содержанием вербализуемой ситуации.

4. В языке получила развитие лексикализация актантных компонентов глагольной семантики, представляющих собой лексические дериваты соответствующих глаголов. Это является экономным синтетическим (симультанным) способом вербализовать различные признаки денотативной природы. Так, например, в разговорных именах *певун, певунья* наряду с актантной семантикой субъектности вербализован семантический компонент,

указывающий на то, что субъект – это тот, кто любит петь, много поёт. В словах *певец* и *певица*, башк. *йырсы*, нем. *Sänger* обозначен профессиональный характер пения, что эксплицировано в немецком же *Berufssänger*, где *Beruf* означает «профессия». В значении существительного *певчий* содержится семантический компонент, специфицирующий указание на сферу певческой деятельности: так называют певца в церковном хоре (синоним *хорист*) (ср. нем. *Chorist* в том же значении). Интересно, что субъектный компонент семантики глагола *петь* в чистом, неосложнённом виде лексикализован не в имени существительном: он выражается субстантивированным причастием (рус. *поющий*, башк. *йырлаусы*, нем. *singend* и т.д. Приведём ещё примеры лексикализованных актантных значений субъектности: *писец*, *писарь*, *писатель*, *писака*. Интересно, что другие языки также способны выразить аналогичные значения, но необязательно при этом путём лексикализации, а, например, путём внутрисловной деривации (развития многозначности), аналитическим способом и др. Так, например, башк. *яҙыусы* имеет значения «пишущий» и «писатель»; значение, выражаемое русским словом *писарь*, в башкирском выражено заимствованием из русского же языка – *писарь*. Приведём примеры лексикализованного объекта: *письмо, запись, записка, писулька*; объекта-локума: *сиденье, седло, седёлка, сидейка, сидушка*, *ложе, лежак*, башк. *ултырғыс* «стул» (восходит к *ултырыу* «сидеть»); лексикализованного локума: *село, селение, поселение, посёлок, седловина, лежбище, стойбище,* польск. *osiedle*, *osada* «поселение, посёлок», башк. *утрау* «остров» (дериват глагола *ултырыу*), *ята* «общежитие» (дериват глагола *ятыу* «лежать»).

5. Из приведённого материала можно видеть, что лексикализация актантных компонентов семантики глагола имеет место не только при прямых, но и при производных значениях глаголов.

6. Здесь можно наблюдать изоструктурность «внутреннего синтаксиса» глагола и соответствующего высказывания, в том числе с лексикализованными актантными значениями. В этом возможно усмотреть проявление фрактальности в языке.

© Ибрагимова В.Л., 2012

УДК 81’1

Имамутдинова Ф.Р.
г. Уфа (Россия)

Реализация когнитивной функции языка в речевой деятельности

Речевая деятельность – специфическая область человеческой деятельности, связанная с разными сферами жизни людей (их психикой, физио-

логией, анатомией и т.п.) Речевую деятельность, как и любую другую деятельность, характеризует признак целенаправленности. Целенаправленный характер речи ориентирован на собеседника, прежде всего на понимание с его стороны.

Речевая деятельность трактуется в психологии и психолингвистике как определенный вид человеческой деятельности. Теория речевой деятельности создана в психолингвистике на основе психологической теории деятельности Л.С. Выготского и А.А. Леонтьева. Так, по мнению Л.С. Выготского, порождение речи представляет собой процесс превращения мысли в слово, материализацию и объективизацию мысли в слово. Внутреннюю программу высказывания необходимо рассматривать как звено, включенное между исходной мыслью и конечным внешним высказыванием. Определяя формирование речи как процесс перехода от мысли к слову, к внешней речи, Л.С. Выготский представлял его как движение от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах [1, с.48].

По своему внутреннему строению речевая деятельность, как и любая деятельность, организована как система. Как система речевая деятельность выполняет определенные функции. Речевые функции опираются на функции языка; они отражают также структуру самого речевого акта взаимоотношением языка с передаваемыми сообщениями, а также с участниками речевого акта.

Речевая деятельность тесно связана с ее средством – языком. Язык является не только средством ее существования в виде определенной данности, но и сама эта деятельность обновляется и творится в речи. Целевое назначение речи – отражение и проявление функций языка

Функция языка как научное понятие есть практическое проявление сущности языка, реализации его назначения в системе общественных явлений, специфическое действие языка, обусловленное самой его природой, то, без чего язык не может существовать, как не существует материя без движения[2, с.123].

Двумя главнейшими, базовыми функциями языка являются коммуникативная и когнитивная. На этапе коммуникативной деятельности говорящий осуществляет актуализацию когнитивной функции языка в полном объеме через информирование и именование. Коммуникативная функция тесно связана с когнитивной функцией языка. Чтобы порождать и воспринимать сообщение о мире, человек в первую очередь должен обладать знанием об этом мире, приобретаемом в результате его отражательной мыслительной деятельности.

Когнитивность определяется как свойство языка представлять в обобщенном мире познанные человеком явления, свойства и отношения

между явлениями внешнего мира, способствующего созданию концептуальной картины мира. Картина мира – это целостный, глобальный образ действительности, который является результатом всей духовности, активности человека, всех его контактов с миром предметно-практической деятельности, созерцания, умопостижения мира и т.д.[3, с.23].

Язык непосредственно участвует в процессах, связанных с формированием модели мира. В недрах языка формируется языковая картина мира. Языковая картина мира понимается как подсистема концептуальной картины мира, включающая те ее компоненты, с которыми соотнесены языковые знаки. Специфика языковой картины мира состоит в том, что она встроена в структуру концептуальной картины мира. Языковая картина мира есть вторичное существование объективной картины мира [4, с.64].

Когнитивная функция осуществляет категоризацию и концептуализацию мира, которая ориентирована на систематизацию всех типов знаний, связанных с коммуникативной деятельностью человека.

Акт отнесения слова (или объекта) к группе называется актом категоризации. Цель категоризации – объяснить новое через уже известное и структурировать картину мира с помощью обобщения, т.е. это способ установления и выражения в языке иерархических отношений, таких как общее - частное, часть - целое. Процесс категоризации неразрывно связана с концептуализацией, являющейся одним из важнейших процессов познавательной деятельности человека. Он заключается в понятийной классификации поступающей к нему информации.

Концептуализация – это отражение мира в знаках языка (мир в языковом знании). Концептуализация направлена на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их содержательном представлении, категоризация - на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризуемых как тождественные, в более крупные разряды. Результат этой деятельности запечатлен в языковых концептах – означенных смыслах, соотносимых с разными фрагментами реальной действительности.

Когнитивность лежит в основе формирования концептуальной картины мира и отражает процесс восприятия и осмысления действительности, который отражается в концептах, представляющих собой "своего рода лингвокультурные изоглоссы и пучки изоглосс" [5, с.37-67]. Концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике). При этом язык является формой выражения категорий мысли.

Когнитивная функция позволяет рассматривать язык не только с точки зрения его участия в формировании конкретных актов речи индивидов,

но и определить роль языка в процессе речемыслительной деятельности человека. Являясь составной частью мыслительной деятельности человека, язык выступает как основное средство выражения мысли. Продуктом мыслительной деятельности является знание. Знание, как правило, воспроизводится в языковой форме. За каждым словом, высказыванием, языковой категорией стоит существенный пласт знаний. Языковая форма является отражением когнитивных структур, т.е. структур человеческого познания и сознания. Речевая деятельность есть творческий процесс, в этом процессе участвуют три величины – язык, знание и разум (интеллект).

Язык сложнейшим образом переплетается со знанием о мире, которые глубоко врастают в схемы памяти человека. Проблемы представления в языке являются актуальными и рассматриваются в новом аспекте с опорой на когнитивность.

Структуры знаний, называемые фреймами, схемами, планами – это пакеты информации, которые хранятся в памяти и выполняют значимую роль в функционировании языка: они помогают устанавливать связность текста, речи и обеспечивают вывод необходимых умозаключений, с помощью которых прогнозируются будущие события на основе уже встречавшихся сходных событий.

Человек непроизвольно разбивает большой эпизод на меньшие, находясь под влиянием уже существующих в уме определенных стереотипных моделей. У.Чейф называет такие модели "схемой". Схемы являются не только способом организации, они также являются способом интерпретации опыта [6, с.35-73].

Наши знания о мире организованы в сознании в виде фреймов, которые не являются произвольно выделяемыми "кусками" знания и представляют ментальные сущности, объединенные определенным концептом. Фреймы обеспечивают адекватную обработку стандартных ситуаций, т.е. осуществляют мыслительное структурирование информации [7, с.121].

При усвоении схем для обеспечения тех или иных частей реального мира иногда выучиваются единицы языковых фреймов; слова из языковых фреймов активизируют в сознании говорящего весь фрейм и ассоциируемую с ним схему. Фреймы образуют организацию, необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов [8, с.74-122] .

Когнитивная лингвистика включает также понятие "сценарий". Сценарий состоит из нескольких актов и эпизодов, каждый из которых дробится на более удобные единицы, а их значения зависят от культурных и социальных факторов.

По мнению Т.А. ван Дейк, в основе ситуационных моделей лежат не абстрактное знание о стереотипных событиях и ситуациях, а личностные знания носителей языка. "Чтобы понять текст, мы должны представить се-

бе, о чем он. Если мы не в состоянии представить себе ситуацию, в которой индивидуумы обладают отношениями, обозначенными в тексте, то не сможем понять и сам текст" [9, с.102-134].

Таким образом, рассматривая речевую деятельность как единство общения и обобщения, можно сказать, что язык выполняет различные функции в речевой деятельности, используя разнообразные языковые средства. Когнитивная функция предполагает наличие у языка свойства формирования мысли, ее передачи и накопления общественного опыта. Все современные направления изучения функций языка в речевой деятельности можно объединить одной идеей – когнитивным взглядом на мир.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 353 с.
2. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка [Текст] / Н. А. Слюсарева. – М.: Наука Ю 1986. – 206 с.
3. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира [Текст]. М.: Наука, 1991 – С. 23.
4. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст]/ Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
5. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка. Попытка системного описания [Текст] // Вопросы языкознания / Ю. Д. Апресян. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
6. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике / У. Чейф. – М.: 1983. – № 12. – С. 35–73.
7. Минский М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. –152 с.
8. Филлмор Ч. Основные проблемы семантики [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике / Ч. Филлмор. – М.: Прогресс,1983. – №12. – С.74–122.
9. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. Дейк. М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

© Имамутдинова Ф.Р., 2012

УДК 81’367

Исакова С.С.
г.Актобе (Казахстан)

Фразеологизмы с компонентом чисел (на материале казахского и французского языков)

Язык является не только средством общения, но и сложным процессом, формирующим мировоззрение, сознание и мышление человека.

Коммуникативная деятельность является не только составной частью национальной культуры, но и считается основой человеческой культуры и познания [1]. Культура систематизируется, формируется, развивается через язык. Особенности культуры каждого народа находят свое отражение в его языке. Одной из основных функций языка является сохранение культурного опыта народа, переход его из поколения в поколение. (Э.Сепир, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик).

Хотя в составе пословиц и поговорок казахского и французского языков с компонентом числительным имеют место все семантические группы числительных, однако наблюдается частое употребление порядковых, количественных и собирательных. Количественные числительные, встречающиеся в составе пословиц и поговорок обоих языков, обозначают не конкретное число предметов, а указывают на уровень качественной относительности между сопоставляемыми предметами (явлениями, действиями), обобщенный паремический смысл с оттенками «конкретность» и «множественности». Например, ¤ *Мың* қайғы *бір* борышты өтемейді (Тысяча печалей не оплатят один долг). ¤ Ер *бір* рет өледі, ез *мың* рет өледі (Храбрый умирает один раз, ничтожный - тысячу). ¤ Pour *un* plaisir, *mille* douleurs (Для одного удовольствия, тысяча страданий - бір рахатқа, мың мехнат); ¤ *Mille* routes dévoient du blanc, *une* y va (Тысяча дорог запутают, одна приведет к цели - мың жол адастырады, бір жол апарады). ¤ Жақсы кісі *қырқында* толады, жаман кісі *қырқында* солады(Хороший человек в сорок поправляется, плохой человек в сорок увядает). ¤ *Vingt* têtes, *vingt* avis (сколько голов, столько умов). ¤ Il y a *mille* inventions pour faire parler les femmes, mais pas *une seule* pour les faire taire (әйелдерді сөйлету үшін мың себеп бар, ал оларды қойдыру үшін біреу де жоқ). ¤ Ceux qui ont *mille* fantaisies n'ont pas *un seul* gout (у кого сто фантазий, ни одного вкуса - мың қиялы бардың бір талғамы жоқ) и.т.д. В составе этих пословиц и поговорок слова *тысяча, сто, двадцать* даны не прямом значении, а в значении «много». А число один обозначает «не все множество, конкретно одно» «көптің бәрі емес, нақты бірі», число сорок обозначает центральную точку в системе человеческой жизни, что ассоциируется с «возрастом достигнем совершенства, умственной зрелости, мудрости».

Здесь наблюдается, что числительные от прямого номинативного значения постепенно меняют смысл в сторону цельности и взаимосвязности «множество» и «конкретность» в сопоставляемых языках. Например, в казахском языке *печаль и долг-қайғы мен борыш, хороший человек и плохой человек-жақсы кісі мен жаман кісі, храбрый и ничтожный - ер мен ез*, во французском языке *удовольствие и страдание* – plaisir et douleur, *человек и его мнения – tête et son avis, заговорить и молчать - faire parler et faire taire* – (говорить и не говорить - *сөйлету және сөйлетпеу, заблудить – довести*

адастыру мен апару, фантазия и вкус- fantaisie et gout на ассоциативную связь между подобными понятиями добавляют эмоционально-экспрессивный оттенк, обеспечивают достижение паремическим содержанием до качественного уровня элементов этнической культуры.

Числительные обозначают не конкретное количество предметов, а их порядок в определенной структуре, границу расположения порядковых числительных в составе пословиц и поговорок, определяющую «бесконечность», добавляя в общий смысл пословиц и поговорок такие оттенки, как «по порядку бесконечное продолжение» или «переступить границу», «беспорядок», «нарушение порядка, границ».

В результате возникает возможность логико-семантического продолжения значения понятий пословиц, поговорок, взятых из жизненных ситуаций от «ассоциативной связи» к «порядку», «бесконечности». Например: ¤ *Бірінші байлық - денсаулық, екінші байлық - ақ жаулық, үшінші байлық - он саулық (первое богатство – здоровье, второе богатство – семья, третье богатство – десять баранов).* ¤ *Бірінші әйел – шекер, екінші әйел – бекер(первая жена – сахар, вторая жена - напраслина).* ¤ *Бірінші әйелді құдай қосады, екіншісін адам қосады, үшіншісін сайтан қосады (Первая жена от бога, вторая – от людей, третья – от чёрта)*. ¤ *Les premiers morceaux nuisent aux derniers* (первые блюда перебивают вкус последующих). ¤ *L'arbre ne tombe pas du premier coup* (дерево с первого удара не падает; не сразу дело делается). ¤ *La première va devant la deuxième, la deuxième suit la première* (ну, пошли китайские церемонии). ¤ *Le premier accrocs coûte X francs* (кто заварил кашу, тот пусть её и расхлёбывает). ¤ Il n'y a que *le premier* pas qui coûte (труден только первый шаг; лиха беда начало). ¤ *Le premier* au bois et le dernier á l'eau (первый в удовольствиях и последний в работе) и.т.д.

Если во французском языке часто употребляются приблизительные числительные (¤ Il n'y en a pas *trois douzaines* au quarteron - это редкая вещь, такое не везде найдёшь), то в пословицах и поговорках казахского языка наиболее частыми являются собирательные числительные. Они совсем не изменяют количественные понятие, являются стержнем для абстрагирования количественных числительных, обобщения, и группировки предметов и понятий.

В составе пословиц и поговорок имя числительное *біреу (одна штука из нескольких) обозначает* «группу людей, весь народ, множество» и «индивидуального человека» и служит для обозначения объединения, собирательности, группировки. Например, в составе паремии *Біреу жаныңа жолдас, біреу малыңа жолдас (Одному в дружбе нужен ты сам, другому – твое состояние)* через компонент *біреу* взаимоотношение между «один из нескольких человек» и «индивидуальный человек» сосредатачивается вокруг понятия «товарищ», влияя на формирование обобщенного

паремического значения «очень близкие дружеские отношения основываются на какой-то конкретной цели». Так же в составе паремии *Біреу тойып секіреді, біреу тоңып секіреді (Один прыгает от сытости, другой – от стужи)* компонент *біреу* обозначает характер взаимоотношений между «наедаться» и «мерзнуть», «каждый член определенной группы» и «индивидуальный человек, который контактирует с ними», влияя на формирование понятий «богатство» и «бедность». На основе этого у пословицы *Біреу тойып секіреді, біреу тоңып секіреді (Один прыгает от сытости, другой – от стужи)* формируется значение «очень хорошее или очень низкое материальное состояние губит человека, способствует совершению низких поступков». Подобные пословицы и поговорки в казахском языке встречаются довольно часто: *біреу білмегенді біреу білер, біреу жылағанға біреу күлер → неизвестное одному известно другому, до слез обидное одному смешно другому; біреуге дүние кең біреуге тар → мир просторен для одного, тесен для другого; біреуге мал қайғы, біреуге жан қайғы → кто думает о богатстве, кто о жизни; богатый бережет рожу, бедный одежду; біреуге ор қазба, өзің түсерсің → не рой другому яму — сам в нее попадешь; біреудің өлімі — оттан, біреудің өлімі — судан → одному смерть от огня, другому от воды; біреу қыз алып қашар, біреу қызығына қашар → один убегает, умыкнув девушку, другой за компанию и.т.д.*

В составе пословиц и поговорок такие числительные как *екеу-двое, үшеу-трое, төртеу-четверо, бесеу-пятеро, алтау-шестеро, жетеу-семеро* определяют значения «множество, много» и «конкретность» о взаимоотношениях «группы людей, всего народа, множества» и «индивидуального человека» и выполнют функцию соединения друг с другом. Например: ¤ *Ағайын – алтау, ана – біреу (родни –шестеро, мать-одна).* ¤ *Аласыға алтау аз, бересіге бесеу көп (кто получает, ему шесть мало, кто отдает, ему пять много).* ¤*Төртеу түгел болса, төбедегі келеді, алтау ала болса, ауыздағы кетеді (*Если шестеро врозь, лежащее во рту теряют; если четверо за одно, улетевшее в небо достают.*)и.т.д* [2].

Несмотря на разноструктурность групп казахского и французского языков, анализ показал, что пословицы и поговорки с компонентом чисел в обоих языках имеют полные эквиваленты. Например, Tous les *cinq* doigts de la main ne se ressemblent pas – не все пальцы на руке одинаковы – *бес* саусақ бірдей емес; L'oeil sait toujours du Coeur les *premières* nouvelles – где сердце лежит, туда и око бежит - көңілдегіні көзден танисың; Mettre *deux* pieds dans un soulier – копаться, канителить(ся) - *екі* аяғын бір етікке тығу и.т.д. В вышеуказанных пословицах и поговорках сопоставляемые предметы, действия, явления (*бес саусақ(пять пальцев) - cinq doigts, көз(глаза) - l'oeil, екі аяқ(две ноги) - deux pieds*) в обоих языках имеют полное соответствие, что показывает наличие в миропонимании двух наций одинаковых

общечеловеческих и универсальных явлений. Следующие группы пословиц и поговорок по структуре и сопоставляемым в них предметам и действиям бывают разными, а по значению они одинаковы. Например, Qui donne tôt, donne *deux* fois – (вдвойне даёт тот, кто даёт быстро) епті *екі* асайды; Faire coup *double* (faire d'une pierre *deux* coups) – одним ударом двух зайцев убить, бір оқпен *екі* қоян ату; Il vaut mieux être le dernier au ciel que *le premier* en enter – лучше быть последним в раю, чем первым в аду; Tel brille au *second* rand qui s'éclipse au *premier* - лучше быть первым в деревне, чем последним в городе өзге елде сұлтан болғанша, өз еліңде ұлтан бол; Y regarder á *deux* fois – хорошенько подумать, прежде чем решить *жеті* рет өлшеп, *бір* рет піш; L'hôte et le poisson en *trois* jours sont poison – и гость, и рыба через три дня становятся отравой бір күнгі қонақ құт, екі күнгі қонақ қонақ, үшінші күні жұт; Tourner sept fois sa langue dans sa bouche avant de parler – хорошенько подумать, прежде чем сказать ауыздан шыққан сөз, атылған оқпен тең; Qui deux choses chasse, ni l'une ni l'autre ne prend – за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь *екі* кеменің басын ұстаған суға кетер; Deux moineaux sur un épi ne sont pas longtemps amis – двум медведям в одной берлоге не ужиться екі қошқардың басы бір қазанға сыймайды; Un oiseau dans la main vaut mieux que deux dans la haie – лучше синица в руках, чем журавль в небе; Deux yeux valent mieux qu'un (quatre yeux valent mieux que deux) – один ум хорошо, а два лучше; бір бас жақсы, екеуі одан да жақсы; Deux patrons font chavirer la barque - у семи нянек дитя без глазу қойшы көп болса, қой арам өледі; Secret de deux, …de trios, …de Dieu, … de tous – то, что известно троим, будет известно всему свету Отыз тістен шыққан сөз, отыз рулы елге жайылады; Deux sûretés valent mieux qu'une – бережённого бог бережёт құдай сақ болсаң, сақтайды; Un tiens vaut mieux que deux tu l'auras – не сули журавля в небе, а дай синицу в руки қолда бар алтынның қадірі жоқ и.т.д.

В составе некоторых пословиц и поговорок сопоставляемые предметы не соответствуют, но числовые компоненты сохраняются. Например, во французском языке faire coup *double* (faire d'une pierre *deux* coups) означает екі рет ұру, бір таспен екі удар жасау (два раза ударить, сделать два удара одним камнем), здесь речь не идет о зайце, а в казахском языке эквивалентом этой пословицы является «бір оқпен *екі* қоян ату (одним ударом двух зайцев убить)», значит сохраняются компоненты чисел бір ок(один выстрел) – une pierre (бір тас-один камень), екі қоян ату (выстрелить двух зайцев) - faire coup *double* или faire *deux* coups (екі рет ұру-два раза ударить).

В следующих группах пословиц и поговорок сопоставляемые предметы полностью не соответствуют друг другу, но значение остается без изменения, значит смысл, содержание бывают одинаковыми. Например, Il vaut mieux être le dernier au ciel que *le premier* en enter если переводим

означает «жерде *бірінші* болғанша, аспанда *соңғы* болған жақсы (лучше быть последним в раю, чем первым в аду). Еще один вариант этой пословицы во французском языке звучит так «Tel brille au *second* rand qui s'éclipse au *premier»,* если переводить слово в слово означает «бірінші қатарда жасырынып тұрғанша, екінші қатарда жарқырап тұрған артық(лучше быть первым в деревне, чем последним в городе)». Эквивалент этих пословиц в казахском языке звучит так «өзге елде сұлтан болғанша, өз еліңде ұлтан бол (*чем быть на чужбине султаном, лучше быть на Родине подметкой*)», эта пословица воспитывает патриотизм, зачем быть не нужным султаном в другой стране, лучше быть рядовым гражданином своей Родины.

Пословицы и поговорки, фразеологизмы являются зеркалом мировозрения этноса, они связаны с национальной культурой, обычаями и традициями, историей и превращаются в культурный код. Чтобы доказать высшесказанное, приведем несколько примеров. Во французском языке есть фразеологизм «**Ne pas (y) aller par quatre chemins»** (досл. тура, тіке, ашық айту- действовать, говорить прямо, открыто). В этом выражении слово **quatre** обозначает не конкретное число, а неопределенное множество.

Подобное употребление этого числительного свойственно французскому языку и встречается у многих писателей.

Так, в трагедии Корнеля «Сид» можно прочитать следующую фразу: ***«A quatre pas d'ici je te le fais savoir».*** Таким образом, **ne pas (y) aller par quatre chemins** дословно означает «не идти несколькими путями [подраз. к своей цели], а идти одним определенным путем».

Например,

— Monsieur Oriol, je viens causer affaires avec vous. Je n'irai pas d'ailleurs par quatre chemins pour m'expliquer (M a u p a s s a n t).

— Ma chère madame, je n'irai pas par quatre chemins. Voici le but de notre visite (Б. B r i e u x).

Un bouillon d'onze (или de onze) heures прост. - ядовитое зелье, яд (букв, отвар, принимаемый в одиннадцать часов). М. Ра высказывает предположение, что в этом фразеологизме речь идет об отваре, который некогда больные принимали как болеутоляющее или снотворное средство в одиннадцать часов вечера, перед сном. Случалось, что многие больные, приняв отвар, вообще, не просыпались, поэтому в народе о нем сложилось мнение как о ядовитом зелье. Заметим, что не употребляемая в современном языке элизия предлога перед словом onze свидетельствует о довольно раннем происхождении идиомы.

Например,

Et l'on espionnait ses rapports avec la Cognette, on disait qu'à eux deux, un beau soir, ils donneraient un bouillon de onze heuresau père Houdequin pour le voler (Z o 1 a).

Arriver en trois (или quatre) bateaux (разг.) явиться с большой помпой (букв, явиться на трех или четырех кораблях). Как вариант употребляется также **venir en quatre bateaux**. Происхождение этого выражения связано с распространенным обычаем, по которому пассажирские суда, имеющие на борту ценный груз или какого-либо знатного пассажира, сопровождаются группой военных кораблей, что придает плаванию торжественный характер.

Например,

Votre serviteur Gille Cousin et gendre de Bertrand,
Singe du pape en son vivant,
Tout fraîchement en cette ville,
Arrive en trois bateaux exprès pour vous parler
(La Fontaine).

S'en moquer (или s'en soucier) comme de l'an quarante (разг.) вовсе не считаться с кем-л. или с чем-л., думать о чем-л., как о прошлогоднем снеге (букв, издеваться над кем- чем-л., как над сороковым годом). Существует множество объяснений этого сравнения. Приведём наиболее известные из них.

Согласно П.Китару и некоторым другим исследователям, это выражение возникло после 1040 г. — дата, которая по народному верованию должна была ознаменовать конец света и наступление «страшного суда». Но когда страшный год миновал, люди стали смеяться над своими прежними опасениями и вместе с тем над 1040 г., или просто над 40-м годом, что и привело к возникновению фразеологизма.

По другой версии (Литтре, Л.Мартель, Ш.Низар), сравнение восходит к временам Французской буржуазной революции 1789 г. После провозглашения Республики в 1792 г. и введения нового календаря роялисты употребляли это выражение с насмешкой, желая таким образом подчеркнуть, что Республика не просуществует и сорока лет.

Третья гипотеза (Ш.Робер) связывает происхождение данного фразеологизма с именем писателя Луи-Себастьяна Мерсье (1740—1814). Его книга «Год 2440», в которой он описывал мир будущего, была предметом насмешек современников Мерсье, говоривших якобы в шутку: «Je m'en moque de l'an 40 (de Mercier)», а затем просто **«Je m'en moque de l'an 40».**

Сторонники четвертой версии (словарь Ларусс, М.Ра и др.) считают, что выражение Van quarante является искажением слова alcoran коран и приписывают сравнение рыцарям средних веков, которые будто смеялись над чем-л. или над кем-л., как над кораном — священной книгой мусульман. Ни одно из приведенных объяснений нельзя считать вполне удовлетворительным, ибо все они недостаточно аргументированы как с лингвистической, так и с исторической точки зрения.

Например,

Saboureau était, au fond, assez ennuyé de l'affaire Verdié. Après tout, il se

moquait du commandant comme de Van quarante: il ne le connaissait pas (J. C 1 a r e t i e).

— Je me soucie d'Ursule comme de Van quarante. Depuis la mort de l'oncle Minoret, je n'y ai jamais plus pensé qu'à ma première chemise (Balzac).

В заключение следует отметить, что в казахском языке *три, семь, девять и сорок* являются святыми числительными, число пословиц и поговорок с компонентом этих чисел превалируется. Во французском языке числительные *deux (екі-два)* и *quatre (төрт-четыре)* активно используются в составе пословиц и поговорок. Таким образом, важно иметь в виду, что сопоставительное изучение и лингвокультурологический анализ когнитивных картин мира, принадлежащих к разным языковым картинам, позволяет увидеть как универсальные (общечеловеческие), так и специфические (собственно этнические) феномены бытия человека. Сопоставительное изучение языков способствует глубокому пониманию национального быта, мировозрения и культуры этноса.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998
2. Қасымова С. К. Сан компонентті мақал-мәтелдердің ұлттық-мәдени негізі.Фил. ғыл. канд. ғыл. дәр. дайын. дисс. автореф. А., 2010.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М., 1977.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003.
5. Қайдар Ә.Т. Халық даналығы. –Алматы, 2004, -565б.
6. Карлинский А.Е. Место паремиологии в науке о языке // Избранные труды по теории языка и лингводидактике. – Алматы, 2007. -144б.
7. Кеңесбаев І. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. -Алматы, 1977. -712 б.
8. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М., 1976.
9. Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Л.И. Рецкера. – М., 1963.
10. Le petit Rober sur CD-ROM. Version électronique du Nouveau Petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition (version 2). – P.:VUEF, 2001.

© Исакова С.С., 2012

УДК 81-13

Ичкинеева Д.А.
г. Оренбург (Россия)

Проявление полезависимости / поленезависимости эксперта в процессе осуществления тематического анализа текста[4]

Современная психолингвистика охватывает широкий спектр научных проблем, связанных с восприятием, пониманием и интерпретацией текста [2,3,4,5,6]. Однако сфера анализа текста с учетом специфики языковой личности субъекта остается недостаточно изученной. На наш взгляд, анализ литературных текстов возможен при помощи метода *семантического картирования текста* [1], включающего проведение психолингвистического эксперимента.

При осуществлении тематического анализа информанту предъявлялся текст объемом до 1670 графических слов и предлагалось: 1) определить тему текста; 2) определить микротемы текста; 3) с каждой из выделенных микротем соотнести репрезентирующие ее слова из текста. Количество групп и слов в группах полагалось произвольным.

Время проведения эксперимента не ограничивалось.

В качестве *материала* использовались тексты художественной литературы (Л.Андреева, И.Бунина, А.Гайдара, Н.Гнедича, Л.Енгибарова, М.Зощенко, В.Катаева, Ф.Кривина, А.Куприна, М.Пришвина, И.Тургенева)

Реципиентами выступили студенты-филологи 1-5 курсов. Общее количество информантов – 960. Необходимое количество реципиентов было установлено эмпирически и составляло 40-50 человек.

Таким образом, информанты-филологи работали с текстом, предложенным исследователем, определяя в нем тему и микротемы, каждая из которых затем выступала наименованием лексико-семантической группы составляющих ее лексем. То есть, после того, как информант выделил микротемы, производилось распределение слов данного текста по найденным группам (количество слов, которые реципиент использует в данном процессе, произвольно).

Выбор студентов-филологов в качестве информантов неслучаен, так как данный эксперимент принципиально отличается от многих других тем, что реципиенты должны иметь навыки анализа текста и применять их при выполнении задания, т.е. информанты в данном случае выступают в роли экспертов. Реакции, полученные в результате проведения эксперимента,

[4] *Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-34-01087-а1)*

рассматривались в качестве интерпретации текста. Выполняя задания эксперимента, информанты осуществляют аналитическую деятельность, выстраивая определенную иерархию семантического пространства текста, соотнося микротемы с темой (высший уровень), другими микротемами (средний уровень) и составляющими эту микротему словами (поверхностный уровень) [1]. Таким образом, в каждой реакции содержится сформулированная информантом тема текста и список микротем. Каждая из микротем представляет собой принцип объединения лексико-семантической группы.

Метод семантического картирования текста позволяет эксплицировать семантические связи между всеми лексемами текста и представить его семантическое пространство как связное и иерархичное целое. В то же время метод имеет и другое приложение. Выделение информантом микротем демонстрирует степень членения им семантического пространства текста. Так, выполняя одно и то же задание с одним и тем же текстом, один испытуемый выделяет две микротемы, другой – десять микротем, то есть один информант членит семантическое пространство на две части (субцельности), другой – на десять. Таким образом, дискретизация тематического пространства текста происходит по единообразному сценарию, в котором выделяются предпочтительные и периферийные показатели. Полагаем, что особый интерес представляют данные, которые в наиболее заостренной форме отражают проявления особенностей языковой личности субъекта, т.е. «полярные» случаи. Наличие «полярных» случаев предполагает использование аналитической и синтетической стратегий членения тематического пространства текста. Результаты изучения данных стратегий дают основания полагать, что их использование имеет свои особенности: для информантов-синтетиков характерна минимальная расчлененность понятийной сферы. Кроме того, для информантов, использующих синтетическую стратегию членения текста характерно выделение микротем, которые находятся в одном ССЦ и не имеют семантических связей с другими микротемами. Аналитики, напротив, обращают особое внимание на признаки явлений, выделяя их, пытаются установить иерархические связи между компонентами тематического пространства текста при помощи «сквозных» микротем, в составе которых выделяются слова вне зависимости от расстояния между ними, а также обладающие наибольшим количеством семантических связей с другими компонентами тематического пространства текста. При осмыслении отдельных компонентов аналитики в большинстве случаев членят тематическое пространство, исходя из собственного, (не обусловленного контекстом) опыта, что говорит об их поленезависимости, в то время как синтетики характеризуются полезависимостью (опорой на контекст).

Литература

1. Белоусов, К.И. Семантическая организация текста и его восприятие в аспекте моделирования / К.И. Белоусов // Вестник Оренбургского государст-

венного университета. – 2005. – №11. –С.59-68.
2. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск: Изд-во Урал.ун-та, 1991. – 172 с.
3. Нестерова, Н.М. Психолингвистика текста или есть ли смысл в тексте? / Н.М. Нестерова // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С. 213 – 219.
4. Пешкова, Н.П. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода: монография / Н.П. Пешкова [и др.]. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 268 с.
5. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций / Л.В. Сахарный. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.
6. Сорокин, Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

© Ичкинеева Д.А., 2012

УДК 378.02

Ишмуратова Л.М.
г.Уфа (Россия)

Лингвострановедческий подход к обучению иностранным языкам

В числе изменений, происходящих в нашем обществе, следует отметить повышение спроса на высококвалифицированных специалистов, обладающих социокультурной компетенцией. Знание языка, правильное использование фонетических, лексических и грамматических форм, ещё не является достаточным для адекватного общения. Чтобы услышать, воспринять и правильно понять партнёра, собеседнику необходимо владеть определёнными социокультурными сведениями. В языке отражаются национальный характер, образ жизни, традиции народа. Формирование межкультурной компетенции следует осуществлять с начала обучения языку в неязыковом ВУЗе, несмотря на недостаточный уровень языковых знаний. Изучение иностранного языка должно не только знакомить студентов с культурой страны изучаемого языка, но и путём сравнения оттенять особенности национальной культуры. Знакомя студентов с культурой страны изучаемого языка, преподаватель привлекает внимание и к культуре своей страны, приобщает студентов к общечеловеческим ценностям, содействует воспитанию студентов в контексте диалога культур.

Лингвострановедческие знания, которые приобретает студент на занятиях иностранного языка, обогащают его мировоззрение, являются предпосылкой его будущей успешной работы. Помимо страноведческой информации, необходимой для понимания реалий современной жизни, студенты также должны знать, как себя вести в повседневной жизни, правильно вы-

бирать манеру поведения, соответствующий случаю стиль общения.

Следует учитывать и роль невербальных компонентов коммуникации (НВКК). Впервые на это обратил внимание ещё Ч.Дарвин, когда написал специальную работу об эмоциях животных, обратив внимание на то, что формы их проявления у них и у нас сходны. Жизненная практика доказывает, что невербальные средства выражения дополняют вербальное сообщение. Как показал немецкий психолог и психиатр К.Леонхард, именно значение мимических и жестовых движений, их функции сигнального порядка обязательны при общении. Они иногда не осознаются говорящими, но всегда учитываются слушающими. И хотя некоторые учёные считают, что НВКК в основной своей массе являются универсальными, независимыми от пола, возраста, национальности и культуры, существует и другая точка зрения, согласно которой НВКК обладают чётко выраженными национальными чертами.

Одним из важнейших условий реализации лингвострановедческого подхода является использование аутентичных материалов. Аутентичные материалы не только поднимают мотивацию студентов, но также являются богатым источником для изучения иностранного языка. В качестве аутентичных материалов могут выступать аутентичные тексты, диалоги, ситуации общения, взятые непосредственно из жизни, теленовости. Работа с аутентичными материалами ставит целью, прежде всего, развитие у студентов навыков аудирования и говорения, а также формирование социокультурной компетенции. Как составная часть современных коммуникативных процессов телеречь моделирует речевое поведение человека. Иностранный язык становится для студентов источником получения новой информации в сфере профессиональной деятельности.

Окружающая среда и общество, в котором живёт человек, накладывает определённый отпечаток на общечеловеческие ценности, представления и поведение. Личность, которая воспринимает, понимает, что и как думает, чувствует, воспринимает и действует представитель другой культуры, обладает межкультурной компетенцией. Межкультурная компетенция делает человека способным анализировать свои собственные представления и приспосабливать их к соответствующей ситуации.

Литература

1. Н.Д.Гальскова. Межкультурное обучение: проблемы целей и содержания обучения иностранным языкам. ИЯШ – 2004, №1.

2. М.Н.Кузнецова. Лингвометодические основы использования ролевой игры как средства формирования навыков межкультурного общения на иностранном языке (на материале преподавания английского языка в неязыковом ВУЗе). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук. Москва, 2011.

3. Т.Т.Дементьева. Обучение иностранным языкам с позиции лингвостране-

ведения. Материалы международной научно-практической конференции «Оптимизация процесса преподавания иностранных языков в неязыковом ВУЗе», Екатеринбург, 28-29 октября 2010г.
4. Ч.Дарвин. О выражении эмоций у человека и животных. СПб: Питер, 2001.
5. И.Н.Горелов. Невербальные компоненты коммуникации. М. 1980.
© Ишмуратова Л.М., 2012

УДК 811. 161. 1

Ишмуратова Л.Н.
г. Уфа (Россия)

Семантико-этимологический анализ лексических единиц со значением «человек» в русском языке

На современном этапе развития языкознания семантический критерий становится основополагающим в этимологических решениях. Продуктивными в исследованиях считаются этимологические изыскания для построения семантических параллелей. Изучение лексики одного языка или группы родственных языков по семантическим полям даёт возможности для вскрытия и использования наиболее доказательных семантических параллелей, так как обеспечивается языковая и историко-культурная однородность материала. Этимология, используя новейшие методы исследования, предоставляет материал для выяснения истории и процедурных механизмов человеческого мышления.

Язык – общественное явление. Возникновение слова и его жизнь в языке связаны, с одной стороны, с историей языка, а с другой стороны – с жизнью народа-носителя языка, с развитием его материальной и духовной культуры, с природными условиями его обитания, с его социальным развитием, контактами с другими народами.

Что же такое слово *человек* с этимологической точки зрения? Это одно из самых таинственных слов в славянских языках. Гипотез много, но все они спорные. Наиболее распространённая делит слово на две части: *чело+век*:. «как обладающий полной силой», где слову *чело* «лоб» приписывается развитие значения «верх» – высшее качество, а слово *век* толкуется как «сила»

Нами произведён семантико-этимологический анализ лексических единиц со значением «человек», где большую часть представляют слова, раскрывающие родственные связи между людьми.

Так, слово *мать* – одно из самых древних индоевропейских слов; оно и его двойники означают одно и то же во многих языках нашей семьи, на-

пример, греческое «*mëter*», латинское «*mater*», немецкое «*mytter*», английское «*mote*» возникли, по-видимому, на основе детского лепета, повторяющего один и тот же слог; по такому же принципу образованы слова *папа, дед, баба, няня, дядя, тётя*.

Первоначально слово *супруг* означало «упряжка из двух волов», по мнению древних славян, семья – это воз, который везут по жизни муж и жена; а общеславянское слово *жена* восходит к индоевропейскому корню *ген-* с исходным значением «род», следовательно, *жена* – значит «рождающая потомство».

Интересна этимология и других слов, характеризующих родственные отношения, например: слово *зять* восходит к той же основе, что и глагол *знать* в значении «знакомый, известный»; а слово *невеста*, наоборот, означало «неизвестная родственникам жениха», где отрицательная приставка *не-* и исчезнувшее из языка слово *веста* в значении «известная». Старославянское слово *близнецы* (дети, одновременно рождённые одной матерью) образовано посредством суффикса - *ец* от прилагательного *близкий*. И в самом деле: кто может быть ближе, чем брат или сестра, которые целых девять месяцев провели вместе в тесноте материнской утробы. Слово *двоюродный* образовано путём сложения одной из падежных форм числительного *два* и прилагательного *родной*; слова *сват* и *сваха* – от основы *свой*, т.е. это те, «кто сводит людей, делает их своими между собой»; слова *свёкор* и *свекровь* буквально означают «всех кровь», т.е. глава рода, чья кровь течёт во всех потомках; в словах *падчерица* и *пасынок* историческая приставка *па-* в значении «побочный, дополнительный»; слово *племянник* – от существительного *племя* в значении «соплеменник». В этой группе представлены и другие слова, как: *отец, жених, муж, дочь, брат, сестра, шурин, сноха* и др., история которых не менее интересна.

В этимологических словарях рассматриваются и такие слова, которые раскрывают духовные и умственные способности людей, например: общеславянское слово *мудрец* образовано от основы *мудр* с помощью суффикса *-ец-*; слово *полиглот* заимствовано из французского языка, где французское *polyglotte* означает «многоязычный», образованное сложением слов *poly* – «много» и *glotta* – «язык»; заимствованное из немецкого языка слово *гений* (человек, обладающий высшей творческой способностью), где *Genius* – «гений, дух», латинское *genius* – это дериват от слова *gigno* – «рождаю, произвожу»; слово *корифей* (выдающийся деятель на каком-нибудь поприще) заимствовано из французского *coryphee* или из немецкого *korypfäe* в значении «вождь», «глава» (от слова *корус* – «голова»).

Слово *вундеркинд* заимствовано из немецкого языка и образовано сложением слов «*вундер*» – «чудо» и «*кинд*» – «ребёнок». Изначально оно обозначало только Иисуса Христа. В истории музыки время от времени, как яркие звёзды на небосклоне, появлялись удивительные музыканты. Такими

вундеркиндами были Моцарт и Ференц Лист, которые с детства покоряли слушателей виртуозной и не по годам зрелой игрой на клавире и скрипке (о Моцарте) и на фортепиано (о Листе).

Как ни странно, в этимологических словарях широко представлена лексика, характеризующая отрицательные черты человека. Так, словом *мошенник* раньше называли ремесленника, изготовляющего «мошны», т.е. «кошельки», «сумки», а позднее слово получило значение «карманный вор». Интересна этимология и других слов, относящихся к данной группе, например: слово *крохобор* образовано путём сложения основ *кроха* и *бор-* от *беру, брать*; слово *злодей* – сложением основ *зло* и несохранившегося слова *дъи* – «деятель»; слово *невежа* – посредством добавления отрицательной приставки *не* к слову *вежа* – от *вежливый*; слово *растяпа* – от *тяпа* в значении «плохо» (ср. *тяп-ляп*); слова *пройдоха* и *проходимец* – от *пройти*; слово *негодяй* – от глагола *годиться* и отрицательной приставки *не-*; слово *оболтус* – от *болтать*; слово *бестолочь* – от *толк* и отрицательной приставки *без-*; слово *тупица* – с помощью суффикса *-иц-* от *тупой*; слово *обормот* – сложением приставки *обер-* в значении «главный, старший» и *мот* от – *мотать* в значении «тратить»; слово *ротозей* – сложением двух основ *рот* и несохранившегося *зъй*, то есть буквально – «тот, кто разевает рот» и др. (*мародёр, жулик, хулиган, тунеядец, простофиля, разгильдяй, прохвост, егоза*).

В этимологических словарях также встречаются слова, характеризующие взаимоотношения между людьми (*товарищ, приятель, друг, враг, ухажёр, зазноба*). Так, слово *гость* образовано от глагола *гостить* в значении «торговать», «приезжать, с торговой целью»; слово *кунак* – от татарского *куна килгэн, кунак* – «гость», который приходит с ночёвкой»; слово *сосед* – от *ссъдъти*, что означало «сидеть рядом».

Небольшую группу в этимологических словарях представляют слова, характеризующие людей определённого возраста (*бутуз, дитя, ребёнок, чадо, младенец, хлопец, мальчик, мелюзга, юноша, парень, мужчина, женщина, хрыч, старик, старуха*). Интересно, что слово *карапуз* образовано от тюркского «карпуз» в значении «арбуз», т.е. «круглый»; слово *сверстник* от слова *верста* в значении «возраст», а слово *ровесник* – от *ровный*, т.е. «одинаковый по годам».

В этимологических словарях рассматриваются слова, характеризующие внешний вид человека, в частности, форму, цвет некоторых частей тела (например: глаз, носа, волос: *лупоглазый, курносый, блондин, шатен, белокурый*). Так, из древнерусского языка заимствовано слово *белобрысый* (человек с очень светлыми волосами, бровями и ресницами), где часть *бры* значило «бровь». Таким образом, слово *белобрысый* значит «белобровый».

Интересны происхождения слов, характеризующие дворянские наследственные титулы, людей, наделённых властью и, наоборот, лишённых её, например: *лорд, принц, визирь, князь, господин, властелин, вождь, прези-*

дент, начальник, хозяин, директор, лакей, раб, слуга, крепостной, холоп и др. Так, слово *царь* в значении «единовластный государь» возникло из формы *Цесарь* по имени римского правителя, полководца, в своё время захватившего германские земли, отчего его имя на века стало для всей Европы символом верховного правителя.

Смысл жизни человека раскрывается в разнообразных видах его деятельности – в труде, науке, воспитании, семейной жизни, увлечении литературой и искусством, в активной общественной деятельности и т.д.

Несомненно, в этимологических словарях широко представлены слова, обозначающие разнообразные сферы деятельности человека (*инженер, слесарь, кузнец, ветеринар, фельдшер, окулист, маляр, бухгалтер, космонавт, художник, поэт, режиссёр, музыкант, композитор, дирижёр, спортсмен, чемпион, голкипер, официант, генерал, солдат*, *сержант, ефрейтор, прапорщик, лейтенант, офицер, адъютант, матрос, командир, лоцман, лекарь, поп, мусульманин, христианин*). Так, слово *врач*, как ни странно, образовано от глагола *врати* – «заговаривающий болезни», а слово *ведьма* – от *ведать* первоначально «знахарка, ведающая, умеющая лечить»; слово *секретарь* образовано от *secretus* – «тайный, секретный», отсюда первоначальное значение слова «хранящий тайны»; конечно же, слово *токарь* образовано с помощью суффикса *-арь* от основы *ток-*, что и *точить*; а слово *парикмахер* состоит из двух частей, где *parucke* – «волосы», *macher* – «делать». Интересно происхождение древнерусского слова *паломник*, оно образовано с помощью суффикса *-ник* от слова *пальма*; буквально означает – «странник, воротившийся с пальмовой ветвью из святых мест».

Есть слова, которые можно найти во многих языках. Это объясняется тем, что такие слова восходят к одному общему корню, так, слово *профессор,* заимствованное из немецкого языка – *Professor,* восходит к латинскому *professor* в значении «учитель» а в русском языке так называют только дипломированных преподавателей вузов; слово *доцент* заимствовано из немецкого языка, где *Dozent* восходит к латинскому *docens* в значении «учить»; для русского слова *артист* соответствует *artist* в английском и *artiste* во французском языках; а для слов *сапа* (ров, траншея) и *сапёр* – французские слова *sape* и *saper.*

Проделанная нами работа позволяет судить о сложном взаимодействии различных факторов, которые приходится учитывать при этимологическом анализе слов. В формировании и дальнейшей судьбе каждого слова сочетаются многообразные, в целом закономерные явления и процессы, но в каждом отдельном случае это сочетание индивидуально. Можно сказать, что нет двух слов с одинаковой историей, и поэтому бесконечно варьируются от слова к слову пути этимологического анализа.

Словари

1. Волина В.В. Этимологический словарь. – С.-П., 2000. – 254 с.

2. Глинкина Л.А. Этимологические тайны русской орфографии. –Оренбург, 2001.
3. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – С.-П., 2004. – 428 с.
4. Рут М.Э. Этимологический словарь русского языка. – Екатеринбург, 2003.
5. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – Киев, 1970. – 242 с.
6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2т, – М.: Рус.яз., 1994. – Т. 1 – 2.
7. Шанский Н. М, Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка: Значение и происхождение слов. – 2-е изд. – М.: 1997. – 530 с.
© Ишмуратова Л.Н., 2012

УДК 811.116.1

Ишмуратова С.Р.
г. Уфа (Россия)

Речевое поведение с позиций статусно-ролевого взаимодействия

Речевое поведение определяется как «речевые поступки индивидуумов в предполагаемых обстоятельствах» (1, с.5). Оно подчиняется законам статусно-ролевого взаимодействия.

Роль – это типовая модель поведения людей, принятые в обществе правила поведения и общения для определённых стандартных ситуаций.

Каждая личность в общении наделена коммуникативными, социальными и психологическими ролями. Коммуникативная роль определяется позицией участника общения. В коммуникации партнёры используют роли: а) говорящего (адресанта); б) слушающего (адресата); в) косвенного (вторичного) адресата как активного участника общения; г) наблюдателя как пассивного участника общения (2, с.82-83).

Адресант (говорящий) направляет свою речь на адресата (слушающего) как на объект своей речевой деятельности. Одновременно адресант рассматривается в качестве второго субъекта общения. Специфические отношения между адресатом и адресантом наглядно проявляются именно в диалоге с присущей ему сменой коммуникативных ролей: каждый из участников общения исполняет в диалоге то роль адресанта, то роль адресата, а разворачивающееся общение отражает позиции того и другого. Общение ориентируется не только на адресатов, но и на наблюдателей. Наблюдатель – это пассивная роль присутствующего. Он является опосредованным субъектом и объектом общения. С одной стороны, общающиеся учитывают возможных или реальных наблюдателей при построении диалогов. С другой стороны, наблюдатель оценивает поведение общающихся, оказывает эмо-

циональное воздействие, приводит к принятию тех или иных решений.

Социальная роль обусловлена социальным статусом говорящего. Она определяется профессией, родом деятельности, полом, возрастом, реальными отношениями людей в обществе. Коммуникативная роль связана с поведением человека в общении, в той или иной коммуникативной ситуации. Ролевые признаки речевого поведения проявляются в коммуникативном взаимодействии говорящих.

Психологическая роль связана с программой жизненного сценария, выработанного в раннем детстве под влиянием родителей и также определяет речевое поведение человека. Существуют три психологические роли (ребёнок, родитель, взрослый), которые актуализируются в процессе общения.

В речевом поведении человека происходит постоянная демонстрация присущих ему психических и социальных признаков и проигрывание ситуативных ролей. Часто для определённого круга общения говорящим избирается социально-психологическая роль (мудрец, правдолюбец, знаток, говорун, молчун, соглашатель и т.д.), которая помогает выстраивать программу речевого общения.

Вне учёта социальных и психических факторов в общении, коммуникативно-ролевых статусов говорящих невозможно оценить успешность или неуспешность речевых действий общающихся людей.

Литература

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993.
2. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: Русский язык, 1998.

© Ишмуратова С.Р., 2012

УДК 801

Кабирова Г.У.
г. Стерлитамак (Россия)

К вопросу о компетенциях языковой личности

Понятие «языковая личность», введенное Ю.Н.Карауловым, в лингвокультурологических исследованиях последних десятилетий приобрело достаточно прочный статус. Оно призвано свести воедино проблемы междисциплинарных наук «в общем русле потока прагматических вопросов в том аспекте, в каком *языковая личность* проявляет компетенции *личности говорящей*» [2, с.12]. Уровень видов компетенций призван регулировать как успехи, так и неудачи в процессе межкультурной коммуникации.

Как известно, *языковая компетенция* согласно концепции

Н.Хомского включает фонологический, синтаксический и семантический компоненты лингвистического знания. А.А. Залевская вслед за Н.Хомским разграничивает языковую компетенцию (linguistic competence), т.е. «ментальные репрезентации языковых правил, выступающие в роли внутренней грамматики идеального *говорящего-слушающего*», и лингвистическое исполнение (linguistic performance), т.е. «понимание и продуцирование речи в реальных ситуациях общения» [1, с.67, 82]. Языковая компетенция выходит далеко за рамки овладения правилами пользования языком – она предполагает расширение собственной концептосферы и модификацию языковой картины мира на основе межкультурного опыта.

Коммуникативная компетенция включает механизмы, приемы и стратегии, необходимые для обеспечения эффективного процесса общения. Выделяются следующие составляющие коммуникативной компетенции применительно к МК: (а) активность (умение интерпретировать специфические для данной культуры сигналы готовности собеседника вступить в межкультурную коммуникацию, умение адекватно выразить свою мысль и понять мысль собеседника, умение направить беседу в нужное русло, умение определить долю говорения и слушания в зависимости от ситуации и культурных норм); (б) уместность (выбор темы беседы, дискурсивного жанра, вербальных и невербальных средств, речевых стратегий); (в) динамичность (эмпатия и способность к сопереживанию, гибкость в выборе и переключении тем, готовность к корректировке собственного коммуникативного поведения).

Еще одним существенным фактором, необходимым для эффективной межкультурной коммуникации, является *культурная компетенция,* предусматривающая понимание пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры. Это наиболее динамичной вид компетенции. Наряду с достаточно стабильными историческими и географическими данными существуют элементы, связанные с текущей политической ситуацией, скандалами, модой и т.д., которые быстро возникают и сглаживаются в памяти носителей культуры. Этот динамизм требует постоянного пополнения объема культурной компетенции.

Понимание иноязычной картины мира может происходить «лишь через этап сознательного отстранения, сознательного превращения своего сознания в *tabula rasa"* [3, с.112]. Для постижения новой культуры необходимо подключить весь спектр способов мировосприятия, включая и нелогические формы – ощущения, чувства и т.д. Все это должно привести к тому, что в сознании постигающего иноязычную картину мира должна сформироваться *вторичная языковая личность*, обладающая всеми необходимыми компетенциями.

Литература

1. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. – М.: Гнозис, 2005. – 454 с.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Изд. «Гнозис», 2009. - 454 с.
3. Когнитивные исследования языка: Международный конгресс по когнитивной лингвистике /отв. ред. Н.Н.Болдырев. – Тамбов: Изд.дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2010. - 559 с.

© Кабирова Г.У., 2012

УДК 81'373

Калиев Б.К.
г.Алматы (Казахстан)

ҚАЗАҚ ТІЛ БІЛІМІНІҢ КОНЦЕПТІЛІК ҚҰРЫЛЫМДАРЫ

Концепт - басқа салалар сияқты тіл білімінде де басты, өзекті ұғымдардың біріне саналады. Ол туралы ойланғанда тіл білімінің жеке тұрған бір не екі ұғымын емес, бір-біріне байланысты ірілі-уақтылы бірнеше ұғымдардың бірігіп, бір бүтін ірі ұғымға айналған күрделі ұғым екендігі ескеріледі. Мысалға тіл білімінің «морфология» саласын алалық.

Морфология – концепт. Ол зат есім, сын есім ... дегендер сияқты 9 сөз табынан құралған. Мұндағы «зат есім», «сын есім» дегендер де концептілер. Бірақ «морфологияға» қарағанда уағырақ концептілер. Біз ірі деп отырған «морфология» концептісі қазақ тіл білімінің өзі типтес «фонетика», «лексика», «синтаксис» концептілерімен бірігіп, «қазақ тіл білімі» деген ірі концептіні құрайды.

Осы тұрғыдан концепт дегенге – «дүниенің тілдік бейнесін жасайтын элементтер (концептілер мен фреймдер) атауларының жүйелі жиындығы» деп те анықтама беруге болады. Ол «элементтер» (зат есім, сөз табы, морфология, тіл білімі т.б.) мағыналары мен жұмсалуы жағынан бір-біріне жақын ұғымдар болып саналады және олар бірінсіз бірі ұғынылмайды.

Қазақ тіл білімінің ғылыми бейнесін жасау үшін біз екі нәрсені тірек етеміз. Бірі – қазақ тіл білімінің концептері, екіншісі оның ғылыми терминдері.

Қазақ тіл білімінің терминдерін отандық ғалымдар аз зерттеген жоқ. Ол туралы 5-6 адам кандидаттық диссертация қорғап (Ж.Молдажаров – 1978, С.Баяндина – 1996, Г.Омарова – 1998, Е.Әбдірәсілов – 1999, А.Т.Қоңырова – 2003), қазақ тіл білімі терминдерінің құрамы, құрылым-құрылысы, жасалу тәсілдері жөнінде жан-жақты сөз еткен. Сондықтан бұл жерде біз оған уақыт бөліп, босқа әуреленіп жатпаймыз. Жалғыз-ақ қосарымыз: тілдік құрылымдарды (концептілерді, фреймдерді т.б.) айқындауда терминдер басты рөл атқаратындығын осы жерде баса айтқымыз келеді. Қазақ тіл білімінің ешбір концептісі, ешбір фреймі

ғылыми терминдерсіз айқындалмақ емес.

Ал концептінің өзіне келсек, жоғарыда айтылды, ол – дүниетанымдық тіл білімінің басты ұғымдарының бірі және тілдік құрылымдарды зерттеудің, түсінудің, түсіндірудің ерекше тәсілі.

Қазақ тілінде 9 сөз табы бар екендігі белгілі. Кейінгі кезде ғалымдар оған оныншы сөз табы ретінде шартты түрде «модаль сөздер» дегенді қосып жүр [1, 16].

Қалай болған күнде де тіл-тілдегі сөз таптары мынандай төрт түрлі лексика-грамматикалық белгілерімен ерекшеленеді. Олар: 1) сөздің жалпы категориалды мағынасы (заттық, сындық, сандық т.б.), 2) сөздің түрлену формасы (көптеледі, септеледі, жіктеледі, шақ формаларымен өзгереді т.б.), 3) қойылатын сұрағы (кім? қашан? т.б.), 4) сөздің сөйлемдегі атқаратын қызметі (бастауыш, баяндауыш т.б.).

Айталық, сөз таптарының бірі – зат есімдерді алып қарастырсақ, оның жалпы категориалды мағынасы – заттық мағына, түрлену формалары – көптелу, септелу, тәуелдену және жіктелу. Негізгі сұрақтары – кім? не? Зат есімдердің сөйлемдегі негізгі қызметі – бастауыш және толықтауыш болу. Міне, осы 4 белгісі арқылы зат есімдер басқа сөз таптарынан ерекшеленеді.

Зат есімдер, сондай-ақ, өз ішінде жалпы зат есімдер (*қала*), жалқы зат есімдер (*Алматы*), деректі зат есімдер (*қалам*), дерексіз зат есімдер (*қиял*), жекеше тұлғалы зат есімдер (*бала*), көпше тұлғалы зат есімдер (*балалар*) болып тағы бөлінеді. Зат есімдер сөйлемде бастауыш пен толықтауыштан басқа қосымша қызмет ретінде кез келген сөйлем мүшесінің қызметін атқара береді. Зат есімдер жіктеліп келіп, сөйлемде баяндауыш, зат есім сөздің алдында тұрып, атау мен ілік септіктерінің бірінде келіп – анықтауыш (*темір күрек, кітаптың беті*), атау мен іліктен басқа септіктердің бірінде тұрып – толықтауыш немесе пысықтауыш (*пойызбен келді* – немен келді?; *таумен келді* – қалай келді?) қызметін атқарады.

Бұл айтылғандардың үстіне зат есімнің көптік, септік, тәуелдік жалғауларының даму тарихы, олардың этимологиясы, сөзжасам жұрнақтарының саралануы мен даралануы, күрделенуі және зат есімнің мағыналары деген сияқты мәселелерді әкеліп қоссақ, «концепт – күрделі құрылым» деген тіркестің мән-мағынасы айқындала түседі.

Синтаксис те – грамматиканың бір саласы. Ол «тілдік тұлғалардың (жеке сөздердің, жеке сөйлемдердің) бір-бірімен байланысы кезінде туындайтын мағыналық, грамматикалық қарым-қатынас» [2, 347] деген ұғымды ғана емес, сонымен бірге, ол *сөз тіркесінің синтаксисі, жай сөйлемнің синтаксисі, құрмалас сөйлемнің синтаксисі* деген сияқты ірі-ірі грамматикалық ұғымдарды да қамтиды. Синтаксис концептісі туралы айтқанда *синтаксистік байланыс, синтаксистік құрылым, синтаксистік мағына, синтагма, синтагматика* деген сияқты ұғымдар да ассоциация арқылы еске түседі.

Сондай-ақ, *матасу, меңгеру, қабысу, жанасу* деген сияқты терминдер мен осы терминдердің негізінде туған *жалғаулықты байланысу, жалғаулықсыз байланысу, салаласа байланысу, сабақтаса байланысу, шылаулар арқылы байланысу* тәрізді грамматикалық ұғымдар мен тілдік ақпараттар өте мол.

«Концепт – өте күрделі ұғым. Онда бір-біріне байланысты ұғымдар, тілдік ақпараттар мол болады» дегенді айтқанда біз осылар сияқты толып жатқан ұғым-түсініктерді есепке алып отырмыз.

Қазақ тіл білімінің белгілі бір саласындағы концептілер бір-бірімен ғана байланысып қоймайды, сонымен бірге олар осы ғылымның басқа салаларындағы концептілермен де тығыз қарым-қатынаста, байланыста болады. Айталық, «сөз тіркесінің синтаксисі» деп аталатын концептінің құрамына кіретін: *қабысу, меңгеру* атауларының мән-мағыналарын: *қабысу* – екі есім сөздің жалғаусыз байланысуы, *меңгеру* – есім сөз бен етістік сөздердің жалғаулар немесе шылаулар арқылы байланысы, - деп ұғатын болсақ, осы ұғымдардан «сөздердің жалғаулар арқылы байланысуы», «сөздердің жалғаусыз байланысуы» деген және «есімді тіркестер» (қабысу), «етістікті тіркестер» (меңгеру) деген ұғым-түсініктер туындайды. Яғни бұл – белгілі бір концептінің мән-мағынасын жете түсіну үшін сол концептінің құрамына кіретін уақ концептілердің мән-мағыналарын жақсы білу керек немесе бір концептіні жақсы ұғу үшін оған байланысты екінші бір концептіні білу шарт деген сөз.

Бірінші ойдың, яғни «белгілі бір концептіні жақсы түсіну үшін сол концептінің құрамына кіретін уақ концетілерді білу керек» деген ойдың дәлелі ретінде жоғарыда бір мысал («сөз тіркесінің синтаксисі») келтіргенбіз. Енді соңғы ойдың, яғни «бір кіші концептіні жақсы тану үшін екінші бір кіші концептіні жақсы білу керек» деген ойдың дәлелі ретінде фонетика, лексика, морфология, синтаксис деп аталатын ірі концептілердің арасындағы байланысқа көңіл аударып көрелік.

Шындығы мынау: «Фонетика» (дыбыстаным) концептісінің мәнін білмей тұрып, «лексика» (сөзтаным) концептісінің мәнін білу мүмкін емес. Өйткені түбір сөз – дыбыстардың заңды тіркестерінен жасалады. Төл сөздерде буын үндестігі, дыбыс үндестігі дегендер сақталады т.б.

Дәл осы сияқты «морфология» концептісінің мәнін түсіну үшін «лексикология» концептісін білу міндетті. Өйткені сөздер тек дыбыстардың заңды тіркестерінен ғана жасалмайды, сонымен бірге, ол морфемалардың қосындысы арқылы да (яғни түбір морфема мен қосымша морфемалардың қосындысынан да) жасалады.

Басқаша айтсақ, фонетикасыз лексиканы, лексикасыз морфологияны, морфологиясыз (түбірсіз, жұрнақсыз, жалғаусыз) синтаксисті сөз ету мүмкін емес. Бұл – «кіші концептілер ұғымы жағынан да, мағыналары жағынан да бір-бірімен тығыз қарым-қатынаста, байланыста болады» деген

тұжырымның қосымша дәлелі.

Тіліміздегі «сөз түрленімі» терминімен берілетін ұғым (концепт) туралы ойласақ, ең адымен түбір морфема, оған қосылатын қосымша морфема (жұрнақ пен жалғау) еске түседі.

Қазақ тілінде түбірге қосылатын жалғаулардың көпшілікке белгілі төрт түрі бар. Олар: көптік, септік, тәуелдік, жіктік жалғаулары. Бұлар түбірге немесе туынды түбірге қалай болса солай жалғана бермейді. Олардың түбірге жалғануының өз реті, өз жүйесі бар. Ең алдымен көптік, содан кейін тәуелдік, үшінші кезекте септік, төртінші кезекте жіктік жалғаулары жалғанады.

Бұл процесті сценарий немесе сюжет түрінде көрсетсек, іс-әрекеттің реті былайша сұлбаланады:

Түбір (*бала*) + көптік жалғауы (*-лар*) + тәуелдік жалғауы (*-ыңыз*) + септік жалғауы (*-дан*) + жіктік жалғауы (*-быз*). Нәтижесінде *балаларыңыздан**быз*** немесе *қыздарыңыздан**быз*** деген сияқты тілдік бірліктер жасалынып, айтушы мен тыңдаушыға белгілі бір ұғым, түсінік туғызады.

Қазақ тіл біліміндегі «сөйлем мүшелері» деген кіші концептісі (ұғым, түсінік, тақырып) кімге болса да таныс. Аталған сөз орамын естісек немесе айтсақ болды, есімізге «сөйлем – сөйлем мүшелерінен құралады; сөйлем мүшелері бастауыш, баяндауыш, толықтауыш, пысықтауыш, анықтауыш болып бөлінеді; ол мүшелер бір-бірімен логикалық жағынан да, грамматикалық жағынан да байланысып жатады», - деген тәрізді сан салалы ұғым, түсінік ойға оралады. Кез келген сөйлемнің негізгі қызметі – белгілі бір ойды білдіру. Ондағы басты мүше, яғни сөйлемдегі ойдың тірегі (тұтқасы) – баяндауыш. Баяндауыш – істелген немесе істелуге тиісті іс, процесс (предикат).

Баяндауыштан кейінгі басты мүше - сол істің иесі, істеушісі (субъектісі). Ол қазақ тіл білімінде бастауыш деп аталынады. Басты мүшелердің тағы бірі – толықтауыш. Толықтауыш дегеніміз – іс-әрекеттің нысаны (объектісі).

Мысал келтірсек, сөйлеуші немесе жазған адам «ол оқыды» дей салмайды. Баланың нені оқығандығын атап, «ол кітап немесе газет оқыды» деп нақтылайды. Сондықтан болар, біз өзіміздің «Сөйлем мүшелерін тірек белгілер арқылы оқыту әдісі» деген мақаламызда «тұрлаулы мүше екеу емес, үшеу» деп, оның қатарына бастауыш, баяндауыштармен бірге толықтауышты да қосқан болатынбыз [3, 64].

Маңыздылығы жағынан сөйлем құрамындағы толықтауыштан кейінгі орынды – пысықтауыш алады. Бұл мүше іс-әрекеттің қашан, қай жерде, қалай болғандығын, яғни іс-әрекеттің амал-тәсілін, қимыл-сынын, жай-күйін, болмаса іс-әрекеттің себебін, мақсатын білдіреді.

Ал анықтауыш мүшеге келсек, ол зат есімнен жасалатын бастауыш

пен толықтауыштың алдында тұрып, сол мүшелерді анықтайды (мысалы, *жас бала, ыстық сүт* деген сияқты); олардың басқа баладан, басқа сүттен айырмашылығын (ерекшелігін) көрсетеді.

Мұны тек сызбанұсқа деп қана ұқпау керек. Сонымен бірге, ол – фреймді концеп. Одан сөйлем мүшелерінің құрылым-құрылысын, бір-бірімен байланысын, ретін, жүйесін – бәрін-бәрін табуға болады. «Сөйлем мүшелері» деп аталатын ұғым-түсініктің адам санасындағы бейнесін көз алдымызға осылай елестете аламыз. Соның арқасында «сөйлем мүшелері» деген ұғым (фреймді концепт) бір-бірімен байланысты күрделі құрылым ретінде танылады және олар бір-бірінен ажыратыла қарастырылады.

Қазақ тілі оқулықтарындағы «Сөйлем мүшелерін талдау» деген тақырыпта да осы жүйе, осы реттілік сақталынады. Алдымен тұрлаулы мүшелер (үш нүкте), содан кейін тұрлаусыз мүшелер (үш түзу сызық) анықталады. Бұл айтылғандар – «фреймді концепт мүшелерінің арасында байланыс, реттілік, жүйелілік болса, оны тану оңай; ондай байланыс болмаса, дүниені тану қиынға соғады» деген когнитивтік тұжырымның растығын тағы да дәлелдей түседі.

Тіл білімінің қазіргі биігінен қарасақ, қазақ тіл білімі - көп қабатты, сан тармақты және толып жатқан концептілер мен фреймдердің жүйесінен құралған біртұтас, бүтін құрылым. Біз бұл жерде концепт деп – тек қазақ тіл білімін немесе оның басты-басты салалары болып табылатын фонетика, лексика, семасиология, фразеология, морфология, синтаксис дегендерді ғана айтып отырған жоқпыз, сонымен бірге оған осы салалардың құрамына кіретін барлық ұғым-түсініктердің, атап айтқанда, морфологияның құрамына кіретін күллі сөз таптарын, сол сөз таптарының өрісіне жататын барлық лексика-грамматикалық категорияларды, олардың мән-мағыналарын қоса айтып отырмыз. Саралай, даралай білсек, бұлардың әрқайсысы тағы да бірнеше жеке бөліктерге бөліне алады.

Әрине, кез келген атау, кез келген термин концепт бола алмайды. Концепт болу үшін атауда (терминде) танымдық ұғым болуы керек және ол ұғым фрейм құрай алуы қажет. Бұл оның мағыналық ауқымына, прагматикалық, семантикалық сипаттарына байланысты. Мәселен, «морфология» - концепт, «сөз таптары» - концепт, ал «матасу» - концепт емес. Ол «сөз тіркестері» концептісінің бір мүшесі (элементі) ғана.

Пайдаланылған әдебиеттер

1.Жанпеисов Е. Модальные слова в современном казахском языке. Автореф.дисс.канд.филол.наук. А., 1958. 18 с.

2. Қазақ тілі. Энциклопедия. – Алматы, 1998. -508 б.

3.Қалиұлы Б. Сөйлем мүшелерін тірек белгілер арқылы оқыту әдісі//Қазақ тілі мен әдебиеті. 2005, №9. 64-68 б.

© Калиев Б.К., 2012

УДК 811.512.1

Калимуллина Г.У.
г. Уфа (Россия)

Структурно-синтаксические модели предложений в русском и татарском языкознании

Обращение к моделям делает возможным максимально обобщенное и экономное описание синтаксического строя языка. Проблема моделей и их синтаксического содержания оказалась в центре внимания теоретического синтаксиса. Понятие «модель предложения» стало общеупотребительным, хотя до сих пор лингвисты вкладывают в это понятие различное содержание.

Определение и выбор той или иной модели будут зависеть от того, что понимает лингвист под структурой предложения, как он представляет себе его конструктивный минимум, его необходимые и факультативные компоненты. Модель одного и того же предложения разными лингвистами может описываться по-разному, но тем не менее эти модели обязательно будут иметь целый ряд общих свойств, наличие которых и позволяет дать обобщенное определение понятию «модель предложения». Выделив эти общие свойства, И.И. Меньшиков приходит к следующей формулировке: «Модель предложения – это символическое представление его синтаксической структуры с помощью заданной системы классов слов, а также принятых заранее условных графических знаков» [3, с.15].

В современной синтаксической науке существуют два понимания структурной схемы предложения. В первом случае «элементарной схемой предложения считается нераспространенная структура, обладающая грамматической достаточностью. Все распространители, облигаторные с точки зрения информативной достаточности предложения выводятся за границы схемы как минимальной структуры» [2, с.73].

Во втором случае «элементарной структурной схемой считается структура, обладающая не только грамматической, но и информативной достаточностью, все информативно облигаторные распространители считаются обязательными» [2, с.74]. Признание необходимости ввести в минимум построения информационно облигаторного распространителя нашло отражение в работах Т.П. Ломтева, Г.А. Золотовой, А.С. Богуславского и других. Необходимые компоненты реализации – «это распространители, входящие в минимально информативно достаточное предложение, облигаторность которых связана с их особой семантической функцией, приспособлением значения словоформы, выступающей в качестве предиката, к грамматической семантике данной конструкции» [2, с.78]. Например, семантика односоставных структурных схем, как $V_{3\ S}$, $V_{S,\ Pl}$, Cop/N_1, характеризуется следующим

образом: данные структурной схемы несут информацию о независимом признаке. Независимым считается тот признак, который не предполагает обязательной отнесенности к носителю признака. При реализации структурной схемы на уровне облигаторного распространения может возникнуть отнесенность к носителю признака. Предложение *Бездә бәйрәм (У нас праздник.)* в отличие от *Көз. Төн (Осень. Ночь.)* по своей лексической семантике предполагает отнесенность признака к дезактивному субъекту. В предложениях типа *Синдә талант (У тебя талант.)* минимальная модель реализации структурной схемы изменяется за счет включения сильных присловных распространителей.

Внутри структурной схемы N_1 выделяются четыре группы. К первой группе относятся предложения, которые выражают процессуальное состояние и характеризуются общим динамическим значением *(Төн. Яңгыр.– Ночь. Дождь.)*. Во вторую группу входят номинативные предложения, которые имеют общее статистическое значение, то есть значение наличия в широком смысле *(Урам. Йорт. – Улица. Дом.)*. Третья группа включает в себя предложения, утверждающие посессивное наличие, отношение субъекта и объекта принадлежности *(Аңарда Ходай биргән талант. – Унего талант от бога.)*. В четвертую группу входят предложения, утверждающие локализованное наличие, наличие предмета в определенном месте, пространственную прикрепленность предмета *(Авыл уртасында – мәчет. – В центре деревни– мечеть.)*. Каждая группа представляет отдельную модель предложения. Г.А. Золотова утверждает, что «модель предложения – минимально достаточное сочетание синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением в ряду аналогичных единиц с тем же типовым значением» [1, с.94].

Общая классификация грамматических схем простого нераспространенного предложения может быть осуществлена по разным основаниям. М.З. Закиевым были описаны структурные схемы элементарных (нераспространенных) предложений татарского языка. Ученый выделяет 52 модели простых предложений, из которых 32 – двухкомпонентные схемы, 18 – однокомпонентные модели, а две структурные схемы – это фразеологизированные модели, возникшие в результате слияния некоторых глаголов с устарелыми глагольными словоформами, лексически неограниченными [5, с.252-255]. Подавляющее большинство схем являются синтаксически свободными, именно они определяют своеобразие структуры татарского нераспространенного предложения. По количеству компонентов грамматические схемы делятся на однокомпонентные и двухкомпонентные. В двухкомпонентных моделях указывается подлежащее и сказуемое, а в однокомпонентных – лишь главный член, который не приравнивается ни к подлежащему, ни к сказуемому. В однокомпонентных схемах часто появляется необходимость в указании на характер проявления действующего лица, то есть аген-

са. Например, некоторые словоформы выступают главным членом односоставного предложения только в том случае, если агенс вообще не подразумевается, то есть его, вообще, в данном сообщении нет, или передается неподлежащными формами. Например, в назывном предложении *Көз. Төн* агенс не подразумевается, а в трансформированных эллиптических предложениях второй группы, которые в татарской грамматике рассматриваются как номинативные с детерминантом, субъект подразумевается и выражается не подлежащными формами, а формой одного из косвенных падежей. Например, *Миндә көчле Байроннар җаны (Һ.Такташ). Рөстәмгә нибары өч яшь ярым (Р.Нәбиева).* В этих предложениях, как в двухкомпонентных предложениях, отражается отношение между их логическими коррелятами, то есть между семантическими компонентами – субъектом и его предикативным признаком. Эти предложения занимают среднее положение между однокомпонентной и двухкомпонентной схемами: в семантическом плане они – двухкомпонентны, в формально-грамматическом – однокомпонентны. По нашему мнению, общий распространитель предложения – детерминант – должен участвовать в описании структурных схем.

Эти конструкции отличаются от обычных номинативных предложений. Трансформированные эллиптические конструкции по своей структуре соотносительны с неполными, модель неполных предложений для них стала структурной схемой. Трансформированные эллиптические конструкции первой группы рассматриваются наряду с двухкомпонентными схемами с именным сказуемым. Но в то же время в татарской грамматике подчеркивается, что существительные в косвенных падежах стали восприниматься как именное сказуемое после того, как был опущен подчиняющий их глагол» [5, с.168].

Таким образом, вопрос о структурных схемах трансформированных эллиптических предложений затронут в татарском языке. В современном синтаксисе необходимо дать полную, подробную классификацию структурных схем рассматриваемых нами предложений.

Литература

1. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 1998. – 528 с.
2. Кокорина С.И. О реализации структурной схемы предложения // Вопросы языкознания. – 1975. – № 3. – С. 73-83.
3. Меньшиков И.И. Модель предложения и его парадигма. – Днепропетровск: Из-во Днепропетровского университета, 1979. – 80 с.
4. Русская грамматика. В 2-х томах. Т.II. – М.: Наука, 1980. – 710 с.
5. Татарская грамматика. В 3-х томах. Т. III. – Казань: Издательство ИЯЛИ АНТ, 1995. – 576 с.

© Калимуллина Г.У., 2012

УДК 81

Калимуллина Л.А.
г. Уфа (Россия)

Современные когнитивные теории эмоций как основа лингвистического описания категории эмотивности

В последние десятилетия в отечественной лингвистике отмечается неуклонный рост интереса к проблеме «язык и эмоции» (среди новейших работ см., например, труды Гладковой, Шаховского и др.]). Причины этого кроются, прежде всего, в смене научной парадигмы, повлекшей за собой актуализацию антропологической проблематики и соответствующую переориентацию лингвистических исследований. Однако есть и более глубокие внутренние причины, имеющие отношение к самой онтологии языка: именно он является важнейшим каналом передачи эмоциональной информации, в связи с чем эмотивная функция (наряду с коммуникативной, когнитивной и метаязыковой) признается в качестве базовой функции языка [14, с.564]. В рамках такого недавно возникшего направления, как эмотиология (термин В.И. Шаховского) ставится и решается целый ряд задач, связанных с исследованием вербального отражения эмоций, прежде всего закономерностей и способов языковой/речевой реализации категории эмотивности. Вместе с тем для более глубокого понимания этих явлений необходимо обращение к современным когнитивным концепциям эмоций, которые, возможно, будут определять дальнейшее развитие комплексного междисциплинарного учения о Homo sentiens, интегрирующего нейрофизиологические, психологические, лингвистические и иные данные. Поскольку достоинства и недостатки когнитивной теории эмоций (в том числе и в приложении к языковой категоризации внутренних состояний) довольно подробно описаны лингвистами (см., например, [6; 9] и др.), мы сочли необходимым лишь кратко осветить основные ее положения. Следует подчеркнуть, что эмоции как психический феномен характеризуются амбивалентной природой, поскольку, с одной стороны, обнаруживают тесную взаимосвязь со сферой бессознательного, а с другой – выступают как одна из подсистем сознания. В соответствии с этим исследователями высказываются разные, подчас противоположные точки зрения на соотношение эмоции и когниции [3, с.177–178]:

1. Одни исследователи полагают, что эмоции не когнитизированы, т.е. существуют до проведения их когнитивной категоризации в сознании индивида [16]. Подтверждением этому служит наличие так называемых базовых (основных) эмоций, которые являются своеобразными эмоциональными примитивами и не могут быть представлены при помощи когнитивных структур (Шаховский, [3, с.39]).

2. Согласно другой гипотезе, фундаментальные эмоции образуют

важнейшие структуры сознания и имеют когнитивную обусловленность, так как являются результатом когнитивной оценки определенного вида, в основе которой лежит соответствие/несоответствие какого-либо события и потребностей субъекта оценки [15, с.102, 257]. В рамках данного подхода, во-первых, рассматривается структура эмоций, во-вторых, разрабатываются их когнитивные модели. При решении первой задачи основное внимание сосредоточено на выявлении специфики компонентов эмоции. Так, автор «двухфакторной теории эмоций» С. Шехтер выделяет в их структуре физиологическое возбуждение (arousal) и его когнитивную оценку индивидом (appraisal), при этом первый компонент приравнивается к стимуляции, а второй (познавательный) – к результату внезапного прерывания планов [цит. по: 1, с.26–27]. О двухчастной структуре эмоциональных процессов идет речь также в «познавательной теории эмоций» Р.С. Лазаруса, который полагает, что когнитивное оценивание вероятных результатов деятельности составляет ведущий их компонент, а эмоциональный отклик, возникающий в результате оценки, представляет собой зависимый компонент [там же, с.27]. В работах других психологов применяется многофакторный подход к выявлению структуры эмоций: например, Н. Фрижда считает, что любая эмоция может быть представлена как определенная последовательность, которая включает условие возникновения, когнитивную оценку, физиологическую активацию, изменения на уровне готовности к осуществлению действия и само действие [15]. Одной из наиболее признанных когнитивных теорий эмоций можно считать концепцию, авторами которой являются А.Ортони, Дж.Клоур и А.Коллинз. Критически анализируя взгляды различных исследователей на соотношение эмоции и когниции, они отмечают, что в большинстве работ не раскрывается сам процесс этого взаимодействия. Авторы утверждают, что в существующих концепциях очень мало говорится об отдельных эмоциях, особенно о положительных, и предлагают свою теорию когнитивной структуры эмоций, при построении которой необходимо учитывать четыре типа данных: 1) язык эмоций, изобилующий двусмысленностями, синонимией (или почти синонимией), многочисленными лингвистическими ловушками и т.д.; 2) самоотчеты (self-reports) о переживаемых эмоциях (пока еще не существует объективного критерия, позволяющего достоверно определить, что личность испытывает какую-либо конкретную эмоцию); 3) поведенческие данные (при этом предпочтение отдается точке зрения, согласно которой реальное поведение представляет собой реакцию на эмоциональное состояние в сочетании с конкретным инициирующим событием, однако учитывается то, что одинаковое поведение не всегда обозначает одинаковую эмоцию, поэтому можно говорить о различных поведенческих тенденциях, ассоциированных с различными эмоциями); 4) физиологические данные [7, с.322–327]. Исследователи рассматривают эмоции как «валентные реакции на события, агентов или объекты, конкретная природа

которых определяется способом восприятия ситуации, вызывающей эмоцию» [там же, с.328]. По их мнению, эмоции возникают в результате некоторых форм когнитивной деятельности, при этом физиологические, поведенческие, экспрессивные аспекты эмоции обусловливаются предшествующим им когнитивным этапом. Эмоции можно считать реальными, интенсивными и вытекающими «скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» [там же, с.318]; иными словами, одна и та же ситуация может порождать и положительные, и отрицательные эмоции, в зависимости от ее интерпретации субъектом. При этом эмоциональные переживания могут различаться по степени когнитивности в содержании, однако когнитивный вклад в эмоцию не обязательно будет осознанным. Это утверждение вполне согласуется с мнением психологов и психолингвистов о том, что задействованные в аффективной деятельности процессы осуществляются на разных уровнях осознаваемости [4, с.35]. В связи с этим можно предположить, что языковое проявление эмоций отличается неодинаковой степенью формальной выраженности когнитивного (рационального) их компонента. Высказывания, в которых эмоциональные переживания передаются посредством эмотивов определенных классов (например, междометий) или интонационно-грамматических средств, характеризуются меньшим участием когнитивного компонента, а потому воспринимаются как наиболее «приспособленные» для языкового выражения эмоций и создают впечатление адекватности субъективному состоянию говорящего. Напротив, наличие в высказывании языковых единиц, обозначающих эмоции (*страшно, любить, волнение* и т.п.), свидетельствует о максимальной степени рационализации эмоционального содержания, связанной с понятийным его представлением. Так, еще Ж.-П. Сартр подчеркивал, что сознание эмоции может иметь как рефлексивный, так и нерефлексивный характер, причем в первом случае эмоция «схватывается» именно как *состояние сознания*, а во втором – как *сознание мира*: «…Конечно, всегда возможно осознать эмоцию как аффективную структуру сознания, сказать: я в гневе, мне страшно и т.д. Но страх первоначально не есть сознание страха, так же как восприятие книги не есть сознание восприятия книги. <…> Эмоциональное сознание есть с самого начала *сознание мира*» [8, с.129–130].

3. В рамках третьего подхода исследователи ведут речь о том, что эмоции не являются результатом когнитивных процессов (в том числе оценивания), а предшествуют им либо полностью детерминируют их протекание: «…в обыденной жизни он [человек] не столько рассуждает, сколько чувствует, и не столько объясняет, сколько оценивает. Собственно когнитивные процессы, свободные от эмоциональных компонентов, занимают в обыденной жизни скромное место. По-видимому, в реальных процессах деятельности и во вплетенных в нее механизмах межличностного восприятия и

самовосприятия «холодные» попытки объяснения и понимания имеют меньшее значение, чем «горячие» акты оценок и переживаний. Когда же процессы когнитивного анализа и имеют место, то находятся под сильным и непрерывным влиянием эмоциональных факторов, вносящих свой вклад в их ход и результат» [13, с.107]. На наш взгляд, диалектический подход к проблеме соотношения эмоциональных и когнитивных компонентов психической деятельности позволяет согласиться, скорее, не с вышеизложенной точкой зрения, а с мнением Фр. Данеша, который полагает, что «когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции влияют на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов» [цит. По: 10, с.113].

Литература

1. Витт Н.В. Эмоциональная регуляция речевого поведения при общении (текст лекций спецкурса). – М.: МГПИИЯ, 1983.
2. Гладкова А. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки. – М.: Языки славянской культуры, 2010.
3. Жура В.В. Психо-когнитивные аспекты изучения эмоций в современных психологических и лингвистических исследованиях // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: Сб. науч. тр. – Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. – С. 177–183.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 2000.
5. Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М.: Наука, 1974. – 328 с.
6. Мягкова Е.Ю. Когнитивная теория эмоций: новые возможности исследования эмоциональности лексики // Психолингвистические проблемы семантики. – Калинин: Изд-е Калининского ун-та, 1990. – С. 110–115.
7. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 314–384.
8. Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций // Психология эмоций: Тексты. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 126–144.
9. Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001.
10. Шаховский В.И. О роли эмоций в речи // Вопросы психологии. 1991. №6. – С. 111–116.
11. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
12. Шаховский В.И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002. № 5. – С. 38–56.
13. Эткинд А.М. Эмоциональные компоненты самоотчетов и межличностных суждений // Вопросы психологии. 1983. №2. – С. 106–112.
14. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

15. Frijda N.H. The Emotions. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
16. Zajonc R.B. On the Primacy of Affect // American Psychologist. V. 35, 1984. – P. 151–175.

© Калимуллина Л.А., 2012

УДК 801.56:808.2

Калинина А.А.
г. Йошкар-Ола (Россия)

Коммуникативный аспект категории утверждения/отрицания

Область значений, обычно связываемых с категорией утверждения/отрицания, представляет собой иерархически организованную систему сторон-аспектов, в качестве которых выступают грамматическое, семантическое (денотативное) и коммуникативно-прагматическое содержание данной категории.

Коммуникативно-прагматический аспект семантики утверждения / отрицания находит свое выражение в рамках частных оппозиций «подтверждение / опровержение», «согласие / несогласие (возражение)». Согласие / несогласие, подтверждение / опровержение – типы модально-оценочной реакции на истинностное значение высказывания, принадлежащего другому лицу.

Диалогические реплики с семантикой согласия / несогласия, подтверждения / опровержения образуют класс т.наз ответно-модальных высказываний. По самой своей природе это реагирующие высказывания. В них находит выражение отношение говорящего к содержанию «чужого» высказывания – его принятие, поддержка или, наоборот, неприятие, отклонение, базирующиеся, в свою очередь, на положительной или отрицательной оценке его пропозиции по параметру истинности («истинно / ложно»).

Подтверждение / опровержение – тип диалогической реакции на пропозицию, имеющую статус «знание», на информацию о каком-либо факте действительности, допускающую возможность эмпирической проверки, ее оценка с позиций достоверности, путем сопоставления непосредственно с «сырой» действительностью. Ср. использование отрицательного высказывания в функции опровержения:

(1) *В статье Сергея Канева «Пять шагов Колокольцева» (см. № 122 от 26 октября 2012 года) было сказано, что «уволенный из МВД генерал Андрей Хореев ныне занимает высокий пост в Росалкоголе». После публикации в редакцию «Новой» пришло письмо из пресс-службы этого ведомства, в котором сказано:* ***«Человек с именем и фамилией, указанными в статье, не являлся и не является работником Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка»*** (Новая газета. № 128. 07.11.2012).

Согласие (присоединение к мнению собеседника) или несогласие (отказ присоединиться к мнению собеседника – реального лица или абстрактного оппонента) – тип ответной реакции на высказывание, содержащее мысль о действительности, на информацию, имеющую статус «мнение», ее оценка с позиций собственно истинности, путем сопоставления с другим «мнением», которое говорящий полагает истинным. Ср. отрицательное предложение с семантикой несогласия, возражения:

– Все связано со всем? – вспомнила Аврелия расхожий тезис буддийской философии, которым часто злоупотребляют экологи.

– ***Применительно к истории – нет, – возразил Святослав Игоревич****. – Прошлое перетекает в будущее, минуя настоящее* (Литературная газета. 31 октября – 6 ноября 2012 г.).

Изъявление согласия/несогласия, подтверждения / опровержения по отношению к сказанному другим лицом составляет актуальную задачу высказывания, его непосредственное предназначение в акте коммуникации. Предложения с семантикой подтверждения / опровержения, согласия / несогласия не содержат какой-либо новой информации о действительности, они несут информацию, главным образом, о самом субъекте речи, противопоставляясь типу объективно-информирующих высказываний как высказывания субъективно-информирующие.

В качестве маркера диалогических функций утвердительных и отрицательных высказываний используются лексемы *да, нет*, функционирующие как самостоятельные слова-предложения или предшествующие развернутому ответу со значением согласия, подтверждения или несогласия, опровержения, а также лексемы *действительно, верно, правда/неправда, так* и др. Ср., напр., языковые средства, с помощью которых осуществляется выражение подтверждения в следующих высказываниях:

– До 75-го филармония делала на вас огромные деньги...

– ***Да, мы работали на износ***;

– У «Цветов» очень необычная биография.

– ***Действительно****. При всех запретах в 70-х годах группа появилась и была очень популярной*;

– Вам приписывали не только пропаганду хиппи, но и пропаганду Пентагона.

– ***Было дело*** (Аргументы недели. № 43. 8 ноября 2012 г.);

– Готовитесь к новой акции?

– ***Разумеется*** (Собеседник. 2012. № 39).

Коммуникативно-речевой характер этих значений проявляется в том, что в качестве необходимого условия их реализации предполагается функционирование языковой единицы в конкретной коммуникативной ситуации. Как значения функционального (прагматического) типа, они выявляются только в актуальном высказывании, неотделимы от ситуации речи и в той

или иной мере реализуются при участии контекста.

Смысловыявляющая роль контекста существенно возрастает при отсутствии в составе высказывания маркеров «диалогической модальности» (Н.Д. Арутюнова) – слов *да, нет*. Так, только с учетом конкретной речевой ситуации (в письменной речи – контекстного окружения) можно определить, предназначено ли высказывание для информирования адресата о явлениях действительности или оно имеет характер диалогической реакции подтверждения / опровержения, согласия/несогласия (возражения). Ср. предложения (1) и (2), весьма близкие с точки зрения заключенного в них мыслительного содержания, но противопоставленные по «роли», выполняемой в процессе коммуникации:

(1) Екатерина Самуцевич: ***Мы невиновны*** *... Мы не совершали преступления! Маша и Надя так же невиновны, как и я* (Собеседник. 2012. № 39) – «первичное» высказывание, заявление о невиновности, имеющее иллокутивную силу «негативного» утверждения.

(2) ***«Я не признаю себя виновным!»***

Оказывается, Леонид Развозжаев опроверг «явку с повинной» еще на «секретном» заседании Басманного суда, спустя три дня после похищения в Украине <...> (Новая газета. № 128. 07.11.2012) – «вторичное» высказывание, опровержение сделанного ранее заявления (признательных показаний).

Контекстуальные условия употребления высказывания, коммуникативная ситуация позволяют определить и то, в каком из противоположных значений, реализуемых в рамках оппозиций «подтверждение / опровержение», «согласие / несогласие», употреблена положительная или отрицательная конструкция. Так, одно и то же (в данном случае положительное в части объективно-логического содержания) высказывание в условиях коммуникативной ситуации способно функционировать и как высказывание-подтверждение (ср.: *Так ты там был. – Да,* ***я там был***), и как высказывание-опровержение (ср.: *Так ты там не был. – Нет,* ***я там был***).

Выражение согласия, подтверждения не является прерогативой положительных высказываний, так же как выражение несогласия, опровержения – прерогативой отрицательных высказываний, хотя первое более органично для утвердительных, а второе – для отрицательных предложений. Ср. положительное высказывание, употребленное в функции подтверждения:

– А связки правда надо так сильно беречь? Или вы просто слишком много говорите, потому что вы такая... коммуникабельная девушка?

– Да, конечно, я – болтушка (Собеседник. 2012. № 42).

И используемые в той же функции высказывания, содержащие отрицательную пропозицию:

– Катя, но так и с ума сойти недолго. Вам между акциями совсем нечем заняться?

– ***Да, никаких увлечений у меня нет****. Я не коллекционирую, не шью,*

не слежу за модой, спортом не занимаюсь и никакого спорта по телевизору не смотрю. Какие хобби?!;

– За выступления вам не платят. На что живете?

*– **Конечно, нам никто не платит!** Я никогда не работала, не работаю и не собираюсь работать* (Собеседник. 2012. № 39).

Значения подтверждения/опровержения, согласия/несогласия не являются внутренне присущими самому высказыванию (системно-языковыми). Эти значения определяются прагматическими, внешними по отношению к синтаксической конструкции факторами, условиями ее употребления в речи. Положительное (согласие, подтверждение) или отрицательное (несогласие, возражение, опровержение) значение ответно-модального высказывания – результат коммуникативного взаимодействия двух реплик. Оно выявляется лишь в соотнесении с исходной пропозицией, на фоне положительного или отрицательного значения инициальной реплики (см. соответствующие наблюдения в [1]): при положительности исходной пропозиции диалогическая реплика согласия, подтверждения имеет форму положительного, а при ее отрицательности – форму отрицательного предложения, ср.: *Так ты там был? – Да, **я там был**; Так ты там не был? – Да, **я там не был***. Отклонение положительного высказывания (пропозиции) осуществляется с помощью отрицательного, а отклонение отрицательного высказывания (пропозиции) – с помощью положительного высказывания (пропозиции), ср.: *Так ты там был? – Нет, **я там не был**; Так ты там не был? – (Нет), **я там был***. Показателем иллокутивной силы высказывания в данном случае являются препозитивные *да*/*нет*, а не следующие за ними положительные или отрицательные высказывания (пропозиции).

Таким образом, многоаспектный подход позволяет выделить в системе значений категории утверждения / отрицания различные их типы, в том числе функционально одноплановые с коммуникативной целенаправленностью высказывания. Согласие / несогласие (возражение), подтверждение / опровержение, являясь обозначением конкретной цели положительного или отрицательного высказывания в акте коммуникации, составляют содержание одноименных типов речевых актов – РА подтверждения, РА опровержения, РА возражения. По условиям своей реализации это коммуникативно-речевые, в значительной мере зависящие от контекстных показателей значения языковых единиц, неотделимые от ситуации употребления высказывания в речи, в составе конкретного коммуникативного акта.

Литература

1. Озаровский О.В. Согласие–несогласие как категория коммуникативного синтаксиса (в грамматике русского языка для иностранцев) / О.В. Озаровский // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М.: Рус. яз, 1980. – С. 109–114.

© Калинина А.А., 2012

УДК 811

Калугина Ю.В.
г.Уфа (Россия)

Медиатекст online формата vs offline формата

На современном этапе развития общества появилась новая область общественного сознания и общения: средство глобальной информации Интернет, которая находит отражение в отборе и закреплении определенных языковых средств, характерных для медиатекста online формата.

Данному типу текста, который является отражением новой формы общения, присущи черты различных функциональных стилей: черты текста научного стиля изложения, характеризующегося логической последовательностью, объективностью, точностью изложения, строгостью (выразительностью), не исключающей, однако, своеобразную экспрессивность, на которую указывала еще М.Н. Кожина [3, с.162]; черты публицистического (газетного) стиля, такие, как эмоциональность, оценочность, образность, логичность, рассуждение и т.д. При этом многими языковедами отмечается смешение функциональных стилей языка в одном тексте. Зачастую трудно выделить ведущие черты анализируемого текста.

Сама система публицистического стиля неоднородна. «Ядром жанровой системы публицистического стиля традиционно считаются информационные (заметка, репортаж, отчет), собственно публицистические (статья, рецензия, обзор) и межвидовые формы – информационно-публицистические жанры (корреспонденция, интервью, комментарий). Периферию составляют жанры, возникающие при взаимодействии сферы газетной публицистики с другими сферами речевой практики – деловой, научной, художественной. Ближе к ядру находятся художественно-публицистические (очерк, фельетон, памфлет, зарисовка) и научно-публицистические жанры (научно-публицистическая статья), рекламные материалы, дальше – жанры, типичные для других сфер общения и не являющиеся специфически газетными, хотя и помещаемые на газетную полосу (тексты официальных документов, научно-популярные статьи, художественные произведения и т.д.)» [6].

В этой связи возникает необходимость в уточнении параметров текстов массовой направленности, средством передачи которых служит средство глобальной информации и коммуникации Интернет.

Еще Д.Н. Шмелев говорил «о формировании нового функционального стиля – стиля массовой коммуникации и понимании языка массовой коммуникации как особого типа функционально-стилевых единств» [7, с.66].

Т.Г. Добросклонская отмечает, что в последнее время особенно отчетливо стало закрепляться в коллективном научном сознании понятие «язык массовой коммуникации... при этом он все более понимается не только как

совокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации, а как отдельная область речеупотребления, характеризующаяся вполне определенными признаками и особенностями на всех языковых уровнях» [1, с.26].

Стиль массовой коммуникации выражен в текстах, которые тиражируются газетами и журналами, транслируются по телевидению, радио и в сети Интернет. Стилевым признаком языка массовой коммуникации, по мнению Д.Н. Шмелева, является «стилистическая антигомогенность», которая проявляет себя в функционально стилевой разнородности, что отражает универсальность тематики, открытость и подвижность текста массовой информации в смысле его взаимодействия со всеми прочими сферами речеупотребления.

В тоже время язык массовой коммуникации характеризуется единством, целостностью речеупотреблений в сфере массовой коммуникации, заданностью форм, устойчивой тематической структурой. Именно эта двойственность является конструктивным единством и функционально-стилистическим разнообразием, что составляет важнейшую особенность языка массовой информации вообще, которая позволяет определить его как особый вид функционально-стилевых единств» [7, с.67].

Текст, передаваемый отдельным СМИ, обладает особыми свойствами, отличающими его от текстов, транслируемых посредством других СМИ. Эта особенность текстов массовой коммуникации позволяет говорить о таком явлении, как «формат» медиа-текста. При этом будем считать, что «формат» есть «устойчивое соединение определенных внешних признаков с устойчивыми компонентами содержания и стиля» [1, с.75].

Формат медиа-текста в глобальной коммуникации Интернет предполагает соединение таких внешних признаков, как наличие гипертекстовых ссылок в тексте, тематическую рубрикацию, креолизованность (в основном в виде картинок), различные элементы структурно-графического оформления (пиктограммы, отчеркивание, используемые шрифты), интерактивность и т.д. Данные устойчивые компоненты позволяют характеризовать его как online формат, а совокупность текстов, ему принадлежащих, как тексты online формата. Им противопоставляются тексты других медиа-форматов: радио, телевидения, прессы. Они относятся к текстам offline формата, поскольку они не интерактивны и не зависят от компьютерно-электронных сетей [2, с.242].

Все тексты массовой коммуникации online и offline форматов мы относим к медиатекстам, поскольку «по сути медиа-текстами являются все явления массовой культуры» [4, с.432]. Медиа-текст, будучи «основной единицей структурной организации медиа-картины мира, является "родовым" понятием для различного количества текстов, являющихся неотъемлемыми элементами масс-коммуникационных процессов...» [5, с.165–166].

Следует подчеркнуть, что медиа-текст представляет собой не только «диалектическое единство языковых и медийных признаков, но и совокупность многих уровней словесного текста, видеоряда или графического изображения и звукового сопровождения» [1, с.269].

Итак, публицистический медиатекст online формата (публицистическая статья) является новым жанровым образованием, возникшим в результате эволюции газетных жанров на стыке научного и публицистического стилей языка. Публицистический текст относится к стилю массовой коммуникации, выраженному в медиа-текстах offline формата (медиа-тексты, независимые от компьютерно-информационных сетей, тексты традиционных СМИ) и online формата (тексты новых электронных медиа, особенностью которых является интерактивность и возможность реципиентов информации превращаться в ее отправителей). Сетевой публицистический текст является по сути медиа-текстом online формата (формата Интернет) и обладает всеми присущими данному формату особенностями.

К числу особенностей медиатекста online формата мы относим такие характеристики, как спонтанность, зачастую несоответствие норме языка, завышенную эмоциональность. Это связано с тем, что авторы статей являются публицистически активными людьми, которые высказывают свою точку зрения. Эмоциональность приводит к спонтанности речи, что сказывается на форме подачи материала. Отрицательное отношение автора к происходящему событию, может повлиять на заниженность лексики. Все вышеперечисленные особенности связанны с формой общественного сознания, которая является экстралингвистическим фактором, определяющим специфику медиатекста online формата.

Литература

1. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи / Т. Г. Добросклонская. … – Москва: Наука, 2005.
2. Землянова Л. М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов DJVU. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
3. Кожина М. Н. Стилистика русского языка (учебник). – Изд 3-е, дополненное и переработанное. – Москва: Просвещение, 1993. – 223 с.
4. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 2001. – 576 с.
5. Рогозина, И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семантический аспект [Текст]: монография / И. В. Рогозина. – Москва: Дрофа, 2003. – 335 с.
6. Савчук С. О. Об эволюции в системе жанров современной русской газеты // Русский язык: исторические судьбы и современность. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005.
7. Шмелев, Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях [Текст] / Д. Н. Шмелев. - М.: Наука, 1997. - 167 с.

© Калугина Ю.В., 2012

УДК 811.512.1

Каримова З.С.
г. Уфа (Россия)

Изучение фразеологизмов в рамках когнитивных сфер (на материале прозы А. Гилязева)[5]

Вторая половина XX века характеризуется явным усилением интереса к социальной стороне языка, к освещению культурно-исторических ценностей народов, хранилищем которых являются национальные языки, а их создателем – конкретная языковая личность. Язык, являясь, с одной стороны, инструментом познания мира человеком и хранилищем индивидуального и общественного опыта, восприятия и оценки окружающей действительности, с другой - отражает мировосприятие конкретной этнокультурной общности. Именно в языке находят выражение национальный характер, психический склад народа, его история и культура. Одним из важных языковых средств являются фразеологические единицы. Фразеологизмы, будучи раздельнооформленными языковыми образованиями, по сравнению с единицами других уровней – фонемой, морфемой, словом обладают более сложной лексико-грамматической и особенно смысловой структурой, в образовании которой в большей степени играют роль экстралингвистические факторы. Эти факторы играют существенную роль в формировании и развитии фразеологических единиц, обуславливают их национальный, также индивидуальный характер. Все это дает основание считать, что во фразеологии наиболее ярко представлена языковая картина мира того или иного народа, его менталитет. В последние годы изучение картины мира стало одним из главных направлений антропологической лингвистики. В современной науке познание картины мира идет через семиотический, культурологический, лингвистический, лингвокультурологический анализ фольклора, мифологии и языка.

Фонд фразеологических единиц языка – это ценный источник информации о культуре и менталитете народа, в нем отражаются традиции, обычаи народа, его представления о морали, на что указывают многие ученые, фразеологические единицы объединяются в фразеосемантические поля.

Основываясь на классификациях Р. Халлинга и В. Вартбурга, а также опираясь на труды А.Г. Шайхулова, Р.Л. Хайруллиной, мы предлагаем рассматривать фразеологизмы А. Гилязева в рамках четырех когнитивных

[5] *Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ РБ: "Урал – история, экономика, культура" в рамках научно-исследовательского проекта "Лингвокультурологические и лингводидактические аспекты изучения слова в языке и речи (на материале татарского языка)" №12 – III – 020 11 а/У.*

сфер: «Природа», «Человек», «Человек и Вселенная», «Познание».

Фразеологические единицы когнитивной сферы «Природа» делятся на два тематических блока «Неживая природа» и «Живая природа». Основными концептами, связанными с фразеологическими единицами этих блоков, являются следующие: «небо», «земля», «вода», «ветер», «луна», «солнце», «заря», «березы», «дуб» и др.

В первый блок, в основном, входят фразеологизмы, обозначающие природные явления: *түшәктәй кабарынып–кабарынып ишелгән болытлар аркылы таң яктысы саркылды*. *Кояш ялынып кына кап-кара япма ябынып маташа.* Иногда автор через природные явления описывает переживания героев.

Большинство фразеологизмов второй тематической группы используются для изображения индивидуальных качеств персонажей. В предложении "*Соңыннан байтак айлар үткәч, алар арасында шуышып йөреп кара җылан барлыгын абайладым"* устойчивое выражение «*кара җылан*" используется для описания не змеи, а злого, хитрого человека.

Фразеологизмы когнитивной сферы "Человек" дают образную характеристику внешним универсальным параметрам человека. Они отражают внешние данные, физическое состояние, личностные качества, темперамент, особенности характера, внутренний мир человека, его переживания, чувства, эмоции: "*Сез болай да кура җиләге күк пешкәнсез*". "*Типсә тимер өзәрлек, басса бакыр изәрлек башы белән җебегәнлек курсәтте*". В каждой тематической группе фразеологизмы объединяются во фразеологические поля. Например, фразеологизмы, обозначающие физическое состояние человека, объединяются в следующие поля: «жизнь-смерть», «здоровье-болезнь», «усталость-отдых», «сон-бессонница».

Фразеологизмы, выражающие личностные качества человека, играют большую роль при положительной или отрицательной характеристике персонажей. Ю.П. Солодуб считает, что «это наиболее многочисленная и наиболее ярко отражающая менталитет народа группа фразеологизмов во многих языках» [1]. Благодаря этим устойчивым выражениям создается неповторимый, яркий портрет героев, читатель начинает воспринимать этих персонажей как живых людей, сопереживает им и живет с ними в выдуманном писателем мире, рождается новая действительность.

Фразеологизмы когнитивной сферы «Человек и Вселенная» отражают физическую и интеллектуальную деятельность героев, также писатель при помощи фразеологизмов описывает социальное происхождение, родственные отношения, семейное положение, отношения с другими людьми, социальный статус: *Яннан гына дәү-дәү кара "Волга"ларга киерелеп утырган шоп-шома кешеләр үтә.*

Некоторые фразеологизмы когнитивной сферы «Познание» обозначают время и пространство. В прозе писателя фразеологизмы со словами

секунд (секунда), минут (минута), сәгать (час), ел (год), гасыр (век) выражают не конкретное время, например, в предложении "*Секундның йөздән бер өлешенә сафларыбызны чабып – тикшереп узам*" фразеологическое сочетание "*секундның йөздән бер өлеше*" показывает многновенность происходящего. Фразеологизмы тематической группы "Пространство" объединяются в следующие фразеологические поля: "далеко-близко", "широко-узко", "везде-негде".

Таким образом, фразеологизмы отражают культуру, историю народа, из них мы узнаем о быте, о традиция, о национальной кухне, об обычаях, о мифологии татарского народа. В них отражаются результаты многовековых наблюдений размышлений, надежды и мечты нашего народа. В центре картины мира А.Гилязева находится человек, в используемых им фразеологизмах отражается его отношение к миру. Основу экспрессивности фразеологической картины мира составляет образное описание действительности. В фразеологической картине мира А.Гилязева гармонично сочетаются универсальные, национально-специфические и индивидуально-авторские элементы.

Литература

1. Солодуб Ю.Г. Лексикология и фразеология современного литературного языка / Ю.Л. Солодуб. – М.: Высшяя школа, 1984. – С.106.
2. Хайруллина Р.Х. Фразеологичекая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р.Х, Хайруллина – Уфа: БГПУ, 2000. – 285с.
3. Шайхулов А.Г. "Структура и идеографическая традиция односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало - Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики (синопсис и таксономия когнитивной сферы "Природа" (живая и неживая)". – Уфа: РИО БашГУ, 2000.

© Каримова З.С., 2012

УДК 811.11-111

Каримова Л. Н.
г. Уфа (Россия)

Изменение семантического типа предиката как средство образования фразеологических единиц в английском языке

В современной лингвистической науке актуальным остается вопрос о взаимоотношении языка, когниции и культуры. Решение этого вопроса заключается в исследовании многих аспектов лингвистики, в том числе фразеологии, так как фразеологические единицы (ФЕ) являются «наиболее культурно маркированными образными единицами языка» [2, с.5-10]. По-

нимание ФЕ, представляющей собой устойчивое сочетание, значение которого не выводится из значения его компонентов, связано со сложными когнитивными процессами, происходящими в мышлении человека. Особый интерес представляет исследование изменения значений глаголов в английских фразеологических единицах. Использование глагола в новом, несвойственном для него окружении может влиять на изменение значения самого глагола или всей ФЕ. Так, глагол ***walk***, прототипическим (первоначальным, прямым) значением которого является «прогуливаться пешком», приобретает новое, контекстуальное значение «не чуять ног под собой от радости» в окружении слов ***on air***, как, например, в предложении (1) *As soon as I know I'm in the team I* ***am walking on air****. – Dictionary of idioms.* В соответствии с исследованиями зарубежных и отечественных лингвистов (Vendler Z., Селиверстова О.Н., Шабанова Т.Д.), изменение значения глагола в ФЕ может происходить в результате изменения соотношения денотата предиката с осью времени, т.е. в результате изменения таких временных параметров денотата предиката, как локализованность на оси времени или абстрагированность от оси времени.

Понятие локализованности как временной характеристики предиката в трудах современных лингвистов толкуется по-разному: как узкая и широкая временная локализованность, т.е. прикрепление действия к определенной точке на временной оси или к тому или иному временному плану [1, с.45-59], как прикрепленность или неприкрепленность ситуации к некоторому временному отрезку [3, с.84-92]. В своем исследовании мы исходим из понимания локализованности как характеристики денотата предиката, "протекающего или длящегося в реальной последовательности течения времени" [4, с.151].

О. Н. Селиверстова выделяет следующие типы предикатов, денотаты которых могут быть локализованы на оси времени: предикаты со значением действия, процесса, состояния. Важным фактором разграничения действий и процессов от состояний является то, что состояния длятся, т. е. не изменяются, а действия и процессы протекают, т. е. изменяются. Абстрагирование ситуации от оси времени являет собой мыслительную операцию представления действия в отвлечении от его реального протекания во времени и не требует идентификации фаз. [6, с.107] Поскольку денотат предиката, "лежащий" на оси времени, занимает либо точку, либо отрезок, то и абстрагированный денотат предиката может иметь вид точки или отрезка. Но характер этой точки или отрезка совершенно иной и заключается в том, что эта точка или отрезок являются некоторым обобщением, соотносимым с отдельными случаями, но абстрагируемым от них. В этом случае предикат имеет неопределенную локализацию на оси времени, например:

(2) *The new government* ***will have broken the back*** *of the economic crisis by the middle of this year. – Dictionary of idioms.* В данном предложении дено-

тат предиката в ФЕ ***break the back*** (здесь: «преодолеть кризис») представляет собой некоторое обобщение, соотносящееся с временным отрезком (t_1-t_n), но не имеющее точной локализации ни в одной точке внутри данного отрезка. Подтверждением этому является ненормативность прогрессивной формы, выражающей действие, локализованное в определённой точке на временной оси: **The new government will be breaking the back of the economic crisis at 3 o'clock in the afternoon.* В данном случае ненормативность предложения объясняется тем, что семантика абстрагированности не сочетается с точным указанием времени (*at 3 o'clock in the afternoon*).

Таким образом, денотаты предикатов в английских ФЕ характеризуются как истинные для любой точки отрезка времени, с которым соотносятся, но в то же время не имеют места ни в одной из этих точек вследствие своей абстрагированности от временной оси.

О.Н. Селиверстова рассматривает несколько условий отвлечения предиката от оси времени. К ним относятся:

- обобщение, соотносимое с отдельными случаями, но абстрагируемое от них;
- абстрагированность, свойственная модальным глаголам, а также различным синтаксическим оборотам, указывающим на качество, которое реализуется, если имеет место действие;
- абстрагированность предиката, характеризующего свой денотат как имеющий место в некотором пространстве в течение определенного отрезка времени;
- абстрагированность предикатов свойства (качества), не занимающих отрезка на оси времени, но соотносимых с ним;
- абстрагированность от реального протекания во времени предикатов типа "Я думаю, что …", "Я знаю, что …", или так называемых экзистенциально-результативных предикатов [4, с.151-153].

Рассмотрим подробнее первое условие отвлечения предиката от оси времени: обобщение, соотносимое с конкретными случаями, но абстрагируемое от них. В рамках данного условия отвлечения предиката от оси времени выделяются два семантических типа предиката, а именно: предикаты гомогенного класса и предикаты гетерогенного класса [4, с.91-103]. Понятия "класса" и "члена класса" рассматриваются как логические категории, где класс понимается как конструкт, обобщение, не тождественное ни отдельному члену класса, ни множеству его членов. Класс определяется как "абстракция высшего уровня, которая соотносится с индивидуальными членами, но не является их обозначением" [4, с.91]. Дифференциация предикатов со значением класса базируется на характеристике членов класса. Однородные действия, характеризующиеся локализованностью на временной оси, составляют содержание предикатов гомогенного класса, например: (3) *She* ***had been stabbed*** *in the chest. – Dictionary of idioms.* Разнородные действия, соот-

ветственно, составляют содержание предикатов гетерогенного класса, например: (4) *I'm surrounded by people who want to kiss me every time they see me and then they* ***stab*** *me* ***in the back***.- *Dictionary of idioms.* В примере (3) денотат предиката ***stab*** означает конкретное гомогенное действие «наносить удар, например, кинжалом и т.д.», характеризующееся признаком локализованности на оси времени, в примере (4) денотат предиката ***stab*** в ФЕ ***stab in the back*** означает уже не гомогенное, а гетерогенное действие «клеветать на кого-то, сплетничать, злословить», абстрагированное от оси времени. Аналогичные изменения можно увидеть в следующих примерах:

(5) *One guy* ***was juggling*** *with five balls* (предикат ***juggle*** «жонглировать» является гомогенным действием, локализованным на оси времени). – *I* ***am*** *really* ***juggling a hundred balls in the air*** *at the same time* (предикат ***juggle a hundred balls in the air*** «делать одновременно слишком много дел» является гетерогенным действием, абстрагированным от оси времени). – *Dictionary of idioms.*

(6) *He* ***dropped*** *his briefcase on a chair* (предикат ***drop*** «бросать» является гомогенным действием, локализованным на оси времени). – *There are people who want to see me fall. But I'm not afraid, I* ***won't drop the ball*** (предикат ***drop the ball*** «допустить грубую ошибку» является гетерогенным действием, абстрагированным от оси времени). – *Dictionary of idioms.*

На основании вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что характеристика возможности/невозможности отвлечения от оси времени занимает важное место в построении семантической модели глаголов и соответственно в характеристике их значения. В глагольных ФЕ происходит изменение типа предиката в соотношении с осью времени, а именно в рамках ФЕ денотат предиката характеризуется признаком абстрагированности от оси времени, при этом предикат может переходить из класса гомогенных предикатов в класс гетерогенных. Временные характеристики денотата предиката, такие как локализованность и абстрагированность от оси времени, позволяют представить сложность и многогранность различных способов осмысления действительности в глагольных фразеологических единицах.

Литература

1. Акимова Т.Г. Темпоральная локализация действия в современном английском языке / ВЯ. 1986. № 4. – С. 47-59.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. - М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – С. 5-10.
3. Бондаренко А.В. Локализованность как степень конкретности денотативной ситуации // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1988. Вып. 330. – С. 84-92.
4. Селиверстова, О.Н. Семантические типы предикатов в английском языке / О. Н. Селиверстова // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 86-216.

5. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О.Н. Селиверстова // – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960с.
6. Шабанова, Т.Д. Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование / Т.Д. Шабанова. – М.: ИЯ РАН – Уфа, 1998. – 198 с.
7. Vendler Z. Verbs and Times. The Philosophical Review, Vol. 66, No. 2. (Apr., 1957), pp. 143-160.

Словари

1. Collins Cobuild Dictionary of Idioms/London and Glasgow, 1997. – 513 p.

© Каримова Л.Н., 2012

УДК 811.161.1

Каримова Р.А.
г. Уфа (Россия)

Речевая ситуация как потенциал устного дискурса

Возросшая роль публичного общения, представления его в СМИ расширяющимся кругом жанров стимулирует анализ их грамматической основы, в частности, выявления свойственных для дискурса того или иного жанра категорий и функционирования их в определенных лексико-грамматических моделях. Это послужит разработке типологии, как центральной в проблематике дискурса.

Объектом, адекватным задаче анализа, мы считаем устный дискурс, его жанры, осуществление цели которого тесно связано с речевой ситуацией. На этой основе мы выделили и охарактеризовали речевой материал, концентрирующийся вокруг устного дискурса, который представляет прототипическую ситуацию восприятия события или объекта, факта. Выбор названного дискурса в качестве модели обусловлен тем, что устные дискурсы служат одним из источников информации о мире, ее вербализации.

Собственно ситуативный дискурс (спортивный ТВ репортаж на каналах «Россия2» «Спорт» или «Евроспорт») отражает структуру динамичного референтного мира главным образом посредством прототипической модели «движение/действие здесь и сейчас», посредством спонтанных высказываний (информативного регистра, чаще повествовательной разновидности), организуемых группой глагольного предиката в позиции ремы, с преобладанием настоящего (актуального) времени [1, с.54; 3, с.10].

Наиболее близки к нему устные собственно спонтанные дискурсы-оценки, описанные в ситуации как реакции на предъявляемый стимул. В качестве него выступают собственно объект (как в программе ТВ 1 «Контрольная закупка») или событие-деятельность, действие актантов (как в

проекте ТВ «Культура» «Большой балет») (на чем остановимся ниже).

К ядру поля тяготеют дискурсы с той или иной степенью отстройки от ситуации, с которой связана вербализация визуальных образов (таковы диалоги ведущих «Эха Москвы» с художниками Т.Салаховым, Вл.Любаровым), или же в перцептивной ситуации – фрагменте референтного мира – решаются интеллектуальные задачи по категоризации определенного объекта (напр., в ТВ игре «Ночь в музее» канала «Культура») или же по концептуализации объектов, связанных с той или иной личностью, свойственных ей.

В отношениях дополнительности с данными дискурсами находятся, по нашим наблюдениям, научный и научно-популярный дискурс, раскрывающие в непосредственном общении факты как результат познания явлений через проблемную ситуацию (ПС). ПС служит когнитивной основой для данной модели устного дискурса. Ее реализация рассмотрена нами по материалам программ ТВ « Культура» «Очевидное-невероятное» и 5-го канала СПб «Истории из будущего».

В целом организация данного дискурсивного поля обусловлена многомерностью параметров дискурсов, которая, как показал анализ, определяется рядом факторов: 1) характером восприятия/ситуации (что преломляется в ранжировании дискурсов), 2) способом и средствами представления ситуации (результата перцептивной и ментальной деятельности субъекта, их эмоциональных реакций), 3) степенью реализации в дискурсе функции воздействия, 4) типологической (жанровой) отнесенностью дискурса, 5) типом коммуникативной личности адресанта.

Теоретическим основанием проводимого нами дискурсивного анализа служат идеи языковедов о соотношении языка и мышления, о различении ими обыденного и специального мышления (и знания), вовлечение в этот круг языкового знания (в нашем случае дискурсивных правил), а также современные представления когнитивной науки о перекрещивающихся когнитивных системах [4, с.111-112]: визуального восприятия, рассуждения / умозаключения, физического действия, систем языка и культуры, вносящих вклад в дискурс, в который вписана ситуация.

Рассматриваемые ниже спонтанные дискурсы – продукт коммуникации в программе ТВ 1 «Контрольная закупка» и в проекте канала «Культура» «Большой балет» – дают материал для суждений о функционировании оценки [2, с.246] как коммуникативно-прагматической категории.

Речевые произведения, производимые/воспринимаемые в собственно перцептивной ситуации для выражения оценки-мнения об объектах или событиях, мы считаем еще одним видом дискурса. Он характеризуется по основным параметрам, свойственным дискурсу, – реализуясь в устной форме, представляет в публичной речи обмен суждениями субъектов, экспертов, о воспринимаемом (здесь: об образах балетного искусства); лингвистически –

это информативный регистр, базирующийся на качественно-предметной или акционально-качественной рематической доминанте, являющий в качестве ведущей на фоне других (как сходство/подобие, аналогия, тождество, сравнение/сопоставление, а также ассоциация) категорию оценки (выражаемую лексико-семантически и грамматически). Функционально она выступает как основа мнения говорящего о наблюдаемых объектах (образах, создаваемых деятелями). Эксперт – носитель специального знания, т.е. ментального (рационального или эмоционального) состояния, выработанного в результате взаимодействия со средой (см. напр.: *Говорящий №1:* Живой / яркий дуэт // временами мне казалось / что… ребята даже забываются … где находятся // у вас был … максим**á**льный накал – температура кип**е**ния … // … вы для мен**я** … / здесь больше *Ведуший:* тут 100°//; даже было // для меня вы – танцовщики – ртуть [жест] вот в этом номере… / и … вы прекрасно справились с этой … р**о**лью … // я вас поздравляю / ребята! // мне очень … понр**а**вился.

Этой характеристике предшествовал анализ коммуникации, направленной на выработку оценки в процессе одного из видов повседневной деятельности носителями обыденного знания. Рассмотрено общение, высказывания говорящих (покупателей) об объекте (продукте – кальмаре), его потребительских качествах. Естественно, что ведущее место занимает представление общей оценки (понравился – не понравился; очень хороший; изумительный – отвратительный; приятный и др.); в сферу частной оценки включаются обозначения цвета (нормальный цвет; беленький, нежный, с розоватым оттенком; бледный); наиболее активны сенсорно-вкусовые оценки (… на вкус – очень, очень вкусненько, безвкусный, пресный, с горчинкой, мягкий, жесткий; ароматный); функционально-оценочное значение получают в этой ситуации и номинации физического действия (… плохо жуется; жуешь-жуешь – никак не прожуешь).

Для коммуникативной развертки дискурса в данной ситуации характерна актуализация оценочных номинаций (занимающих позицию ремы или центра рематической группы) просодическими средствами (логико-волевыми или эмоциональным ударением, подъемом интонации). Обращает на себя внимание использование неопределенных местоимений в оценочной номинации, отражающих поиск говорящим собственно оценочной лексемы *[«… вот даже я нашла какие-то вот…/ типа косточки / не косточки / что-то такое…/ жесткие // как будто староваты…],* в целом ряд показателей спонтанной речи (как наличие дискурсивных слов; сжатых, именного типа высказываний – преимущественно в перцептивной и/или оценочной рамке и др.)

Литература

1. Александрова Е.Н. Речевая коммуникация в рамках ситуации (на материале спортивного телерепортажа). Автореферат дисс. на соискание ученой

степени кандидата филол. наук. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011.
2. Васильев О.С. Образ в культуре движения // Визуальный образ (Междисциплинарные исследования) М.,2008.
3. Каримова Р.А. Спонтанный репортаж как вид звучащего текста // Тр. Международной конференции «Функциональные звучащие речи» М., 2005.
4. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Филология. 1999. – №6.

© Каримова Р.А., 2012

УДК 80

Каримова Р.Х.
г. Стерлитамак (Россия)

Имена деятелей в содержании концепта «труд» (на материале английского и немецкого языков)

Исследования лингвокультурных концептов привлекают в последние десятилетия внимание многих лингвистов. Исследуемый нами концепт предстает как многоуровневая сущность, т.е. многослойная структура. Вслед за представителями воронежской школы когнитивистов мы различаем в содержании концепта понятийную, образную и ценностную составляющие.

Вербализованный смысл является языковым знаком, в семантике которого «происходит не только членение и категоризация окружающего мира, но и осуществляется его переосмысление, интегрирование нового знания в систему ранее приобретенной социально-исторической информации, формирования эмоционально-оценочного отношения к нему соответствующего этнокультурного сообщества» [1, с.53I].

В связи с этим целью нашей статьи является попытка описания понятийной составляющей на примере имен деятелей в немецком и английском языках.

Понятийная составляющая вербализуется в содержании концепта в базовых лексемах, в число которых входят и имена деятелей, выражающих различное отношение человека к труду. Названные лексемы указывают на мир своим значением и отражают различные когнитивные признаки.

Под когнитивным признаком понимается отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре концепта как отдельный элемент его содержания [6, с.128].

Когнитивный признак «субъект труда» вербализуется в английском языке с помощью следующих лексем: worker, workman, labourer, navy,

craftsman, hand, cobbler, carpenter, roustabout, workaholic, struggler, slave, swot, over-achiver, machine, robot, а также фразеологических сочетаний work dork, devil of work, eager beaver, work horse, busy bee, которые обозначают труженика. Для обозначения отрицательного отношения к труду служат такие лексемы, как: talker, slob, drone, idler, truant, poke, slouch, slug, sluggard, wag, loafer, slow, snail, do-little, do-nothing, dawdle, deadbeat, bum, slow-belly, work-shy, lazy-boots, а также фразеологические сочетания bone-idle fellow, bone-lazy fellow, couch potato, man of leisure, bunk lizard, idle rich.

Среди лексем, обозначающих имена деятелей, можно выделить корневые, производные, сложные, сложнопроизводные слова, фразеологические сочетания, заимствованные слова, а также слова, образованные путем метафоризации.

К корневым словам относится лексема **carpenter** ‘плотник, столяр’.

К производным лексемам относятся: **worker, labourer, cobbler, struggler, talker, idler, loafer**. Все эти перечисленные лексемы образованы с помощью добавления суффикса –er, являющегося суффиксом, обозначающим деятелей в английском языке, к основе глаголов, например, to work ‘работать, трудиться’ – worker ‘рабочий’, to cobble - ‘выполнять работу с помощью топора, обтесывать’ – cobbler ‘плотник’, to idle - ‘тратить время впустую, бездельничать’ – idler ‘бездельник’.

Лексема **sluggard** ‘лежебока, бездельник’ также относится к производным лексемам; она образована от существительного **slug** ‘слизень’ с помощью суффикса –ard, присваивающего характеристику объекту на основе характерной ему черты. В данной лексеме прочитывается дополнительный признак «медлительность».В содержании первого компонента происходит переосмысление первичного значения слова, относящегося к наименованиям животных.

К сложным словам в нашей выборке относятся следующие : **bone-idle, work-shy, lazy-boots, roustabout, craftsman, workman, dead-beat, slow-belly, do-little, do-nothing**, которые образованы путем сложения: основа глагола и наречие, например, to do ‘делать, выполнять’ + little ‘мало’ → do-little; основа глагола и отрицательное местоимение, например, to do ‘делать, выполнять’ + nothing ‘ничего’ → do-nothing ‘бездельник, лентяй’; прилагательное и существительное, например, lazy ‘ленивый’ + boots ‘сапоги’ → lazy-boots ‘лентяй, лежебока’; work ‘работа, труд’ + shy ‘стеснительный’ → work-shy ‘бездельник, лентяй’.

К сложнопроизводным словам относится **over-achiever** ‘трудолюбивый человек’, образованный путем добавления суффикса –er, обозначающего деятеля в английском языке, к основе глагола to achieve ‘достигать, добиваться, доводить до конца, выполнять’ и путем сложения – прибавления наречия over, указывающего на доведение действия до конца или на тщательность его выполнения.

К фразеологическим сочетаниям относятся: **work horse, work dog, busy bee, early bird, idle rich, bone-idle fellow, bone-lazy fellow, man of leisure, bunk lizard, devil of work, lazy sheep, lazy ox, idle brain, idle hands, couch potato**. Образная составляющая данных фразеологических сочетаний объективируется путем метафоризации зоонимов (horse, bee, dog, bird, lizard, sheep, ox), фитонимов (potato), соматизмов (brain, hand), слов-реалий (bunk, couch), имен деятелей (fellow).

Рассмотрим фразеологическое сочетание busy bee: образная составляющая объективируется с помощью зоонима bee ‘пчела’, так как пчела у многих народов является символом трудолюбия, символом трудолюбивого человека. Во фразеологических сочетаниях work horse и work dog образная составляющая объективируется путем метафоризации зоонимов horse и dog, так как в прошлом этих животных использовали в качестве тяговой силы, и с тех пор слова horse и dog употребляются по отношению к тем, кто выполняет тяжелый физический труд.

Примечательным также является фразеологическое сочетание bunk lizard, образная составляющая которого объективируется через слово-реалию bunk ‘койка, спальное место’ и зоонима lizard ‘ящерица’. Известно, что ящерицы способны пробыть на одном и том же месте в неподвижном состоянии в течение нескольких часов, что и создает образ человека, который проводит много времени, лежа на койке – ‘лежебока’.

Рассмотрим фразеологическое сочетание couch potato, образная составляющая которого также раскрывается через слово-реалию couch ‘диван, кушетка’ и фитоним potato ‘картофель’. Картофель, являющийся корнеплодом, находящимся преимущественно под землей в процессе своего роста, а также представляющий практическую ценность только как продукт для употребления в пищу, создает образ человека, который ведет пассивный и бездеятельный образ жизни, лежа на диване.

К словам, образованным путем метафоризации ,относятся также **robot** ‘робот’ и **machine** ‘машина’. Слова переосмысляются на основе сравнения деятеля труда с каким-либо неживым существом, механизмом, способным выполнить работу быстрее и точнее.

К заимствованным словам относится слово **truant**, заимствованное из старофранцузского языка в XII веке и означающее ‘бродяга, плут’. В XIII веке слово truant приобрело более негативное значение – ‘мошенник, жулик, негодяй’ или ‘проказник, озорник’. В современном английском языке данная лексема обозначает студента или ученика, часто пропускающего учебные занятия (используется в американском варианте английского языка).

Наиболее частотным способом образования лексем, вербализующих признак «субъект труда», является добавление суффикса –er к основе глаголов, например: to idle – an idler; to work – a worker, to labour – a labourer, to loaf – a loafer. Также существуют примеры такого образования слов, как

сложение: основа глагола и наречие, например, to do + little → do-little; основа глагола и отрицательное местоимение, например, to do + nothing → do-nothing; прилагательное и существительное, например, slow-belly, lazy-boots.

Среди имеющихся обозначений, реализующих когнитивный признак «субъект труда», в английских фразеологизмах и пословицах наиболее частотными являются: worker, workman, labourer, idler, loafer.

В пословицах чаще всего встречаются лексемы worker, workman, labourer, navvy, cobbler, hand, struggler, slave, idler, loafer, do-little, do-nothing, truant, slow, snail.

Worker, синоним с наиболее широким значением, обозначающий любого человека, живущего свои трудом (физическим или умственным) и обычно имеющего определенную профессиональную подготовку: industrial (farm, factory) workers – промышленные (сельскохозяйственные, фабричные) рабочие; manual workers – рабочие физического труда; office workers – служащие; workers in the field of science (of art, of education) – работники в области науки (искусства, образования) [2, с.489].

Workman – это рабочий любой специальности, обычно квалифицированный, занятый физическим трудом: the workmen were building a fence around the area – рабочие строили забор вокруг участка.

Labourer – это малоквалифицированный рабочий, занятый на тяжелых работах, требующий в большей степени не квалификацию, а физическую силу при выполнении, например, сельскохозяйственных работ, дорожном строительстве, и т.п.: a common labourer – простой рабочий; farm labourers – батраки [2, с.489].

Navvy – чернорабочий, занятый в основном на земляных работах – строительство железнодорожных путей, дорог и т.п.

Cobbler обозначает ремесленника или мастерового, обычно работающего на дому или у частного лица.

Hand обозначает рабочего, выполняющего малоквалифицированный подсобный труд в промышленности или сельском хозяйстве: a factory (farm) hand – фабричный (сельскохозяйственный) рабочий; hands are wanted – требуются рабочие [2, с.490].

Лексема **struggler** обозначают трудолюбивого человека, который проводит много времени, трудясь, и проявляет большой интерес к своей работе. Workaholic и struggler применяются по отношению к людям, занятым деятельностью в любой сфере.

Slave обозначает рабочего, занимающегося тяжелым изнурительным трудом в любой сфере, но чаще трудом, требующим физической силы. В переносном значении slave обозначает слугу своего дела, человека, преданного своему делу.

Лексемы **idler**, **loafer**, **do-little**, **do-nothing** обозначают в английском языке лиц с отрицательным отношением к труду.

Truant обозначает ленивого человека, который часто уклоняется от работы. Данные лексемы чаще употребляются по отношению к студентам, ученикам, которые пропускают занятия и не желают учиться.

Лексемы **slow, snail** применимы по отношению к лицам, которые выполняют порученную им работу крайне медленно, с многочисленными ошибками. Данные лексемы употребляются в переносном смысле. Первоначальным значением лексемы «slow» является «медленный». Основа метафорического переноса заключается в том, что характеристика, чаще всего относящаяся к процессу, затем переносится на характеристику деятеля. Первоначальным значением лексемы «snail» является «улитка». Таким образом, в данной лексеме также присутствует дополнительный когнитивный признак «медлительность».

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. В понятийном содержании концепта «труд» обнаруживаются имена лиц как с отрицательным, так и положительным отношением к труду.

2. Отрицательное отношение к труду объективируется в английском и других языках более частотно, что подтверждает тезис: трудолюбие является нормой, а лень противоречит религиозным устоям.

3. Наиболее частотными признаками являются обозначения отрицательной характеристики труда. Переосмыслению в значении лексем подвергаются зоонимы, фитонимы, имена орудий и предметов труда.

4. Исследования не являются конечными, так как изучению подвергаются лексические единицы разноструктурных языков.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Язык - сознание - культура: проблема взаимодействия // Язык и культура: Хрестоматия по спецкурсу для студентов-филологов/под ред. проф. Л.Г.Саяховой. –Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. - С.47-54.
2. Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др.; под рук. А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна.-М.: Русский язык, 1999. - 544с.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь.- Изд. 4-е, переработанное и дополненное .-М., 1984.
4. Longman Dictionary of English idioms/-Harlow and London,1979.
5. Macmillan English Dictionary for advanced learners. Second Edition. Martin Shovel 2007.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике.- Воронеж. - 2001.

© Каримова Р.Х., 2012

УДК 81

Касымова О.П., Садыкова Н.А.
г. Уфа (Россия)

Эргонимы как реализация тактики саморекламы в институциональном дискурсе (на примере г. Уфы)

Эргонимы представляют собой тот объект лингвистического анализа, который вызывает противоречивое толкование. Среди онимов эргонимы занимают особое место. Принято определять онимы как «семантически ущербные» именования, лишенные связи с денотатом. Так, многие из них, употребленные вне контекста, не соотносятся в нашем сознании с объектом номинации (ср.: *Москва* – река и город). Н.Ф. Алефиренко усматривает у эргонимов «сходство с так называемым дейктическим значением местоимений и некоторых других дейктических элементов языка, выполняющих функцию указания», он же отмечает экстралингвистический характер ономастической семантики [1, с.205, 206]. Характеризуя семантику онима, Н.Ф. Алефиренко отмечает: «реальный денотат онима фиксируется языковым сознанием лишь косвенно, находится на втором плане актуализации того или иного ономастического значения. Он как бы подразумевается говорящим, выступая своего рода «пресуппозицией», логическим условием именования» [там же, с.207].

Эргонимы, в отличие от топонимов, гидронимов, антропонимов и пр., часто (по нашим подсчетам, в 60 % случаев) прямо именуют точечный городской объект с точки зрения оказываемых им услуг: “*Банк*”, “*Почтовое отделение*”, “*Поликлиника*”, “*Аптека*”, “*Магазин*”, “*Нотариальная контора*”, “*Химчистка*”, “*Красная туфелька*”, “*Детский мир*”, “*Вкусные блины*”, “*Сумки и сумочки*” и пр. Это выделяет эргонимы из среды всех онимов, т.к. для последних характерно особое ономастическое значение и затемненная этимология, в то время как в качестве эргонимов часто выступают слова из общего словарного запаса (в основном имена существительные), сохранившие свое лексическое значение и свойственные современному языковому сознанию коннотации. Это слова с широким ассоциативным полем, что позволяет одному и тому же эргониму, используемому в качестве наименования разных объектов, выполнять целый комплекс функций, совмещая в себе определенную гамму значений. В качестве названия хлебного магазина “*Колос*” – это символ хлеба, изделий из муки; название пивбара “*Колос*”, образованное с помощью метонимического переноса известной марки пива, указывает на объект продажи; в названии гостиницы для сельских жителей эргоним “*Колос*” представляет образ села.

В каждом названии точечного городского объекта конкурируют три принципа: информативность, декоративность и волюнтативность. Важная

функция эргонима – привлечь внимание потенциального клиента к конкретной организации и оказываемой ею услуге.

Стилистическая принадлежность эргонимов недостаточно определена. Исследователи обычно сосредотачивают свое внимание на семантике эргонимов и их словообразовательных свойствах, крайне редко уделяется внимание их функционально-стилистической принадлежности. Попытку определить место эргонимов в стилистической системе мы находим в статье Т.В. Лариной, в которой она относит их «к рекламному стилю русского языка» [3]. Т.В. Ларина считает необходимым разделить эргонимы по стилистической принадлежности на две группы. Первую она называет эрготемонимами и рассматривает их как единицы, функционирующие в учредительной документации; они относятся к официально-деловому стилю (например, ООО *"Урало-Сибирская промышленная компания"*). Вторую группу составляют эргоурбонимы, которые выполняют рекламную функцию, она относит их к публицистическому стилю (например, салон кухонь *"Афродита"*).

Не все лингвисты считают допустимым присвоить эргонимам статус текста. Тем не менее, Л.В. Сахарный, В.Г. Костомаров относят слова-предложения к текстам-примитивами, т.к. объем их содержания больше словарного значения слова, что позволяет считать их «концентрированными предложениями» [4, с.223; 2, с.37-38]. Так же, как и другие виды текстов, микротексты-эргонимы, часто состоящие из одного-двух слов, передают особенности современной социальной и культурной ситуации. Так, в названии городского магазина могут присутствовать слова, ассоциативно связанные с положительными эмоциями (магазин бытовой химии *"Добрый День!"*), создающие ощущение доверительности, родственной или товарищеской близости (продуктовый магазин *"Сан Саныч"* или с национальным оттенком – *"У Ибрагимыча"*).

Эргонимы относятся к институциональному типу дискурса, они являются средством общения в официальной ситуации, основой которой служат товарно-денежные отношения. В качестве адресанта выступает руководитель или владелец того или иного точечного городского объекта, присваивающий ему имя. Адресат – потенциальный потребитель услуг, в конечном итоге это любой грамотный человек. Таким образом, эргонимы рассчитаны на восприятие неограниченно большого количества адресатов с разными образовательными и культурными уровнями.

В названиях эргонимов присутствует отражение социальной и культурной общности адресата и адресанта. Социальная общность проявляется в осознании товарно-денежных отношений как основы существования современного общества. Информацию о наличии в данном точечном городском объекте товаров или услуг выполняют названия фирм и предприятий. Общность культурных ценностей проявляется в выборе наименования городского объекта, которое часто носит комплексный характер. Название не только

информирует о товаре или услуге, но имеет отчетливо выраженное социокультурное содержание, которое способствует воздействию на читателя. В названии точечного городского объекта, призванного, по мнению владельца, манипулировать сознанием потенциального потребителя, часто присутствует положительная коннотация, которая способствует созданию у адресата эмоции удовольствия, интереса и (реже) удивления. Этой цели служат разнообразные речевые приемы: прецедентные тексты (студия дизайна *“Белый кролик”*, салон красоты *“Зазеркалье”,* сервисная мастерская *“Нофелет”,* оздоровительный комплекс *“Ирония судьбы”),* повторение слов или корней слов (сеть ресторанов *“Елки-палки”*, трактир *“Трын-трава”*, магазин детской одежды *“Тилимили трямдия”),* соединение разнородных графических элементов (ресторан *“КофейниК”,* пивная *“ХМЕЛЬНОЙ БАРон”,* торговая компания *“4laif”),* созвучные слова, рифмы (*“Пиво да рыбка – жизнь да улыбка!”, “Для душа и души”, “Моё бельё”, “Пальто ОТ и ДО”, “Добро и серебро”),* намеренное снижение или повышение стиля (*“Ё-моё”, “КЛЁВое место”, “Леди шарм”, “Академия научной красоты-Уфа”),* агнонимы *(база отдыха “РоЧер”, “Очак”, “Скиз плюс”, “Страйк”).*

Социокультурный анализ эргонимов позволяет определить целую палитру общественных ценностей, на знание которых опираются их авторы - владельцы точечных городских объектов. В качестве общих социальных ценностей выступают апелляция к национальности (*“У Ибрагимыча”, “Сан Саныч”, “Асия”, “Байрам”, “Русский ситец”*); обращение к известным личностям и событиям мировой истории (парикмахерская *“Наполеон”*, баня *“У Ильича”*, магазин *“Магеллан”*, военно-патриотические клубы “Спартак” и *“Александр Невский”*, салон мебели *“Марко Поло”*); положительные эмоции, выражаемые разнообразными языковыми средствами (*“Сумки и сумочки”, “Шкафчик..!”)*, лексика сниженного стиля общения, выражающая простоту, доверительность и непринужденность, свойственные неформальному общению (*“У Ибрагимыча”*, бистро *“У бабая”, “Сан Саныч”*, шиномонтажная мастерская *“У Гоши”,* магазин автозапчастей *“Немец”*, автосалон *“Демидыч”*). В то же время существуют наименования, ассоциированные с высоким стилем общения *(“Ваше величие”, “Академия научной красоты-Уфа”, “L'image”, “L'ambre”*).

Эргонимам присущи свойства текстов саморекламы, которые характеризуются искренностью адресанта, общностью социальных и культурных ценностей коммуникантов, временно́й перспективой. Искренность проявляется в том, что содержание товара или услуги находит, как правило, отражение в названии фирмы или организации, владелец точечного городского объекта заинтересован в полном информировании об оказываемой услуге будущих клиентов (*“Почтовое отделение”, “Метизы”, “Мастерская керамики”, “ОконоПласт”* и пр.). Общность социокультурных ценностей проявляется в выборе языковых средств, апеллирующих к единым ценно-

стям. Временна́я перспектива проявляется в том, что адресант прогнозирует личную встречу с адресатом с коммерческими целями. Перспективой знакомства с эргонимом является многократное приобретение товаров или услуг у одного и того же владельца, выделение той или иной фирмы или организации из ряда подобных.

Таким образом, небольшие по объему наименования точечных городских объектов представляют богатый материал для дискурс-анализа, они в полной мере представляют саморекламу в институциональном дискурсе.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – Москва, 2005. – 326 с.
2. Костомаров, В.Г., Бурвикова, Н.Д. Старые мехи и молодое вино. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2001. – 72 с.
3. Ларина, Т.В. О концептуализации в области эргонимии [Электронный ресурс] / Т.В. Ларина // Сетевой ресурс: http://zenjamisina.eu/univer/69.pdf.
4. Сахарный, Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 221-237.
5. Электронный справочник организаций г. Уфы 2GIS Онлайн/ сетевой ресурс: http://maps.2gis.ru/#/?history=project/ufa

© Касымова О.П, Садыкова Н.А., 2012

УДК 81373

Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Абдюкова, Л.А.
г. Уфа (Россия)

Функционально-когнитивная систематизация лексики как основа дискурсивной деятельности

Дискурсивная деятельность опирается на сумму знаний о мире и специфические свойства лексических единиц. В словарном составе фиксируется совокупность знаний об окружающей действительности в свойственных ему закономерностях и связях. Не случайно в современном языкознании приоритетной является проблема структурирования и организации знаний, которая требует опоры на огромный эмпирический материал. В связи с этим ощущается настоятельная потребность в создании целостной интегральной концепции естественного языка в плане формирования и передачи информации. Тем не менее до настоящего времени структура лексикона не описана в полном объеме. Само понятие картины мира до сих пор остается нераскрытым, являясь скорее дежурным термином. Ее разработка лежит на стыке теоретических изысканий и лексикографических описаний словарного состава языка. Лексическая система имеет многоуровневое строение, состав-

ляющее информационную базу, тем самым позволяя индивиду овладеть опытом предшествующих поколений.

Окружающий мир получает наиболее полное описание в идеографических словарях, в которых отражаются различные приоритетные аспекты мировидения. В них используется смысловой принцип расположения материала, когда на первый план выходят способы группировки соотносительных по значению слов, которые оказываются «притянутыми» друг к другу, располагаясь в одном блоке. В словарях подобного типа реализуется глубинный, содержательный «алфавит мысли» (Г.Лейбниц, А.Вежбицкая), и он значительно сложнее формального «алфавита языка». Идеографическая классификация материала передает путь мысли, возникающий в сознании говорящего – от смысла (информации) к средствам его выражения.

Одной из попыток представления многоступенчатой иерархии лексических единиц является «Функционально-когнитивный словарь русского языка» [2], представляющий собой словарь активного типа, в котором реализуется новое направление в современной лексикографии. Главным принципом описания лексики в нем является следование природе и организации естественного языка.

Словарный состав представляет собой сложную многоярусную систему иерархически организованных и пересекающихся разрядов, подразрядов, классов, подклассов и лексических групп. В словаре используется ступенчатая классификационная схема подачи лексических единиц, которая позволила описать словарный состав сверху донизу и продемонстрировать взаимодействие «вертикальной» и «горизонтальной» упорядоченности языковых единиц.

Систематизированное описание большого эмпирического материала с привлечением базовых категорий языка на основе антропоцентрического подхода наполняет конкретным содержанием понятие языковой картины мира, играющей главную роль в познавательной деятельности человека. В нем реализуется современная методика классификации лексической системы с опорой на функциональное назначение и когнитивное содержание языковых единиц.

Язык устроен сугубо функционально и отражает важные для человека стороны познания мира. Антропоцентричность языка выступает как принцип его описания, дающий возможность представить в новом ракурсе словарный состав, преломив его через призму восприятия и жизнедеятельности человека.

Функционально-когнитивный подход является в словаре стержневым в систематизации лексического материала. Он лежит в основе организации всего словарного состава, всех уровней его иерархии и предполагает представление в словаре речепорождающих свойств языковых единиц, которые выражаются в их сочетательных свойствах.

Когнитивность раскрывает, как человек познает мир, как формируются знания, опыт и как передается информация в процессе общения. Известно, что в основе когнитивного подхода лежит базовая категория семантики – концепт, который реализует ментальные сущности разного объема и выступает как основная единица обработки, хранения и передачи знаний. Концепты представляют собой характерные для данного языка «стереотипы» сознания, набор которых определяет членение лексического состава языка. Для составления словаря принципиальное значение имело выделение глобальных понятий – макроконцептов, обладающих большим систематизирующим потенциалом и организующих вокруг себя обширные разряды слов.

Новизна подачи материала в том, что для упорядоченной презентации лексики впервые выделена и описана самая крупная системообразующая единица языка, именуемая нами функционально-когнитивной сферой (ФКС), которая выступает в качестве композиционной единицы словаря. Словарный состав языка представляет собой совокупность сфер, реализующих базовые категории языковой картины мира: жизнь человека, движение и местонахождение, окружающий мир его восприятие, речемыслительный процесс, деятельность, человек в языке. ФКС – это многомерное образование, позволяющее вычленить из словарного состава языка его наиболее объемный фрагмент. Основу сферы составляет макроконцепт, который предполагает различные аспекты развертывания общего понятия. Оно происходит по следующим направлениям: событийному (процессуальному), предметному (таксономическому) и характеризующему (признаковому, оценочному). Их взаимодействие составляет основу наших знаний о мире.

Ступенчатая иерархическая структура ФКС предопределяется разнообразием типов знаний, которые выражаются в многочисленных парадигматических группах. Парадигматические связи слов проявляются как сложный комплекс отношений: от парадигмы высшего уровня последовательно ответвляются парадигмы более низкого уровня, при этом ступени нисходят от общего к частному, что позволяет расчленить словарный состав сверху донизу.

Выявление разноаспектных и разветвлённых типов смысловых отношений между блоками лексем разных уровней и входящими в их состав лексическими элементами существенно для построения лексико-семантических систем. В словаре эти связи получают представление в обозримом виде. Прежде всего принимается во внимание парадигматическая ценность, т.е. взаимоотношение лексемы с другими словами ряда, и синтагматическая ценность – способность употребляться с определенными частями речи в определённых формах. В структурной организации лексических групп, кроме традиционно выделяемых межчастеречных, родовидовых, синонимических, антонимических, ассоциативных, словообразовательных отношений, представлены также следующие типы глубинных связей: концептуальная

хронология – порядок следования семантических процессов: *родиться – жить – умереть*; концептуальная деривация – отношение смысловой производности между событиями и их участниками: *работать – работник, место работы, орудие, результат*; расщепление концепта в синхронных понятиях, выступающих на одном уровне концептуальных отношений: *жители – земляне, европейцы, австрийцы, горожане, жильцы дома*.

В передаче типовых связей принимают участие все функции языка: номинативная, эмоционально-оценочная (коннотативная), интепретирующая (конструктивная), когнитивная и коммуникативная.

В словаре впервые использован прототипический принцип построения блоков, который позволил описывать лексические разряды слов по принципу центр – периферия в соответствии с их функциональной ценностью. В первую очередь выстраиваются наиболее употребительные, частотные слова (прототипы), образующие центр группы. Они сопровождаются развернутыми функциональными характеристиками (сочетаемость, словообразовательный потенциал, смысловые связи и др.).

В словаре реализуется интегральная, комплексная подача материала, предопределяющая включение разных частей речи и разных типов зависимостей между словами. Они отражают в полном объеме функционально-когнитивные отношения в структуре ФКС и максимально приближают словарь к речевой компетенции носителей языка. Раскрывается частеречная наполняемость каждой сферы.

В реализации дискурсивной деятельности главная роль принадлежит сочетаемостным характеристикам частеречных лексических единиц. В блоках имен существительных сначала перечисляются сочетания с прилагательными. Последние выполняют роль номинативной дифференциации, эмоциональной оценки, параметрических и других признаков характеризации предметов. Особо рассматриваются сочетания существительного с глаголами, в которых выражаются многочисленные ситуации, включающие заголовочное существительное: *власть – получить, завоевать, захватить; бороться за власть; стремиться, рваться к власти, прийти к власти; уступить, передать кому-л. власть*.

Полифункциональный словарь, показывающий функции языка, способы номинации, потенциал частей речи, их основные характеристики, сочетаемостные возможности лексем, демонстрирует возможность последовательного отражения лексического состава языка, составляющего основу дискурса индивида.

Литература

1. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. – Уфа, РИО БашГУ, 2003.

2. Функционально-когнитивный словарь русского языка – Уфа, 2007; Уфа,

2010; СПб, 2011.
3. Longman Language Activator. The World`s First Production Dictionary. – 1993.
4. Roget`s Thesaurus of English Words and Phrases. – London, 1961.
© Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В.,
Абдюкова, Л.А., 2012

УДК 81.42

Клинк Е.И.
г. Барнаул (Россия)

К вопросу об основаниях коммуникативного моделирования PR-жанров

Моделирование – метод исследования объектов путем построения и анализа их моделей. Таким образом, коммуникативное моделирование – это построение моделей объектов, имеющих коммуникативную природу, иными словами – функционирующих в коммуникативном пространстве. Подтверждение данному выводу находим у И.Ю. Мясникова, работы которого посвящены построению модели периодического издания: «Коммуникативное моделирование предполагает рассмотрение каждого элемента полосы в качестве элемента коммуникации, обладающей набором предзаданных характеристик» [5, с.91].

При формировании методики коммуникативного моделирования PR-жанра мы опираемся, с одной стороны, на основные тенденции исследования жанра в современной лингвистической науке, а с другой стороны – на принципы коммуникативного моделирования.

Таким образом, для нас существенно, что текст является коммуникативной единицей [8, 9]. Коммуникативность текста фиксирует «многофакторную обусловленность текста как системы, его интегративное качество и динамический принцип организации» [7, с.3]. Многофакторная обусловленность означает, что текст находится во взаимном отношении со средой своего существования – формируется под влиянием этой среды и сам влияет на нее. Динамический принцип организации понимается нами как потенция к коммуникативной трансформируемости текста, которая является движущей силой его жизнедеятельности. Коммуникативная природа текста проявляется в условиях существования текста, а именно в отношении текста к действительности и к другим текстам.

На уровне отношения текста к действительности принято различать понятия макро- и микросреды. Под макросредой понимается культура, природа, социальная сфера [9, с.23]. Для каждого конкретного текста такой макросредой является социокультурный пласт, обусловленный определен-

ным пространственно-временным отношением. Обращение к макросреде существования текста порождает появление культурологических, социологических, сопоставительных, сравнительно-исторических исследований текста. «Оппозиция макросреда – текст является особым объектом исследования, в котором устанавливаются свои категории, признаки, свойства текста как феномена культуры, природной среды или социума: они лежат в основе тех факторов, которые детерминируют существование текста, обусловливая порою гармонию, порою возмущения и даже «взрывы» в процессах существования текста» [9, с.24]. Тем не менее, нас интересует микросреда, под которой понимается «акт коммуникативной деятельности человека посредством текста» [9, с.20], представленный следующими категориями: 1. коммуниканты; 2. процессы вербализации и понимания; 3. язык; 4. текст; 5. обстоятельства коммуникативного акта; 6. практические цели; 7. коммуникативные цели.

Микросредой существования PR-жанра является PR-коммуникация. Практическая цель субъекта, создающего PR-текст, заключается в формировании и увеличении паблицитного капитала [3, 10]. Данный капитал определяется как репутация, позитивное общественное мнение, доверие [4, с.49]. Анализ микросреды существования PR-текста дает нам возможность получить представление о факторах, участвующих в складывании имиджевой статьи как жанра, поскольку именно дискурс определяет облик того или иного жанра, а также выбор этого жанра говорящим.

Л.В. Селезнева рассматривает текстообразующую функцию дискурса как его важное свойство: «именно дискурс обладает теми факторами, которые необходимы при создании текста. Традиционно выделяют объективные и субъективные факторы. К объективным факторам можно отнести цель (функции, интенции) текста, адресата, статус субъекта коммуникации, объект (содержательный компонент), субъектно-адресатные отношения. К субъективным факторам – личностные (интеллектуальные, моральные, психические) качества пишущего, его коммуникативная компетентность, жизненные обстоятельства автора и т.п.» [6, с.7].

Сказанное выше является ***коммуникативным основанием*** методики моделирования PR-жанра и позволяет выделить обусловленные средой коммуникативные по своей природе компоненты конкретных жанров, которые подвергаются исследованию.

Другим основанием методики является ***рассмотрение жанра в дискурсивном аспекте.*** Данное основание является следствием первого (рассмотрение текста как коммуникативного звена) и позволяет не только выделить значимые компоненты жанра имиджевой статьи, но и определить их природу.

Поскольку текст не изолирован от среды своего существования, нам кажется, что учет только собственно текстовых факторов при построении

модели является недостаточным для реализации требования адекватности. Другими значимыми факторами в нашей концепции становятся факторы жанрообразования, являющиеся, с одной стороны, частью дискурса, а с другой – находящие воплощение в тексте. О подобного рода исследованиях В.Е. Гольдин сказал следующее: «Как явления инвариантного характера жанры соотносятся со своими конкретными реализациями, текстовыми воплощениями. Онтология отношений «вариант/инвариант» и методика исследования этих отношений на материале речевых жанровых форм (см. серии известных работ М.Ю. Федосюка, А.Г. Баранова) остаются важным аспектом жанроведческих исследований» [1, с.6].

Мы разделяем данную точку зрения и полагаем, что модель как абстрактный образец и ее реализация как актуализация параметров в определенном тексте находятся в отношениях инварианта и варианта. К инвариантным параметрам мы относим факторы, формирующие общий облик жанра как такового, к вариативным – то, какую реализацию получают данные факторы в реальном тексте как результате коммуникативной деятельности его создателя. Поэтому необходимо рассмотреть, каким образом с опорой на существующее представление о жанровом каноне происходит конкретное наполнение текста, т.е. выявить соотношение вариативного и инвариантного.

PR-дискурс понимается нами как ситуация взаимодействия базисного субъекта PR и определенных групп целевой аудитории. **PR-жанр** – часть этого взаимодействия, отражающая представление базисного субъекта PR о коммуникативной ситуации (образе аудитории, средствах и способах коммуникативного взаимодействия с ней, целевых компонентах коммуникации) и выражающаяся в виде конкретных текстов. Для нас важным является то, что структура дискурса содержит набор компонентов, воспроизводящихся в тексте и отражающих со-бытие участников коммуникативного процесса в рамках конкретного коммуникативного события. Текст, таким образом, «моделирует в виде вторичной текстовой реальности ситуацию действительности» [2, с.260]. Для определения данного процесса мы используем понятия **воспроизведения / отражения**, а указанные компоненты называем **факторами дискурса** или **дискурсивными факторами.** Данное понятие представляется нам более удачным для описания исследуемого феномена, чем, например, широко распространенное в филологической науке понятие «жанрообразующие признаки», поскольку оно подчеркивает природу и происхождение данных компонентов. Таковы основные понятия, использующиеся при построении модели жанра имиджевой статьи и разработке соответствующей методики.

Таким образом, суть методики коммуникативного моделирования PR-жанра заключается в анализе PR-текстов с целью поиска, выявления и описания дискурсивных факторов, установления способов их репрезентации и связей между ними.

Литература

1. Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 4-7.
2. Качесова И.Ю. Текст как воспроизведенная аргументативная ситуация // Язык – Текст – Литература: коммуникативная парадигма: сб. ст. к 70-летию А.А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2011. С. 258-263.
3. Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 288 с.
4. Лебедева Т.Ю. Паблик рилейшнз. Корпоративная и политическая режиссура. М.: Изд-во МГУ, 1999. 350 с.
5. Мясников И.Ю. Коммуникативное моделирование периодического издания: на перекрестке структур // Вестник Том. гос. ун-та. Сер. Филология. 2008. № 3(4). С. 89-101.
6. Селезнева Л.В. Целостность дискурса как лингвистическая проблема // Филология и человек. 2012. № 2. С. 7-18.
7. Сидоров Е.В. Основы современной концепции текста: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1987.
8. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 232 с.
9. Чувакин А.А. Текст как объект и предмет лингвистики // Теория текста: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука. 2010. С. 8-48.
10. Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб.: Паллада-медиа. 2002. 448 с.

© Клинк Е.И., 2012

УДК 81’38

Кобяков Ю.Ф.
г. Уфа (Россия)

Средства аргументации в немецком политическом дискурсе

Теория аргументации выросла из формальной логики и лингвистики. По определению нидерландских исследователей Франса ван Еемерена и Роба Гроотендорста, разрабатывающих эту теорию в наше время, аргументация представляет собой «вербальную, социальную и рациональную деятельность, целью которой является убеждение разумной личности в истинности тезиса с помощью совокупности утверждений, которые либо доказывают, либо опровергают тезис» [1, с.34]. Особенностью подхода Еемерена и Гроотендорста является увязывание теории аргументации с теорией речевых актов, а сам подход определяется как прагма-диалектический, при котором коммуникация представляется обменом речевыми актами, а аргументация понимается как сложный речевой акт.

Столкновение мнений, как отмечают Еемерен и Гроотендорст, прохо-

дит до своего разрешения четыре этапа. На первом этапе возникает конфронтация, когда кто-то подвергает сомнению чью-либо точку зрения. На втором оппоненты формулируют свои позиции и договариваются о правилах ведения спора. Третий этап – сама дискуссия, когда стороны приводят свои аргументы. И на четвертом этапе подводится итог спора, выявляется, кто стал победителем [1, с.36-37].

А.И. Мигунов сформулировал следующие конститутивные правила аргументативного речевого акта, знание которых позволяет считать полноценным аргументативным речевым актом всякое успешное выполнение этих правил.

1. Иллокутивная цель – преодоление сомнения собеседника относительно некоторой точки зрения, в истинности которой убежден говорящий.

2. Способ достижения – в своем произнесении говорящий берет на себя обязательство сделать точку зрения приемлемой для слушателя, т. е. совместимой с системой суждений, составляющих его картину мира.

3. Условие пропозиционального содержания речевого акта – говорящий, совершая речевой акт, демонстрирует, что он согласен с его пропозициональным содержанием и несет за него ответственность.

4. Логическая характеристика речевого акта – схема дискурсивного действия демонстрирует, что согласие с пропозицией, выраженной в данном речевом акте, рационально несовместимо с отказом от пропозиции, выраженной в точке зрения.

5. Условие успешности – слушатель полагает, что говорящий, во-первых, убежден в истинности пропозиционального содержания речевого акта и, во-вторых, считает его логически приемлемым основанием для утверждения истинности точки зрения.

6. Условие эффективности – слушатель рассматривает пропозициональное содержание успешного речевого акта, во-первых, как истинное высказывание, и, во-вторых, как логически приемлемое основание для принятия точки зрения говорящего.

Речевой акт аргументации может быть успешен, если слушающий правильно понял точку зрения говорящего, но об эффективности речевого акта можно говорить лишь в том случае, если слушающий убеждается в правоте говорящего и переходит на его сторону. [2, с.44]

В большинстве теоретических исследований выделяются, по крайней мере, три типа структур аргументации: (1) последовательное рассуждение (serial reasoning), или подчинительная аргументация (subordinate argumentation), когда один довод поддерживает другой, (2) связанное рассуждение (linked reasoning), или сочинительная аргументация (coordinate argumentation), если каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все доводы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают эту точку зрения, и (3) конвергентное

рассуждение (convergent reasoning), или множественная аргументация (multiple argumentation), в том случае, когда каждый аргумент самостоятельно доказывает (до известной степени) точку зрения. Сложная аргументация может объединять все эти три типа аргументативных структур. [3, с.123-124]

Примером такой сложной аргументации может служить политическое эссе Дирка Курбювайта «Die Stunde des Souveräns», опубликованное в журнале Der Spiegel, № 36/2012. Это эссе не является частью дискуссии, автор не спорит с оппонентами. Он анализирует политическую ситуацию и предлагает свой вариант разрешения противоречий, которые возникли в Германии между защитниками демократии и сторонниками европейской интеграции.

Эссе начинается с экскурса в историю и констатации существующего положения вещей: Nach dem Zweiten Weltkrieg hat der Westen den Deutschen zwei große Geschenke gemacht. Geschenk eins war die Demokratie, Geschenk zwei war die Integration in ein Europa der freien Völker. Плохо то, что оба эти подарка – демократия и интеграция – очень сильно пострадали при попытке объединить Европу с помощью единой валюты: Die bundesdeutsche Demokratie war noch nie in einem so schlechten Zustand wie heute. Die europäischen Völker haben lange nicht mehr mit so viel Misstrauen aufeinander geblickt wie derzeit. Заканчивается первая часть эссе кратким пессимистическим резюме в форме хиазма: … Die Demokratie behindert eine schnelle Rettungspolitik für den Euro. Eine schnelle Rettungspolitik für den Euro unterhöhlt die Demokratie.

Во второй и третьей части автор, прибегнув к метафоре и представив демократию и Европу в роли пациентов с пошатнувшимся здоровьем, анализирует их состояние. Диагноз неутешителен: Eine solche Demokratie ist ein Patient. … Europa ist auch ein Patient. При представлении состояния демократии автор широко использует четкие противопоставления, сочетающиеся с синтаксическим параллелизмом: Gewonnen hat die Exekutive, also die Regierung. … Verloren hat das Parlament. … Gewonnen hat das Bundesverfassungsgericht. … Verloren haben … die Bürger…

Для каждого политического субъекта определяется главный, руководящий принцип, которым он руководствуется в своих действиях (das Leitmotiv): Ein Leitmotiv der Exekutive ist der Wille zur Mauschelei (тайные делишки). Для парламента таким руководящим принципом является «послушность». Bislang sieht man als Leitmotiv aber vor allem Folgsamkeit. У конституционного суда в условиях кризиса особая задача – дать возможность правительству работать: Das Leitmotiv der Richter ist Funktionstüchtigkeit. И только немецкие граждане растеряны, не имеют единого плана действий: So verfügt die deutsche Demokratie derzeit über einen ratlosen Souverän (немецкие граждане) und ein überfordertes Parlament, das von einer etwas weniger ratlosen, etwas weniger überforderten Regierung sowie den Finanzmärkten dominiert wird.

Переходя к характеристике состояния Европы, автор отмечает, что здесь возникли многие великолепные идеи, обогатившие человечество, – это идеи гуманизма, демократии, просвещения, правового государства. Но в то же время отсюда, из Германии, были развязаны две мировые войны. А когда создавался Евросоюз, то бюрократия экономически доминирующих стран строила его, прежде всего, исходя из своих собственных интересов, не особо оглядываясь на желания народа. Она надеялась, что если проект окажется удачным, то это задним числом придаст предприятию нужную легитимность. И вот выясняется, что в механизме Евросоюза не все работает, как надо: не создано финансовое правительство, которое следило бы за тем, чтобы отдельные страны не превращались в банкротов. Jeder machte, was er wollte, und die einen machten Schulden, die sie verkraften können, und die anderen machten Schulden, die sie nicht verkraften können. Чтобы исправить положение нужно поступиться частью суверенитета. Автор допускает, что демократия – это не всегда власть народа, иногда правительство принимает антинародные решения. Но народ всегда может высказать свою волю на очередных выборах.

Диагноз установлен. Здесь автор снова прибегает к хиазму: Die deutsche Demokratie leidet an Europa, Europa leidet an den nationalen Interessen der Staaten und der Abwesenheit einer vernünftigen Struktur. Каков же план лечения больной демократии и больной Европы? Единственный способ примирить демократию с европейской интеграцией, по мнению автора, – это провести опрос народа. Die Deutschen können ihre Demokratie mit der europäischen Integration versöhnen. Dafür müssten sie gefragt werden.

Такое эссе представляет собой попытку оценить политическую ситуацию в Евросоюзе с точки зрения разрешения противоречия между соблюдением принципов демократии внутри страны и необходимостью пренебрегать интересами народа ради спасения европейской валюты. В ходе аргументации журналист как врач вскрывает причины возникшего кризиса, ставит диагноз и предлагает путь лечения. Можно ожидать, что его аргументация будет поддержана большинством читателей – ведь он говорит с ними на одном языке и ставит интересы демократии, интересы народа выше интересов интеграции с другими странами Евросоюза. Журналист вступает в полемику с представителями исполнительной власти, узурпировавшими роль всезнающих спасителей евровалюты и Евросоюза. Он вскрывает их ошибки и предлагает провести опрос граждан относительно дальнейших действий по выходу из кризиса. Это восстановило бы демократию в стране и придало бы больше легитимности действиям правительства, которое старается спасти европейские страны-банкроты в ущерб интересам собственных граждан.

Литература

1. ван Еемерен Ф.Х., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и

ошибки. Спб., 1992.
2. Мигунов А.И.. Семантика аргументативного речевого акта. Интернетресурс: http://phil.tester.spn.ru/media/pdf/_original/5/4_migunov_myisl-6pdf.pdf
3. Хенкеманс Ф.С. Структуры аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации / Пер. с англ. В.Ю.Голубева, С.А.Чахоян, К.В.Гудковой; науч. ред. А.И.Мигунов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
© Кобяков Ю.Ф., 2012

УДК 81’ 37:811.161.1

Колоколова Л.П.
г. Стерлитамак (Россия)

Функционально-когнитивные сферы в макроконцепте «Жизнь человека»

Исследование проблем, связанных с темой «человек в языке», стало особенно интенсивным в последнее время. Налицо углубление таких глобалистических ситуаций, которые свидетельствуют о цивилизованном сдвиге, находящем свое отражение в бытии каждого человека. Человек – это некое звено, соединяющее реально существующий мир и язык, отражающий этот мир. Человек познаёт мир, подвергая типы знаний о нём определённой когнитивной обработке в соответствии со сложившейся в языке системой концептов.

Макроконцепт «Жизнь человека» имеет множество измерений, среди которых наиболее часто выделяют пространственное, событийное, субъектно-объектное, темпоральное.

С позиций когнитологии пространство для человека является самой важной категорией для восприятия мира. Человек воспринимает пространство как нечто, существующее вне. Оно заполнено людьми, предметами. В данном мире живут близкие, свои, родные люди. Пространство воспринимается человеком и как открытое место, не имеющее границ. Пространственные отношения связаны прежде всего с локализацией событий. Макромир человека определяют понятия с широким локальным значением. В сфере локальных конкретизаторов широкой семантикой обладают наименования, называющие континенты, стороны света, природные ландшафты: *Африка, Азия, Европа, юг, восток, запад, север; остров, полуостров, горы, степи, лес, пустыня, долина, берег* и др. Лексема ***континент*** имеет в восприятии человека дополнительную информацию, которая характеризует исторически сложившуюся группу человечества по цвету кожи, например, *Африка – Черный континент*. Также дополнительную информацию приобретает прилагательное *зеленый* в примере *Австралия – Зеленый континент*, так как

здесь представлена характеристика «девственной» природы.

Когнитивный подход позволяет представить в абстрактном существительном ***жизнь*** ситуацию "жить на территории, управляемой самостоятельным правительством", выражающуюся в словосочетаниях *жизнь в стране, в государстве, державе.*

Дифференциация лексемы ***страна*** позволяет выстроить иерархию лексико-семантических вариантов, производящих следующие наименования: 1) ориентированность, представленную такими обозначениями, как *европейские, азиатские страны,* 2) географические соответствия – *южные, северные страны*, 3) страны, имеющие особую привязанность к местности, к образу жизни, культуре, внутреннему устройству, истории – *скандинавские страны***.**

В связи с расширением сферы употребления, лексема ***страна*** приобретает объемное значение, и в силу этого необходимо остановиться на понятии ***родина*** «отечество, родная страна». Само по себе понятие родины как родной страны представляет собой совокупность метафор, концептуализирующих специфические социальные отношения. Понятию ***родина*** противостоит понятие ***чужбина*** «чужая страна». Родина как материальное и духовное сообщество «своих» привлекает к себе такие понятия, как *любить родину, защищать родину*, а чужбина связана с понятиями *ностальгия, тоска по родине, жить на чужбине, умереть на чужбине*. Поскольку в настоящее время отсутствуют ограничения и стеснения в передвижении по миру, то семантическая окраска «*ностальгия*», «*тоска по родине*» стирается, и возникает большой интерес в сторону «*чужой страны*».

Пространство человека может сужаться. Микромир в этом случае создается отношением к личной сфере бытия человека. Область бытования при этом тяготеет к локализаторам, обладающим более узкой семантикой и включающим следующие номинации: *город, улица, дом, квартира, комната***,** отражающие место пребывания каждого индивида. Лексема ***город*** «крупный населенный пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр» вступает в семантическую оппозицию с лексемой ***деревня*** «крестьянское селение». Более того, в языке образуется цепочка наименований, последовательно характеризующих переход от одного типа значений к другому и обогащающих информационно-смысловой блок локальности: ***столица – периферия – провинция*.**

Жизненный путь человека богат событиями, и обобщаются они словом *пережитое*: *Иногда, вспоминая пережитое, он не узнавал себя нынешнего, так мало в его характере осталось от молодого Агеева* (В.Быков).

Т.А. Кильдибекова, анализируя событийные отношения в концепте «жить», отмечает, что каждое событие (ситуация) ориентировано на определенную функционально-когнитивную сферу, включающую многообразие событий, ситуаций, положений дел в жизнедеятельность человека [1, с.117].

В качестве ключевых понятий в семантическом блоке событийности выступает существительное *событие*. Так, в смысловой структуре лексемы *событие* даётся следующая сочетаемостная характеристика: *событие большое, главное, великое, значительное, важное, выдающееся, знаменательное, историческое, интересное, неожиданное, непредвиденное, невероятное, странное, волнующее, счастливое, радостное, печальное, трагическое, последнее*.

В информационно-смысловой блок событийности входят наименования *происшествие, случай, случайность, сенсация, прецедент, эпизод, инцидент, мистика*. Также в качестве ключевых понятий событийности выступает и наименование *ситуация* «совокупность обстоятельств; обстановка, положение». Интересные наблюдения показала сочетаемостная характеристика данной лексемы: *стрессовая ситуация, конфликтная ситуация, кризисная демографическая ситуация, криминогенная ситуация, ценовая ситуация, взрывоопасная ситуация, переломить ситуацию, влиять на развитие ситуации*. В связи с расширением сферы употребления, лексема *ситуация* приобретает объемное значение и в силу этого необходимо отметить такие устойчивые сочетания, как *Государственный комитет по чрезвычайным ситуациям, криминальная ситуация, Министерство по чрезвычайным ситуациям*. Данный парадигматический ряд дополняет устойчивый оборот *чрезвычайная ситуация* «стечение обстоятельств, представляющих угрозу для жизни множества людей, а также для экономики, и вызываемых обычно природными катаклизмами, военными действиями и т. п.».

Важной категорией в жизни человека является время, привлекающее внимание прежде всего потому, что оно определило собой те границы, в которых развертывалась человеческая жизнь. В связи с этим, в функционально-когнитивной сфере темпоральности следует выделить информационно-смысловые блоки: общее понятие времени, ситуативное время, время жизни человека [2, с.31-47].

Первый семантический блок «общее понятие времени» представлен характеристикой времени по отношению к месту его проявления. В качестве конкретизатора выступают имена прилагательные: *местное, московское, среднеевропейское время*. Словосочетание *местное время* содержит семантический компонент «относящийся только к определенной местности, не общий»: *Часы показывают местное время*. В данной парадигматической группе в русском языке можно зафиксировать оппозицию «местное время – московское время», выступающее как часть к целому. Более того, семантическим конкретизатором словосочетания *московское время* выступает объект *куранты*, представляющий собой башенные центральные часы с музыкальным механизмом, показывающим точное время по всей стране. В анализируемой ситуации темпоральный аспект, представляющий общее понятие времени, взаимодействует с локальным аспектом, так как временные

отношения характерны на конкретной территории. В семантическом блоке «общее понятие время» универсальными являются единицы измерения времени, передающие календарно-хронологические отрезки бытия и формирующие когнитивную модель цикличности времени: *год, месяц, неделя, сутки, день, час, минута*; наименование месяцев, дней недели. В языке находят отражения более объёмные и незначительные и в то же время неопределённые отрезки времени. Ср.: *эпоха* (перестройки), *период* (реформ), *эра* (космонавтики), *век* (атома); *миг, мгновение, момент, секунда*.

С точки зрения когнитивного содержания второй семантический блок «ситуативное время» представляет собой иерархическое строение и состоит из отдельных информационно-смысловых комплексов: настоящее, прошлое, будущее; длительность; последовательность; регулярность.

В таксономический ряд, объединенный семантическими конкретизаторами «предшествование; теперешний, происходящий в данный момент время; предстоящий», входят лексемы *прошлое, настоящее, будущее*. Ср.: *Тут я спохватился, что слишком любезно слушаю это привидение из моей прошлой жизни* (В.Набоков); *Процесс познания начинается с прошлого, он не может быть отъединён от настоящего и локализован* (Ю.Бондарев); *За своё будущее он был вполне спокоен: уж если какая-нибудь из этих девиц выходила замуж, то на такую можно положиться. Их них выходили верные спутницы жизни* (Э.Ремарк). Каждая названная выше лексема может расширять свою сферу употребления за счет различных лексико-семантических вариантов и сочетаемостных возможностей, что позволяет говорить о объёмных информационно-смысловых структурах.

Третий семантический блок «время жизни человека» включает возраст, возрастные группы, периоды жизни, поколения, продолжительность жизни, конец жизни. В представленном семантическом блоке необходимо выделить ряд слов, обозначающих периоды, «нормативный цикл жизни человека»: *детство (далёкое), отрочество, юность, молодость (ранняя), старость*; лексико-семантическую группу, обозначающую фазы «жизни»: *на закате лет, на склоне лет, начало, конец, середина жизни*. Временной план реализуется в лексико-семантической группе имен, обозначающий возраст человека: *дети/взрослые; ребёнок, мальчик, девочка; подросток*; *юноша, девушка*; *мужчина, женщина*; *старик (глубокий, древний, дряхлый), старуха*; *поколение – молодое, старшее*.

Таким образом, пространственно-временные, субъектно-объектные, событийные отношения представляет собой сложную разветвленную систему, демонстрирующую в концепте «*жизнь*» очень многое - то, что не укладывается в простое определение «форма существование материи». Нельзя в этом случае не согласиться со словами польского афориста В. Бартошевского, определившего жизнь как «заглядывание в разные зеркала», поистине, очень разные.

Литература
1. Гафарова Г. В., Кильдибекова Т. А. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. Уфа, 2003.
2. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / Под общ. ред. проф. Т.А. Кильдибековой. Санкт-Петербург, «Политехника-сервис», 2011.

© Колоколова Л.П., 2012

УДК 81’282

Комов О.В.
г. Донецк (Украина)

Лексические особенности мужской и женской украинской речи (компьютерный дискурс)

В последнее время бурно развиваются средства и способы передачи информации. Инструментом информационной глобализации становится компьютер. С помощью него создается так называемый «машинный язык», который отражается на функционировании языков мира. Лингвистическая наука тесно связана с теми изменениями, которые происходят в обществе. Эти изменения привели к расширению предмета исследования, в том числе и в области компьютерного дискурса.

“Компьютерный дискурс” исследовали такие ученые, как П.Е. Кондрашов, А.Б. Кутузов, И.Г. Асмус, М.Ю. Касумова, О.В. Дедова, М.А. Ковальчукова, А.И. Самаричева, Е.И. Горошко и другие.

Несмотря на растущий интерес к проблеме, еще не все аспекты компьютерного дискурса достаточно отражены в лингвистических трудах, особенно в гендерной лингвистике.

В языке существуют фонетические, лексические, морфологические и синтаксические особенности, связанные с полом говорящего. Это позволяет утверждать наличие специфичности языка мужчин и женщин в единой этнической среде.

Исследования речи мужчин и женщин показывают, что разница в использовании ими языковых единиц не случайна. Своеобразие мужской и женской речи действительно существует, причем на всех ее уровнях и в любом языке. Отмечено, что больше всего гендерный фактор реализуется на уровне лексики. Лингвисты приходят к выводу, что женский язык отличается большей эмоциональностью и экспрессивностью, для него характерно редкое использование стилистически сниженных средств и вульгарной лексики, то есть, можно сказать, что женщины более вежливы в общении, чем мужчины.

Для анализа мы взяли языковой материал, расположенный на украинских сайтах Интернета, где подается текстовый материал женских и мужских форумов, клубов: мужской форум «Львовский форум» на сайте http://forum.lvivport.com/, мужской форум «Барский форум» на сайте http://padlyuka.ucoz.ua/, тексты женского форума «Девичьи посиделки» на сайте http://posydenky.com/, тексты форумов женского клуба «Гармония» на сайте http://nubip.edu.ua/node/3012, тексты мужского форума «Весь Луцк» на сайте http://www.lutsk.ws/forum/cholovichyi-forum, женский форум «Волынское братство» на сайте http://www.volyniany.org.ua/ и другие.

Существуют гендерные отличия словарного состава, семантических полей и ассоциативных рядов. В силу того, что женщина больше мужчины сосредоточена в своем внутреннем мире, в ее словарном запасе встречаются слова, которые описывают ощущения, эмоции, она чаще употребляет глаголы, которые передают эмоционально психологическое состояние человека. По свидетельству А.С. Кирилиной, «установлено, что женское ассоциативное поле выглядит более обобщенным и «гуманистическим» (природа, животные, повседневная жизнь), тогда как мужчины ассоциируют себя со спортом, охотой, профессиональной и военной сферами» [5, с.56].

Также установлено, что семантические поля мужчин и женщин во время диалога не совпадают, что объясняется принципиальным отличием в начальных глубинных и редко осознаваемых стремлениях мужчин и женщин, которые вступают в контакт: «Для женщин язык служит средством, которое позволяет завести друзей и поддерживать взаимоотношения. Для мужчины разговаривать – значит передавать факты» [2].

Рассмотрим лексические особенности компьютерного дискурса.

1. Использование ненормативной лексики

Существуют отличия в использовании ругательных слов. Обычно мужчины используют грубые ругательные слова, которые указывают на их властные позиции в реальном мире. Женщины, напротив, смягчают ругательные слова и используют их лишь в случае нервного возбуждения. Женщины, по сравнению с мужчинами, более склонны к эвфемизмам и менее – к ругательствам. Они также более консервативные в употреблении языки [5, с.53].

В украинской речи мужчин часто встречаются такие ругательные слова, как лох, гад, жрать и т.д. Например: «*Факт в тому, що не має грошей і афуристи виїхали неізвестно куда, номера не відповідають, короче розвели як* ***лохов****. Зараз Їх шукає прокуратура. Люди не виділться на такі позики*». «*Я так?* ***Лох****! А вони (лайливе слово)*». http://www.lutsk.ws/forum/cholovichyi-forum «*Пригощався,* ***гад****. А потім побіг назавжди...Він обертається - а за спиною сидить здоровенний заєць і нахабно, "дивлячись в очі",* ***жере*** *те, що він приготував для принади рибі!*». http://forum.lvivport.com/showthread.php?t=50498

Следует отметить, что в украинской речи женщин тоже употребляется

ругательная лексика, хотя реже, например: «***Блін,*** *прочитала назву гілки "Чоловічі забавки і вподобання...". і згадала того чудіка з трусами й чулками... вже подумала, що знов про якісь збочення йдеться... але то таке, вибачте, автор теми!* http://forum.lvivport.com/showthread.php?t=50498

В некоторых случаях женщины не полностью называют ругательное слово, а только его часть. Например: «*Для таких існує приказка: "Не чіпай* ***г...о****, ваняти не буде"!*» http://beauty.lviv.ua/forum/

2. Использование сленговых слов и выражений

В лингвистике существует так называемое «новое просторечие» («общий сленг»), которое является обширной группой нестандартных лексико-фразеологических единиц, постоянно пополняющейся за счет разных социолектов. Эти единицы, выходя за пределы профессионального и корпоративного (группового) сленга, начинают употребляться широкими кругами носителей общелитературного языка, не ограниченными определенными социальными рамками (возраст, профессия, уровень образования, общие интересы и тому подобное).

Использование сленгових слов и высказываний в компьютерном дискурсе чаще используется мужчинами. Это «общий сленг», в котором используется стилистически сниженная лексика. Например: «*Дружина веліла поміняти дочки підгузник, а сама пішла до сусідки.* ***Пацани****, хто-небудь знає як поміняти підгузник?*» http://www.lutsk.ws/forum/cholovichyi-forum

3. Использование оценочных суффиксов

Употребление оценочных суффиксов было замечено в речи женщин. Женщины используют большее количество уменьшительно-ласкательных суффиксов в сравнении с мужчинами. Таким образом выражается отношение автора к предмету высказывания. Например: «***Ой, такі гарні платтячка****. Я так люблю літні сарафани і* ***сукенки****, але як і туфлі на шпильках, дуже рідко їх ношу…* ***Коротенькі спіднички*** *вже напевно трохи приїлись, бо в нових колекціях їх небагато*». http://beauty.lviv.ua/forum/23-30-1

В украинской речи мужчин также замечено употребление таких суффиксов, но отношение автора к предмету разговора проявляется посредством контекста или путем использования слов с иронической семантикой [3; 4]. Например: «*Ще підмітив досить цікаву річ: дівчатка - підлітки хочуть показати себе старше і натягують якісь балахони, розмалюють* ***губки*** *(там якись мейк-ап чи як воно називається) і ходять на дискотеки*» http://forum.kalush.info/index.php/topic,1805.20.html

4. Использование аффектной лексики

Отличие в использовании аффектной лексики может быть проиллюстрировано на примере использования мужчинами и женщинами прилагательных. В мужском лексиконе превалируют такие нейтральные прилагательные, как красивый, хороший. Женщины чаще употребляют такие прилагательные, как замечательный, прекрасный, фееричный, божественный, не-

вероятный. Например: «*У більярді він був воістину* ***божественний****!» «Немає людини. Яка найкраща у всьому. Хтось хороший шахматист, хтось* ***чудовий*** *повар,* ***прекрасна*** *мати і т.д.*
http://www.lady.if.ua/forum/viewtopic.php

5. Использование тропов и стилистических фигур

Использование тропов и стилистических фигур в речи мужчин и женщин выражается по-разному. В речи обоих полов используются художественные средства, но их характер разный. В украинской речи женщин на форумах чаще используется метафора, метонимия. Например: «*Авторка теми питає місця де* ***бродить кохання****??* http://vk.com/id21276518 «*Для зимового, та весняно-осіннього взуття треба дивитись, щоб була бірочка «джіокс» та «гортекс». тоді* ***взуття дихає*** *і не промокає»*
http://mamka.lviv.ua

В украинской речи мужчин часто употребляются фразеологизмы, сравнения, в большинстве случаев с негативной оценкой. Например: «*Якщо десь в компанії, вона з тітками таку* ***пургу несе****, такі багатозначні* ***міни ліпить****.* http://ichar.pp.ua/blog/z_cholovichikh_forumiv/2011-02-02-813 «*Ні. Похвалюсь останній раз (на сьогодні) - колись зловив зайця.* ***Голими руками****.* http://forum.lvivport.com/showthread.php?t=50498 «*Дівчата. Ви так* ***ніби виросли у парнику*** *і ніколи не мали домашніх тварин!*»
http://forum.kalush.info/index.php/topic,4748.0.html

В украинской речи женщин фразеологизмы, крылатые высказывания, в основном, употребляются для высказывания положительных чувств, часто вызванных любовью. Например: «*А вийшло само собою якось так (ходив за мною 3 міцяці і я здалася) хоча* ***закохалась у нього по самі вуха*** *не одразу десь так та після двох міцяців зустрічання і життя тепер не уявляю без нього.* http://posydenky.com/ В речи женщин к метафорам, метонимии, фразеологизмам добавляются сравнения. Например: «*Мама новонародженого немовляти наївна і не досвідчена,* ***як новобранець в армії.*** «*Мама дворічного малюка спокійна і впевнена,* ***як дембель»***
http://www.lady.if.ua/forum/viewtopic.php.

Таким образом, в компьютерном дискурсе на лексическом уровне нами были выделены такие особенности украинской речи мужчин и женщин: 1) употребление эмоциональных суффиксов женщинами с целью передачи эмоций и чувств, а мужчинами с целью уменьшения того, кто говорит, своих качеств; 2) употребление ненормативной лексики наблюдается чаще в речи мужчин. В некоторых случаях женщины также используют ругательные слова, иногда употребляют ненормативное слово не полностью, а пишут лишь его часть; 3) использование сленгових слов и высказываний чаще встрчается в речи мужчин; 4) использование эффектной лексики в речи женщин; 5) стилистические тропы и фигуры мужчины и женщины используют по-разному. Метафора, метонимия - больше присущи женскому языку.

Фразеологизмы с негативной оценкой - чаще используют мужчины. Женщины употребляют фразеологизмы с целью выявления позитивной оценки; 6) сравнения мужчины употребляют в отрицательном значении.

Литература

1. Давыдкина Н.А. Немножко о женской речи в художественной прозе / Н.А. Давыдкина // Русская словес-ность. – 2004. – № 7. – С. 63–66.
2. Гречина Е.В. Гендерный аспект функционального поля инициальности диалогической речи (на материале французского языка) / Е.В. Гречина. – Режим доступа: http:// mixport.ru.
3. Кавинкина И.Н. Диминутивы как маркеры языкового сознания мужчин и женщин / И.Н. Кавинкина //Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: мат. VI Межд. научн. конф.: в 2-х ч. –Ч. 1. – Гродно, 1998. – С. 25–31
4. Кавинкина И.Н. Проявление гендерного фактора в русском языке / И.Н. Кавинкина. Режим доступа: http://envila.by.iatp.org.ua/nfo/courses/conference99
5. Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике / А.В. Кирилина // Филологические нау-ки. – 1998. – № 2. – С. 51–58.

© Комов О.В., 2012

УДК 378’02

Королева Д.Б.
г. Томск (Россия)

Интерактивная доска как средство повышения эффективности обучения иностранным языкам

В последние годы наблюдается активное использование мультимедийных технологий в процессе обучения иностранным языкам. Постоянно появляются новые методики работы с компьютером и в интернете. Одним из современных методических инструментов является интерактивная доска. Постепенно интерактивные доски внедряются в процесс обучения, но их использование остается для многих педагогов проблематичным, т.к. работа с ней требует значительных технических и/или педагогических умений. Кроме того, бытует мнение, что интерактивные доски уместны в основном в школах.

Преимущества интерактивных досок

Очевидным плюсом использования интерактивной доски является улучшение взаимодействия между преподавателем и студентом. Этот инструмент вызывает любопытство и интерес обучающихся, мотивирует, позволяет реализовать принцип наглядности, делая процесс обучения игровым,

более гибким и динамичным, позволяет учащимся активно участвовать в учебном процессе. ИД помогает улучшать внимание, заинтересованность и концентрацию обучающихся [3].

Благодаря использованию интерактивной доски отныне возможно:

- быстро переходить от одного мультимедийного средства к другому;
- создавать комплексы упражнений с использованием всех мультимедийных средств (текст, изображение, звук, видео….);
- благодаря цифровому формату легко повторно использовать и корректировать задания в течение года или из года в год;
- при наличии определенного опыта и технических навыков, легче и быстрее составлять упражнения, хотя это требует значительного времени и желания;
- поместить ответы на доску (их можно спрятать или разместить на следующем слайде) [2; 3].

Коллективная работа

Интерактивная доска облегчает коллективную работу, поскольку представляет большой экран, видный всем, что удобно в большой аудитории - все обучающиеся видят одно и то же и их внимание более концентрировано, чем в случае учебника или копии. Необходимо также упомянуть, что интерактивная доска избавляет от необходимости делать копии в случае отсутствии достаточного количества учебников, что очень актуально. Кроме того, копии во всех случаях являются черно—белыми, тогда как интерактивная доска позволяет сохранить цвет, что важно для воображения.

Таким образом, развиваются совместные виды работы: коллективное создание текста, плавание в Интернете, просмотр отсканированных изображений и т.д. Без интерактивной доски подобные операции были бы трудно осуществимыми или даже невозможными. [2]

Экономия времени

С первого взгляда, интерактивная доска кажется более трудной для преподавателя, т.к. требует тщательной технической и педагогической подготовки материалов. Но при умелом использовании она позволяет сократить время на подготовку, особенно при наличии разработанных и накопленных материалов.

Недостатки интерактивных досок:

- крайне высокая стоимость;
- возможные технические проблемы, которые сложно устранить без помощи специалиста;
- необходимость технических навыков и компьютерной грамотности для работы с доской;
- большие временные затраты на подготовку материалов и заданий и на тщательное планирование занятия – необходимо заранее проработать сценарий урока и решить какое место в нем будет занимать ИД;

- преподавателю необходимо заранее придти на занятие, чтобы включить всю аппаратуру, скопировать задания на компьютер, заранее открыть их на доске, а по окончании занятия всю аппаратуру должным образом выключить [1; 3]

При изучении лексических тем интерактивная доска позволяет преподавателю составить комплекс упражнений с использованием всех мультимедийных средств. Вот как это было реализовано при разработке темы «Гастрономия»: ввод новой лексики при помощи иллюстраций (картинки с подписями; при нажатии на подпись она озвучивается), задание «анаграмма» (расставить буквы в нужном порядке), задание «игральные кубики» для создания ассоциаций, выбор соответствия изображение-слово, упорядочивание предложений, кроссворд, задание на множественный выбор (в стиле игры «Кто хочет стать миллионером»), рецепт блюда с пропущенными словами (на экране есть кнопка «проверить», и если задание выполнено неверно, придется начинать заново).

Для учащихся с высоким уровнем владения языком можно предложить работу с видеофайлами. Большим плюсом ИД является то, что на поверхность доски можно вставить не только сам видеофайл, но и задания к нему. Если все вопросы не поместились на один слайд, то видео можно копировать на другие слайды неограниченное количество раз. Сначала мы предлагаем демонстрировать видеофайл без звука – для активации дискуссии по содержанию видеофайла, затем – общие вопросы по содержания, в конце – конкретные вопросы на понимание отдельных деталей. После работы с видеофайлом можно вырезать изображения из видео (скриншоты), поместить их на отдельный слайд и попросить учащихся рассказать, о чем шла речь в данном фрагменте. В конце работы с видеосюжетом можно предложить учащимся резюмировать его содержание. Более сложное задание для продвинутого уровня – озвучивание видеосюжета. Каждому учащемуся дается небольшой фрагмент видео без звука, который он должен озвучить. Это задание на детальное понимание текста.

Большую сложность для работы с доской представляет «техническая сторона» вопроса, а именно освоение программного обеспечения доски. Кроме того, ИД выпускаются различными производителями (США, Канада, Япония, Великобритания), и к каждой доске идет свое собственное программное обеспечение. Таким образом, освоив работу на доске одной фирмы, придется «переучиваться» для другой. Кроме того, задания (слайды) для доски одного производителя не будут работать на другой.

Проведем сравнительный анализ на основе опыта работы с досками двух фирм - Smart (доски SmartBoard, Канада) и InterWrite (доски InterWriteBoard, США). Обе доски обладают схожим программным обеспечением, однако, были выявлены и существенные различия.

Обе доски обладают схожим набором инструментов рисования, инст-

рументов работы с графическими объектами и работы с текстом (перо, маркер, ластик), позволяющие рисовать на доске любые линии и фигуры, вводить текст и т.д. Здесь же выявляется одно существенное различие: ИД фирмы InterWrite распознает только английский язык, т.е. ввести или вставить из другого файла текст на французском, немецком и т.д. языках невозможно, что сильно ограничивает возможности работы. Также с поверхностью доски InterWrite можно работать только при помощи стилуса, тогда в SmartBoard можно использовать также и пальцы рук.

Независимые инструменты – съемка, прожектор (скрытие части экрана), шторка (скрытие страницы или ее части) тоже совпадают. Но в ИД фирмы InterWrite прожектор и шторка применяются сразу ко всем созданным слайдам, что не очень удобно. В SmartBoard скрывается только один слайд, с которым ведется работа. Также в ИД фирмы SmartBoard легче и удобнее работать с аудио- и видеофайлами. И, наконец, неоспоримое преимущество фирмы SmartBoard – огромное количество встроенных заданий, точнее, заготовок заданий (кроссворд, анаграмма, игральные кубики, сортировка текста, упорядочивание картинок, множественный выбор и т.д.). В InterWrite нет подобных инструментов, что существенно уменьшает ее функциональные возможности. Таким образом, можно сделать вывод, что интерактивные доски фирмы Smart являются наиболее удобными в работе, предлагают больше функциональных возможностей и встроенных заданий.

Разумеется, независимо от фирмы-производителя ИД остаются современным и увлекательным, входящим в моду инструментом. Но именно от преподавателя зависит, насколько эффективно он будет использоваться – от его методического и технического мастерства.

Литература

1. Apports pédagogiques du TBI // Tableaux interactifs [Электронный ресурс]: URL: http://www.tableauxinteractifs.fr/le-tbi/interets-pedagogiques/apports (дата обращения: 28.06.2012).
2. Ph. Dessus & Patrick Soubrié Le tableau blanc interactif et son utilisation en classe // Université Pierre-Mendès-France [Электронный ресурс]: URL: http://webu2.upmf-grenoble.fr/sciedu/pdessus/sapea/tbi.html
3. Le Tableau blanc interactif pour le travail collectif et les échanges dans la classe // Ministère de l'éducation nationale - Direction générale de l'enseignement scolaire [Электронный ресурс]: URL: http://eduscol.education.fr/ses/usages/tbi/

© Королева Д.Б., 2012

УДК 81’35

Кортунова Е.В.
г. Уфа (Россия)

К вопросу об истории формирования и развития свободного ассоциативного эксперимента

История возникновения и развития свободного ассоциативного эксперимента насчитывает около двух веков. Упоминание о проведении первого ассоциативного эксперимента относится к 1879 году. Его поставил сэр Фрэнсис Гальтон, английский антрополог, психолог (и двоюродный брат Ч.Дарвина). Он выбрал 75 слов, написал каждое из них на отдельной карточке и отложил их на несколько дней. Затем он брал карточки по одной и смотрел на них, включая секундомер в момент «схватывания» слова глазами и останавливая, когда слово внушало ему две различные идеи. Он тут же начинал искать в памяти их происхождение и возможные связи со словом-раздражителем. Эту процедуру он повторял 4 раза с интервалом примерно в месяц и в итоге подсчитал, что им было воспроизведено 505 идей в течение 606 сек. Из этих 505 идей 57 всплывали в сознании дважды, 36 – три раза и 29 – четыре раза при четырехкратном рассмотрении 75 слов-раздражителей. Те идеи, которые возвращались в сознание несколько раз, относились ко времени детства и юности, в то время как те, которые всплывали только один раз, относились к зрелости или к недавним событиям. Как правило, при обычной форме проведения этого эксперимента испытуемым предлагается ответить на услышанное слово-стимул первым пришедшим на ум словом [2, с.59].

Примерно до 1910 года свободный ассоциативный эксперимент используется как диагностический эксперимент для выявления психофизиологических характеристик личности и определенных психических состояний испытуемых. Психологи ставили целью экспериментов выяснение и описание общих характеристик ассоциативных процессов. Методом анализа данных являлась классификация реакций, которая связывалась с психофизиологическими особенностями личности, и физических характеристик собственно ассоциативных процессов. Также при классификации реакций наблюдалось смешение психологических, лингвистических и логических принципов при выделении разграничительных оснований. Этот период можно считать периодом становления свободного ассоциативного эксперимента как метода научного познания.

После 1910 года происходит своего рода «смена приоритета» изучения индивидуальных реакций в пользу изучения коллективных, групповых данных и, соответственно, расширяется и список испытуемых. Одним из значительных событий данного периода времени является создание «Кент-

Розановского» списка и введение в научную парадигму термина «ассоциативная норма». В 40-х гг. XX в. Ш. Балли вводится понятие ассоциативного поля. Целью исследований на базе ассоциативного эксперимента становятся проблемы изучения интеллекта и описания динамики эмоциональных процессов [1].

В 50-е гг. возникает новая научная дисциплина – психолингвистика. Это способствовало значительному сдвигу сферы применения свободного ассоциативного эксперимента в область изучения специфики языка, формирования языковой способности человека, анализа структуры значения слова. Также появляется и активно развивается ассоциативная лексикография как новая отрасль психолингвистического знания. В ассоциативных экспериментах начинает играть значительную роль «лингвистический» элемент.

В этот период было опубликовано свыше 400 работ и собрано около 60 ассоциативных норм на базе десятка языков. Причиной такого бурного развития исследований с применением методики свободного ассоциативного эксперимента стало установление значения и роли ассоциативной связи в процессах восприятия, памяти, мышления. Ассоциативные связи между словами рассматриваются как индикаторы определенных структурных отношений между представлениями и их взаимосвязями. В это время стали широко использоваться количественные методы анализа данных и была создана математическая модель свободного ассоциативного эксперимента. Большой интерес также начинают вызывать межъязыковые исследования, целью которых является выявление моделей универсальных связей между словами, изучаются явления билингвизма и двуязычия, закладываются основы межкультурной коммуникации. Также разрабатываются научные основы классификации ассоциаций.

70-е–80-е гг. XX в. являются важным этапом в истории развития зарубежной и отечественной психолингвистики в целом, и ассоциативных исследований в частности. В этот период наблюдается бурное развитие психолингвистических исследований в концептуальных рамках деятельностного подхода к языку и теории речевой деятельности, расширяется диапазон применения свободного ассоциативного эксперимента и масштабность ассоциативных исследований за счет увеличения количества испытуемых и стимульных слов. Закладывается методологическая психолингвистическая база для описания процессов ассоциирования и теоретических основ ассоциативного направления в психолингвистике [1].

В этот период в Германии вышли в свет первые учебники по лингвистике текста В.Дресслера и С.Шмидта. В Европе и Америке публикуются труды таких известных исследователей текста, как М. Хэллидей, Т.А. Ван Дейк, Р. Де Богранд, В. Кинч и др. В отечественной науке разрабатывается «концепция текста» Н.И. Жинкина, являющаяся по сути своей одновременно психолингвистической и когнитивной; публикуется первая монография

по семантике текста А.И.Новикова, не просто ставшая научным «bestseller», но и заложившая основы нового направления интегративного типа [3, с.6].

В это же время появляется первый ассоциативный тезаурус на базе английского языка и первый словарь ассоциативных норм русского языка, а также издаются многие нормы национальных языков СССР. В описании ассоциативного значения слова преобладают лексикоцентрический и текстоцентрический подходы. Становится ясным, что специфика изучения семантики слов с помощью свободного ассоциативного эксперимента заключается и в том, что если многие психолингвистические эксперименты так или иначе направлены на осуществление испытуемыми метаязыковой деятельности, то построение ассоциативных полей протекает в условиях деятельности испытуемых, приближенной к нормальной языковой деятельности [1]. Это и является причиной большей информативности ассоциативных данных при интерпретации речевых процессов.

С конца 80-х гг. XX в. и по настоящее время происходит т.н. «смещение» от количественного анализа ассоциативных данных в сферу их качественной интерпретации. Возникают такие понятия, как «московская» и «тверская» школы ассоциативных психолингвистических исследований. О бурном развитии в эти годы ассоциативной лексикографии свидетельствует издание шеститомного ассоциативного тезауруса современного русского языка.

Данный этап характеризуется и большим количеством работ по разработке тактик и стратегий межкультурной коммуникации, методологии преподавания иностранных языков, использованию ассоциативного эксперимента в психодиагностике, а также в социологии, политологии и иных гуманитарных исследованиях для анализа определенных знаний в этих областях.

Появляется ассоциативная лингвистика, и на ее базе создаются теория АВС (ассоциативно-вербальная сеть) и ассоциативная грамматика (концепция Ю.Н. Караулова). Согласно этой теории, язык может быть представлен не только в виде системы отношений, не только как большая совокупность текстов, но и в виде ассоциативно-вербальной сети, соотносимой с языковой особенностью носителя языка. АВС состоит из последовательно усложняющихся и иерархически подчиненных уровней: слово или словосочетание – ассоциативное поле – совокупность ассоциативных полей. На фоне такого представления языка в рамках ассоциативной лингвистики выстраивается изоморфное ему ассоциативное пространство текстов. Ассоциативное же поле выступает как предмет конструирования и изучения, как единица лексикона языковой личности, как единица понимания, как единица языковой способности [1].

В настоящий момент разработана психолингвистическая база свободного ассоциативного эксперимента, т.е. отработана процедура его проведе-

ния и создан аппарат анализа данных. Установлена система факторов, влияющая на информативность и валидность данных. В последнее время свободный ассоциативный эксперимент все чаще используется для решения задач в области усовершенствования методологии обучения иностранным языкам, создания ассоциативных тезаурусов, для преодоления коммуникативных барьеров при общении с носителями той или иной культуры и ее понимании.

Литература

1. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента: Монография. – Москва: РАН Институт языкознания, 2001. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.textology.ru/article.aspx?ald=92
2. Мельникова Н.Н., Елагина О.Б. Практикум по общей психологии. Мышление и речь. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001.-78 с.
3. Пешкова Н.П. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода: Монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010 – 268 с.

© Кортунова Е.В., 2012

УДК 81’44

Котельникова Е.В.
г. Ростов-на-Дону (Россия)

Когнитивно-семантический машинно-ориентированный анализ научно-инновационного дискурса

Лингвистическое обеспечение вопросов развития общества, характеризуемого новейшими технологиями в различных социальных сферах, вызывает потребность выделения научно-инновационного дискурса (НИД), как особого вида дискурса, репрезентирующего инновации и технологические процессы их реализации. НИД объединен специфической терминологией, соответствующим стилем и идиостилем изложения, значительными объемами уникальной научной и инновационной информации. К отличительным особенностям НИД можно также отнести его комплексность: наличие наряду с научно-исследовательскими производственных, коммерческих, эмотивных составляющих; рекламность и пиар; связь с правовыми вопросами защиты интеллектуальной собственности. Следует отметить, что, несмотря на большое количество работ, посвященных анализу дискурса [2], НИД исследован недостаточно.

В условиях глобализации лингвистическая обработка увеличивающегося потока информации, связанной с различными инновациями, становится настолько специфичной и масштабной, что даже квалифицированные спе-

циалисты не обладают ресурсами, достаточными для ее выполнения. Многочисленные инновации интенсивно мигрируют в межкультурном пространстве, используя новые коммуникативные технологии, а речемыслительная деятельность по их актуализации протекает на фоне вариативности и увеличения объемов научного и инновационного контента. Искусственный интеллект (ИИ) выступает здесь как средство обработки технологической семантики, понимания и накопления знаний лингвистического обеспечения мирового рынка инноваций, общения с зарубежными партнерами в рамках научно-инновационного дискурса [1]. ИИ повышает качество и эффективность профессиональной международной коммуникации в технологизированной научно-инновационной сфере.

Коммуникация все чаще протекает в пространстве электронного дискурса. Электронный дискурс - основной формат репрезентации, обработки, хранения и передачи НИД. В отличие от традиционной, электронная форма НИД поддается высокоскоростной автоматической лингвистической обработке. Это создает особую коммуникационную ситуацию функциональной неограниченности в объеме информации, возможности одновременного использования интерфейсов, интеграции текстов, изображений и других семиотических и знаковых систем.

Признание ученым сообществом антропоцентрической парадигмы знаний способствовало широкому распространению когнитивного подхода в научных лингвистических исследованиях, рассмотрению когнитивного и коммуникативного аспектов дискурсивной деятельности в разноструктурных языках, решению ряда проблем перевода. Возникает потребность в комплексном когнитивном анализе и моделировании пропозиционально-ассоциативных сетей в процессах порождения, восприятия и обработки НИД международной коммуникации в проекции искусственного интеллекта.

Семантическая сеть, используется для анализа смысла НИД. Она представляет иерархическую структуру множества наиболее значимых и связанных в смысловом отношении понятий. Последние построены на замещении большой частотности смыслом и ориентированы от главных понятий к подчиненным, с которыми они встречаются в предложениях, часто отражая темарематические структуры.

Начальный, в том числе предпереводческий, когнитивный анализ НИД предполагает определение общего смысла из всех возможных. Для этого с учетом частотности слов анализируются наиболее смыслоемкие, а также стилистически окрашенные области текста. Выделяются ключевые слова, словосочетания, предложения, определяется общая семантика НИД, общий смысл и контекст НИД (при беглом, сквозном прочтении по опорным словам). В ходе постредактирования машинного перевода (МП) [6] проводится редактирование НИД, пополнение пользовательского словаря системы

МП, создание регулярных выражений, а также билингвы баз памяти ТМ (Translation Memory).

Электронная форма НИД обеспечивает возможность использования текстовых анализаторов для автоматического определения структуры контекстов понятий и на основании этого общих контекста и смысловой доминанты НИД. Осуществляемые анализаторами [4, 5] синтез семантических сетей, семантический поиск, автоматическое реферирование с оптимальной степенью сжатия всесторонне охватывают лексику НИД, доминантные предложения и позволяют понять, сопоставить основные идеи НИД, осмыслить языковую картину инновации в проекции ИИ. Относительный вклад понятий и связей в общий смысл НИД оценивается и ранжируется числовыми оценочными смысловыми весами понятий и весами связей, распределяющими НИД по общим и частным смысловым уровням (на рисунке первое число отражает вес данного понятия по отношению к «родительскому» понятию, второе – вес «потомка» данного понятия ко всему дискурсу).

Далее приведены результаты семантического поиска фрагментов НИД с семой ***graph***: *...In hand with* ***graph****ical interfaces, advanced… , …represented as a* ***graph*** *where the vertices repress… , …models, we use a* ***graph****-based notation with… , …techniques like Bond* ***Graph****s, Modelica, and other… , …timed FSM, event graphs, etc. asdiscussed… , …Equations Bond* ***Graph****s Modelica Electrical… , …Machines Event Graphs {4} Automata Finite… , …is defined as a* ***graph*** *representing system… , …is defined as a* ***graph*** *of states associated… , …represented as a* ***graph*** *in which the system's… , …described using a* ***graph*** *(Figure 1.19). Models'… , …as nodes in the* ***graph****, and transitions between… , …using a bipartite* ***graph****. One type of the* ***graph****'s… , …type of the* ***graph****'s nodes, the places… , …instance, bond* ***graph****s). If we want to feed… , …using animated* ***graph****ics]. Other informal… , …analysis based on* ***graph****ics, and syntactic and…* [3].

Анализ понятия ***transitions*** раздела «1 Modeling and Simulation Concepts» [3] осуществляется на основе семантической сети (Рисунок 1).

Для осмысления пары понятий ***graph – transitions*** (Рисунок 2) семантической сети анализатором выбираются предложения: *State-based declarative models, for instance, can be represented as a* ***graph*** *where the vertices represent the entities and the arcs represent the state changes (****transitions****). An automaton is defined as a* ***graph*** *representing system states and the* ***transitions*** *between them. Finite state machines (FSMs) can be represented as a* ***graph*** *in which the system's behavior is defined as a finite set of nodes (the model's states) and links between them (****transitions*** *between states). Models' states are defined as nodes in the* ***graph****, and* ***transitions*** *between states are represented by links. One type of the* ***graph****'s nodes, the places, represents the system states, and the second kind, the* ***transitions****, represents the net evolution* [3].

Для осмысления пары понятий ***link– transitions*** (Рисунок 3) этой сети

предлагаются фрагменты: *Every **link** is associated with a timing constraint that will define when the **transition** can be triggered. Finite state machines (FSMs) can be represented as a graph in which the system's behavior is defined as a finite set of nodes (the model's states) and **links** between them (**transitions** between states). Models'states are defined as nodes in the graph, and **transitions** between states are represented by **links**. The PN evolves by executing the **transitions**, which isdone by taking one token per input place (i.e., those with a **link** from a place to the executing **transition** - for instance, L1 . t1) and placing one token on every output place (i.e., those with a **link** from the executing **transition**, i.e., t1 .that is, the vertices represent the state **transition** functions, and the **links** between nodes capture the scheduling of such events.*

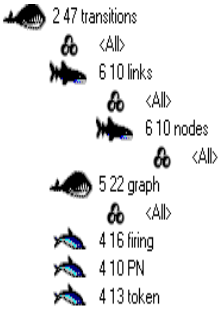

Рисунок 1

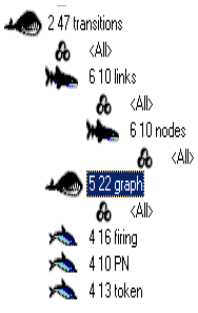

Рисунок 2

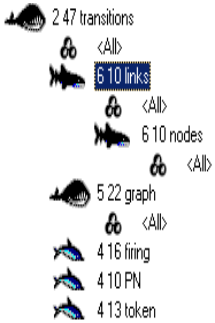

Рисунок3

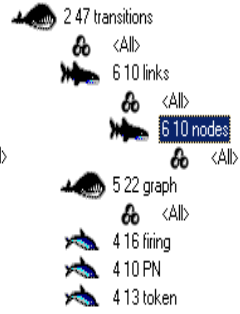

Рисунок 4

Для понятий ***nodes –links*** (Рисунок 4) выбираются предложения: *In event-based declarative models, we use a graph-based notation with **nodes** representing events (i.e., the state changes that occur when there is a particular kind of event detected) and **links** representing the relations between those events.Finite state machines (FSMs) can be represented as a graph in which the system's behavior is defined as a finite set of **nodes** (the model's states) and **links** between them (transitions between states). Models' states are defined as **nodes** in the graph, and transitions between states are represented by **links**.Figure 1.22 shows the execution of the PN in Figure 1.21, using a reachability tree, which contains one **node** per marking and one **link** per firing.that is, the vertices represent the state transition functions, and the **links** between **nodes** capture the scheduling of such events. Each **link** starts at the **node** performing the scheduling operation (which represents an event), and it ends at the **node** representing the event to be scheduled.*

Рассмотренные группы предложений создают ситуацию всестороннего осмысления анализируемого понятия в контексте данного НИД. Комплексное использование когнитивно-семантического машинно-ориентированного исследования позволяет достаточно полно анализировать НИД без существенных ограничений на его объем. Такой анализ, основан-

ный на смешанной когниции – комплексном взаимодействии когниции человека с потенциалом искусственного интеллекта, способствует повышению эффективности профессиональной коммуникации [1]. Становится также очевидным, что процесс формирования профессиональных коммуникативных компетенций целесообразно строить с учетом максимальной инструментализации основных познавательных и интерпретирующих процессов речемыслительной деятельности.

Литература

1. Котельникова Е.В. Актуализация и интерфейсная презентация смешанной когниции в межкультурной коммуникации/Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: материалы всероссийской конференции, 18 марта 2012 г. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. – С.15-19.
2. Макаров М.Д. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. - 280 с.
3. Gabriel A. Wainer. Discrete-Event Modeling and Simulation. A Practitioner's Approach/ Computational Analysis, Synthesis, and Design of Dynamic Models Series. Series Editor Piter Mosterman/ Natick, Conecticut/ 2009 by Taylor & Francis Group, LLC.
4. http://www.analyst.ru/ (Дата обращения 31.10.12)
5. http://www.atlasti.com/ (Дата обращения 31.10.12)
6. http://www.promt.ru/ (Дата обращения 31.10.12)
7. http://cnit.ssau.ru/iatp/work/budileva/glava_1_1.htm (Дата обращения 01.12.12)

© Котельникова Е.В., 2012

УДК 81'1

Кощанова А.Н.
г.Актобе (Казахстан)

ЖАЛПЫ ТІЛ БІЛІМІНДЕГІ АРНАУЛЫ САЛА ТІЛІНІҢ ЗЕРТТЕЛУІ ТУРАЛЫ

Тіл білімінде арнаулы лексика түрлі кезеңдерде зерттеуге алынып, тілші ғалымдар тарапынан ғылыми анықтамалар берілді. Жалпы терминологиялық лексиканы зерттеуде және оның қоғамдағы мәнін, маңызын анықтауда О.Вюстер, Х.Фельбер, К.Галинский, В.Недобиты, Г.Будин, Г.Рондо, С.Чаплыгин, Д.Лотте, Э.Дрезен, Г.Винокур, А.Реформатский, Л.Капанадзе, Л.Кутина, А.Герд, В.Лейчик, С.Гринев, В.Даниленко, О.Ахманова, Л.Дрозд, Я.Горецкий, М.Володин және т.б. ғалымдардың еңбектері зор.

ХХ ғасырдың екінші жартысына дейінгі уақытта терминші ғалымдар арнаулы тілдің лексикалық бірліктерін жеке-дара зерттеуге алу үрдісін

ұстанған болатын. Бірқатар ғалымдардың терминдер мен кәсіби сөздерді өзара байланыстырып, сабақтастырып қарастырғаны болмаса, негізінен, ғылыми немесе ғылыми-техникалық терминдерге көбірек көңіл бөлініп, кәсіби сөздер, кәсіби жаргонизмдер, диалектизмдер секілді лексикалық қабаттар жеке-жеке қарастырылып келген еді. Өткен ғасырдың соңынан бастап терминдер қатарының көбеюі мен терминжасам күрделенуіне орай арнаулы тілді кешенді түрде зерттеу өзекті болып отыр.

Тіл білімінде «арнаулы» термині латын тілінен баламаланып алынып, алғаш рет 1806 жылы Н.Яновскийдің зерттеу еңбектерінде орыс тілінде қолданылады.

Қазақ әдеби тілінің сөздігінде «арнаулы» сөзі грамматикалық тұлғасы жағынан сын есім деп көрсетіліп, бес түрлі мағыналық бағыты анықталған: 1. *Арналған, әдейі дайындалған, арнайы әзірленген*. Бар ма арнаулы күн маған, Мақсұтыма қол жетер. Жиюлы ойым тарқаған, шашыңменен теңесер (Ш.Құдайбердиев, Шығ.). 2. *Өзіндік, өзіне ғана тән.* Абай әр нәрсе туралы, ғылым-философияға сүйенген арнаулы көзқарасы, сыны бар қырағы, озғын азамат болып жекеленіп шығады (М.Әуезов, Әр жыл). 3. *Арнаулы бағытталған.* Тылдан бұларға арнаулы самолет жіберілді (Б.Соқпақбаев, Қайда.). 4. *Тиісті, арнайы*. Әзімхан Жоламан жақ көше басындағы көк шатырлы үйге, Ыбырайлар бұған әзірлеген арнаулы үйге келген (Д.Әбділов, Арман.). 5. *Мамандандырылған, салалық.* Араларында қыстығүні арнаулы курста оқып келген Гүлжан да бар (С.Ләмбеков, Әке жолы**)** [1, 638]. Ал «арнайы» үстеу деп танылып, үш түрлі мағыналық қолданысына нақты мысалдар берілген: 1. *Әдейі, арнап*. Абайдың үлкен әкелері жазғытұрым және күзді күні шәкірт балалары тоңбас үшін осы қоныстан арнайы там салдырған (К.Оразалин, Абай). 2. *Біреу үшін, әдейілеп*. Мұншама неге ыстық бала деген, Басына бесігінің бара берем. Жұмыстан қайтқанымда тым асығыс, Арнайы бір қуыршақ ала келем (І.Мәмбетов, Өсиет). 3. *Өз алдына, жеке-дара*. Жансерік пен Шәйгүл арнайы бір дастарқан жайды (Ж.Тұрлыбаев, Семсер) [1, 638].

Біздің ойымызша, қазақ тіліндегі «арнаулы мен «арнайы» сөзінің қолданылуындағы мағыналық ерекшеліктері мынадай мысалдардан анық көріне алады: *Саған **арнаулы** сыйлығым бар* деген жағдайда, тек қана жеке бір адамға тиесілі затты білдіреді, ал *саған **арнайы** келдім* деген кезде қимылдың ерекшелігіне мегзеп тұрады. Осыдан келіп шығатыны: «арнаулы» сөзі үдеріс субъектісі ретінде біреу немесе шектеулі ғана болғанда ғана қолданылып, «арнайы» сөзі тілімізде объекті мен үдерістің ерекшелігін, істің мақсаттылығын көрсету үшін пайдаланылатын тәрізді. Сол секілді қазақ тіл білімінде «арнаулы лексика», «арнаулы мақсаттар тілі», «арнаулы сала тілі» деген ұғымдар бар.

Ортақ мақсатқа жетуде қолданылатын арнаулы мақсаттар тілі туралы алғаш рет чех зерттеушісі Любомира Дрозд сөз еткен болатын. Арнаулы тіл

турасында зерттеуші «арнайы қызмет көрсету үшін алынған тіл» деп алып, ұлттық әдеби тілден өрбіген бағынышты тіл (подъязык) деген анықтама берген [2, 120].

Арнаулы лексикадан өзге бүгінгі таңда маман немесе белгілі бір өнер иесінің қажеттілігіне орай арнаулы мақсаттар тілінің қалыптасқандығы көрінеді. Бұл тілдің басты ерекшелігі – арнайы қызметке мақсатталуы, жалпы халық тілінен кәсіби деңгейде оқшаулығы, жалпы қолданыстағы тілге бағыныштылығы.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Қазақ әдеби тілінің сөздігі /он бес томдық/. Құрастырған Т.Жанұзақов, С.Омарбеков, Ә.Жүнісбек және т.б. –Алматы: Арыс, 2006.– 1-том. -752 б.
2. Дрозд Л. К проблеме лингвистической теории терминологии // Теоретические и методологические вопросы терминологии. Международный симпозиум. –1999. – С.120.

© Кощанова А.Н., 2012

УДК 801

Красильникова Л.В.
г. Ишимбай (Россия)

Антропоцентризм в современной лингвистике

Современная лингвистика характеризуется обращением к смежным наукам (психологии, логике, философии). Такой подход к изучению языка рассматривается в русле обшей тенденции всех гуманитарных наук, исследующих жизненные процессы, отталкиваясь от человека. Он предполагает исследование языка как средства общения в динамическом аспекте, в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью, что позволяет называть это направление в лингвистике антропологическим [1, с.71].

Исследователи рассматривают явления языка и речи в связи с духовными национальными ценностями народа, его культурой, мировоззренческими и ментальными особенностями, что доказывает приоритет антропоцентризма как научной парадигмы. Антропоцентризм, приобретший доминирующее значение в лингвистических исследованиях, определил новую модель постановки проблем и совокупности приемов их решения во всех областях знания, и в филологии в частности. Применение антропоцентрического подхода привело к появлению междисциплинарных исследований, в том числе коммуникативно-функциональных, гендерных, когнитивных и др. [2, с.42].

Ученые пришли к единому выводу о том, что за всеми научными

проблемами, с позиций какой бы науки они не рассматривались, стоит человек и его сознание. Так зарождается в большой науке *антропоцентрическая* парадигма научного знания, которая обращается к исследованию познавательных, мыслительных, ментальных или когнитивных процессов.

Антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, при этом язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей. Человеческий интеллект, как и сам человек, немыслим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. «Если бы язык не вторгался во все мыслительные процессы, если бы он не был способен создавать новые ментальные пространства, то человек не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого» [3, с.8]. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка.

Антропологическая лингвистика базируется на основных свойствах языка, его антропоцентризме и эгоцентризме. Антропоцентрическая сущность языка характеризует референциальную схему сферы человека, пространственную и временную ориентированность индивида, обусловливает специфику номинации предметов, событий и ситуаций. Эгоцентризмом языка признаётся центральная позиция «Я» - субъекта в процессе коммуникации с разноаспектным представлением говорящего в речевом акте [3, с.12].

Идею *антропоцентричности* языка в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Данная научная парадигма поставила новые задачи в исследовании языка, требует новых методик его описания, новых подходов при анализе его единиц и категорий. Проблема человеческого фактора в языке может быть, прежде всего, поставлена в плоскости «отражения мира» и признания активности субъекта при построении модели отражаемой действительности.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. - М.: Изд. Флинта, Наука, 2010. 210 с.
2. Зайнуллина Л.М. Общие проблемы лингвокультурологии. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. -208 с.
3. Красильникова Е.В. Функционирование концепта «Воля» в русском и английском языковом сознании. Уфа, 2010. - 24 с.

© Красильникова Л.В., 2012

УДК 8.81

Кубасова Э.Т., Яковлева Е.А.
г. Уфа (Россия)

Концепт ДЖАЗ: образы джаза в языковом сознании россиян

Концепт *джаз* начал формироваться в русской концептосфере совсем недавно: в 20-х годах XX века, и в настоящее время он значительно увеличил свою представленность в языковой системе русского языка, активно откликнувшуюся на появление нового направления музыки расширением лексико-семантического поля музыкальной сферы, ее ярким отображением в музыкальных и художественных текстах [3; 7].

Представление концепта *джаз* в языковом сознании россиян довольно многообразно и включает в себя как динамичные, так и статичные образы. В основе нашего исследования лежит методика Н.В. Павлович, касающаяся языка образов, при которой учитывается тот факт, что всякий образ входит в группу сходных с ним единиц и, следовательно, передает некий общий для них смысл – инвариант. Таким образом, каждый образ существует не сам по себе, а в ряду других – внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов – и вместе с ними реализует некий закон, модель, правило или парадигму [5, с.11-15]. Образы *джаза* в сознании музыкантов и других носителей русского языка выделяются посредством анализа метафорических реализаций их языковых воплощений. Весь массив образных признаков делится на семь групп: антропоморфные, биоморфные, витальные, признаки стихий, предметные признаки, мифологические признаки, квантитативные признаки и др. В целом метафорическое восприятие джаза в русской лингвокультуре представляют **38** выделенных моделей.

Джаз – это форма музыкального общения. В акте джазового исполнения, так же, как и в речевом, происходит проявление музыкальной, квазиречевой деятельности. Феномен джазовой игры представляет собой некое аристотелевское триединство (исполнитель + содержание + слушатель), то есть процесс порождения текста, охватывающий «говорение», или озвучение, слуховое восприятие, и понимание услышанного, включающее сенсорное воздействие звукового текста. Именно поэтому мы рассматриваем концепт *джаз* в речеведческом интерьере: **джаз → язык коммуникации→речь.** Их общность поддерживается соотнесенностью следующих параметров: 1) совместная речеведческая терминология: ***звук, метр, пауза, ритм, синтагма, синтаксис;*** 2) акустические термины: ***акцент, бемольность, высота звука, динамика, длительность, сила, сонорность, тембр, фальцет, форсирование*** (речь/звук); 3) банк графических знаков: ***нота, ключ, знак аллитерации, форте, пиано, аллегро*** и т.п.; 4) «интонационные» термины, связанные с эмоциональными фазами подъема, кульминации и спада: ***психоделический рок, музыкальная агрессия, блюзовые выкрики и стоны, комплекс***

громких и металлических звуков с аранжировками; 5) ритм как фундамент зарождения новых стилей и видов джаза – ***бит, драйв, пульс, свинг*** и т.д.

При описании образов *джаза* следует отметить, что для русской культуры специфична объективация этого направления через описание природных стихий: **огонь, вода, воздух, земля** стали устойчивыми образами для создания метафор.

Джаз→вода: языковые единицы данного семантического поля чаще всего вербализуют стили джаза – *В его игре поразительно сочетались нежная* ***волна*** *классического туше и мощный* ***поток*** *внутреннего свинга басовыми нотами;* ***прибой*** *Новоарлеанского джаза;* ***брызги*** *хот-нот* (стиль ‘хот-джаз‘); ***приливы и отливы*** *свинга; захлестывает звуковая* ***волна*** *соул-джаза*; *он* ***тонет в разливе*** *мейнстрима; блюзовый* ***родник***; ***захлестнула волна*** *рэгтайма; джазовое музыкальное* ***течение*** [http:// jazz-jazz. ru/].

Джаз→огонь: с помощью языковых репрезентантов описываются приемы исполнения джаза – ***Фейерверком*** *падают триоли музыканта*; *слушателей* ***зажег огненный*** *ритм гитариста* [http:// jazz-jazz. ru/].

Джаз→воздух: вербализация техники исполнения джаза – *Специфическая джазовая манера выдавать* ***раскаты*** *арпеджио*; ***вихрь*** *глиссандо характеризовал выступление рижской вокалистки Айно Балы*; ***буря*** *ауфтактов* (‘жест для вступления’) *для труб и тромбонов;* ***шквал*** *оркестрового тутти;* ***град*** *саксофоновых восьмушек;* ***обвеять*** *блюзовостью манеры игры музыканта;* ***вдохнуть*** *атональность гармонии; в кульминации* ***повеяло*** *модальностью; реприза приходит* ***прохладным и свежим воздухом****;* ***атмосфера,*** *предвкушающая джем-сейшн* [http:// jazz-jazz. ru/].

Для русского языкового сознания также характерно осмысление джаза через сенсорные чувства человека в моделях восприятия **температуры, света, цвета, вкуса.**

Джаз→температура: вербализация стилей джаза **–** ***хот*** джаз (‘*горячий*‘); ***кул*** джаз (‘*холодный*‘); ***огненно-жгучий*** форшлаг (‘прием игры’); ***обжигающий*** фьюжн*;* ***пламенное*** фламенко [http:// jazz-jazz. ru/].

Джаз→цвет: репрезентанты джазового производства – *Вокалист Арнольд Беседин* ***красочно*** *ввел сложную* ***палитру*** *музыкальных стилей в свое поппури*; ***разноцветье*** *мирового джаза;* ***черный*** свинг; ***голубой*** блюз; ***белый*** *джаз европейцев*. Кстати, само слово *blue* очень многозначно и расшифровывается как *голубой;* оно связано с английским *blue devils* (букв. *голубые дьяволы)* [http:// jazz-jazz. ru/].

Джаз→ткань (здесь явно слышны рефлексы термина *текст*): *В каждом отдельном эпизоде пьесы он находит характерную оркестровую* ***ткань****, оригинальные тембровые сочетания*; *Музыку, которая многими и сегодня воспринимается как истинный «****махровый****» джаз*; ***атласный*** ход*;* ***бархатное*** *соло саксофона;* ***шелковистый*** *шелест челесты; музыкант опе-*

вал её импровизационной ***вязью*** *флейты* [http:// jazz-jazz. ru/].

Образность музыкальных инструментов джаза весьма ярко представлена на примере его музыкального символа – **саксофона**.

Саксофон→живое существо: на основе метонимии саксофон наделялся антропоморфными и даже зооморфными чертами: *зато* ***обертоны его голоса*** *передавали* ***человеческие оттенки нежности, ликования или печали*** [9, с123]; *Саксофон его* ***рыдает, хохочет, визжит, умоляет, требует, издевается***, ***тело*** *его* ***изгибается, дергается, подпрыгивает*** [4, с.94].

Саксофон→политика (идеология): инструмент продолжительное время был политизирован и сопряжен с коммунистической идеологией. В официальной прессе, политически ангажированных текстах саксофон был признан ***символом*** американской культуры, ***идеологическим оружием,*** даже существовала ***эпоха разгибания саксофонов***. Эпитеты к слову *саксофон* (***буржуазный, американский, капиталистический***) демонстрировали отношение власти к этому инструменту: на саксофон ***охотились,*** его ***предавали анафеме***: *Сейчас это с трудом поддается осмыслению, но тогда* ***саксофон*** *был полностью изъят из отечественной музыкальной жизни как* ***символ американской культуры***, *как* ***главный инструмент основного идеологического оружия империализма- джаза*** [4, с.265-270].

Саксофон→ментальность: в официальном употреблении саксофон был под запретом, а в сознании музыкантов и любителей джаза вокруг него устанавливались почти мистические образы. Его одушевляли, сравнивали с мужской силой и т.п. Так, саксофону, как живому существу, приписывали «ментальные» действия, которые связаны в некоторых интерпретациях с понятиями *суждение, подозрение, понимание, осознание, предположение* и выражены глаголами ментального поля и речи: ***думать, развивать мысль, переговариваться***. Кроме того, музицирующему саксофону предписывается сложный «мыслительный» поиск своего «музыкального маршрута»: *Это действительно иногда похоже на импровизацию в джазе, когда, допустим, саксофон* ***начинает*** как будто бы ***думать вслух,*** *он словно* ***развивает какую-то мысль***, *то* ***уходя далеко-далеко*** *от первоистока, то снова к нему* ***приближаясь*** [10, с.88].

Саксофон→секс: в джазовых дискурсах педалировалась «сексуальность» саксофона, что было особо неприемлемо для официоза. Такой специфический семантический перенос значения связан с возможностью языковой игры со словом «секс», соотнесенным с названием музыкального инструмента: «***саксофон***» – «***сексофон***», чем, конечно, не преминули воспользоваться музыканты, подчеркивавшие чувственный характер игры исполнителя и звучание инструмента: *Есть в* ***саксофоне*** *нечто,* ***действующее безотказно на эмоциональный мир его "жертв"***; героиня фильма Мэрилин Монро «В джазе только девушки» утверждает: «*Перед парнем с тенор-саксофоном в руках* ***устоять невозможно!***» [http:// jazz-jazz. ru/]; ***Саксофо-***

нистка *Кэнди Далфер,* извергая потоки ***женского магнетизма*** *в своем альбоме "Саксуальность", доводит до белого каления мужчин* [1, с.118].

Саксофон→мифическое существо: иногда саксофон и музыкант преобразовывались в особое мифическое существо: *«**Человек-тромбон**» - и за этим нам уже рисовался какой-то определенный тип человека, «**человек-труба», «человек-саксофон**»* [9, с.68]; *Он держал в руках саксофон, **глупое, в общем, животное,** выдумка мастера, гибрид дерева и металла с куском пластмассы в придачу, да и по форме не самый совершенный, и клапы у саксофона не очень красиво вырастают из **тела**, и раструб, наверное, слишком резко вывернут…* [8, с.96].

Саксофон→второе «я»: литературные источники подтверждают особое отношение музыкантов к саксофону как к своему ***«альтер-эго»***: *Великий Паркер, к примеру, **клал его на ночь под подушку**, что, впрочем, не мешало ему постоянно терять саксофоны и забывать их в метро. Не менее великий Джон Колтрейн мог весь день напролет **бродить по дому с саксофоном в руках и безостановочно играть*** [2, с.261-270].

Таким образом, всестороннее исследование концепта *джаз* позволяет комплексно описать важную область русской музыкальной концептосферы, тематически связанную с джазом и выступающую, с одной стороны, как константа мировой музыкальной культуры, а с другой – как один из фрагментов русской языковой картины мира.

Литература

1. Барбан Е. Черная музыка, белая свобода / Е. Барбан. - СПб: Композитор. 2007. - 328 с.
2. Верменич, Ю. Джаз. История. Стили. Мастера / Ю. Верменич. - СПб.: Лань, Планета музыки, 2007.- 608 с.
3. Назайкинский Е.В. Музыкальное восприятие как проблема музыкознания // Восприятие музыки. - М., 1980. - 211с.
4. Козлов А. «Козёл на саксе» / А. Козлов. - М.: Вагриус, 1998. - 446 с.
5. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке/ Н.В. Павлович. – М., 1995.– 491с.
6. Портал Джаз. Ру: все о джазе по-русски: http:// jazz-jazz. ru/
7. Словарь джазовой терминологии / сост. Кубасова Э.Т.– Научный редактор Яковлева Е.А., д-р фил. н., проф. (БГПУ).– Уфа: Антаир, 2011.–56с.
8. Улицкая Л. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир. - 2000. - № 8 - 9.
9. Утесов Л. Спасибо, сердце. Всероссийское театральное общество / Л. Утесов. - М., 1976. - 119 с.
10. Эфрос А. Театр Анатолия Эфроса / А. Эфрос, - М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. - 464 с.

© Кубасова Э.Т., Яковлева Е.А., 2012

О НАШИХ АВТОРАХ

DR. PARIKSHAT SINGH MANHAS Associate Professor, School of Hospitality & Tourism Management (SHTM) & The Business School (TBS), University of Jammu, J&K, India
Абдиргазиева Айгуль Булекбаевна Магистрант Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова, Казахстан
Абдюкова Лейля Ахметовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Авакян Асия Альтафовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики УГАТУ, г. Уфа, Россия
Адилханова Марал Теңелқызы Магистрант Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова, Казахстан
Адясова Людмила Евгеньевна Аспирант Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского, Россия
Акаева Элеонора Вячеславовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия
Алборова Карина Елизбаровна Аспирант кафедры русского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова, г. Владикавказ, Россия
Алькенова Саяжан Николаевна Ассистент кафедры иностранных языков Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, Россия
Андреева Анна Вадимовна Магистрант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия
Андрианова Кристина Владимировна Литературный редактор ГУП ТРК «Башкортостан», аспирант факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Андронникова Полина Васильевна Студент факультета русской филологии и журналистики Елабужского института ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г.Елабуга, Россия

Анохина Светлана Загировна Кандидат филологических наук, старший преподаватель Уфимской государственной академии экономики и сервиса, г. Уфа, Россия
Арендарь Ольга Анатольевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Архипова Елена Владимировна Старший преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина», г. Мозырь, Беларусь
Афанасьева Галина Андреевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ахмедова Галина Хаджиевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Ахметжанова Раиса Нигматжановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Башкирского аграрного государственного университета, г.Уфа, Россия
Ахметова Нурлана Алымкуловна Доктор педагогических наук, профессор Синьцзянского педагогического университета, Урумчи, КНР
Аюпова Светлана Будимировна Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия
Баишева Зиля Вагизовна Доктор филологических наук, профессор кафедры прав человека и политико-правовых учений Института права Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Байбулатова Елена Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Магнитогорского государственного университета, г. Магнитогорск, Россия
Байбурина Римма Зигануровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД РФ, г.Уфа, Россия
Байгазакова Альбина Маратовна Соискатель кафедры иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Барановская Марина Евгеньевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Баринова Ирина Александровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, Россия
Басырова Фарида Амировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Батталова Айгуль Римнуровна Магистрант кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Баширова Маргарита Юрьевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия
Баядилова Шынар Саматовна Магистрант Актюбинского университета им. С.Баишева, Казахстан
Белоусов Константин Игоревич Доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного университета, Россия
Боднарук Елена Владимировна Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Северного (Арктического) федерального университета, г.Архангельск, Россия
Боранбаева Гульмира Тулкибаевна Магистрант Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова, Казахстан
Бутакова Лариса Олеговна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия
Валеева Розалия Ахатовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры документоведения и архивоведения ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан», г.Уфа, Россия
Вахитова Гузель Валериевна Кандидат филологических наук, ассистент кафедры делового иностранного языка и перевода Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

Виноградова Рената Ивановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Вусик Анна Леонидовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и славянской филологии Бердянского государственного педагогического университета, г.Бердянск, Украина
Газизов Рафаэль Аркадьевич Кандидат филологических наук, доцент ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Газизова Раида Фарвазовна Доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гайнаншин Мансур Фарвазович Ассистент кафедры иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Галинская Татьяна Николаевна Кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германских языков и методики преподавания иностранного языка ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет», г.Оренбург, Россия
Галич Галина Георгиевна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия
Гафарова Гюзель Валерьяновна Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Гильманова Гульназ Фаритовна Старший лаборант кафедры педагогики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Голайденко Лариса Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г.Уфа, Россия
Голикова Татьяна Александровна Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, профессор кафедры русского языка и издательского дела Российского нового университета, г. Москва, Россия

Гордеева Ольга Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия
Горобец Виктория Юрьевна Старший преподаватель кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Давлетова Ярослава Александровна Кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Давлетшина Лейсан Рустамовна Аспирант ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Даулетова Динара Даулетовна Магистрант Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова, Казахстан
Даутова Гузяль Хайриваровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры ГиСЭД ИФ УГАТУ, г. Ишимбай, Россия
Дзюба Наталия Валериевна Преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина, г.Мозырь, Беларусь
Дуброва Юлия Юрьевна Аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ, г.Москва, Россия
Евдокимова Елена Викторовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Егорова Виолетта Оганджановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского городского педагогического университета, г.Москва, Россия
Ермакова Ольга Михайловна Преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина, г.Мозырь, Беларусь
Жданова Яна Андреевна Ассистент кафедры иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Башкирского госуниверситета, г.Уфа, Россия

Журдо Анастасия Викторовна Преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина, г.Мозырь, Беларусь
Зайнуллина Лилия Маратовна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Башкирского госуниверситета, г.Уфа, Россия
Закирьянов Кабир Закирьянович Доктор педагогических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зарипова Ильмира Фаргатовна Кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зиганшина Гульнара Хамзиевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Башкирского госуниверситета, г.Уфа, Россия
Ибрагимова Венера Латыповна Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания БашГУ, г.Уфа, Россия
Имамутдинова Флюра Ришатовна Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД РФ, г.Уфа, Россия
Исакова Сабира Сагынбековна Доктор филологических наук, профессор Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова, Казахстан
Искандерова Гульнара Фанзиловна Учитель английского языка МОБУ лицей №4 г.Давлеканово, Башкортостан, Россия
Ичкинеева Дилара Ахметовна Кандидат филологических наук, ассистент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», г.Оренбург, Россия
Ишмуратова Людмила Мингазовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишмуратова Лидия Наимьяновна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Ишмуратова Сулпан Рамилевна
Аспирант кафедры русской филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Кабирова Гульнур Ураловна
Соискатель кафедры иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Калиев Байынкол Калиевич
Доктор филологических наук, профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, г. Алматы, Казахстан

Калимуллина Гульсина Улфатовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Калимуллина Лариса Айратовна
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Калинина Алевтина Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания Марийского государственного университета, г.Йошкар-Ола, Россия

Калугина Юлия Владимировна
Ассистент Башкирского государственного аграрного университета, г.Уфа, Россия

Каримова Забира Сагитовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Каримова Лилия Наилевна
Преподаватель английского языка ГБОУ СПО Уфимский педагогический колледж №1, г.Уфа, Россия

Каримова Роза Ахметовна
Доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Каримова Римма Хатиповна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г.Стерлитамак, Россия

Касымова Ольга Павловна
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Кильдибекова Танзиля Асхатовна Доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Клинк Евгения Игоревна Аспирант, ассистент кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета, г.Барнаул, Россия
Кобяков Юрий Филиппович Кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия
Колоколова Лидия Петровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, стилистики и журналистики Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г.Стерлитамак, Россия
Комов Олег Владимирович Преподаватель Коммунального высшего учебного заведения «Донецкий педагогический колледж», г.Донецк, Украина
Королева Дарья Борисовна Преподаватель кафедры романских языков Томского государственного университета, г.Томск, Россия
Кортунова Екатерина Владимировна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Котельникова Евгения Владимировна Ассистент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Ростовского государственного экономического университета «РИНХ», г. Ростов-на-Дону, Россия
Кощанова Айнур Нурасыловна Магистрант Актюбинского университета им. С.Баишева, Казахстан
Красильникова Елена Владимировна Кандидат филологических наук, преподаватель английского языка Ишимбайского нефтяного колледжа, г.Ишимбай, Россия
Кубасова Эльвира Тимеровна Преподаватель Уфимского топливно-энергетического колледжа, г.Уфа, Россия
Кузнецова Евгения Вячеславовна Студент УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина», г. Мозырь, Беларусь
Курочкина Татьяна Авраамовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Петрасюк Наталья Сергеевна Магистрант Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия
Русецкая Инна Валерьевна Преподаватель УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина», г. Мозырь, Беларусь
Садыкова Найля Альбертовна Аспирант кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Силиванец Ангелина Владимировна Кандидат филологических наук, доцент Башкирского института физической культуры (филиал) Уральского государственного университета физической культуры, г.Уфа, Россия
Скуденкова Елена Евгеньевна Старший преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина, г.Мозырь, Беларусь
Тимирханов Валентин Рахимович Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Титовец Максим Николаевич Выпускник УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И.П.Шамякина», г. Мозырь (Беларусь)
Убийко Вера Ивановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Унгарбаева Гульмира Ибрагимовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Актюбинского государственного университета им. К.Жубанова, Казахстан
Халикова Динара Робертовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД РФ, г.Уфа, Россия
Яковлева Евгения Андреевна Доктор филологических наук, профессор Института педагогики ФГОУЦ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акмуллы», г.Уфа, Россия

С О Д Е Р Ж А Н И Е

DR. PARIKSHAT SINGH MANHAS Brand Building through Quality Service in Higher Education: A Case study of Tourism and Hospitality Education in India	3
Абдиргазиева А.Б., Унгарбаева Г.И. Роль паремиологических средств в формировании толерантной личности	12
Авакян А.А. Содержание и смысл в модели понимания текста	16
Адилханова М.Т. КӘСІПТІК ОҚУ ОРЫНДАРЫНДА ҚАЗАҚ ТІЛІН ОҚЫТУДЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІ	19
Адясова Л.Е. Прецедентный феномен «распад СССР» в медийном дискурсе	23
Акаева Э.В. Речевое поведение врача-исследователя в ситуации медицинской конференции	27
Алборова К.Е. Эмоционально-экспрессивные средства коммуникации в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева	31
Алькенова С. Н. Сопоставление подражательных лексем английского и казахского языков с точки зрения графотактики и фонотактики	35
Андрианова К.В. Стратегии и тактики вербального и невербального воздействия в передаче М. Шевченко «В контексте» 27 июня 2012 г.	39
Андронникова П.В. Антиномия *чудик – античудик* в рассказах В.М. Шукшина: семантико-функциональный аспект	45
Анохина С.З. Категория объекта в когнитивном освещении	49
Арендарь О. А. Категории языка в коммуникативном аспекте	52
Архипова Е.В., Кузнецова Е.В. Особенности речевого акта запрещения и средства его выражения в английском языке	53
Архипова Е.В., Русецкая И.В., Титовец М.Н. О некоторых особенностях английского военного жаргона	54

Афанасьева Г.А. К вопросу об использовании фоновых знаний в обучении иностранному языку	55
Ахмедова Г.Х. Построение процесса обучения чтению научной литературы	57
Ахметжанова Р.Н. Риторический дискурс в системе подготовки современного специалиста	59
Ахметова Н.А. Использование мультимедиа технологий в обучении РКИ китайских студентов вне языковой среды	62
Аюпова С.Б. Роль однородных членов предложения в формировании категории пространства в языковой художественной картине мира М.А. Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита»)	66
Аюпова С. Б., Петрасюк Н.С. Словообразовательные модели как средство концептуализации пространства в языковой художественной картине мира романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	70
Баишева З.В. Интерактивные методы обучения судебному красноречию	74
Байбулатова Е.Н. Метафорическая модель с компонентом “ДУША” в режиссерском дискурсе	78
Байбурина Р.З., Халикова Д.Р. Концептуальная и языковая картины мира в процессе моделирования объективной действительности	82
Байгазакова А.М. О парадоксах в межкультурной коммуникации	86
Барановская М.Е., Курочкина Т.А. Принципы работы памяти при обучении лексике на занятиях по английскому языку	87
Баринова И.А. О роли «базовых» текстов в процессе коммуникации	90
Басырова Ф.А. Обучение профессиональной коммуникации: термины, навыки или стиль английского языка?	93
Батталова А.Р. Вербально-смысловые изоглоссы концепта *любовь* в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»	98

Баядилова Ш.С. Қазақ-ағылшын мақал-мәтелдерінің этнолингвистикалық сипаты	103
Белоусов К.И. Онлайн-модели когнитивной деятельности лингвиста (на материале тематического анализа текста)	106
Боднарук Е.В. Семантика форм будущего времени	110
Боранбаева Г.Т., Унгарбаева Г.И. Концепт «душа»/«жан» в русском и казахском языках	114
Бутакова Л.О., Андреева А.В. Деловая коммуникация сквозь призму оценочной интерпретации текстов методических рекомендаций	118
Валеева Р.А. Когнитивный аспект управленческой коммуникации	128
Вахитова Г. В. Исследование языковых средств передачи экспрессивности во внешней организации юридического текста	132
Виноградова Р.И. Полифункциональность глагольных аффиксов в современном немецком языке	135
Вусик А.Л. Роль знаковых систем в цветных революциях: социолингистический аспект	137
Газизов Р.А. Тематические табу в речевом общении немцев	141
Газизов Р.А., Искандерова Г.Ф. К вопросу о статусно-ролевых характеристиках коммуникантов	145
Газизова Р.Ф., Силиванец А.В. Когнитивная база лингвокультурологического аспекта характеризации человека	149
Гайнаншин М. Ф. Синергетический аспект анализа английского экономического масс-медийного дискурса	152
Галинская Т.Н. Корпусное исследование образа мира языковой личности политического деятеля	156
Галич Г.Г. Когнитивные стратегии: на пути к определению объекта лингвистического описания	160
Гильманова Г.Ф. Этикет как коммуникативная технология	163

Голайденко Л.Н. Особенности функционирования в художественной прозе прилагательных с актуализированной семой памяти / воспоминания	165
Голикова Т.А. Специфика адаптации русских личных имен в языках народов России	169
Гордеева О.Н., Баширова М.Ю. О некоторых особенностях ассертивных высказываний в научном дискурсе	173
Горобец В.Ю., Горобец А.К. К вопросу о категории модальности	176
Давлетова Я.А. Метод «встречного текста» как инструмент исследования языкового сознания	178
Давлетшина Л.Р. Неэтичные эмоции в реализации грубости	183
Даулетова Д.Д. О понятии «концепт» в русском и казахском языкознании	186
Даутова Г.Х. Роль доминирующих компонентов в формировании текста	190
Дзюба Н.В., Скуденкова Е.Е. Стилистические средства создания образа женщины в рекламе глянцевых журналов	192
Дуброва Ю. Ю. Институциональность военного дискурса	194
Евдокимова Е.В., Тимирханов В.Р., Убийко В.И., Батталова А.Р. Когнитивно-эйдетические аспекты изучения творчества семьи Аксаковых	198
Егорова В.О. Грамматические средства выражения эмоционального значения (на материале немецкого, английского и русского языков)	208
Ермакова О.М. Эффективность использования приема драматизации при обучении интонационному оформлению высказывания	212
Жданова Я.А. Гендерные различия в коммуникации	214
Жудро А.В. Механизм выбора фокуса эмпатии в предложениях физического воздействия	215
Зайнуллина Л.М. Специфика функционирования бизнес-блогов в Интернете	217

Закирьянов К.З. Перевод в речевой деятельности билингва	219
Зарипова И.Ф. Полупредикативность как средство неприсловной связи слов	224
Зиганшина Г. Х. Аспекты исследования концепта «характер человека»	228
Ибрагимова В.Л. Уровни актуализации актантной семантики глагола	232
Имамутдинова Ф.Р. Реализация когнитивной функции языка в речевой деятельности	234
Исакова С.С. Фразеологизмы с компонентом чисел (на материале казахского и французского языков)	238
Ичкинеева Д.А. Проявление полезависимости / поленезависимости эксперта в процессе осуществления тематического анализа текста	246
Ишмуратова Л.М. Лингвострановедческий подход к обучению иностранным языкам	248
Ишмуратова Л.Н. Семантико-этимологический анализ лексических единиц со значением «человек» в русском языке	250
Ишмуратова С.Р. Речевое поведение с позиций статусно-ролевого взаимодействия	254
Кабирова Г.У. К вопросу о компетенциях языковой личности	255
Калиев Б.К. ҚАЗАҚ ТІЛ БІЛІМІНІҢ КОНЦЕПТІЛІК ҚҰРЫЛЫМДАРЫ	257
Калимуллина Г.У. Структурно-синтаксические модели предложений в русском и татарском языкознании	262
Калимуллина Л.А. Современные когнитивные теории эмоций как основа лингвистического описания категории эмотивности	265
Калинина А.А. Коммуникативный аспект категории утверждения/отрицания	269
Калугина Ю.В. Медиатекст online формата vs offline формата	273
Каримова З.С. Изучение фразеологизмов в рамках когнитивных сфер (на материале прозы А. Гилязева)	276

Каримова Л. Н. Изменение семантического типа предиката как средство образования фразеологических единиц в английском языке	278
Каримова Р.А. Речевая ситуация как потенциал устного дискурса	282
Каримова Р.Х. Имена деятелей в содержании концепта «труд» (на материале английского и немецкого языков)	285
Касымова О.П., Садыкова Н.А. Эргонимы как реализация тактики саморекламы в институциональном дискурсе (на примере г. Уфы)	290
Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В., Абдюкова, Л.А. Функционально-когнитивная систематизация лексики как основа дискурсивной деятельности	293
Клинк Е.И. К вопросу об основаниях коммуникативного моделирования PR-жанров	297
Кобяков Ю.Ф. Средства аргументации в немецком политическом дискурсе	300
Колоколова Л.П. Функционально-когнитивные сферы в макроконцепте «Жизнь человека»	304
Комов О.В. Лексические особенности мужской и женской украинской речи (компьютерный дискурс)	308
Королева Д.Б. Интерактивная доска как средство повышения эффективности обучения иностранным языкам	312
Кортунова Е.В. К вопросу об истории формирования и развития свободного ассоциативного эксперимента	316
Котельникова Е.В. Когнитивно-семантический машинно-ориентированный анализ научно-инновационного дискурса	319
Кощанова А.Н. ЖАЛПЫ ТІЛ БІЛІМІНДЕГІ АРНАУЛЫ САЛА ТІЛІНІҢ ЗЕРТТЕЛУІ ТУРАЛЫ	323
Красильникова Л.В. Антропоцентризм в современной лингвистике	325
Кубасова Э.Т., Яковлева Е.А. Концепт ДЖАЗ: образы джаза в языковом сознании россиян	327

ДЛЯ ЗАМЕТОК